В. В. Сиповскій.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ
ПО ИСТОРІИ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Томъ I.—Вып. II.

(РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА съ XI до XVIII в.)

Изданіе пятое.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°.
1910.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ХРЕСТОМАТІЯ

ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ **В. В. СИПОВСКІЙ.**

Т. I, вып. 2-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА съ XI до VIII в.

ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ „ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ" ТОГО ЖЕ АВТОРА Ч. I, ВЫП. II.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

1-е изд. было допущено Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. въ качествѣ учебнаго пособія въ среднеучебныя заведенія Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія книга эта допускается и въ учебн. завед. Вѣд. Императрицы Маріи Θеодоровны и учебн. заведенія Мин. Торговли и Промышленности.

Цѣна въ переплетѣ 90 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°.
1910.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Кавалергардская, 40.

Предисловіе ко 2 изд.

Выпуская нынѣ свою „**Историческую хрестоматію**“ вторымъ изданіемъ, въ значительно пополненномъ и исправленномъ видѣ, я приношу свою благодарность всѣмъ тѣмъ, кто устно, письменно или въ печати сдѣлалъ указанія на промахи моего перваго изданія.

Въ новомъ изданіи я ввелъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ (напр. сочиненія Котошихина, отрывки изъ Стоглава, изъ сочиненій протопопа Аввакума, Хожденіе Аѳанасія Никитина); нѣсколько наиболѣе важныхъ памятниковъ представлено также *въ русскомъ переводѣ* („Поученіе Владимира Мономаха“, „Слово о Полку Игоревѣ“). Кромѣ словаря, приложилъ я къ своей хрестоматіи — и *примѣчанія*, облегчающія пониманіе важнѣйшихъ памятниковъ нашей древней письменности („Слово о Полку Игоревѣ“, „Хожденіе игумена Даніила“, „Лѣтопись Нестора“, „Поученіе Владимира Мономаха“).

Оглавленіе.

Евангеліе по Остромирову списку, 1056—1057 гг.

В. Сиповскій. Исторія Русской Словесности, ч. I, вып. 2, стр. 23.

Послѣсловіе. Слава тебѣ, гӣ црю нб҃сьнꙑи, ꙗко сподоби мѧ написати еѵлие се. почахъ же е писати въ лѣ ҂ѕ. ф. ѯд, а оконьчахъ е въ лѣ ҂ѕ ф. ѯе. Написахъ же еѵлие се рабоу бж҃ию нареченоу сѫщоу въ крщении иосифъ, а мирьскꙑ остромиръ, близокоу сѫщоу изѧславоу кънѧзоу. изаславоу же кънѧзоу тогда прѣдрьжащоу обѣ власти, и оца своѥго ꙗрослава, и брата своего володимира. самъ же изѧславъ кънѧзь правлꙗаше столъ оца своего ꙗрослава кыѥвѣ, а брата своего столъ поручи правити близокоу своемоу остромироу новѣгородѣ. Мънога же лѣ дароуи бъ сътѧжавъшоумоу еѵлие се на оутѣшение мънограмъ дшамъ крстиꙗньскамъ. даи ѥмоу гь бъ блние стхъ еванглистъ иоана, маѳеа, лоукꙑ, мар, и стхъ праоць авраама и ісаака, и іакова, самомоу ѥмоу и подроужию его ѳеофанѣ и чѧдомъ ѥю и подроужиемь чѧдъ ѥю. съдравьствоуите же мънога лѣ, съдрьжѧще пороучение свое. аминъ.

Азъ григории дикаконъ написахъ еѵлие е. да иже горазнѣе сего напише, то не мози зазьрѣти мьнѣ грѣшьникоу. Почахъ же писати мца октѧ. ка. на памѧ илариона, а оконча мца маиꙗ въ.ві. на па епифана. Молю же вьсѣхъ почитаѭщихъ, не мозѣте клѧти, нъ исправльше почитаите. Тако бо и стꙑ аплъ паулъ глеть: Блте, а не кльнѣте. аминъ.

Чтеніе въ день Пасхи (Іо. 1, 1—17). Искони бѣ слово, и слово бѣ отъ ба и бъ бѣ слово. се бѣ искони оу ба. и тѣмь вса бꙑша, и без него ничьтоже не бꙑсть, ѥже бꙑсть. въ томь животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ чловѣкомъ. и свѣтъ въ тьмѣ свьтитьсѧ, и тьма ѥго не обѧтъ. бꙑсть члвкъ посъланъ отъ ба, имѧ ѥмоу, иоанъ. тъ приде въ съвѣдѣтельство,

да съвѣдѣтельствоуѥть о свѣтѣ, да вьси вѣрѫ имѫть имъ. не бѣ тъ свѣтъ, нъ да съвѣдѣтельствоуѥть о свѣтѣ. бѣ свѣтъ истиньнꙑи иже просвѣщаѥть в'сꙗкого члка, грѧдѫща въ миръ. въ мирѣ бѣ, и миръ тѣмь бꙑсть, и миръ ѥго не позна. въ своꙗ приде, и свои ѥго не приꙗшѧ. ѥлико же ихъ приѩтъ и, дасть имъ область чѧдомъ бжиѥмъ бꙑти, вѣроуѭщемъ въ имѧ ѥго. иже ни отъ крови, ни отъ похоти плъть кꙑѩ, ни отъ похоти мѫжьскꙑ, нъ отъ ба родишѧсѧ. и слово плъть бꙑсть, и въселисѧ въ нꙑ, и видѣхомъ славѫ ѥго, славѫ ꙗко ѥдиночѧдааго отъ оца, испълнь благодати и истинꙑ. иоанъ съвѣдѣтельствова о немь и възъва глѧ: сь бѣ, ѥго же рѣхъ, грѧдꙑи по мънѣ, прѣдъ мъноѭ бꙑсть, ꙗко пьрвѣи мене бѣ. и отъ испълнѥниꙗ ѥго мꙑ вьси приꙗхомъ благодать ꙗко законъ мосеомь данъ бꙑсть, благодать и истина іс хмь бꙑсть.

Въ воскресенье третьей недѣли по Пасхѣ (Марк. 15, 43—47; 16, 1—8). Въ врѣмѧ оно приде иѡсифъ отъ аримаѳеꙗ, благообразьнъ съвѣтьникъ, иже и тъ бѣ чаꙗ цесарьствиꙗ бжиꙗ, и дьрзнѫвъ въниде къ пилатоу, и проси тѣлесе исоусова. пилатъ же дивисѧ, аще оуже оумьрѣтъ. и призъвавъ сътьника, въпроси: аще оуже оумьрѣтъ; и оувѣдѣвъ отъ сътьника, дасть тѣло иѡсифови. и коупль плащаницѫ, и сънѧмъ, обитъ и въ плащаницѫ, и въложи и въ гробъ, иже бѣ исѣченъ отъ камене, и привали камень на двьри гробоу. мариꙗ же магъдалꙑни и мариꙗ иѡсеова зьрѣаста, къде и полагааху. И минѫвъши сѫботѣ, мариꙗ магъдалꙑни и мариꙗ иꙗковлꙗ и саломии коупиша ароматꙑ, да пришьдъше помажѫть исоуса. и зѣло заоутра въ ѥдинꙑи сѫботꙑ придоша на гробъ, въсиꙗвъшоу слъньцю. и глаголаахѫ къ себѣ: кто отъвалить намъ камень отъ двьрии гробоу; и възьрѣвъшѧ, видѣшѧ, ꙗко отъвалѥнъ бѣ камень; бѣ бо великъ зѣло. и вълѣзъшѧ въ гробъ, видѣшѧ ѭношѫ сѣдѧщь одеснѫѭ ихъ, одѣнъ въ одеждѫ бѣлѫ, и оужасошѧсѧ. онъ же глагола имъ: не оужасаитесѧ: исоуса ищете назарꙗнина распѧтаго; въста, нѣсть сьде; се мѣсто идеже положишѧ и. нъ идѣте и рьцѣте оученикомъ ѥго и петрови, ꙗко варꙗѥть вꙑ въ галилеи; тоу и видите, ꙗкоже рече вамъ. и отъшьдъшѧ, бѣжашѧ отъ гроба; имѣше же ѩ трепетъ и оужасъ; и никомоу же ничьсо же не рѣшѧ: боꙗахѫ бо сѧ.

Въ навечеріе Рождества Христова, дек. 24 (Лук. 2, 1—20). Въ дьни онꙑ изиде повелѣниѥ отъ кесара аугоста, написати вьсѫ вьселѥнѫѭ. се написаниѥ пьрвоѥ бꙑсть владѫщоу сѵрнѥѭ куриниоу, и идѣахѫ вьси написатъсѧ къжьдо въ свои градъ. възиде же иосифъ отъ галилеа, из

града назареѳьска, въ иоудеѭ, въ градъ давъідовъ, иже нарицаѥтьсѧ виѳлеемъ, занѥже бѣаше отъ домоу и отъ отьчьствиꙗ дв҃два, написатисѧ съ мариѥѭ обрѫченоѭ ѥмоу женоѭ, сѫщеѭ непраздьноѭ. бъість же, ѥгда бъіста тоу, испльнишѧсѧ дьниѥ родити ѥи; и роди с҃нъ свои пьрвѣньць, и повитъ ѥго, и положи и въ ꙗслехъ, заниѥ не бѣ има мѣста въ обитѣль. и пастоуси бѣахѫ въ тои же странѣ, бъдѧще и стрѣгѫще стражѫ нощьнѭѭ о стадѣ своѥмь, и и се анг҃лъ г҃нь ста оу нихъ, и слава г҃нꙗ осиꙗ ѩ; и оубоꙗшѧсѧ страхъмь велиѥмь. и рече имъ анг҃лъ: не боитесѧ; се бо благовѣстоуѭ вамъ радость великѫ, ꙗже бѫдеть вьсѣмъ людьмъ: ꙗко родисѧ вамъ дьньсь сп҃съ, ѥже ѥсть х҃ъ г҃ь, въ градѣ давъідовѣ. и се вамъ знамениѥ: обрѧщете младеньць повитъ, лежѧщь въ ꙗслехъ. и вънезаапѫ бъість съ анг҃ломъ мъножьство вои н҃бсьнъіихъ хвалѧщиихъ б҃а и г҃лѭщиихъ: слава въ въішьнихъ б҃оу и на земли миръ, въ чл҃вцѣхъ благоволѥниѥ, и бъість, ꙗко отидошѧ отъ нихъ на н҃бо анг҃ли, и ч҃лци пастоуси рекошѧ дроугъ къ дроугоу: прѣидѣмъ оубо до виѳлеема, и видимъ г҃лъ сь бъівъшии, иже г҃ь съказа намъ. и придошѧ подвигъшесѧ, и обрѣтошѧ мариѭ же, иосифъ и младеньць лежѧщь въ ꙗсльхъ. видѣвъше же съказашѧ о г҃лѣ, г҃ланѣемь о отрочѧти семь, и вси слъішавъше дивишѧсѧ о г҃ланъіхъ отъ пастоухъ къ нимъ. мариꙗ же вьсѧ съблюдааше г҃лъі си, сълагаѭщи въ ср҃дци своѥмь. и възвратишѧсѧ пастоуси, славѧще и хвалѧще б҃а о вьсѣхъ, ꙗже слышашѧ и видѣшѧ, ꙗкоже г҃лано бъість къ нимъ.

Изборникъ Святославовъ 1073 г.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 37—38.

Изъ статьи: С҃тааго ѥпифаниꙗ о вı камъікоу, иже бѣахоу на логии свѧтителевѣ насаждані.

Оуакинѳъ акъі ѭчрьмьнь ѥсть, обрѣтаѥть же сѧ въ оутрьнии варъварии сюриисцѣи, скоуѳиѭ же ѭ нарицаѭть ветъсии, страноу тоу вьсѫ сѣверьскоуѭ, иже соуть гоѳѳи и давьнис. да тоу оубо въ ѫтрь въ поустыни великъıꙗ скоуѳиѭ ѥсть дъбрь, зѣло глубока и человѣкомъ невъходьна, стѣнами камѧнами обоѭдоу оградивъшисѧ; да тѣмь съ горъі приникъшоу комоу любо акъі съ стѣнъ не мошти дозьрѣти дьна дъбри тои, нъ отъ глоубины મракъ ѥсть, акъі пропасть нѣкаꙗ посъılаѥмии же отъ ближьниихъ тоу цѣсарии осоужденици нудьми заклавъше, агньца и одьравъше, съмештѫть съ

горꙑ отъ камениꙗ въ пропасть дъбри тоꙗ. и прилипать камені'ѥ на мѣстѣхъ тѣхъ. орьли оубо, въ камений томь живоуще, на вонѫ мѧсьноуѭ съходѧть и възносѧть агнѧта съ льпѧщемь камени'ѥмь. и 'ѥгда изѣдѧть мѧса, канени'ѥ оста'ѥть на врьхоу горꙑ. осоужденици же, смотривъше, къде възносѧть орлꙑ мѧса, идоуть, и тако приносѧть камени'ѥ. имоуть же дѣйство сице. намештемъ бо на оугли огньнꙑꙗ, сами не врѣждѧѭтьсѧ, нъ оугли оугашаѭть [1]). не тъчьѭ же... възьмь нѣкъто камꙑкъ и обивъ въ понѧвицѫ нѣкѹ и дрьжѧ роукоѭ надъ оугльми, самъ отъ огнѧ роукоу си ижьжеть, понѧвицѧ же без врѣда съ проста прѣбыва'ѥ. глють же и раждаѭштиимъ женамъ на потрѣбоу 'ѥсть.

Изъ статьи: Георьгиꙗ хоуровьска о образѣхъ.

Инословн'ѥ оубо ѥсть ино нѣчто глюшти, а инъ разоумъ оуказаѭшти, ꙗкоже 'ѥже ѥ речено отъ бга къ змий: проклѧта тꙑ и отъ всѣхъ звѣрий. слово бо акꙑ змий ѥсть, на диꙗвола же инорѣчьнѣ змь'ѥмь нарицаѥма разоумѣва'ѥмъ.

Прѣводъ же 'ѥсть слово отъ иного на ино прѣводимо, имать же образꙑ четꙑри. или бо отъ сѫдшьнꙑихъ на несѫдоушьнаꙗ прѣводитьсѧ, или отъ несѫдшьнꙑихъ на сѫдшьнаꙗ. отъ сѫдоушьнꙑихъ оубо на сѫдоушьнаꙗ, ꙗкоже се кто црѧ пастоуха наричеть людьмъ: пастоухъ бо истово'ѥ овьчий ѥсть; оба же ѥста сѫдоушьна, и цѣсарь, и овьчий пастоухъ. отъ бездоушьнꙑихъ же на бездоушьнаꙗ, ꙗкоже се кто, оугль съкрꙑвъ въ пепелѣ, гле: сѣмѧ огньно'ѥ сънабъдѣвъсѧ. или речеть: многъ излива'ѥтьсѧ из дрѣва пламꙑ: 'ѥже бо лиꙗтисѧ мокриимъ сълоучѧ'ѥтьсѧ. отъ сѫдоушьнꙑихъ на бездоушьнаꙗ, ѥгда кто вꙑсотоу горьнѧѭ врьхъ или главоу соущѧ нарица'ѥ. врьхъ бо и главоу о сѫдоушьнꙑихъ истъво'ѥ нарицаѥть. отъ бездоушьнꙑихъ же на сѫдоушьнаꙗ, ꙗкоже се речено 'ѥ: море видѣ и бѣжа. 'ѥже бо видѣти о сѫдшьнꙑихъ истово'ѥ глетьсѧ.

---

[1]) Гіацинтъ—красноватаго цвѣта, находятъ его во внутрепней Варваріи Сирійской; древніе называютъ Скифіей всю эту сѣверскую область, гдѣ живутъ Готѳы и Давпы. Тамъ среди пустыни великой Скиѳіи есть пропасть, очень глубокая и недоступная для людей, отовсюду огражденная каменными утесами; если сверху, словно со стѣнъ, нагнуться и смотрѣть внизъ, то дна пропасти не видно, а въ глубинѣ мракъ, какъ въ какой нибудь безднѣ. Сосѣдніе владѣтели насильно посылаютъ туда осужденныхъ преступниковъ (добывать гіацинтъ); тѣ закалываютъ ягнятъ, обдираютъ шкуру и бросаютъ мясо въ пропасть съ каменныхъ утесовъ. Тамъ драгоцѣнные камни прилипаютъ къ мясу, а орлы, живущіе въ этихъ горахъ, спускаются на запахъ мяса и выносятъ наверхъ ягнятъ съ прилипшими каменьями; когда они съѣдятъ мясо, камни остаются наверху горы. Преступники же наблюдаютъ, куда таскаютъ мясо орлы, идутъ и такимъ образомъ приносятъ каменья. Гіацинтъ обладаетъ такимъ свойствомъ, что, если его бросить на раскаленные уголья, онъ самъ не повреждается, но угашаетъ угли [Переводъ взятъ изъ книги: Алферовъ и Грузинскій „Допетровская литература“].

Изборникъ Святославовъ 1076 г.

О чтеніи книгъ. Добро ѥсть, братиѥ, почитаньѥ книжьноѥ паче вьсѧкомоу хрьстьꙗноу; блажени бо, рече, испꙑтающтии съвѣдѣниꙗ ѥго, вьсѣмь ср҃дцьмь възиштють ѥго. чьто бо рече: испꙑтающтеи съвѣдѣниꙗ ѥго; Ѥгда чьтеши книгꙑ, не тъштисѧ бързо иштисти до дроугꙑꙗ главизнꙑ, нъ поразоумѣи, чьто гл҃ють книгꙑ и словеса та, и тришьдꙑ обраштаꙗсѧ о ѥдинои главизнѣ. рече бо: въ сьрдьци моѥмь съкрꙑхъ словеса твоꙗ, да не съгрѣшѫ тебѣ. Не рече: оустꙑ тъчью изгл҃ахъ, нъ и въ сьрдьци съкрꙑхъ, да не съгрѣшѫ тебѣ. и поразоумѣваꙗ оубо истиньнѣ писаниꙗ правимъ ѥсть ими. рекоу же: оузда коневи правитель ѥсть и въздьржаниѥ; правьдьникоу же книгꙑ. Не съставить бо сѧ корабль без гвоздии, ни правьдникъ бес почитаниꙗ книжьнааго: и ꙗкоже плѣньникомъ оумъ стоить оу родителъ своихъ, тако и правьдникоу о почитаньи книжьнѣмь. красота воиноу ороужиѥ и кораблѫ вѣтрила, тако и правьдникоу почитаниѥ книжноѥ [1]. отъкрꙑи бо, рече, очи мои да разоумѣю чюдеса отъ закона твоѥго. очи бо гл҃еть размꙑслъ ср҃дчьнꙑи, и прочеѥ.

Не съкрꙑи отъ мене заповѣдии твоихъ, разоумѣи, ꙗко не отъ очню съкрꙑи, нъ отъ разоума и ср҃дца. тѣмь же и похоули не пооучаѭштаꙗсѧ, гл҃ѧ: проклѧти оукланѣѭштеисѧ отъ заповѣдии твоихъ. тѣмь же и самъ сѧ похвали, гл҃ѧ: Коль сладъка словеса твоꙗ, паче меда оустомъ моимъ, и законъ оустъ твоихъ паче тꙑсѧштѧ злата и сребра, и въспѣтъ, гл҃ѧ: Възрадоуѭсѧ азъ о словесьхъ твоихъ, ꙗко обрѣтаꙗ користь мъногоу. Користь бо нарече словеса бж҃иꙗ, гл҃ѧ: Ꙗко обрѣтохъ, недостоинъ сꙑ, такъ даръ, ѥже ми сѧ пооучати словесьмъ твоимъ дьнь и ношть.

---

[1]) О чтеніи книгъ. Хорошее дѣло, братія, чтеніе книгъ, особенно для христіанина, „Блаженны—сказано—тѣ, которые, стараясь узнать его, всѣмъ сердцемъ стремятся къ тому“. Что же значатъ эти слова: „стараясь узнать его“? Когда читаешь книгу, не спѣши поскорѣе дочитать до слѣдующей главы, но раздумывай, о чемъ говоритъ книга, и что значатъ ея слова, и трижды вернись къ одной главѣ. Ибо сказано: „въ сердцѣ своемъ запечатлѣлъ я слова твои, чтобы не погрѣшить передъ тобою“. Не сказано: „одними устами произнесъ я“, но и „въ сердцѣ сохранилъ, чтобы не погрѣшить передъ тобою“. Кто же, какъ слѣдуетъ, понимаетъ Писаніе, тотъ руководится имъ. Скажу такъ: конь управляется и удерживается уздою, а праведникъ книгами. Нельзя построить корабль безъ гвоздей, нельзя сдѣлаться праведникомъ безъ чтенія книгъ; какъ тѣ, кто въ плѣну, постоянно думаютъ о своихъ близкихъ, такъ праведникъ — о чтеніи книжномъ. Красота воину — оружіе, а кораблю — паруса; такъ и праведнику чтеніе книжное [Переводъ взятъ изъ книги: Алферовъ и Грузинскій „Допетровская литература“].

То мꙑ, братиѥ, поразоумѣимъ и послоушаимъ разоумьнꙑма оушима, и поразоумѣимъ силоу и пооучениѥ стꙑхъ книгъ. Послоушаи тꙑ житьѩ стааго василиѥ и стааго іwа златоустааго и стааго кирила філософа и инѣхъ многъ стꙑихъ, како и ти сълрьва, повѣдають о нихъ рекоуште, измлада прилежаахоу стꙑхъ книгъ, тоже и на добраѥ дѣла подвигноушасѧ. вижь, како ти начѧтъкъ добрꙑимъ дѣломъ пооучениѥ стꙑихъ книгъ. да тѣми, братиѥ, и сами подвигнѣмъсѧ на поуть житиѥ ихъ и на дѣла ихъ, и пооучаимъсѧ вꙑиноу книжьнꙑимъ словесьмъ, творѧще волю ихъ ѥкоже велѧть, да и вѣчьнꙑѥ жизни достоини боудемъ, въ вѣкꙑ аминь.

Поученіе дѣтямъ. Ѯенофонта, ѥже гла къ снома своима.

Азъ, чѧдѣ, рекоу вама. чловѣчѧ житиѥ отити хоштю. вѣста бо, како въ житии семь жихъ без лоукꙑ, како отъ вьсѣхъ чьстьнъ бѣхъ и лѫбимъ, не сана ради велика, нъ норwвъмь великъмь. Не оукорихъ никого же, ни вередихъ, и никого же не оклеветахъ, ни завидѣхъ никомоу же. Ни разгнѣвахсѧ ни на кого же, ни на мала, ни на велика. Не оставихъ цркве бжиѧ вечеръ, ни заоутра, ни полоудне. Не прѣзьрѣхъ ништиихъ, ни оставихъ страньна и печѧльна, не прѣзьрѣхъ никъгда же, и иже въ тьмьницахъ, заклѫчении, потрѣбьнаѥ имъ даѥхъ, и иже въ плѣньницѣхъ, избавихъ. Не помꙑслихъ на добротоу чѫжю...- Тако и вꙑ живѣта, чѧдѣ мои, да и вас бъ оублажить и длъголѣтьна ѥвить и сътворить. Оубогꙑихъ посѣштѧита, вьдовицѣ заштиштаита, немоштьнꙑѥ милоуита и осоужѧѥмꙑѥ бес правьдꙑ изьмѣта. миръ имѣита съ всѣми. Паче же вьсѣхъ, иже въ поустꙑни и въ печерахъ и въ пропастьхъ земльнꙑихъ, добро творита. Поминаита манастꙑрѧ, чьрноризьць стꙑдитасѧ и чьтѣта, и милосрьдоуита. Матери же ваю чьсть отъдаита, и вьсе добро сътворита ѥи, да га оузьрита радоующтѧсѧ, и о томь веселитасѧ въ вѣкꙑ. Вьсе, ѥлико имата златъмь и сребръмь и ризами, неимоуштиимъ подаита, и въ работѣ соуштѧѥ, акꙑ своѥ чѧда, лѫбита, и оунꙑѥ милоуита и старꙑѥ свободꙑ съподобита, пищѧ имъ до съмрьти даюцѧ, и съ проста реку: ѥже мѧ видѣста творѧштѧ, и вꙑ творита, да спсетасѧ и съподобитасѧ стꙑихъ. Мтре не забываита, волѧ ѥи творита и послоушѧита съ страхъмь гнѣмь. Вѣдѣ бо, ѥко дѣло гне дѣлаѥта, заповѣди гнѧ хранита, и бъ мира сего боуди съ вама. аминь.

Житіе св. Андрея, Христа-ради Юродиваго.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 28.

При царствѣ христолюбца царя Льва Великаго бѣ нѣкто мужъ въ Констянтинѣградѣ, именемъ Ѳеогностъ, иже бѣ протоспафаревомъ саномъ почтенъ отъ благовѣрнаго царя, егоже по семъ воеводу сотвори на восточныхъ странахъ. Сей же мужъ многу челядь имѣя, послѣди же купи и ины многы, въ нихъ же бѣаше и сей, иже нынѣ поминаемъ бываетъ нашимъ смиреніемъ, бѣаше же родомъ Словенинъ. Егда же господинъ его купи его и съ прочими, сей бѣаше младіе всѣхъ, плотнымъ взоромъ и красенъ велми, яко смилитися ему у господина своего велми и предъ нимъ ему служити. Абіе же вда его, да научить святымъ книгамъ, еще гречески молвити не разумѣюще. Трезвъ же сый отрокъ умомъ своимъ, вскорѣ изучися псалтыри и числомъ, и всему, елико же учитель его веляше—ему, якоже дивитися учителю его скорому ученію его, не мнящю никому же, якоже Словенинъ есть; личнаго взора дѣля и душевнаго разума господинъ его въ нотарево мѣсто нача его водити на всяку потребну службу со всѣмъ прилежаніемъ. [Господинъ его очень любилъ, одѣвалъ въ свое платье]. Часто же хождааше по церквамъ и любляше прочитати богудухновенныя книги, боле же святыхъ мученіа и жизни святыхъ отецъ, яко горѣти сердцю его на тѣхъ упованіе, на подобіе ихъ воставлятися; о себѣ бо вложи себѣ начало добраго житіа. [Однажды юноша во снѣ увидалъ демоновъ и святыхъ, которые препирались между собою. Демоны выставили отъ себя великана и требовали у святыхъ для него поединщика, но святые не знали, кого послать]. Единъ нѣкто уноша, велми красенъ, слѣза отъ горнихъ, въ руцѣ держа три вѣнца, да единъ бѣаше украшенъ златомъ чистомъ и каменіемъ честнымъ, а вторый жемчюгомъ великимъ, драгымъ блискающимся, а третій велми боле обою отъ всякого цвѣта червлена и бѣла і отъ вѣтвіа божіа рая исплетена, неувядаему николиже; таку же воню имѣаху, яко же умъ человѣческъ не можетъ нарещи. [Андрей сталъ тосковать, желая, но не зная, какъ получить хотя бы

одинъ изъ нихъ. Юноша сказалъ ему, чтобы онъ вступилъ въ борьбу съ великаномъ-демономъ, обѣщалъ ему побѣду и всѣ три вѣнца. Андрей отважился на бой и одолѣлъ великана]—а красный онъ уноша вдасть ему честныа вѣнца и, лобзавъ его, рече: „иди съ добромъ, отселѣ уже нашъ еси и другъ, и братъ; тецѣ уже добрый подвигъ, нагъ буди и похабъ мене дѣля и многа добра причастникъ будеши въ день царствія моего. [Андрей проснулся и рѣшился послѣдовать приказанію юноши,—отказаться отъ всѣхъ благъ и удобствъ жизни. Господинъ не согласился отпустить его на волю]. Въ другую же нощь полунощи въставъ помолися и, кончавъ молитву, веземъ ножь, иде ко кладязю, иже бѣаше близъ ложница господина своего и совлекъ съ себя ризу, въ ней же самь хожаше, нача ю дробити на платы, і якоже бѣшенъ ся дѣя, словеса нѣкая мутна и нача молвити, якоже неистовіи дѣють. [Всѣ думали, что онъ сошелъ съ ума, что въ него вселился бѣсъ и, для исцѣленія, его цѣпями привязали въ церкви св. Анастасіи. Ночью онъ видѣлъ видѣнія, которыя укрѣпили въ немъ желаніе „юродствовать Христа-ради“. Приходилъ къ нему и сатана съ демонами искушать его и пугать, но святой Іоаннъ Богословъ наказалъ демоновъ. Затѣмъ онъ увидѣлъ себя въ царскихъ палатахъ. Царь велѣлъ ему приблизиться къ престолу и спросилъ, желаетъ ли Андрей ему служить, и затѣмъ предложилъ ему снѣди, сперва сладкой, потомъ горькой]. И веземъ снѣдь, бѣаше люто и горко вельми, боле пелына, да якоже гнуситися нача ему и она сладкая добрая снѣдь. Видѣвъ же царь согнусившася его тако, рече къ нему: „видѣ ли, како не може притищати горкаго вкушеніа того свершеннаго моего служеніа разумѣти? Снѣдь вдахъ ти, та бо есть ускый и оскорбленый путь, водяй хотящая внити во врата царства моего!“ Рече же блаженный: „горко есть орудіе се, владыко, да кто же можетъ ясти, а тебѣ работая?“ Рече царь: „да горкое разумѣлъ еси; нѣсмь ли ти вдалъ и первое сладкое, а потомъ горкое?“ Рече онъ: „тако, владыко, не о горцемъ единемъ реклъ еси рабу своему, яко се есть скорбнаго пути образъ!“ Рече царь: „ни; по посредѣ сладкаго и горкаго есть путь, да въ горцемъ показано ти есть вкушеніе страстемъ и болѣзнемъ, еже ти есть пріати мене дѣля; а въ сладцѣмъ и добрѣйшемъ бываетъ хладъ, и покой, и утѣшеніе стражущимъ мене дѣля!“ [Горечь снѣди была такъ невыносима, что Андрей сказалъ:] „не могу азъ работати тебѣ сице ядый: орудіе бо се горко есть и тяжко!“ Царь же улыснувся, выня изъ пазухи своея нѣчто и узрачіе, еже бѣаше видѣніемъ, яко огнь, и вельми добрѣ воняа, и цвѣтомъ одѣно образомъ и рече ему: „возьми, яжь, да забудеши все, елико еси видѣлъ и слышалъ. Онъ же веземъ снѣдь, на многы часы отъ сласти тоя, і отъ великіа радости, і отъ многыя воня и славы стояше, забывся; на свой же умъ паки нашедъ, паде на ногу великого царя того и моляшеся ему, глаголя:—„помилуй мя, владыко добрый, не отрини мене отселѣ отъ работы твоея, яко разумѣхъ по истинѣ, яко вельми сладокъ есть путь службы твоея...“ [Четыре мѣсяца си-

дѣлъ Андрей, связанный цѣпями, въ церкви, наконецъ его признали неисцѣлимымъ и „яко безумна и бѣшена“, отпустили].

Начало житіа его. Ристати же оттолѣ нача и играти по улицамъ, по образу древле бывшю похабу Семеона оного дивного. [Только съ авторомъ житія Андрей говорилъ просто и не представлялся безумнымъ. Въ толпѣ же онъ держался всегда такъ, что вызывалъ насмѣшки, даже побои; ходилъ почти нагой]. Блаженный же, заутра въставъ, паки теченіе дѣаше, посреди гольки, глумяся, и прехожаше день весь, ни ядъ, ни посѣдѣвъ нигдѣже. Вечеру же наставшю, егда ему бѣаше любо, не спаше, но хождаше по улицамъ градным, молитвы дѣя на серци и всю нощь бдя пребываше, а заутра почиваше. Егда же ли ся ему не хотяше ходити въ нощи, да соглядаше по улицамъ мѣста, гдѣ же пси лежать, да тамо, единого шедъ отъ нихъ прогнавъ, лежаше, яко на одрѣ почивая, нагъ, лишенъ, неимовитъ, ни рагозины не имѣя, ни власяницы, ни сукна, ни платъ, поне малъ отруянъ, се едино суконце; въ немже хожаше, той имяше за все.

Зряще на нь человѣци, глаголаху: „се нова бѣшенина“; друзіи же глаголаху, яко земля си николиже безъ салоса нѣсть; да друзіи по немъ бѣяху, а друзіи пхаху его по шіи, біяхуть его и слинами лице его кропляху, гнушающееся. Терпяше же все се, алченъ, жадая пити, зимою умирая, зноемь угараемь и все зло терпя пребываше непобѣдимъ; [сатана искушалъ его красавицами, но блаженный устоялъ; онъ получилъ даръ видѣть бѣсовъ,—такъ однажды на скупомъ онъ увидалъ сидящаго бѣса. Въ одномъ ласковомъ юношѣ онъ прозрѣлъ будущаго епископа. Онъ былъ очень умѣренъ въ ѣдѣ]... хожаше другойци два дни и три и всю недѣлю, не вкушая ничтоже: яко сатана много бѣаше сердца ожестилъ, да быша ему не дали николи же ничесо же, а самъ не прошаше, да не возмяше ничто же. Множицею бо безводіемь изгарашеся и не умѣя, что дѣяти, не вѣдый просити по улици. Аще налѣзаше лужю калну, отъ дожда бывшу, приклонивъ колѣни, дуняше на ню крестомъ трижды и тако піаше. Видяще же мимоходи, гнѣвахуся на нь, а другойци біаху, а другойци крикатися на нь и сварити его и глаголати: „тако ти есть лѣпо, похабе, да піеши лужю смердящю?“ Онъ же не отвѣщеваше никому же слова, но абіе отхожаше скоро.

[Однажды зимой наступили ужасные холода]. Зимѣ бо велицѣй наставши и мразу люту наставшю сущю, всякъ родъ плотный отъ бѣды зимныя хотяше издыхати и храми вси снѣга бѣаху полни, дыхающу вѣтру сѣверу. Вси же нищіи, тогда велико, о горе! себѣ дѣляху, вопіюще, и плачющеся, и стенюще, и трясущеся, недостаткомъ, гладомъ измирающе, въ гробъ слеми бываху, а друзіи стражюще, снѣгомъся задохше, умираху; съсуды счинены разсѣдахуся, а древо изъ кореніа вытерзашеся, и всяка птица лѣтающія изомре, не имѣюще, что ясти. [Авторъ житія безпокоился объ участи св. Андрея, но тотъ черезъ двѣ недѣли явился невредимымъ]. Вечеру сущю, пріиде ко мнѣ Божіи угодникъ свѣтломъ видѣніемъ и слад-

кимъ смѣхомъ, бѣаше лице его, яко отъ многа веселія. [По просьбѣ разсказчика св. Андрей сталъ разсказывать ему, какъ онъ прожилъ эти двѣ недѣли].

[Андрей разсказалъ ему о своихъ страданіяхъ]. Идохъ же къ противнымъ ми нищимъ, да ся спасу; да не пріимаху мене, но палицами мя, яко пса, отгоняху отъ себе, обрезгающе и глаголаху и въпіюще: „въставъ, отъиди отсюду, псе!“ Да уже не обрѣтая, гдѣ бы спастися и отчаявъ животъ свой, рѣхъ: „благословенъ Господь Богъ! аще и умру, любве его дѣля, да умру; до что мнѣ тѣмъ? Богъ есть не неправдивъ; иже сътворить, да съ зимою и терпѣніе подасть ми.

Вшедъ же въ единъ уголъ, емъ вола і обрѣтохъ песъ лежащь близъ его, надѣяся согрѣтися отъ него. Онъ же, видѣвъ, яко близъ его легохъ, въставъ, отъиде. Рѣхъ же к себѣ: „лишеньне, видиши ли, кольми еси грѣшенъ, яко и пси брѣзгають тобою, противніи тебѣ нищіи отгонять тя, да уже что хощеши дѣяти! да умри, умри! здѣ бо тебѣ спасеніа нѣсть!“ [Онъ готовился уже умереть, но вдругъ почувствовалъ теплоту и увидѣлъ юношу, который ударилъ его цвѣткомъ по лицу, и когда благовоніе „вошло въ сердце“ Андрея, онъ услышалъ голосъ, повелѣвающій его увести на двѣ недѣли отсюда. Андрей погрузился въ глубокій „сладкій“ сонъ. Проснулся онъ въ чудной странѣ]—и видѣхъ себѣ, якоже бесъ плоти суще, не бо мнѣхъ, яко во плоти есмь, и порты бѣаше у мене молніами истъканы, на друзіи странѣ снѣженъ съ драгымъ каменіемь; велми же ся величахъ о красотѣ; а еже на верху главы моея размышляхъ, да бѣаше вѣнець, исплетенъ отъ всякого цвѣта, а на ногу моея бѣаху сапозѣ, позлащенѣ и свѣтящеся; препоясанъ же бѣхъ и поясомъ драгымъ царьскимъ, почервленъ сущь. [Земля вся испещрена была благовонными цвѣтами. Какъ царь, ходилъ Андрей по роскошному саду и удивлялся его великолѣпію. Изъ цвѣтовъ капалъ медъ, они качались на длинныхъ стебляхъ; одни деревья цвѣли безпрестанно и не увядали; другія были покрыты плодами. Въ этомъ саду много было птицъ]. Чюдо же боле всего: въ садѣ томъ птици бѣаху мнози, вробіе, и щюри, и славіе; нынѣ неименитіи, красны златыми крилы и снѣжны крилы пестры, сѣдяще кождо на своемъ листѣ,—пояху же вси кождо по своему гласу, якоже гласъ пѣнію ихъ сладкому и красному... [Пѣніе ихъ было пріятно и нельзя было имъ насытиться. Посреди рая текла прекрасная рѣка, къ ней слетались птицы; по берегамъ вился виноградъ. Воздухъ былъ ароматенъ и легокъ]. Стояхъ же молча, на многы часы и въ сласть имѣя вѣтра оного добровонное дыханіе, яко мнѣти мнѣ, яко отъ кадила се есть, имже на небеси предъ Богомъ кадятъ ангели.

По семъ же ужасть нѣкака нападе на мя. Во ужасти бывшю ми, мнѣхъ ся стоя видѣніемь верху тверди небесныя; и нѣкто уноша, одѣнъ въ багряницю, хожаше предо мною; его же лице свѣтяшеся, якоже солнце. [Кругомъ него были ангелы, „бѣли суще, яко свѣтъ огненны заря, изо очію

блискающися, і, якоже си безплотни, пѣснь нѣчто сладку распятаго дѣля пояху“. По приказанію ангела св. Андрей поцѣловалъ крестъ]. Да якоже лобзахъ честнаго того креста, духовна меда насытихся и воня добрая научахся, яко яже не наухался есмь ни въ раи. Возрѣвъ же очима своима, видѣхъ и се: подъ нами, яко бездна морьская; и взя мя трепетъ да убояхся, еда како ужасъся уручюся тамо. И воспѣхъ же къ вожю своему и рѣхъ: „господи мой, вожю мой, и се яко на облацѣ хожю, да страхъ мя пріалъ есть!“ [Ангелы вознесли св. Андрея на второе небо, потомъ на третье. Величіе и красота всего видѣннаго ужасомъ наполнили сердце св. Андрея]. Придохомъ на мѣсто славно, дивну и красну имѣюще сласть, и бѣ тамо страшна запона, якоже иликторъ, свѣтла и вельми честна, юже возгбавши рука пламяна, прейти намъ мимо ся уготова; бѣаше же въ ней внутрь множество безъ числа уношь красныхъ пламянныхъ, имѣющь лице свѣтло, якоже солнце, стоаху же чиномъ нѣкацѣмь, украшеномъ на страшнемъ мѣсте высоце, телесы бесплотными, высоцѣ оружи, ти копіа страшна держаста въ пламенахъ рукахъ, легеонѣ окамо и друзіи легеонѣ безъ числа, имже нѣсть числа. Преди рече ми вожь мой: „си, рече, запона, еже ся возьмешь, тогда узриши Сына человѣчьскаго, одесную сѣдящаго Отца своего, да падъ ниць поклонися ему и всѣмъ сердцемъ своимъ на него възирай и послушай, что ти речено будеть отъ него. І яко сій вожь казаше ми, и взърѣвъ на лѣпоту запонную видѣхъ и се: голубь, свыше прилетѣвъ великъ, сѣде на запонѣ, глава же его бѣаше, яко злато, а перси багряне, крила чермнозорна, яко пламень, нозѣ его червленѣ, изо очію же его, яко заря свѣтлы исхожаху; мнѣ же зрящю лѣпоты его, и възлетѣвъ абіе, поиде горѣ. И взятѣ же бывши запонѣ и възрѣвъ на страшную высоту ону, устрашающая всякого ума, видѣхъ престолъ страшенъ и взятъ на воздусѣ висяща, не держимъ никимже, пламы же исхожаше изъ него, но не якоже огнемъ, но бѣліи снѣга великомъ. Сѣдяше же на престолѣ томъ Господь мой Іисусъ Христосъ, въ височѣ блещащимся въ багряници, пущающе заря; сѣдяше же страшенъ, блискаяся боле солнца, моего дѣля смиренія, съкровенѣ сущи свѣтлости его; видѣхъ же его Божію и человѣчю лѣпоту и красоту, якоже и солнце кто любо видитъ, якоже хощеть, егдаже съкрывъ заря своя отъ востока свѣтелъ явися, а потомъ къ тому не могохъ его видѣти чисто. [Отъ волненія св. Андрей не могъ ясно разсмотрѣть лицо Божіе, но онъ ясно услышалъ „три словеса Божіа“, которыхъ никому на землѣ не сказалъ].

Изъ житія св. Василія, Кесарійскаго архіепископа, „Чудо о прельщенномъ отроцѣ“.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 28—29.

Дивный евладий, самовидецъ бывъ чюдесемъ васильевымъ, и намѣстникъ престолу его, сказа намъ... Бысть мужъ вѣренъ, синклитъ, именемъ Претерий, имяше дщерь, хотяша ю постриции въ монастырь, жертву живу всылати Богови; діаволъ же, не терпя въ добродѣтели сияюща человѣка, [влюбилъ раба въ дѣвицу] и отрокъ иде ко обавнику, обѣща ему дати злата много; обавникъ же рече ему: „о, человѣче, азъ ти сего не могу сотворити, но аще хощеши, да тя послю ко своему строителю діаволу, и онъ сотворитъ волю твою, аще ты сотвориши первие угодие ему“. Богохулникъ же се рече: „ей, сотворю, елико речетъ ми!“ Обавникъ же рече ему: „отвержешилися христа своего писаниемъ, и аще на се готовъ еси то споспѣшникъ ти буду!“ Онъ же рече къ нему, глаголя: „готовъ есмь“ и сотворъ беззаконная. Дѣлатель епистолию посла ко діаволу, имуща образъ сице: „понеже къ моему владыцѣ и строителю, подобно есть мнѣ тщатися и отъ крестияньския вѣры отверзатися, и ко твоей приводитися воли, яко дабы умножилась чясть твоя; послахъ къ тебѣ нынѣшнее мое приносящаго писание се, и молю тя о семъ: дабы онъ не погреши мысли своея, да и о семъ похвалю тя, и съ большимъ поспѣхомъ начну избирати рачителя твоя!“ И давъ ему епистолию, рече, „иди въ сию годину нощи, и стани на гробѣ еллиньстѣмъ, воздвигни харатию сию на аиеръ и предъстанутъ ти хотящии тя вести ко діаволу!“ Онъ же со спѣхомъ се сотвори, и испусти окаянъный той гласъ, призывати начя діавольскую помощь, и абие сташа предъ нимъ князи темнии, дуси лукавии и поимше прельщенаго и ведоша его съ радостию великою, идѣжъ бѣяше діаволъ, и показаша ему сѣдящаго на престолѣ высоцѣ и окрестъ его духи лукавьствия стояща; и приимъ діаволъ волхвово написание, рече ко страннику: „вѣруеши ли въ мя?“ Онъ же рече: „ей, вѣрую!“ Діаволъ же рече къ нему: „отметаешили ся Христа своего?“ Онъ же рече: „отметаюся!“ Глагола ему діаволъ: „несмысленни есте вы, християне! егда требуете отъ мене, тогда грядете ко мнѣ, а егда улучите желание свое, паки отмещетеся отъ мене, и приступаете ко христу вашему, и есть благъ и человѣколюбецъ— приемлетъ вы; но сотвори писменемъ Христа твоего отвержение и крещения отречение волею и въ мя во вѣки самоволное обѣщание, и яко со мною будеши въ день судный приемля уготованныя муки вѣчныя, и азъ ти сице желание твое свершу!“ — Онъ же, богохулникъ, написавъ своею рукою писание, яко же повелѣ ему діаволъ. [Благодаря усиліямъ демона, дѣвушка влюбилась въ раба и стала просить отца, чтобы онъ ее выдалъ замужъ за него, говоря]: „помилуй мя, странную, лютѣ яко мучиму за сего нашего отрока! спостражу утробою своею, покажи на мнѣ отческую любовь на

единочадѣй своей дщери и причьтай мнѣ отрока сего, егожъ изволихъ; аще ли сего не хощеши сотворити, то узриши мя въ скорѣ умершю горкою смертию, и слово воздаси о мнѣ въ день судный!“ Отець же ея со слезами глаголаше: „увы мнѣ, грѣшному, что бысть любимому ми чяду, кто ли мое сокровище покраде, кто мое изообидѣ чядо, кто сладкии свѣтъ очию моею угаси? азъ бо небесному обручити желахъ жениху, Христу Богу нашему и аггеломъ едино житию сотворити! во псалмѣхъ, и въ пѣснѣхъ духовныхъ тщахся и тебѣ ради спасенъ надѣяхся быти, а ты возбѣсися!“ Глаголющу ей: „сочтатися съ нимъ хощу!“ Рече же ей отець: „не сведи старости моея съ печалию во адъ, ни благородия родителю твоею, студъ да покрыетъ ны!“ Она же, яко ничтоже мнящи глаголемая отцемъ ея, пребываше вопиюще: „отче мой, или сотвори хотѣние мое, или помалѣ мерътву мя узришь“. Отець же ея во мнозѣ унынии бывъ и безъ мѣры печалию поглощенъ, и дружнимъ совѣтомъ вѣру емъ, глаголющимъ ему: „уне есть воли ея быти!“ Увѣщавшу же ся отцу ея, повелѣ хотѣнию ея быти паче, нежели губителнѣ предатися смерти; и приведъ взыскаемаго отрока и свое чядо дасть ему и вся имѣния дасть имъ, рекъ тако: „здрава, чяда воистинну странная, много имате плакатися, послѣди и каятися, егда ничто успѣетъ вамъ же“. Беззаконному жъ сужитию бывшу, и діавольскому дѣянию збывшуся и малу минувшу лѣту, знаменанъ бысть отрокъ нѣкими не входити во церквь, ни прикасатися святыхъ безсмертныхъ и животворящихъ таинъ и глаголаше окаяннѣи женѣ его: „вѣды буде ти, яко мужь твой, его же еси изволила, нѣсть крестиянъ, но страненъ и чюжь бысть вѣры христовы!“ Она же, убо тмы и лютыя язвы исполнивъся, и повержеся на тляхъ и начятъ драти ногты и бити въ перси своя, и неослабно вопити, глаголюще: „никто-жъ, ослышався родитель свой, можетъ спастися! что есмь чаяхъ окаянная, кто возвѣсти срамъ мой отцу моему! увы мнѣ, убозѣ, и въ колику злу погибель снидохъ! почто родихся и, родившися, почто абие не восхищенна быхъ!“ Таковая вопиющи ей съ плачемъ великимъ, и увидѣвъ прелщенныи мужъ ея, приде къ ней, укрѣпляяся не имѣти ей истинны. Сия жъ, ко отдохновенью пришедши, лестнымъ его глаголомъ, рече къ нему: „аще хощеши извѣстити ми ся, и окаянную мою душу утѣшити, то узрю азъ и ты и идевѣ оба во церкви и предо мною приимеши божія пречистыя тайны, и тогда ти вѣру иму!“ Онъ же, богохулникъ, тогда уже и не хотяше и глаголати къ ней. Она же тогда, абіе отложивше женъскую немощь и совѣтъ совѣщавше добръ, и тече къ нашему доброму пастырю и учителю христову Василью и сотвори помощника себѣ, на нечестие вопиющи: „помилуй мя, человѣче божи, и ослушавшуюся своего отца и бѣсу послуживщу!“ И повѣда ему по словеси вся прилучившаяся ей. Святый же Василие, Божий рабъ, призвавъ отрока и воспрошаше его, аще тако истинна есть. Онъ же къ нему со слезами рече ей: „бысть тако, святче божий: аще азъ умолчю, то дѣла моя возопиютъ!“ И повѣда ему то и все отъ начяла и до конца, послѣдовавше и діаволе злодѣйственнѣй помощи. Тогда глагола

ему святый: „хощеши ли паки возвратитися ко господу богу нашему Іисусу Христу?“ Отрокъ же рече: „ей, добрѣ, хощу, но не могу!“ Глагола ему святый: „почто не можеши возвратитися ко Господу Богу нашему?“ Отвѣща отрокъ и рече: „писменемъ отвергохъ Христа и причтахся діаволу!“ Глагола ему святый: „и не буди ти печяли о томъ: благий Богъ приемлетъ кающагося, каетъ бо ся о злобахъ нашихъ!“ И повергшися отроковица на ногу святого Василия, і евангельски молящей глаголюще: „ученичe Христовъ! елико можеши, помози намъ!“ Глагола святый ко отроку: „вѣруеши ли спасенъ быти?“ Онъ же рече: „вѣрую, Господи, помогай мнѣ, невѣрному“!“ И абие емъ его за руку и сотвори на немъ крестное знамение, и помолився, затвори его во единомъ мѣстѣ утрь въ священныхъ облазѣхъ, и давъ ему правило, и съ нимъ потружеся. По малѣ времяни посѣти его и глагола ему: „какъ еси, чядо?“ Отрокъ же рече: „въ велицей бѣдѣ есмь, святче божий, не могу зрѣти клика ихъ и прещения ихъ, и стрѣляния, держаще бо написание мое, сварятъ мя, глаголюще: „ты прииде къ намъ, а не мы къ тебѣ!“ И глагола ему святый: „не бойся, чядо, токмо вѣруй!“ И давъ ему мало пища, и сотвори паки на немъ христово знамение, и молитву сотвори и затвори паки въ томъ же притворѣ, и по малыхъ днехъ посѣти паки и глагола ему святый: „какъ еси, чядо?“ Онъ же глагола ему: „отче святый, отдалече вопля ихъ слышу и прещения ихъ, а не вижу ихъ!“ И паки, давъ ему ясти и помолився, затвори двери и отиде; изъ четыредесятный день иде къ нему, и глагола ему: „какъ еси, брате?“ Онъ же рече: „добре, святче божий, видѣхъ бо тя днесь во снѣ борющася по мнѣ и одолѣ діаволу!“ И абие же святый по обычяю, сотворивъ ему молитву, изведе вонъ, и приведе въ ложницу свою. Утру же бывшу, призва честна причта и монастыря, и вся христолюбивыя люди, и рече имъ святый: „чяда моя любимая! вси похвалимъ бога: се бо овцу погибшую пастырь добрый хощетъ восприяти на рамо свое и привести во церковь, и достойно есть намъ въ сию нощь побдѣти, и молитися благодати господни, да не удолѣетъ губитель душь нашихъ!“ И абие тому бывшу, со успѣхомъ собравшимся людемъ всѣмъ, и всю нощь молиша бога съ добрымъ пастыремъ, и со слезами вопиюще: „Господи помилуй!“ И по обычяю со всѣмъ множествомъ людий поя святый, и емъ за десную руку отрока, ведяше во церковь, со псалмы и пѣсньми. І се діаволъ, завидяй всѣхъ бескверному житью, и прииде со всегубителною силою своею, и невидимо хотяше кхитити отрока изъ руку святаго Василия. И начятъ вопити отрокъ: „святче божий, помози ми!“ И въ толико безстудие прииде діаволъ, яко же и чюднаго ему Василия потерзати и порѣвати; и обращеся Василей ко діаволу, рече: „Бестудниче и душегубче, отче тмы и погибели, не довлѣетъ ли ти твоя погибель, юже собе и сущимъ ти, съ тобою изыска? не почитаеши бога моего, рабомъ пакости творя! да запретитъ ти Господь Богъ, діаволе!“ Діаволъ же рече святому: „паки, Василие, Василие, обидиши мя, не идохъ бо азъ къ нему, но онъ прииде ко мнѣ, и отрече ся Христа своего

и мнѣ обѣщася служити и се рукописание его въ руцѣ моей имамъ и въ день судный предо общаго судию принесу!“ Священникъ же божий Василей рече: „благословенъ Богъ и Господь мой, не имутъ людие сии свести рукъ своихъ съ высоты небесныя, донъдеже вдаси нама писание его въ руцѣ мои!“ И обратися святый рече къ людямъ: „воздежите руки ваша на высоту небесную!“ И вси людие, вопиюще со слезами: „господи помилуй!“ Воставшимъ людемъ на многъ часъ простертыма руками на небо и се писание отроково несенно бысть по аиеру приде и вложенно бысть въ руцѣ дивнаго отца нашего Василия; и приимъ Василей рукописание, прославивъ и похвали бога, радости исполнився зело велми со всѣми людми и рече святый Василей ко отроку: „знаешь ли, брате, написание сие?“ Онъ же рече къ нему: „ей, святче божий, своею ми рукою есть писано бысть!“ И растерзавъ писание, святый Василей, всѣмъ зрящимъ, и введе и отрока во церковь господню безъ пакости, и сподоби его святого служения, и приятъ отрокъ святыхъ даровъ Христовыхъ, и сотвори приятъ велику, и учреди вся люди святый Василей, и приведе отрока, и поучивъ его много, давъ же ему и правило подобное, и вдасть женѣ его. Она жъ безмолчными усты хваляще и славяще, и благодаряще всесилнаго бога, и угодника его святаго отца нашего Василия чюдотворца, яко молитвами своими изо ада изъ рукъ діаволскихъ свободивъ. Богу нашему слава і нынѣ аминь.

Апокрифическія сказанія о царѣ Соломонѣ.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 42—43.

Повѣсть о Китоврасѣ. Тогда убо бысть потреба Соломону вопросити о Китоврасѣ. Осочища же и, гдѣ живетъ въ пустыни дальней. И по мудрости своей замысли Соломонъ сковати уже желѣзно и гривну желѣзну; написа же на ней во имя Божіе зароченіе. И посла же боярина своего лучшаго съ отроки и указаше везти вино и медъ, и руна овчія съ собою взяша. Придоша же къ мѣсту его,—оли 3 кладезя, а его нѣсть ту. И по указанію Соломоню выльяша 3 кладязя и заткоша жерла ихъ руны овчими, и нальяша два кладязя вина, а третій меду, сами же схранишася на странѣ; вѣдяху бо, оже прійти ему воды пити къ кладяземъ. И приде, перехотѣвъ водѣ, и приникъ, видѣ вино, и отвѣщавъ рече: „Всякъ, пья вино, не умудряетъ“. Якоже перехотѣвъ воды, и рече: „Ты еси вино, веселяще сердца человѣкомъ“. И выпи вся три кладезя, и хотѣ поспати мало. Разжже его вино, и успе твердо. Онъ же бояринъ, пришедъ, остегну о шеѣ его уже желѣзно и привяза и твердо. И очутився хотѣ изъятися. И рече ему бояринъ Соломонъ: „Имя Господне съ запрещеніемъ на тобѣ“. Онъ же, видѣвъ на собѣ имя Господне, поиде кротко.

Нравъ же его бѣяше таковъ: не ходяшеть путемъ кривымъ, но правымъ. И въ Іерусалимъ пришедшу, требляхуть предъ нимъ путь, и рушахуть полаты; не ходяще бо криво. И пріидоша ко вдовицынѣ храминѣ. Она же возопи, глаголющи, молящися Китоврасу: „Вдовица есмь убога“. Онъ же ся огну около угла, не соступяся съ пути, и изломи си ребро и рече: „Мягко слово кость ломитъ, а жестоко слово гнѣвъ воздвизаетъ“. Ведомъ же сквозѣ торгъ, и слыша мужа, рекуща: „Нѣсть ли черевій на 7 лѣтъ?“ И розсмѣяся Китоврасъ. И видѣ другаго мужа, ворожаща, и посмѣяся. И видѣ свадьбу играющи, и восплакася...

Бысть же Соломонъ вопрошая Китовраса: „Почто ся еси розсмѣялъ мужу, прашающу на 7 лѣтъ черевій?“ И рече Китоврасъ: „Видѣхъ на немъ, яко не будетъ по 7 дней живъ“. И рече Соломонъ: „Почто розсмѣялся мужу ворожащу?“ И рече Китоврасъ: „Онъ повѣдаше людемъ скровеная, а самъ не вѣдаше крова подъ собою съ златомъ“. И рече царь: „Испытовайте“. И испыташа, и бысть тако. И рече царь: „Почто ся еси росплакалъ, видѣвъ свадьбу?“ Онъ же рече: „Сжали ми ся, яко оженивыйся не будетъ живъ до 30 дней“. И испыта же царь, и бысть тако.

О царицѣ Южичской. И бысть царица Южичская иноплеменница, именемъ Малькатка. Си приде искусити Соломона загадками. И та бѣ мудра зѣло, и принесе ему дары: 20 капій злата, и зелья много вельми, и древеса негніющая. Слышавъ же Соломонъ пришедшу царицу, сѣде въ полатѣ своей, и поиде противу ея. Царь же ее хотѣ искусити: въ стеклѣ бѣ олово на мостѣхъ. Она же видѣвши, яко въ водѣ сѣдитъ царь, опрята ризы своя, противу ему поиде...

Се же бысть загадка ея къ Соломону: совокупила бѣяшеть отроки и дѣвицы малы, и облече въ порты едины. И рече царица царю: „По мудрости своей разбери, кое отроки и кое дѣвицы?“ Царь же по мудрости своей повелѣ просыпати овощъ. И принесше, и просыпаша предъ нимъ. Отроцы же начаша брати въ приполы, а дѣвицы въ рукавы. И рече Соломонъ: „Се—отроцы, а се—дѣвицы“. Она же о семъ ся подиви хитрости его...

Мудрецы ея загануша хитрицемъ Соломонимъ: „Имамы кладязь далече града: мудростью своею уганите, чѣмъ можемъ привести его во градъ?“ Хитрецы, разумѣвше рѣчь, и рѣша: „Исплетите уже отрубяно, а мы привлечемъ кладязь вашъ ко граду“. И паки загануша мудрецы ея: „Аще возрастетъ нива ножи, то чѣмъ ю пожати можете?“ Отвѣщаша и рѣша имъ: „Рогомъ ослимъ“. Рѣша мудрецы ея: „Гдѣ у осла рога?“ Они же рѣша: „Аще нива родитъ ножи?“...

Судове Соломони. Въ дни Соломона бысть мужъ имѣя 3 сына. Умирая мужъ онъ призва сыны своя и рече имъ: „Имѣю кровъ въ землѣ, въ томъ мѣстѣ, имя рекъ, 3 спуды, стояще другъ на друзѣ горѣ. А по смрети моей возьми старѣй верхнее, а средній—среднее, а исподнее меньшій“. И по умертвіи отца ихъ, открыша сыны его кровы оны предъ людьми. И бысть

верхнее, то полно злата, а среднее, то полно костей, а исподнее, то полно персти. И бысть у нихъ пря и бой. И пріидоша къ Соломону. Правосудье Соломонъ разсуди имъ: „Оже, что златомъ, то старѣйшему, а оже, что скотомъ, то среднему, по разуму костей; а оже, что винограды съ нивами, то меньшему: отецъ вашъ былъ мужъ мудръ, а розрядилъ вы зажива“.

Хожденіе Богородицы по мукамъ.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 45.

Богородица, хотящи, дабы видѣла, како ся душа мучать, и рече Михаилу архистратигу:—„Исповѣмся, исповѣждь ми, яже суть на земли всяческая“. И рече къ ней Михаилъ:—„Яко же речеши, благодатная, азъ всяческая тебѣ исповѣмъ“. И рече къ нему Святая Богородица:—„Колко есть мукъ, идѣже мучится родъ христьянскій?“—И рече къ ней архистратигъ:—„Неизрекомыи суть мукы“. Рече же къ нему благодатная:—„Исповѣжь ми на небеси и на земли“.

[Ангелъ показалъ Богородицѣ тѣхъ, кто мучится за невѣріе или язычество. Затѣмъ ей показалъ людей, мучившихся во тьмѣ. Когда тьма, по молитвѣ Богородицы, разсѣялась, она вопросила мучениковъ:]

— „Что сотворили есте, бѣдницы окаяніи, недостойніи? како вы сѣмо пріидосте?“ И не бысть гласа отъ нихъ, ни отвѣта, и рекоша ангели стрегуще:—„Почто не глаголите?“ Рекоша мучающіися:—„О, благодатная, отъ вѣка нѣсмь свѣта видѣли, да не можемъ зрѣти горѣ“. И воззрѣвши на ихъ Святая Богородица и восплакася велми и, видѣвши ю, мучащіися и резоша къ ней:—„Како ны еси присѣтила, Святая Богородица, но сынъ твой благодатный на землю приходить, и не вопроси насъ, то ни Авраамъ прадѣдъ, ни Моисей пророкъ, ни Іоаннъ Креститель, то ни апостолъ Павелъ, возлюбленникъ Божій, но ты, Пресвятая Богородице, Заступнице—ты еси роду христьянскому стѣна, ты молишь Бога, како еси насъ присѣтила бѣдныхъ?“

[Затѣмъ архангелъ показалъ огненную рѣку, въ которой были погружены грѣшники, кто до пояса, кто до шеи, кто „до верха“. На вопросъ Богородицы, за какія преступленія страдаютъ эти грѣшники, архангелъ объясняетъ].

И увидѣ Святая Богородица мужа, висяща за нози, и червіи ядяху его и воспроси ангела:—„Кто сей есть? что грѣхъ сотворилъ есть?“ И рече къ ней архистратигъ: —„Сіи есть, иже приклады имаше на злато свое и на сребро, да за то навѣки мучится“.

И видѣ жену, висящу за зубъ, и различныя змія исхожаху изо устъ ея и ядяху ея. И видѣвши Пресвятая, и воспроси ангела:—„Что есть женѣ ѳси, что ли грѣхъ ея?“ И отвѣща архистратигъ и рече:—„Та есть, госпоже,

еже хожаше по ближная своя и по сусѣдомъ, послушающи, что глаголютъ и слагающи словеса непріязненна, свадающіи на сварѣ, да того ради сице мучится". И рече Святая Богородица:—„Добро было человѣку тому, да ся бы не рожалъ".

[Затѣмъ видѣла Она на огненныхъ кроватяхъ лежащими тѣхъ, кто на землѣ лѣнился вставать къ заутренѣ; на огненныхъ столахъ лежали непочитавшіе священниковъ].

И увидѣ Святая Богородица древо желѣзно, имѣюще отрасли и вѣтвіи желѣзныи, и верши вѣтвія того имѣяше уды желѣзныя, и бяше множество висящіи мужъ и женъ за языки. И видѣвши Святая, прослезися, и воспроси Михаила:—„кто си суть, что согрѣшеніи ихъ!" И рече архистратигъ!—„И се суть клеветницы и сводницы, иже разлучиша брата отъ брата и мужъ отъ женъ своихъ".

[Затѣмъ архангелъ показалъ Богородицѣ мученія священниковъ, монаховъ, епископовъ и патріарховъ, священническихъ женъ и монахинь. Въ смоляной горящей рѣкѣ страдали евреи, мучившіе Христа, и христіане, совершившіе тягчайшія преступленія. Узнавъ о ихъ преступленіяхъ]—и рече Святая:—„Подѣломъ ихъ буди тако". И паки наиде на ня бурна рѣка и огнена волны и тма покры я.

И рече къ ней архистратигъ:—„Поди, Пресвятая, да ти покажу езеро огнено, да видиши, гдѣ мучатся родъ христьянскій". И видѣ, и услыша плачъ и вопль отъ нихъ, онѣхъ не бѣ видѣти—и рече:—„Которіи си суть, что согрѣшеніе ихъ есть?" И рече къ ней Михаилъ:—Сіи суть, иже крестишася и крестъ словомъ нарицаху, а діаволя дѣла творяще; и погубиша время покаянію, и того ради мучатся тако здѣ". И рече Пресвятая ко архистратигу:—„при единой молитвѣ молются, да вниду и азъ, да ся мучу со крестьяны и понеже нарекошася чада сына моего!" И рече архистратигъ:—„Почиваи въ раи"... [Богородица проситъ, чтобы Ее вознесли къ Господу, къ Которому Она обращается съ просьбой о разрѣшеніи Ей страдать въ аду вмѣстѣ съ грѣшниками, если Онъ ихъ не помилуетъ. Святые угодники о томъ же тоже просятъ Господа. Мольба ихъ не умилостивила Господа,—тогда Богородица проситъ ангеловъ присоединить ихъ моленія:] „Пріидѣте вси ангели и сущіи на небесѣхъ; пріидите вси праведніи, яже Господь оправди, и вамо дано есть молитися за грѣшныя. Пріиди ты, Михаиле,—ты еси первый безплотнымъ и до престола Божія,—повели всѣмъ, да припадемъ предъ невидимымъ Отцемъ и не подвижемъ себе, дондеже послушаетъ насъ Богъ и помилуетъ грѣшныя". Тогда падеся Михаилъ ницъ лицемъ своимъ предъ престоломъ, и вся лики небесныя и всѣ чини безплотныхъ. И видѣ Владыко молбу Святыхъ, умилосердися Сына ради своего единороднаго и рече:—„Сниди, Сынъ мой возлюбленный, виждь молбу Святыхъ, и яви лице Свое на грѣшники".

И сшедъ Господь отъ невидимаго престола и увидѣша во тмѣ сущіи

и возопиша вси единымъ гласомъ, глаголюще:—помилуй ны, Сыне Божій, помилуй ны, царю всѣхъ вѣкъ!". И рече Владыко:—„Слышите вси! рай насадихъ и человѣка создахъ по образцу своему и поставихъ и господина раеви и животъ вѣчный дахъ имъ, они же ослуху створиша и въ своемъ хотѣніи согрѣшиша и предашась смерти; азъ же не быхъ хотѣлъ обозрити дѣла руку своею мучима отъ діавола, снидохъ на землю и воплотихся въ дѣвицу и вознесохся на крестъ, да свобожу ся отъ работы и отъ первыя клятвы: воды испросихъ и даша ми желчи со ицетомъ смѣшено; руцѣ моя создаста человѣка,—и во гробъ вложиша мя, да и въ адъ снидохъ и врага своего попрахъ, избраны своя воскресихъ, Іорданъ благословихъ, да вы прощу отъ первыя клятвы,—и вы небрегосте покаятися грѣховъ своихъ, но крестьяне ся творяще словомъ точію, а заповѣдей моихъ не соблюдосте, да того ради обрѣтостеся во огни негасимомъ, да не имамъ васъ помиловати. Нынѣ же за милосердіе Отца моего, яко посла мя къ вамъ, и за молитвы матери моея, яко плакася много за васъ, и за Михаила архистратига завѣту и за множество мученикъ моихъ, яко много трўдишася за васъ—и се даю вамъ день и нощь отъ великаго четверга до святого пятикостія, имѣте вы покои и прославите Отца и Сына и Святаго Духа". И отвѣщаша вси:—„Слава милосердію твоему!".

Дѣянія Павла и Өеклы (пересказъ).

...Когда Павелъ шелъ въ Иконію, послѣ бѣгства изъ Антіохіи, сопутствовали ему Демандъ и Эрмогенъ, мужи полные лицемѣрія; они притворялись, что любятъ Павла. Онъ же пріютилъ ихъ у себя и проповѣдывалъ имъ о Христѣ. Нѣкто Онисифоръ вышелъ навстрѣчу Павлу со своими сыновьями Силой и Зенономъ и съ женой Лектрой. Титъ разсказалъ ему, каковъ Павелъ лицомъ.

И вотъ онъ увидѣлъ Павла: апостолъ былъ приземистъ, плѣшивъ, кривоногъ, со сросшимися бровями, большеносый, но исполненъ какой-то благости. Лицо его было ангельское. Онисифоръ пригласилъ и ввелъ Павла со спутниками въ свой домъ. И сталъ Павелъ проповѣдывать: „Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ. Блаженны соблюдшіе въ чистотѣ свое тѣло, ибо они станутъ храмомъ Божіимъ. Блаженны хранящіе воздержаніе, ибо съ ними будетъ бесѣдовать Господь. Блаженны отрекшіеся отъ міра сего, ибо они справедливыми нарекутся. Блаженны имущіе женъ, какъ не имущіе ихъ, ибо они унаслѣдуютъ Господа. Блаженны имущіе страхъ Божій, ибо они содѣются ангелами Господними. Блаженны пріявшіе крещеніе, ибо они упокоятся у Отца и Сына. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ и не узрятъ дня страшнаго суда. Блаженны тѣла дѣвственниковъ, ибо они будутъ угодны Господу и не потеряютъ награды своей

святости, потому что слово Отца станетъ для нихъ дѣломъ спасенія въ день Сына Его и воспріимутъ покой во вѣки вѣковъ“. Вдохновенную проповѣдь Павла слышала, сидя у окна, язычница Ѳекла, дочь Ѳеоклеи, обрученная съ Тамиріемъ. Она увлеклась рѣчами апостола и денно и нощно внимала словамъ его, не видя его лица и не отходя отъ окна. Исполненная радости, она желала лицезрѣть Павла, но никакъ не могла выбраться изъ дому. Мать въ страхѣ зоветъ Тамирія, жениха дочери, и говоритъ ему: „Вотъ уже три дня и три ночи не отходитъ Ѳекла отъ окна, не ѣстъ, не пьетъ и все сидитъ у окна, уставивши очи на какого-то пришельца, обманщика и краснобая. И дивлюсь я, какъ это она потеряла стыдъ дѣвичій! Тамирій, человѣкъ этотъ мутитъ весь городъ и твою Ѳеклу; всѣ женщины идутъ къ нему учиться страху Божію и цѣломудренному житію. Все бы ничего, да вотъ дочка моя, словно паукъ, прилѣпившійся къ окну, вся устремилась къ его рѣчамъ и охвачена какимъ-то новымъ чувствомъ. Такъ пойди ты къ ней, да уговори ее: вѣдь она твоя обрученница“. Они пошли вдвоемъ уговаривать Ѳеклу, но она даже не поворотила головы и продолжала слушать чудныя рѣчи, забывъ все на свѣтѣ. Разгнѣванный Тамирій идетъ самъ послушать Павла, но наталкивается на Деманта и Эрмогена. Они изъ зависти къ апостолу посовѣтовали Тамирію отвести Павла на судъ къ игемону и обвинить его въ проповѣди опаснаго христіанскаго ученія. Игемонъ заключилъ Павла въ темницу. Ѳекла, подкупивъ стражу, проникла къ нему и по прежнему жадно слушала его восторженную рѣчь. Бѣгство ея изъ дому было, конечно, открыто и ее, вмѣстѣ съ апостоломъ, ведутъ къ игемону на судъ. Игемонъ изгналъ Павла изъ города, а Ѳеклу осудилъ на сожженіе. Ѳекла ищетъ Павла, точно овца своего пастыря, и видитъ Господа въ образѣ Павла. Она порывается къ нему, но мелькнувшій на одинъ мигъ дорогой образъ исчезъ. Костеръ готовъ, и Ѳекла уже вошла на него, вызвавъ слезы на глазахъ игемона, но землетрясеніе и градъ спасаютъ ее. Между тѣмъ Павелъ съ семействомъ Онисифора идетъ къ Дафну. Сыновья Онисифора просятъ хлѣба. Павелъ посылаетъ за хлѣбомъ. Мальчикъ идетъ за покупкой и встрѣчаетъ Ѳеклу. Она не хочетъ болѣе разстаться съ Павломъ, она говоритъ, что остриҗетъ волосы и всюду будетъ слѣдовать за нимъ. И вотъ она съ Павломъ идетъ въ Антіохію, а семья Онисифора возвращается въ Иконіумъ. При входѣ Ѳеклы въ городъ въ нее влюбился сиріархъ Александръ; онъ деньгами и подарками уговаривалъ Павла отдать ему Ѳеклу. „Она не моя“,—отвѣчалъ ему Павелъ. Тогда Александръ сталъ приставать къ Ѳеклѣ, но она разодрала ему хламиду и сорвала съ головы вѣнокъ.

Пылая любовью и боясь позора, Александръ повелъ ее на судъ къ игемону, который и осудилъ ее на растерзаніе дикими звѣрями въ циркѣ.

Ее вывели на арену, но звѣри не тронули ея. Тутъ же былъ вырытъ бассейнъ, наполненный водой, гдѣ помѣщались морскія чудовища.

Желая передъ смертію креститься, она бросилась въ этотъ бассейнъ. Женщины, видѣвшія это, издали крикъ ужаса, но огненное пламя осѣнило обнаженную Өеклу, и чудовища мертвыми всплыли на поверхность воды. Обрадованныя женщины принялись бросать на арену листья и цвѣты, а игемонъ прослезился. Спасенная Өекла пошла въ Миры Ликійскія, гдѣ пребывалъ Павелъ, а затѣмъ вернулась въ Иконіумъ; узнавъ, что Тамирій уже умеръ, она ушла въ Селевкію. Здѣсь 72 года жила она въ пещерѣ, питалась водой и травами. Въ концѣ жизни она отправилась за Павломъ въ Римъ и тамъ была похоронена невдалекѣ отъ Павла.

Романъ объ Александрѣ.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, 49—52.

[Въ Египтѣ царствовалъ волхвъ Нектанебъ. Когда Дарій, царь персидскій, пошелъ войною на Египетъ, Нектанебъ узналъ, благодаря чарованью, что ему Египта не удержать въ рукахъ. Онъ бѣжалъ, оставивъ на одной колоннѣ надпись, что онъ удаляется изъ Египта, но что через 30 лѣтъ вернется юный и сильный и побѣдитъ персовъ. Нектанебъ прибылъ ко двору царя Филиппа Македонскаго. Отъ союза его съ царицей Олимпіадой рождается сынъ Александръ. Царица была увѣрена, что отцомъ Александра былъ богъ Аммонъ, такъ какъ чародѣй Нектанебъ предсталъ передъ ней, имѣя орлиную голову, василисковые рога, хвостъ аспидовъ, ноги львиныя, крылья грифа, золотыя и червленыя.

Царевичу Александру дали хорошее образованіе,—его обучали лучшіе ученые того времени. Разъ Нектанебъ въ вечерній часъ въ пустынномъ мѣстѣ показывалъ Александру звѣзды, толкуя ихъ значеніе. Александръ заманилъ его къ оврагу и столкнулъ, такъ что Нектанебъ получилъ при паденіи смертельный ушибъ. Царевичъ сталъ издѣваться надъ умирающимъ астрологомъ: „Ты читаешь будущее по звѣздамъ, а не знаешь, что тебѣ угрожаетъ гибель“. „Нѣтъ,—отвѣчалъ Нектанебъ,—я это зналъ, но смертный человѣкъ не воленъ противъ рока, а мнѣ было предсказано, что меня убьетъ мой сынъ“. И онъ сказалъ Александру, что онъ его отецъ. Затѣмъ въ романѣ разсказывается объ укрощеніи Александромъ вологлаваго коня (Буцефала), о побѣдѣ Александра надъ царемъ Акарнянъ, съ которымъ онъ состязался въ конномъ ристаніи въ городѣ Писѣ. По смерти Филиппа персидскій царь Дарій прислалъ Александру высокомѣрное письмо и дѣтскія игрушки, издѣваясь надъ его возрастомъ. Александръ отправляется въ походъ черезъ Өракію, Ликію, Римъ, Кареагенъ и Ливію. Въ Мемфисѣ Александръ прочелъ слова Нектанеба относительно порабощенія черезъ 30 лѣтъ Египта молодымъ и сильнымъ. Дарій ждалъ Александра съ

войскомъ у рѣки Евфрата,—онъ послалъ македонскорў герою второе письмо въ томъ же вызывающемъ тонѣ].

Испытавъ бо Дарій близъ суща Александра, събра воя близъ рѣкы, нарицаемыя Пинаріа и, написавъ, посла къ Александрови тако: „Царь царемъ, великыи богъ Даріи, языкомъ господинъ, къ Александру. Грады губя, мнѣлъ еси утаити имене дарьева, егоже и бози почли суть собѣ стлъника быти. И не добра тя, мню, суща, отаи царствующа въ макидонстѣи странѣ безъ моего повелѣніа. Но и прошелъ еси землю и въ градѣхъ чужихъ себе еси прозвалъ царемъ, събравъ мужа подобны собѣ, не имуща надежа, и възимаеши грады худы, яже азъ, присно говѣя обладати, не хотяхъ многымъ отъ нихъ, акы отмѣтны имѣя. Ты же дани еси въ нихъ испросилъ имати велиши убо намъ тацѣмъ же быти, акы же еси, и мѣста, яже еси пріалъ, не хвалися имѣти. Злѣ убо ся еси домыслилъ о семъ, пръвое убо длъженъ еси былъ безуміе свое исправити и пріити къ мнѣ, къ господину своему Дарию, а не събирати разбойничя силы. Написалъ ти есмь пріити поклонитися Дарьеви царю. Ты же иного безумия дръжишися, и умучю тя убо смрътию неизреченною. Поуще же тебе и иже съ тобою постражють, иже суть не дали смыслити! кленужетися богомъ великымъ, моимъ отцемъ, не помнѣти ми, яже еси сдѣялъ!“

Александру же пріимшю грамоту Дарьеву и прочетшю, не раждизашеся о грьдыхъ словесехъ Дарьевыхъ, но посмѣявся. Даріи же, съвокупивъ силу многу, поиде съ дѣтми своими и съ женою и съ матерью своею. Бяху же о немъ нарицаеми „бесмрътни“ 10000 тысящь. Сего дѣля нарицахуся „безсмрътни“, яко число ихъ бяше всегда плъно въ убиеныхъ мѣсто. Александръ же, прошедъ, Киликиискыи Тавръ, пріиде въ Тарсъ, въ киликиискую митрополию, и видѣвъ Упату рѣку наводнившюся, самъ же ся бѣ, въспотѣлъ отъ пути, и, съволкъ исъ себе броня, измывся въ рѣцѣ. И намръзеся зимою, въ злу бѣду впаде, одва ся изъвлекова. Изъвлековавый же его бѣ Филиппъ отъ славныхъ лечець. Исцѣлѣвъ же, поиде на Дария. Даріи же на наричемемъ вся воя строяше. Разгнѣважеся Александръ устрѣмися на брань и исплъчися на Дария. Сущіи же о Даріи, видѣвше Александра, съ силою идуща на нь, на ней же странѣ слышаша Дария, ту постави колесница и всю бранную пристрою. Ставшима обѣма странама на браннѣмъ ступени, въздаа Александръ ни единому плъку приступити къ нимъ, ни проехати, ни причясти. И въсѣдъ Александръ на конь, повелѣ въструбити бранныи гласъ. И велику кличю бывшю въ воихъ и бысть велика брань между има. И биюше ся гоняху, ово на сю страну, ово на ону... Падаху другъ на друга въ множествѣ вои. Ничтоже бяше ту видѣти, но токмо коня, лежаща на земли, и мужа избъены; не бѣяше же, како познати ни Пръсянина, ни Македонянина, ни болярина, ни пѣша, ни конника... не видѣти бо бяше ни неба, ни земли отъ многы крови. И тоже само солнце, съжаливси о бывшихъ и не могыи зрѣти толика зла, пооблачися. Сѣчи же велицѣ бывши, побегоша Пръси. Бяше же

съ ними Амутъ Антиохиискыи, бояринъ макидонскыи, иже бѣжалъ къ Дарьеви въ прьваа лѣта. Вечеру же бывшю, Даріи убоявся, поиде, преди. Всѣми же бѣ знаеми побеженаа его колесница. Онъ же остави колесницю, и всѣдъ на конь, бѣжа. Александръ же, чтяше Дария, хотяше и яти, да ни отъ когоже убиенъ будетъ, и гнаше по немъ, хотя и спасти. Колесницю убо, и жену его, и дщерь, и матерь Дарьеву, за шесть връстъ гнавъ, Александръ прия. Самого же Дария нощь спасе. Имѣя бо на то конь добръ. И тѣмъ убѣже, единъ гонимъ. Александръ же постигъ Дарьевъ товаръ, вселися во нь. Побѣдивъ Дария и противныя и толикы славы сподобися, ничего же грѣда не сотвори, но убиеныя Пръсы повелѣ погребати, матерь же Дарьеву, жену и дѣти съ собою приведе честию. Такоже и прочаа плѣнникы словесы утѣши.

[Дарій побѣжденъ, семья его попала въ плѣнъ. Александръ возвращается въ Грецію, разрушаетъ Ѳивы, но щадитъ Аѳины, уважая въ нихъ городъ историческій и культурный. Дарій опять пишетъ письмо къ Александру все въ томъ же непримиримомъ тонѣ. Онъ говоритъ, что напрасно Александръ хорошо обращается съ его семьей, взятой въ плѣнъ,—все равно дружбы его онъ этимъ не купитъ. Александръ отвѣчаетъ сдержанно: „Я поступаю хорошо съ твоей семьей не изъ страха и не въ ожиданіи признательности, а потому что я — человѣкъ и поступаю такъ изъ человѣчности, которой и впредь останусь вѣренъ“. Мать Дарія пишетъ сыну слезное посланіе съ просьбою прекратить борьбу. Дарія убиваютъ его правители Бессъ и Аріобарзъ. Александръ не награждаетъ ихъ, а наказываетъ за смерть Дарія. Онъ предпринимаетъ походъ въ Индію. Путь его лежитъ на востокъ до окраинъ земли; различныя чудеса попадаются ему на пути: дикія женщины, шестиногіе и шестирукіе люди и т. д. Достигаетъ онъ и страны блаженныхъ людей—гимнософистовъ („нагомудрцы“), ведущихъ „ангельскую“ жизнь].

„Оттудуже ушедше, [описываетъ Александръ свой походъ] пріидохомъ на нѣкую страну травну, идѣже бяху человѣци дивни, подобни суще величиемъ къ влатомъ,—обли и космати, чрьмни, обличіе имуще лвово. Друзіи же нарицаемии Охлоти, не имѣюще власъ, въ высоту имуще четыре лактеи, прѣки же двухъ. И пріидоша же къ намъ кожами пропоясани, крѣпцы велми, готови суще на брань, безъ копии и безъ стрѣлъ, но колиемъ біяхуся съ вои. И убиша многы. Воемъ же гыблющимъ, повелѣхъ възгнѣтити огнь и огнемъ братися съ ними. И тако отидоша силніи мужи и отъ вой же погыбѣ мужіи семьдесятъ два и повелѣхъ съжещі огнемъ и оставльшаа кости ихъ нести въ домъ ихъ, они же исчезоша. Въ утрія же день въсхотѣхомъ внити въ врътпы ихъ, и обрѣтохомъ въ входѣхъ дверныхъ привязани звѣри, яко пси великы и пестри, длъготу имуще лактіи четыре и очеса три. Видѣхомъ тамо блохы скачюща, яко и жабы. Пришедъше же оттудѣ придохомъ на нѣкаа мѣста, идѣже источникъ течяше великою водою. И повелѣхъ ту плъкъ сътворити и въоружитися, помня трудъ яблокоядецъ.

Потомъ же, въ девятый часъ и десятый явися намъ мужь косматъ, яко вепрь, и ужасохомся, видѣвше такова животна, и повелѣхъ яти и; они же, ятъ бывъ, безъ студа зряше на ны; текшимъ же воемъ яти его, потортa языкомъ своимъ, и слышавше прочіи отъ рода его, изыдоша на ны изъ блата мужіи до десяти тысящь, а насъ бяше, четыре тмы. И повелѣ зажещи ихъ блато, и увидѣвше огнь, бѣжаша, гнавше по нихъ, связахомъ отъ нихъ четыре ста мужіи. Иже не имуще, чесо ясти, изъмроша, и бяху же въ нихъ смыслъ не человѣчь, но лаяху, яко пси.

Отшедше же оттудѣ, пріидохомъ на рѣку нѣкую, и повелѣхъ воемъ исплъчитися ту и въоружишася по обычаю. И бяше же при рѣцѣ древо и купно солнцю въсходящю, и дрѣво растяше до шестаго часа. Отъ седьмаго часу исчезаху, якоже не видѣти ихъ оттинудь. Слезы же имяху, якоже пръскыи пепелъ, воню же велми сладку и добру. Повелѣхъ бо сѣщи дрѣво, губами собирати слезу. Внезаапу же събирающеи бьеми бяху отъ бѣсовъ невидимыхъ; бьемыхъ лопотъ слышати бяше и раны по плещема видяхомъ, биющихъ же не видѣхомъ. Гласъ же нѣкакъ прихожаше глаголя: „не достойно сѣщи, ни събирати. Аще ли не престанете, да будутъ вси вои нѣми!“ Азъ же убояхся, повелѣхъ ни сѣчи, ни събирати отъ нихъ. Бяше же въ рѣцѣ каменіе чръно. Иже ся прикосняше къ камени сему, такыи же образъ пріимаше. Бяху же змиевѣ въ рѣцѣ мнози и рыбы мнози, яже огнемъ не печяхуся, но въ кладежнѣ водѣ студнѣ. Единъ убо отъ воинъ, пріимъ, измывъ и вложи въ сосудъ и остави. И обрѣте рыбу съмрену. Бяху же на рѣцѣ птица, подобны нашимъ птицамъ, ихже приближишася къ огню, пакы исхожааше отъ него.

...И пакы пошедше, пріидохомъ за два дни въ страну, идеже солнце не сияетъ. Ту убо есть земля блаженныхъ. И хотящю ми видѣти и исписати мѣста та, начя поимати свои ми рабы и поити къ нимъ. Калисфенъ же, мои другъ, съвѣщася съ мною, да иду съ сороками изъ дружины и съ стомъ отрокъ, и съ воины тысящу и двумя стами. Вне же по пути узрѣхомъ ослица, имуща жрѣбяты, обуяты войскымъ плъкомъ. И тако внидохомъ въ путь темныи връстъ пятнадцать, и видѣхомъ нѣкако мѣсто, и бѣ на немъ источникъ светелъ, егоже вода заблищашася, аки молниа. Възалкавъжеся, въсхотехъ пріяти хлѣба, и призвахъ повара и рѣхъ ему: „приготови ны влагу!“ Онъ же, пріимъ икру, и иде къ свѣтлому источнику омыти икру, и абіе, намокши въ водѣ, оживѣ икра и избѣжа отъ руку повара. Бѣ же вся та земля водна. Поваръ же бывшаго не повѣда.

Паки же шедше верстъ тридцать, къ тому поидохомъ, видѣвше зарю безъ солнца, и безъ луны, и безъ звѣздъ. И видѣхъ два птича, летяща, имуща обличіе человѣческо, елиньскымъ языкомъ свыше зваста: „почто ходиши по земли единаго бога, Александре? Възвратися окаанне! На мѣста блажныхъ и не можеши въступити! Възвратися убо, о человѣче, и по вданѣи тобѣ земли ходи. Труда себѣ не твори!“ Трепетенъ же бывъ, добрее начахъ слушати гласа, данаго ми отъ птиць. Другыи же птичь пакы провѣща елиньскымъ языкомъ:

„молитьтися, рече, въсточнаа страна и Порово царство побѣдою покорится!“ И си рекъ, птичь възлѣте.

Походъ въ Индію. ...Пришедшю же ему съ всею силою своею въ предѣлы индиискыя страны, срѣтоша и посолници Поря царя, носяще грамоты, и вдаша ему грамоту Порову. Пріимъ Александръ, прочте прѣдъ вои своими, и бяше написано сице: „Поръ, царь индиискыи, Александру, губящему грады. Повелѣваю ти отити,—человѣкъ бо сыи, что можеши богу противу? Почтоже подаеши труды сущимъ съ тобою. Немощнѣ сыи на брань, мнишися силнѣе мене быти? Азъ бо непобѣдимъ есмъ ни единемъ человѣкомъ, токмо есмь азъ царь, но и Дионуса бога имѣю, здѣ претяща тобѣ, якоже убо не токмо възвѣщаю ти, но и велю ти въскорѣ ити въ Еладу. Не бо устрашитъ мя твоя брань, еже на Дария, и другыхъ языкъ, елико ся еси сътворилъ чясть то по онѣхъ немужеству. Бо ты сильнѣи быти мнишися. Иди уже въ Еладу. Аще бо ны бысть трѣбѣ Елада, то поработили ю быхомъ древле Ксеркса. Нынѣ же, яко неключенъ языкъ сыи, нѣсть отъ нихъ ничтоже достойна царьска видѣния, не обратихомся къ нимъ всякъ, — бо добрѣйша жадаеть!“ Тако бо прѣдъ всѣми вои прочте Александръ грамоту Порову и рече имъ: „мужи воистіи, да не смущаеть васъ пакы прочтенаа грамота Порова! Помнѣте же, еже бѣ писалъ Даріи, во истину бо единакъ умъ имѣють варвари, безумнне! Якоже бо звѣрие ихъ суть, тигри, лвове, слонове, буяюще своею силою, удобь отъ человѣческаго рода ловими суть, — тако суть и варварстіи цари, буяюще множество вои, удобь умомъ еллинскымъ побѣжаеми бывають!“ И тако отвѣща Александръ... царю Порови: „Царь Александръ царю Порови радоватися! И еще бо паче велми ны есть дрьзы сътворилъ и възострилъ ны еси на рать къ себе, глаголя: „въ Еладѣ ничему же быти достоину царьскаго видѣния, но въ Индіи все имѣете, и страны, и грады! Вѣдѣ же, яко всякъ человѣкъ болшаго жадаеть пріати, а не меншее имѣти. Да понеже мы Еллини сего не имѣемъ, вы же, варвари, имѣете все, жажемъ вящьшихъ и хощемъ сего отъ васъ притяжати. Написалъ же ми еси бога себе суща и всѣхъ человѣкъ царя, якоже бога болши можеши. Азъ же къ тлѣнну человѣку творю брань, паче же къ варвару, а не къ богу. Божіа бо единаго оружия не можетъ понести вся вселеннаа, громнаго гласа, или млъніина просвѣщеніа, или граднаго гнѣва. Мене убо не устрашають мною же побѣжене языци, ни страшива же творять твоя словеса буяя!“

Поръ же, пріимъ грамоты александровы и прочетъ, възострися зѣло, и абие събра множество варваръ, и слоны, и ины звѣри многы, иже помогаху Индомъ. И якоже пришедъ близъ Макидоні и Пръсы, видѣв Александръ плъкъ Поровъ и убояся, не множества же вои, но множества звѣріи. Видѣвъ бо странное звѣрино, удивися,—съ человѣкы бо имяше брань творити, а не съ звѣрми. Пакы же Александръ, сътворися собѣ сломъ и вниде въ градъ, идеже бысть Поръ, въ воинстѣмъ образѣ. Индіи же, видѣвше его, абие поставиша и прѣдъ Поромъ царемъ, и рече ему Поръ: „какъ есть Але-

ксандръ?“ Онъ же рече: „живъ и здравъ есть, и жадаеть видѣти такого царя Пора!“ И шедъ съ Александромъ, показа ему звѣріи множество и рекъ къ Александру: „шедъ, повѣждь Александрови, яко азъ подобныя ти звѣри поставлю на брань!“

Отшедъ же Александръ отъ Пора, и видѣвъ испльченіе звѣриное, и испытавъ свои умъ, и великъ собѣ помыслъ сътворивъ... Елико имяше мѣдяныхъ болванъ, постави я прѣди и повелѣ воемъ, да ихъ ражгуть велми, яко быти мѣди присно огнемъ. И повелѣ имъ, да станутъ прѣди, яко стѣна прѣдъ полкомъ воискымъ. И въструбиша въ бранныи гласъ. Абие же Поръ повелѣ пустити звѣри. Звѣрие же, устремление имуще, поскакаху и примахуся болванехъ, и абие уста ихъ изъжегошася, и къ тому не прикоснутися никомуже. Такоже, убо устремление звѣриное устави умныи Александръ. Прьсы же премогаху Инды и прогнаша ихъ стрѣлами и на конѣхъ. Мног а же бяш брань убивающихъ и отъ убиваемыхъ. Паде же александровъ конь, на немже бѣ волуя глава, изнемогъся силою. И сему бывшю, и небрегъ о брани Александръ; двадцать дніи пребываше, біющеся между собою. Убоявшежеся о Александрѣ сами ея предаяху.

Разумѣвъ же Александръ, яко хотяшеть я предати, повелѣ престанути брани, и отвѣщавъ къ Порови царю глаголя: „се нѣсть царева сила, еже гыблють вои межю нами, но се есть доблесть своего телеси, да почивающимъ воемъ, сами ся снидевѣ битися о царствѣ!“ Радъ же бысть Поръ и обѣщася къ Александру, яко битися самѣма, видя тѣло александрово, не домняще къ своему тѣлу. Бяше бо Поръ пяти лакотъ, Александръ же ни трехъ. Ста убо обое множество на позоры Пора и Александра. Голка же убо внезаапу сътворися въ воехъ Пора царя.

Поръ, поплошився, возвратися вьспять видѣти, что есть голка. Александръ же, уврѣдивъ Пора въ нозѣ, поскочи на на нь, и удари Пора копиемъ у бокъ, и абие уби его. И начяшеся убо обои вои битися междю собою. Александръ же рече къ Индомъ: „о оканніи Инди съ кымъ ся биете, а царь вашъ убиенъ есть!“ Они же рѣша: „бьемся, да не пленени будемъ!“ Александръ же рече къ нимъ: „престанте, не биитеся, и обратившеся идѣте въ свои градъ свободни. Не вы бо есте дрьзнули пріити на моя воя, но Поръ!“ Се же рече, вѣдыи, яко не могутъ ся вои его бити съ Инды.

О погребеніи Пора царя і о прихоженіи Олѧксандра въ Рахманы. Абие же повелѣ Александръ погрести Пора царя царьскы. Честныя же полаты вси его въземъ, поиде къ Рахманомъ, не къ борцемъ сущимъ, но къ нагомудрецемъ, въ кучахъ и въ верьтьпѣхъ живущихъ.

Рахъмане же, слышавше идуща къ нимъ царя Александра, и послаша къ нему старѣйшаго мудреца съ грамотами. И приимъ Александръ, и прочте и обрѣте написано сице: „Нагомудреци человѣку Александру написахомъ. Аще къ намъ идеши битіся, ничтоже успѣеши. Не бо имаши, что у насъ взяти. Аще ли хощеши взяти, еже имѣемъ, тому не надобѣ брань, но

молитва, не къ намъ, но къ вышнему промыслу. Аще ли хощеши увѣдѣти, кто мы есмы — человѣци есмы нази, любомудрити навыкъше не о себѣ, но отъ вышняго промысла творение. Тебѣ подобаетъ брань творити, а намъ любомудрити. Се же прочеть, Александръ съ миромъ поиде къ нимъ и видѣ лѣсы многы и древа многа и красна со всяцѣмъ плодомъ, рѣку же обходящу всю ту землю, и бяше вода свѣтла и бѣла, яко млеко, и фюници мнози, полни плода, винъная же лоза имяша грезновъ добры зѣло и видѣ Александръ нагы и неодѣны, подъ кучами и въ верьтьпѣхъ сѣдяща, вънѣ же далече отъ нихъ видѣ жены и дѣти ихъ, яко стада на паствѣ.

И въпроси же Александръ глаголя: „гробъ не имѣете ли?“ Они же рѣша: „ее — вмѣстилище, — зде пребываемъ, и се есть намъ гробъ. Сде бо почиваемъ на земли, погребающе себе въ сонъ. Земля же ны ражаеть, и земля коръмить. Подъ землею бо кончавшися лежимъ въ вѣчьныи сонъ. Другое же въпроси: „которыхъ есть боле,—мертвыхъ ли, или живыхъ?“ Они же рекоша: „мертьвыхъ боле есть, но уже къ тому не видимъ ихъ, — видимыхъ боле есть невидимыхъ.“ Другое въпроси: „что убо есть крѣплѣ, смръть ли, или животъ?“ Они же рѣша: „животъ.“ Еже бо солнце, въсходя, луча имѣеть свѣтлы, заходя же немощнѣе бываеть“. Пакы въпроси: „что есть боле, земля ли или море?“ Они же рѣша: „земля, ибо то само море землею подъдержиться“. Пакы же въпроси: „что есть во всѣхъ животныхъ лукавѣе?“ Они же рѣша: „человѣкъ“. Онъ же рече: „како?“ — Они же рѣша: „се да тя препираемъ, ты бо, звѣрь сы, зри, колико звѣрии водиши съ собою, да другымъ звѣремъ животъ единъ въсхитиши“. Онъ же не разгнѣвася, но улыснуся. Другое же рече: „что есть царство?“ Они же рькоша: „обидлива сила, неправедно дерзновеніе, времени помогающу, злато бремя“. Рече же другое: „что есть начало быти перъвое, день ли, или нощь?“ Они же рѣша: „нощь, все бо рожаемое во тмѣ чревнѣи ростетъ, и потомъ родится къ свѣту прияти свѣтъ!“ Другое же рече: „кая страна добрѣиши есть, десная ли или шуяя?“ Они же рѣша: „десная, и само бо солнце въсходить и по лѣвой странѣ небеснѣи ходить и жена, перъвое доить лѣвымъ сосцемъ!“ Потомъ же въпроси ихъ Александръ: „имѣете ли старѣйшину?“ Они же рѣша ему: „имѣемъ игумена“. Онъ же рече: „хотѣлъ быхъ цѣловати его?“ Они же показаша ему Даньдамья, на земли възлежаща на листвии и предъ нимъ положени смокви, и дыня, и прочии овощь. Сего видѣвъ, Алексанръ и цѣлова. Онъ же рече Александрови: „радуися!“ Не въсташе же къ нему, ни почти его, яко царя. (Александръ) Въпроси же его: „есть ли у васъ имѣние?“ Онъ же рече: „имѣние наша есть земля, древа плодоносная свѣтъ, солнце, луна, звѣздъный ликъ, и вода. Егда убо взалъчемъ, ходимъ къ плодоносному древу... На новъ мѣсяць все древо наше ражаеть плодъ. Имѣемъ же великую рѣку Ефрату. Егда въсхощемъ воды, ходимъ къ неи, и пьемъ воду, и веселимъся. Имѣеть же кождо насъ свою жену, и на новъ мѣсяць ходимъ и приближаемъся къ нимъ, донелѣже родять по двое дѣтии.

И въмѣнимъ единого въ отца мѣсто, другаго же въ матерѣ мѣсто. Си слышавъ Александръ, рече всѣмъ: „просите у мене, что хощете, и дамъ вамъ!“ И воспиша вси, глаголюще: „дай намъ бесъмерьтие!“ Рече же Александръ: „симъ азъ не владѣю, — азъ бо смерътенъ есмь!“ Они же рѣша ему: „почто ты, смертнъ сы, толико ся бореши? Да все возмеши, где же то хощеши понести? Не пакы ли то инѣмъ оставиши?“ Александръ же рече: „си отъ вышняго промысла строятся, да мы вамъ служители будемъ онѣмъ повелѣніемъ: не въстанеть бо море, аще не дъхнеть вѣтръ. Неключимъ человѣкъ, токмо съ вышняго промысла. И азъ быхъ престалъ отъ рати, но не дасть ми нрава моего владыка. Аще бо быхомъ вси единъ нравъ имѣли, праздѣнъ убо бы весь міръ. По морю быша не плавали, земли быша не дѣлали, дѣтино роженне не было. Колико бо ихъ въ бывшихъ бранехъ отъ мене погрѣшиша, погубивше мужа и дѣти, друзии же добывше си отъ чюжего. Вы бо, отъ всѣхъ приемлюще, другымъ оставляите и ни единому ничтоже не будеть!“ Се же рекъ, Александръ принесе къ Даньдамью злато, и хлѣбы, и вино, и масло, глаголя: „приими се въ памятъ нашю!“ Дандамии же, просъмѣяся, рекъ: „сии намъ не потребна суть, но до ся не мнимъ гордяще, приимемъ у тебе масло!“ И створивъ громаду дровъ и зажьже огнемъ предъ Александромъ и взолья масло на огнь.

[Послѣ войны съ Поромъ самый характеръ странствованій Александра мѣняется: онъ о завоеваніяхъ теперь не думаетъ, а желаетъ побольше увидѣть разныхъ чудесъ. И вотъ онъ встрѣчаетъ людей съ собачьими головами, людей съ птичьими ногами и туловищами, съ глазами и ртомъ на груди, одноногихъ, циклоповъ, пигмеевъ... Онъ приходитъ въ страну, гдѣ всегда страшный зной, въ другой странѣ — непроницаемый мракъ въ третьей — вся земля покрыта драгоцѣнными камнями. Ему приходится летать на грифѣ, разговаривать съ птицами; онъ опускается на дно океана; потомъ достигаетъ солнечнаго града, „оттуда солнце восходитъ“, встрѣчаетъ ужасные „нечистые“ народы и, чтобы избавить отъ нихъ человѣчество, волшебнымъ камнемъ „синклитомъ“ замыкаетъ въ горахъ „сѣверскихъ“. Между этими народами оказываются и татары. Въ одномъ озерѣ была имъ поймана рыба, въ которой оказался „камень свѣтелъ, яко солнце сіяетъ въ нощи“; сражался онъ съ чудными существами-полканами: „горѣ человѣкъ, долу конь, иже нарицахуся исполини“, попадаетъ въ царство „амазонокъ“. Узнавъ о существованіи говорящихъ деревьевъ, предсказывающихъ судьбу, онъ отыскиваетъ ихъ и узнаетъ, что умретъ въ Вавилонѣ и не оставитъ дѣтей. Такъ и случилось: онъ умеръ отъ отравы. Кончается романъ описаніемъ плача царицы Олимпіады, Роксаны и всего войска; затѣмъ идетъ перечень городовъ, построенныхъ Александромъ].

Девгеніево дѣяніе.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 52—53.

[У одной богобоязненной вдовы было три сына и дочь, „велелѣпна и велеозарна красотою лица своего". Амиръ, царь „Аравитскіе земли", услышалъ о ея красотѣ и похитилъ ее изъ родительскаго дома. Мать съ плачемъ сообщаетъ сыновьямъ о случившемся. Сыновья просятъ у матери благословенье, чтобы ѣхать на поиски сестры, „препоясаша на себя оружія своя и всѣдоша на кони своя и поѣхаша, яко златокрылаты ястребы". По дорогѣ братья захватили въ полонъ срацына-сторожа, затѣмъ напали на цѣлый отрядъ враговъ, „поскочиша на амировыхъ стражей и начаша ихъ бити, яко добрые косцы траву косити,—овіихъ изсѣкоша, а овіихъ связаша и приведоша на гору высоку и гнаша ихъ передъ собою, яко добрый пастухъ овца". Избивъ всѣхъ, кромѣ трехъ, братья у нихъ разспросили, гдѣ искать царя Амира, и отпустили ихъ]. Слышавъ же то Амиръ царь и ужастенъ бысть и, призвавъ кметевъ своихъ, и рече имъ: „братія моя, силніи кмети, видѣхъ я ночесь сонъ, яко ястребы три біюще мя крилы своими и едва не предложиша на тѣлѣ моемъ ранъ, занеже братаничи сіи пріидутъ, а начнутъ прю творити. [Братья явились и стали требовать сестры. Послѣ разныхъ отговорокъ и хитростей Амиръ предложилъ биться съ любымъ изъ братьевъ на поединкѣ, подъ условіемъ, что выдастъ похищенную дѣвицу, если будетъ побѣжденъ. Изъ братьевъ биться пришлось съ Амиромъ меньшому]. И начаша братаничи меньшово брата крутить, а гдѣ стоятъ братаничи, и на томъ мѣстѣ аки солнце сіяетъ, а гдѣ Амира царя крутятъ, тамъ нѣсть свѣта, аки тма темно, братія же ангелскую пѣснь ко Богу возсылающе: „Владыко, не поддаи созданія своего въ поруганіе поганымъ, да не возрадуютца поганіи, оскверня крестьянскую дѣвицу". [Побѣжденный въ бою Амиръ предложилъ креститься и жениться на ихъ сестрѣ. Когда они предложили сестрѣ убить Амира, она заступилась за него. Хитростью Амиръ, собравъ много богатствъ, уѣхалъ изъ родной страны и пріѣхалъ на родину жены. Амиръ былъ торжественно крещенъ самимъ патріархомъ. Когда мать Амира узнала о случившемся, она была въ отчаяньи. Она послала въ Греческую землю трехъ Сарацынъ, чтобы увезти Амира съ его женой]. И она же имъ даша много златницъ и даша имъ три кони: конь рекомыи *вѣтреница*, вторый—*громъ*, третій—*молнія*; [и сказала:] аще внидите въ Греческую землю и увидите господина своего Амира царя, и изведете его изъ Греческія земли, и сядете на вѣтреницу, и вы невидими будете никимъ же; аще внидите въ Срачинскую землю съ господиномъ своимъ Амиромъ царемъ и со дѣвицею его любимою, и сядете вы на громъ-конь и тогда услышатъ вси Аравитяне Срацынскіе земли; аще сядете на молнію

и невидими будете въ Греческой землѣ“. [Сарацыны прибыли къ городу, гдѣ жилъ Амиръ. Но Амирова жена увидѣла вѣщій сонъ, который ее испугалъ; она разсказала его братьямъ: „въ нѣкое время влетѣша въ полату мою златокрылатый соколъ и ятъ мя и изнесе изъ палаты моея и потомъ прилетѣша три враны и напустиша на сокола, и соколъ мя опусти“. Волхвы объяснили сонъ тѣмъ, что Амиръ хочетъ увезти жену. Сарацынъ нашли, крестили ихъ, а чудесныхъ коней у нихъ отняли. Амиръ роздалъ ихъ зятьямъ. У Амира родился сынъ Девгеній]. И потомъ воспитавше Девгенія царевича до 10 лѣтъ; на первоенадесять лѣто и на второе начаша копьемъ играти, а на третеенадесять лѣто начаша на добрыхъ коняхъ ѣздити, и бысть гораздъ на драгантѣ храбровать, а драгантъ подъ нимъ играетъ. Самъ же юноша красенъ велми, лице же его, яко снѣгъ, а румяно, яко маковъ цвѣтъ, власы же его, яко злато, очи же его велми великіи, яко чашы, пристрашно зрѣти на него. Отецъ же его избра ему конь бѣлъ, яко голубь, а въ гривѣ его учинены многіе звонцы—отъ прегуданія и умъ человѣчь не можетъ смыслить! А какъ юноша начнетъ на томъ конѣ скакать, а конь подъ нимъ играть, и тѣхъ звонцовъ прегуданія умъ человѣчь исхититца. На четвертое же лѣто на 10 ѣздиша прекрасный Девгеней на всякій звѣрь безъ оружія, и нача отца своего нудить; отецъ же его нача ему говорить:—„Чадо, рано тебѣ о ловѣхъ звѣриныхъ мыслити“,—и повелѣ кони свои сѣдлати и на ловъ ѣхати со юношами и съ шурьями своими. Людіе же града того многія поидоша на ловъ смотрѣть преславнаго того чюдеси, како сій юноша прекрасный, младъ, хощетъ звѣриную дерзость имѣти. Отецъ же его повелѣ зайцы изъ острова выгонять и нача ихъ ловить со псами; преславный же Девгеней посмѣявся и рече: „Отче, не тако звѣрей ловятъ, но поѣдемъ въ далные пустыя лѣса“. Отецъ же его поѣде съ нимъ, и многія люди поидоша за ними смотрѣть храбрости его и дерзости, прекраснаго того Девгенія; и доѣхаша до темна лѣсу, и слѣзе съ коня своего, и нача по лѣсу ходить и смотрити какова звѣря: и видѣ прекрасный Девгеній лося бѣгуща и сугна его пѣшь, яко борзые (борзѣе) борзаго фарыжа и догнавъ, ухвативъ его за заднія ноги и раздра его на двое, и влече его положа на руку и видѣвъ же медвѣдя лѣсомъ бѣгуща. Девгеній же храбрый, видѣвъ медвѣдя и поскочи, и догнавъ медвѣдя, разодравъ его челюсти и разодравъ его на двое; и видѣвъ же его храбрость и дерзость, отецъ его и вси людіе и удивишася зѣло; людіе же многи ту стояху и дивляхуся. По малѣ же времени видѣвше отецъ его изъ острову бѣгуща, изъ густова лѣсу, лютый звѣрь, разъемше челюсти своя и хотяще проглотити юношу; отецъ же его рекоша: „Чадо мое милое, Девгеній, пометай мертвая, зри живаго—на тя бѣжитъ и хощетъ тя проглотить; той есть не лось и не медвѣдь, съ великою бо обороною приступися къ нему“. И видѣвъ же юноша, прекрасный Девгеній, лютаго того звѣря, и ухвативъ мечь свой и скочи къ нему встрѣчю, и удари его мечемъ по главѣ и разсѣкъ его на двое. Видѣвъ же отецъ его изъ

острова и радостенъ бысть зѣло, и пріѣхавъ къ сыну своему и поцѣлова его во уста и во очію, како дарова ему Богъ таковаго отрока и подасть силу надо всѣми храбрыми и силными, и рече отецъ сыну своему: „О, свѣтозарное солнце, преславный Девгеній, отъ поту звѣринова и от-хля медвѣжая порты на тебя изрудилися; но идемъ мы, сыне, отъ сего лѣсу темного—есть въ семъ лѣсу источникъ водный, въ немъ яко свѣща сіяетъ; отъ простыхъ людей не можетъ къ нему никто пріитьти, понеже бо въ немъ многая чудеса творятся и нынѣ поидемъ, чадо, ко источнику, и язъ самъ тебѣ своими руками омыю лице твое и руцѣ, и нозѣ“. И видѣша же то граждане, и поидоша граждане зрѣти предивнаго чюдеси, и пріидоша ко источнику, и нача отецъ сыну своему лице омывати и руцѣ, и нозѣ; и рече сынъ, прекрасный Девгеней:—„Отче, руцѣ мои моешь, а еще имъ калнымъ быть“. По томъ же словеси прилетѣ змій великій ко источнику тому, четыре главы у себя имѣя, яко человѣчи. И видѣвъ же то преславный Девгеній, и взя мечь свой и поскочи противу его и удари мечемъ его, и отня ему всѣ главы прочь. Видѣвъ же то отецъ его и вси людіе и дивишася чюдеси его, и нача отецъ его омывати самъ своими руками, и положиша на него драгоцѣнные порты съ драгимъ златомъ аравитьскимъ, а перерукавіе съ драгимъ магнитомъ, и потомъ же юноша сяде на конь свои, рекомый на борзый фарь, и нача скакать, а подъ нимъ конь играть, звонцы же его доброгласныи начаша прегудать, и пріѣхаша въ домъ къ матери своеи, и нача же мати его радоватися, видѣвше сына своего и любезно цѣлова его, и съ тое поры прекрасный Девгеней царевичь нача помышляти о дѣлехъ ратныхъ.

Посланіе Филипата и отъ дочери его Максиміаны къ Девгенію прекрасному... Слышавъ же то Филипатъ и дочь его Максиміана о храбрости и о силѣ прекраснаго Девгенія и начаша они помышляти, како бы его уловить, яко зайца въ тенето. Филипатъ же храбръ и силенъ добрѣ и много у себя войска имѣетъ; такожe и Максиміана мужскую дерзость и храбрость имѣетъ, и войско ихъ сильно и храбро добрѣ, яко Македоняне. И поидоста на преславного Девгенія царевича и не доидоша града Греческаго и сташа на рѣкѣ Ефрантѣ, и послаша Максимьяна грамоты съ прелестію къ преславному Девгенію, а въ грамотѣ пишетъ: „О свѣте, свѣтозарное солнце, преславный Девгеней, ты царствуешы во всѣхъ насъ храбрыхъ и силныхъ, яко май мѣсяцъ во всѣхъ мѣсяцехъ: въ маѣ мѣсяцѣ всяка красота земная процвѣтаетъ и древа листьвенные листомъ одѣютца, и вся небесная красота содѣваетца, тако же и ты въ насъ процвѣте, преславный Девгеній; а нынѣ молимъ тя, преславне, не полѣнися, пріиди къ намъ не во мнозѣ силѣ на Ефрантъ рѣку, да видимъ юность и храбрость твою; а никакоже нѣсть помышленія никакова жь“. И прочтетъ же тое грамоту преславный Девгеній и посмѣявси и рече отцу своему:—„Отче, хощу ѣхать видѣти преславна и храбра Филипата и Максимьяну дѣву“. Рече же къ нему отецъ его, Амиръ

царь: —„Чадо мое милое, преславный Девгеней, рано тебѣ въ силную рать ѣхать; еще ты въ ратехъ не бывалъ, и ничево ратного дѣла нигдѣ не видалъ, понеже бо Филипатъ въ ратехъ храбръ и силенъ, такоже и Максимьяна, дщерь его, мужескую дерзость имѣетъ, и войско ихъ храбро и много зѣло". Девгеній же, отписавъ грамоту и посла Грека мужа, а въ грамотѣ пишетъ: „срамъ ми есть великъ въ томъ—противо дѣвицы ѣхать битися, а ты, старый Филипатъ, во мнозѣ силѣ пришелъ еси и неповинныхъ людей множество привелъ еси ко мнѣ". Прочетъ же грамоту, Максимьяна дѣвица и рече Греку мужу: „никакоже, свѣтозарное солнце и преславный Девгеній, и не имѣй помысла̀ во умѣ своемъ никакова, занеже прiѣхали мы юности твоей видѣти". Девгеній же день отъ дни помышляше, како бы ему видѣть храбрость Филипата, и поятъ съ собою Грековъ немного и возме молитву у отца своего и у матери, и вборзѣ сѣде на конь свой и рече отцу своему: „отче и мати моя, въ томъ вы помышленія никакова не имѣйте, никакоже отъ руки человѣческія на тѣлѣ моемъ не будетъ ранъ, занеже надѣюся на Бога и на силу Божію и на вашу молитву". И поѣде въ путь свой и прiѣде на рѣку, рекомую Ефрантъ, и ста на брегу и посла Грековъ своихъ къ Филипату и къ Максимьянѣ дѣвицѣ; и видѣвъ же то Филипатъ, Девгеніевыхъ людей немного, и нача за ними гонять со всѣмъ войскомъ своимъ. И видѣвъ же то, Девгеній храбрый гоненіе своихъ предстоящихъ, и ухвативъ копье и попре въ рѣку концемъ и перескочи чрезъ рѣку пѣшъ, яко соколъ дюжей отъ руку ловца, и завопи гласомъ веліимъ, велегласно: „дайте мои борзы конь, рекомый фарь!" И всѣдъ на конь свой и нача гонять, яко добрый жнецъ траву коситъ: въ первомъ поскокѣ тысящу поби войска Филипата; а въ другой рядъ скочилъ, такожде 1000 жь побилъ; а въ третій нагна Филипата самого и удари ево копьемъ, тупымъ концемъ, межь плечь и сверже его съ коня на землю. И видѣвъ же то Максимьяна дѣвица, что Девгеній вяжуще отца ея Филипата, и, заправя копье свое, хотяще пробости преславнаго Девгенія созади его; Девгеній же, видѣвъ то, и ухвати копье ея рукою своею, и удари ея дланію своею по лицу; и сверже ея съ коня на землю, и связавъ ихъ обоихъ, а войско ихъ, иныхъ побиша, а иныхъ живыхъ поимаша и гнаша ихъ предъ собою, яко добрый пастухъ овца или козлища, и перегнаша ихъ чрезъ рѣку. Въ ту жь пору старый Филипатъ обратися къ Девгенію и рече: „о, златокрылатый ястрябь, преславный Девгеній, ты славенъ еси и силенъ во всѣхъ насъ силныхъ и храбрыхъ, а еще тя есть храбрѣе и силнѣе на семъ свѣтѣ преславный Стратигъ, имѣя у себя четыре сына, а протчая воинства его не можетъ земля держати; и бѣ у него дщерь прекрасная и преславная Стратиговна, имѣя и она мужескую дерзость и храбрость, а красотою ея нѣсть на семъ свѣтѣ краше,—мнози цари и короли храбріи и силніи суть, а нихто не можетъ ея пояти,—хто ни прiѣдетъ, тотъ не можетъ отъ ихъ царства живъ отъѣхать; развѣ тебя Богъ одаритъ, а нынѣ пощади мя и старость мою, отпусти мя".

Рече же ему преславный Девгеній: „хощу преже проповѣдати; аще истинну сказалъ ми еси, тогда пущу тя, толко возложу знаменіе на лице твое, протчаго ради времяни“. [Максимьяна предложила ему выйти за него замужъ]. И рече ей преславный Девгеней, дѣвицѣ Максимьянѣ: „не имѣю ни отъ какова человѣка помощы, кромѣ милости Божіи и матернія молитвы; та ми поможетъ“. А Девгеній же мудръ бысть велми и взя книгу и посмотри въ нея о житіи своемъ и о смерти. [Въ книгѣ онъ прочелъ, что если женится на ней, то жить будетъ только 16 лѣтъ,—если женится на Стратиговнѣ,—то 36],—и кликнувъ велегласно къ Греку мужу: „поиди ко отцу и къ матери моей и поздравствуй ему отъ меня великимъ здравіемъ и реки имъ: „радуйся отче съ матерію моею!“, а сего старого Филипата везите ко отцу моему, а Максиміану дѣвицу отдайте матери моей; аще къ ней прикоснется хотя единъ единымъ словомъ, то не можетъ сей день живъ быти“. И отпусти ихъ впредь, а самъ назади поѣхаша и пріѣхаша въ домъ ко отцу своему и къ матери; отецъ же его и мати ради бысть зѣло, сождавъ своего сына, преславного Девгенія. Преславный же Девгеней нача мыслить во умѣ своемъ о прекрасной Стратиговнѣ, а Максимьяну дѣвицу повелѣша матери своей беречь и держати въ великомъ бреженіи, и нача прекрасный и преславный Девгеней у отца своего и у матери безпрестани умоляти, како бы ему видѣть преславнаго Стратига царя и сыновъ его и все ихъ воинство и прекрасную Стратиговну. Отецъ же его нача унимать: „чадо мое милое, уймися отъ сего помысла: многіе то помышляше о самомъ Стратигѣ и о Стратиговнѣ, како бы имъ видѣти, да не збылося имъ видѣти ея“. Преславный же Девгеній, взя молитву у отца своего и матери, и совокупи воя своя много, и взя съ собою драгоцѣнныя порты и коня своего съ звончатыми гусли и сяде на борзой свой фарь, и поѣде съ войскомъ своимъ ко Стратигу царю, и доиде сумежья Стратиговы земли, и не доѣзжая до града за пять верстъ и устави воинство свое и повелѣ имъ межь себе около стражу крѣпку имѣти, дабы не скрали ихъ, а самъ поѣде, прекрасный Девгеній, на своемъ конѣ, которой въ звонцы играетъ, ко граду Стратигову, и пріѣде во градъ, во врата града Стратигова, и встрѣте юношу Стратигова двора, и вопрошаше юношу того о Стратигѣ царѣ и о сынѣхъ его и о самой дѣвицѣ Стратиговнѣ. Отвѣщавъ же ему юноша: „нѣсть господина нашего Стратига царя дома, но въ иной странѣ ловы дѣетъ и съ четырмя сыновьями своими, а о самой Стратиговнѣ вопрошающе мя, господине, ино нѣсть таковые прекрасные на семъ свѣтѣ; многіе суть пріѣзжали къ ней цари, царевичи, короли, королевичи, а нихто въ очи ея не видалъ, и нихто живъ изъ царства сего не выѣзживалъ, занеже Стратигъ нашъ храбръ и силенъ и сынове его, опричесь воинства его, а воинству его и смѣты нѣтъ, а храбри суть такови: единъ на сто напуститъ, и сама Стратиговна мужескую дерзость имѣетъ, иному никому на ея зрѣть неподобно развѣе тебе“. И слышавъ же то, Девгеній прекрасный радостенъ бысть зѣло, зане и въ книгѣ указано ему прикасатися къ Стра-

тиговнѣ и жить ему тридесять 6 лѣтъ съ нею; и поѣде же Девгеней прекрасный градомъ Стратиговымъ, и пріиде ко двору Стратигову, и нача възирати на дворъ Стратиговъ. И видѣвъ же то, сама Стратиговна и приниче ко оконцу и видѣ красоту Девгеніеву и нача во умѣ своемъ помышлять, занеже есть красенъ, а не силенъ; Девгеней же ѣздиша по двору и возвратися назадъ и пріѣхаша въ станъ свой съ новопріемнымъ юношею, и нача веселитися во всю нощь, и повелѣша людемъ своимъ въ тинпаны и въ набаты бити, и въ сурны играти, сіи рѣчь трубить, и въ гусли играть. И услышавъ же то, прекрасная Стратиговна, начаша вопрошать мамокъ своихъ, что де сіе за играніе подъ градомъ нашымъ... Во утріи же поѣде опять во градъ Стратиговъ прекрасный Девгеній на своемъ бѣломъ конѣ, у коего здѣланы звонцы въ гривѣ, и пріѣхаша ко двору Стратигову, и нача на конѣ своемъ ѣздить, а гудцы и звонцы у коня въ гривѣ начаша играть, и отъ того игранія умъ человѣчь исхититьца. И слышавъ же то, Стратиговна и приниче къ оконцу своему, и видѣ Девгенія, и рече кормилицемъ своимъ: „Идите на дворъ и вопросите его, что велію дерзость имѣетъ сей юноша ко двору нашему?“

[Узнавъ, что подъ окномъ стоитъ Девгеній, Стратиговна предупреждаетъ его объ опасности: много смѣльчаковъ, дерзавшихъ ее похитить, погублено ея отцомъ. Девгеній все-таки ее похищаетъ, перебиваетъ погоню, побѣждаетъ братьевъ невѣсты. Отецъ Стратиговны соглашается на бракъ. Послѣ свадьбы Девгеній совершаетъ многіе подвиги: сражается съ дикими звѣрями, убиваетъ дракона, побѣждаетъ трехъ разбойниковъ и амазонку, ради которой измѣняетъ своей женѣ. Умираетъ Девгеній въ своемъ дворцѣ, окруженный почетомъ и любовью жены Стратиговны, которая немного пережила его].

Повѣсть о премудромъ Акирѣ.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 53—54.

[Премудрый Акиръ былъ приближенный царя Синограѳа (Синагрипа), былъ очень богатъ, но бездѣтенъ. Сталъ Акиръ молиться Богу о дарованіи ему дѣтища. Богъ послалъ ему ангела съ приказаніемъ взять на воспитаніе племянника Анадама].

„Дѣтище же бысть возрастомъ доброзраченъ; премудры же Акирь нача учити сына своего Анадама грамотѣ руской, алевитской, аизорской и египетской, и потомъ его научи дванадесять языковъ и потомъ его научи звездочету небесному, и научи его всякой премудрости—земному и небесному, и всю ѳилосоѳію, научи его вся разумна, и нача его словомъ сына своего Анадама: „чадо мое Анадаме, буди послушливъ на добрая дѣла и меня, отца, чти и матерь, аки Бога. Чадо мое Анадаме, буди послушливъ на добрыя дѣла, аки елѣнь на позорище, а не лѣнивъ буди, аки ястребъ

не отъ ласково соколника. Чадо мое Анадаме, съ другомъ живи три годы, а говори съ нимъ устны, а не сердцемъ. Чадо мое Анадаме, льстива человѣка бѣгай, а съ нечестивыми на дорогу не ходи. Чадо, на женскую красоту не зри: та бо красота сладитъ, аки медвяная сыта, а послѣ горчае желчи и полони травы будетъ. Чадо Анадаме, подлѣ горъ не ходи, и ты сапога не скривишь. Чадо, пьянъ на конѣ не гоняй, тѣмъ храбръ не будешь. Чадо, учнешь по цареву двору ходить, и ты менше зри на небо, болши зри на землю; аще ли чего не найдешь, и ты ноги не зашибешь... Чадо, лучше съ умнымъ великій камень поднять, нежели съ безумнымъ вино пить... Чадо аще тя позовутъ на пиръ, и ты по первому зову не ходи, а по второму поди, а третьяго не моги ослушаться; и ты чести не испадешь... Чадо, сына своего отъ младости кроти, да онъ же на старость твою покоитъ тя... Чадо, отъ церкви не отлучайся николи. Чадо, коня на коня не мѣняй, и на чужемъ не ѣзди конѣ; аще пѣшь идешь, то они посмѣются тебѣ... Чадо, лутче есть послушати пьяна человѣка умнаго, нежели трезва безумнаго... Чадо, аще пьянъ будешь, не много говори: уменъ наречешися... Чадо, лутче есть молчати, нежели зло глаголати... Сыну, лучше есть безъ души, нежели безъ ума... Чадо, добро сытому у великаго князя обѣда ждать,—также и праведному смертнаго часа ждать...“ Акирь премудры сына своего Анадама всякой премудрости, небесному и земному, аки злата сосудъ бисеру изнасыпанъ. [Акиръ устроилъ своего пріемнаго сына на службу къ царю Синограѳу. Анадамъ рѣшился погубить Акира, „дьяволскимъ поученіемъ наполнися лсти и ярости“: онъ обвинилъ Акира въ измѣнѣ, обманулъ царя, и Акиръ былъ осужденъ на смертную казнь; но палачъ смилостивился, спряталъ его, а вмѣсто него казнилъ другого. Анадамъ былъ у царя въ великой чести,—онъ получилъ и деньги и санъ пріемнаго отца. Прошло три года. Царь египетскій Ѳараонъ, узнавъ, что мудраго Акира нѣтъ при дворѣ Синограѳа, пошелъ на царя войной, брать дани. Впередъ былъ отправленъ „грозный посолъ“ Елтѣга, который чинилъ всякія беззаконія въ городѣ Синограѳа; отъ имени своего повелителя онъ предложилъ Синограѳу рѣшить загадки. Если загадки не будутъ отгаданы, то вся земля Синограѳа будетъ плѣнена, и самъ онъ казненъ. Царь былъ смущенъ; никто изъ приближенныхъ не брался разгадывать загадокъ,—всѣ жалѣли, что нѣтъ мудраго Акира. Тогда тотъ конюшій, которому было поручено убить Акира, признался, что Акиръ живъ. Царь опять приблизилъ Акира къ себѣ. Акиръ пошелъ къ своей женѣ, которую Анадамъ сдѣлалъ своею рабою. Она обрадовалась Акиру и воскликнула:—„Алѣвицкое мое царство и Алезорское мое солнце! Откуда ми еси, свѣтъ, явися?“ Акиръ съ женой вернулся въ свои палаты, „въ баняхъ паритися, и мазью мазатися, и ѣству сахарную, и разныя питья и ѣствы нача пити и ѣсти и веселитися“. Затѣмъ онъ отправился „грознымъ посломъ“ къ царю Ѳараону и заявилъ, что готовъ разгадывать загадки, отрекомендовавшись Анбугиломъ конюшимъ. Царь приказалъ свить веревку изъ песка.

Акиръ велѣлъ просверлить стѣну, всыпать туда песокъ и выдувать его вѣтромъ—изъ отверстія песокъ посыпался на землю струею, какъ „гужъ“ Между другими загадками, разрѣшенными Акиромъ, царь предложилъ ему, между прочимъ, „устроить градъ межь небомъ и землею, не подпертъ ничѣмъ]. Акирь же повелѣ отрокомъ своимъ двѣ птицы-Ноги пустить, и повелѣ всадити отрока и дати отроку въ руки топоръ и птицамъ на тычинахъ мяса, чѣмъ кормить птицъ. И начаша птицы превозвышатися равно съ облаки, отрокъ же нача вопити великимъ голосомъ: „египтяне, понесите каменье и известь: азъ есмя хощу, и градарь нарицаюся, вашему царю градъ сотворить межъ небомъ и землею, не подпертъ ничѣмъ“. Акирь же повеле отрокомъ своимъ по всему граду Египту брусіемъ бити египтянъ и глаголяще: „подавайте каменіе и известь, и древа градарю нашему!“ Они же станутъ подавать—и не достанутъ, и слуги же Акировы бьютъ ихъ: „подавайте!“ Они же пріидоша къ царю съ плачемъ и глагола: „мы не умѣемъ подавать, а они же бьютъ насъ!“

[Царь Ѳараонъ догадался, что имѣетъ дѣло съ самимъ Акиромъ, и согласился по прежнему платить дань Синограѳу. По просьбѣ Акира, царь выдалъ ему Анадама. Акиръ велѣлъ его приковать около царской палаты и возлѣ него положить трость, налитую оловомъ, чтобы проходящіе били тою тростью Анадама, приговаривая: „не роженъ, не сынъ, не окупленъ, не холопъ! Не вскормя, себѣ ворога не видать!“ Анадамъ сталъ просить прощенья, просилъ его сдѣлать пастухомъ. Акиръ отвѣтилъ притчею]:

„Сыне Анадаме! Нѣкій человѣкъ въ чести полатѣ обрѣте дерево стояще, и хочетъ онъ древо ссѣщи; и рече ему древо: „Господине человѣче, не сѣки ты меня, я азъ тебѣ рожу на лѣто ягоду вишневу“. И рече человѣкъ: „худое ты древо! Какъ ты хочешь чюжую ягоду родити?“ Такоже и ты, Анадаме, хощешь мнѣ угодное творити!“

Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 40.

[Царь Навуходоносоръ былъ найденышъ. Когда онъ вступилъ на престолъ, онъ велѣлъ вездѣ сдѣлать „знаменіе змія“ — на всей городской утвари, на платьѣ горожанъ, на оружіи, на домахъ. Затѣмъ для себя онъ приказалъ сдѣлать мечъ-самосѣкъ, „аспидъ-змій“; во время битвы мечъ самъ вылеталъ изъ ноженъ и посѣкалъ враговъ безъ милосердія. Передъ смертью царь приказалъ замуровать мечъ въ городской стѣнѣ и не вынимать его оттуда до конца вѣка. Подъ стѣны Вавилона подступили враги; граждане попросили сына Навуходоносора — паря Василія достать мечъ. Едва мечъ былъ добытъ, онъ выпорхнулъ изъ ноженъ, ссѣкъ голову царю

и многимъ гражданамъ вавилонскимъ, а всѣ змѣи, что были изображены на платьяхъ, на оружіи, — ожили и поѣли всѣхъ жителей. Городъ запустѣлъ, дикіе звѣри и чудовища заселили его. Но въ Вавилонѣ остались святыни, дорогія для христіанъ: мощи отроковъ Ананіи, Азаріи и Мисаила и на ихъ гробницѣ кубокъ съ миррою и ливаномъ. Греческій императоръ Василій (или Левъ) посылаетъ въ запустѣвшій городъ трехъ пословъ — грека, обежанина и славянина — принести святыни въ Царьградъ]. Прежде царь греческій Василій хотя послати въ Вавилонъ градъ двухъ человѣкъ, розныя языкъ, христіанска роду, они же рекоша царю: „не достоитъ намъ, двумъ отрокомъ, понеже путь тѣсенъ; и ты, царю, пошли изъ грекъ греченина, а изъ обежанъ — обежанина, изъ русскихъ — словенина“. И бысть сіе слово угодно царю Василію. [Посланные были отправлены]. Тріе мужіе, слышавша отъ царя глаголемая и поклонишася до земли и поидоша отъ царя путемъ ко граду Вавилону. Идоша посланницы медливо зѣло, понеже путь тѣсенъ и съ великою нуждою идоша; и уже пріидоша близъ града, и ничтоже не видятъ, — ни града, ни полатъ. И они пустиша кони своя въ поле; ту бы израсте были великое, аки есть волчецъ, трава безугодная, кругъ всего Вавилона града; а въ даль отъ града Вавилона тоя травы за 16 верстъ; а противъ тѣхъ травъ гадовъ всякихъ: змій и жабы великія и разноразличнаго роства, имъ же числа нѣсть, аки великія копны сѣнныя віющеся отъ земли и до верху: ови свисташа, а иныя шипяше, а отъ иныхъ студено исхождаше, аки въ зимѣ студено бысть. Оныя же посланницы третій день пріидоша и до великаго змія того, иже лежитъ кругъ всего града и обогнувся, лежитъ. Бысть же по стѣнѣ лѣствица отъ древа кипариса положена чрезъ великаго змія того на градную стѣну; а кто поставилъ ту лѣствицу, того никто не знаетъ, токмо самъ Христосъ вѣдаетъ; а высота лѣствицѣ 18 ступеней; на той же лѣствицѣ написано три писма: первое — греческимъ языкомъ, второе — обѣжанскимъ языкомъ, третіе — словенскимъ и россійскимъ языкомъ. [Надписи ободряли смѣло лѣзть по лѣстницѣ черезъ змѣя, который лежалъ такъ, что голова и хвостъ у него сходились. Послы перелѣзли въ городъ]. Посланницы же, вшедше въ церковь трехъ святыхъ отроковъ и наполнишася у святыхъ благоуханія; бысть же въ церкви святыхъ трехъ отроковъ многія ихъ писанія и дѣянія писаны въ лицѣхъ по стѣнамъ церковнымъ. Оные же тріе благочестивые мужи поклонишася гробомъ трехъ отроковъ и глаголаста: „придохомъ сѣмо поклонитися вамъ, святымъ отрокомъ Ананіи и Азаріи и Мисаила, Божіимъ изволеніемъ государя нашего греческаго царя Лва, во святомъ крещеніи Василія, принести отъ васъ къ нему, елико есть вы изволите дати“. И видѣша посланницы кубокъ, стояше на гробѣ чюденъ зѣло, сотворенъ отъ злата и украшенъ жемчюгомъ и каменіемъ драгимъ; стоитъ же тотъ кубокъ полонъ мира и ливана. Посланницы же взяша тотъ кубокъ, испиша изъ него, быша весели и уснуша многое время и воспрянуша отъ сна своего и хотѣша

взяти тотъ кубокъ со благоуханіемъ тѣмъ и нести къ царю. [Но изъ гробницы раздался голосъ, повелѣвающій имъ идти въ царскія палаты и взять оттуда „знаменіе“. Они повиновались]. Посланницы же внидоша внутрь палаты тоя, въ палатѣ же той стоитъ одръ царской сотворенъ отъ драгихъ узорочей и украшенъ, на немъ же два вѣнца царьскихъ: первой— Навуходоносора — царя вавилонскаго и всея вселенныя, (второй) — его царицы; и тутъ же видѣша грамоту, лежащу написану греческимъ языкомъ. [Надпись указывала, что вѣнцы эти Навуходоносора царя, но что со временемъ будутъ принадлежать византійскому императору Льву-Василію и его супругѣ Александрѣ].

Посланницы же взяша вѣнцы и грамоту и поидоша во вторую полату, и тамо видѣша драгіе запоны и, рече, царскія завѣсы. Посланницы же хотяше взяти ихъ руками и запоны разсыпашася въ прахъ, понеже лежатъ много лѣтъ. Въ той же видяша крабицу сердоликовой, въ ней же бысть царскія багряница, сія, рече, порѳира. [Посланники все это взяли, набрали драгоцѣнныхъ камней и пошли въ церковь святыхъ отроковъ, поклонились ихъ гробамъ, опять испили изъ чудеснаго кубка и уснули: „кубокъ же тотъ, Божіею благодатію, стоитъ полонъ: не убываетъ изъ него“. Потомъ они отправились во свояси. Одинъ изъ нихъ упалъ съ лѣстницы и разбудилъ великаго змѣя]. Великій же той змій, послыша его, и воста на немъ чешуя, яко волны морскія, и нача колебатися. И въ той же часъ свиснулъ великій змій и не бысть таковаго звука слышати нигдѣже. Посланницы же отъ свистанія того съ коней поверготася на землю и лежаще на земли долгъ часъ мертви, по малѣ же времени очнулися и сѣдши на кони своя, и поидоша на мѣсто, идѣше стоялъ царь Василій съ воинствомъ своимъ, и не бысть на томъ мѣстѣ царя ни воинства, ни вѣсти про него слуху, точію видѣша мертвыхъ множество. [Оказывается, испугавшись свиста змѣинаго, царь отступилъ къ Византіи. Посланники принесли всѣ драгоцѣнности, добытыя въ Вавилонѣ, и царь съ царицею короновались вѣнцомъ Навуходоносора].

Житіе Варлаама и Іоасафа. (Пересказъ).

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 165—166.

Индійскій царь Авениръ былъ идолопоклонникомъ и гонителемъ христіанъ. Онъ долго былъ бездѣтенъ, наконецъ родился у него сынъ необыкновенной красоты, — ему дали имя Іоасафъ. Звѣздочеты, собранные Авениромъ, предсказывали ему счастливую жизнь, богатство и могущество. Но одинъ изъ звѣздочетовъ сказалъ, что царство Іоасафа будетъ не здѣсь, на землѣ, а въ другомъ мірѣ, — онъ будетъ послѣдователемъ новой религіи. Авениръ заключилъ ребенка въ богатыя палаты, окружилъ его роскошью и

запретилъ пускать къ царевичу постороннихъ людей, запретилъ говорить, что на землѣ есть несчастье, бѣдность, смерть. Отецъ хотѣлъ, чтобъ Іоасафъ не думалъ о будущей жизни. Іоасафъ возросъ мудрымъ юношей, любознательнымъ и образованнымъ. Онъ сталъ спрашивать отца, почему его держатъ взаперти, наконецъ добился позволенія выходить изъ дворца, но слугамъ было приказано, чтобы съ пути царевича удалялось все, что могло бы возбудить въ немъ мрачныя мысли. Однажды слуги не досмотрѣли, и Іоасафъ увидалъ прокаженнаго и слѣпца. Потомъ онъ увидалъ старика, сморщеннаго, безъ зубовъ, совершенно бѣлаго Тутъ узналъ царевичъ, что такое старость. Онъ задумался о жизни, о томъ, что его ждетъ: „горестна эта жизнь, — думалъ онъ, — какъ человѣкъ можетъ ею наслаждаться! Смерть постигнетъ всѣхъ—и меня! Обращусь ли я въ ничто? Или есть другая жизнь?“ Сталъ царевичъ искать мудреца, который отвѣтилъ бы на его сомнѣнія. Въ это время въ пустынѣ жилъ отшельникъ христіанинъ Варлаамъ. Ему было откровеніе, что онъ долженъ просвѣтить Іоасафа. Варлаамъ явился подъ видомъ купца, который привезъ царевичу чудесный драгоцѣнный камень: онъ освѣщаетъ свѣтомъ сердца слѣпыхъ, глухимъ даетъ слухъ, нѣмымъ — голосъ, исцѣляетъ больныхъ, глупыхъ обращаетъ въ мудрыхъ, изгоняетъ бѣсовъ. Іоасафъ заинтересовался камнемъ, но Варлаамъ сказалъ, что сначала онъ долженъ испытать его сердце. Съ этою цѣлью онъ преподаетъ царевичу христіанское ученіе въ видѣ поученій и притчъ. Іоасафъ тайно крестится и хочетъ уйти въ пустыню, но Варлаамъ ему совѣтуетъ погодить. Между тѣмъ, Авениръ узналъ, что царевичъ — христіанинъ. По совѣту приближенныхъ, царь приглашаетъ языческаго мудреца Нахора для пренія съ язычниками и защиты христіанства. Этотъ Нахоръ былъ очень похожъ лицомъ на Варлаама и въ присутствіи царевича долженъ былъ слабо защищать христіанство, чтобы его доводы легко разбивались язычниками. Но Нахоръ самъ увѣровалъ въ Христа и бѣжалъ въ пустыню. Жрецы приставили къ царевичу волшебника, который при помощи демоновъ долженъ былъ вернуть Іоасафа въ язычество. Царевича окружили красавицами, демонъ искушалъ его, но молитвой и постомъ царевичъ его побѣдилъ, волшебникъ обратился въ христіанство. Авениръ предоставилъ тогда Іоасафу полцарства, чтобы житейскими заботами отвлечь его отъ новой вѣры, Іоасафъ просвѣтилъ свой народъ свѣтомъ Христа, подъ конецъ самъ Авениръ сдѣлался христіаниномъ. Послѣ смерти Авенира Іоасафъ отказывается отъ престола и уходитъ въ пустыню искать своего учителя Варлаама. Въ одной власяницѣ, среди лишеній и искушеній, блуждаетъ онъ здѣсь. Найдя Варлаама, 35 лѣтъ прожилъ Іоасафъ въ пустынѣ и строгостью жизни превзошелъ учителя. Тѣла обоихъ, нетлѣнныя и благоухающія, перенесены были въ столицу.

Изъ Житія св. Өеодосія Печерскаго.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 56—58.

Дѣтство Өеодосія. Градъ есть, отстоя отъ Кыева, града стольнааго, 50 попьрищь (именемъ Василевъ), въ томъ бѣста родителя святаго въ вѣрѣ крьстианьстѣи живуща и всячьскыимъ благочьстиемъ украшена. Родиста же блаженаго дѣтища сего, таче въ осмыи день принесоста и къ святителю Божию, яко же обычаи есть крьстияномъ, да имя дѣтищю нарекуть. Прозвутеръ же, видѣвъ дѣтища, и серьдьчьныма очима прозьря, еже о немь, яко хощеть измлада Богу датися, Өеодосиемь того нарицають. Таче же, яко и минуша 40 днии дѣтищю, крьщениемь того освятиша. Отроча же ростяше, кърмимъ родителема своима, и благодать Божия съ нимь и духъ святыи измлада въселися въ нь. Къто исповѣсть милосердие Божие! се бо не избьра отъ премудрыихъ философъ, ни отъ властелинъ града пастуха и учителя инокоыимъ, нъ да о семь прославиться имя Господне, яко грубъ сы и невѣжа премудрѣи философъ явися! О утаенія таино, яко отнюду же не бѣ начаятися, оттуду же въися намъ дьньница пресвѣтла, якоже отъ всѣхъ странъ видѣвъше свьтѣние ея, тещи к неи, вся презрѣвъше, тоя единоя свѣта насытитися!

Бысть же родителема блаженаго преселитися въ инъ градъ, Курьскъ нарицаемыи, князю тако повелѣвъшю, паче же реку, Богу, сице изволивъшю, да и тамо добляаго отрока житие просияеть, намъ же, яко же есть лѣпо, отъ въстока дьньница възидеть, събирающи окрьстъ себе ины многы звѣзды, ожидающи сълнца правьдьнааго, Христа Бога, и глаголюща: се азъ, владыко, и дѣти, яже въспитахъ духовьнымь твоимь брашьнъмь, и се, Господи, ученици мои, се бо сия ти приведохъ, иже научихъ вся житиискaя презрѣти, и тебе, единого Бога и Господа, възлюбити. Се, о владыко, стадо богословесьныхъ твоихъ овьць, и имъ же мя бѣ пастуха створилъ, и еже упасохъ на бъжьствьнѣи твоеи пажити...

Мы же пакы поидемъ на прьвое исповѣдание святаaго сего отрока. Растыи убо тѣлъмь и душею влекомъ на любъвь божию, и хожаше по вся дни въ цьрковь Божию, послушая божествьныхъ книгъ съ всѣмь вънимaниемь; еще же и къ дѣтьмъ играющиимъ не приближашеся, яко же обычаи есть унымъ, нъ и гнушашеся играмъ ихъ. Одежа же его бѣ худа и сплатана, о семь же многашьды родителема его нудящема и облещися въ одежю чисту и на игры съ дѣтьми изити, онъ же о семь не послушааше ею, нъ паче изволи быти, яко единъ отъ убогыхъ. Къ симъ же и датися на учение божествьныхъ книгъ единому отъ учитель, якоже и створи, и въскорѣ извыче вся граматикия, и якоже всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтища, и о скорѣмь его учении. Покорение же его и повиновение къто исповѣсть,

иже сътяжа въ учении своемъ, не тъкмо же къ учителю своему, нъ и къ въсѣмъ учащимъся.

Въ то же время отьць его житию коньць приять. Сущю же тъгда божьствьному Ѳеодосію 13 лѣтъ, оттолѣ же начатъ на труды паче подвижьнѣи бывати, яко же исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ всякыимь съмѣрениемь. Мати же его оставляше и, не велящи ему тако творити, моляше и пакы облачитися въ одежю свѣтьлу, и тако исходити ему съ съвьрьстьникы своими на игры. Глаголаше бо ему, яко: „тако ходя, укоризну себе и роду своему твориши!“ Оному о томь не послушающю ея, и якоже многашьды еи отъ великыя ярости разгнѣватися на нь и бити и, бѣ бо тѣлъмь крѣпъка и сильна, якоже и мужь. Аще бо кто не видѣвъ ея, ти слышавъшеею бесѣдующю, то начьняше мьнѣти мужа ю суща. Къ симъ же пакы божьствьныи уноша мысляше, како и кымь образъмь спасеться. Таче слыша пакы о святыхъ мѣстѣхъ, идеже Господь нашь Іисусъ Христосъ плътию походи, и жадаше тамо походити и поклонитися имъ, и моляшеся Богу, глаголя: „Господи, Іисусъ Христе мои, услыши молитву мою и съподоби мя съходити въ святая твоя мѣста и съ радостию поклонитися имъ!“ И тако многашьды молящюся ему, а се придоша страньници въ градъ тъ, иже и видѣвъ я божьствьныи уноша и радъ бывъ, текъ, поклонися имъ и любьзно цѣлова я, и въпроси я, отъкуду суть и камо идуть; онѣмъ же рекъшемъ, яко: „отъ святыхъ мѣстъ есмъ, и аще Богу велящю, хощемъ въспять уже ити!“ Святыи же моляше я, да и поимуть въ слѣдъ себе и съпутьника и и сътворяти и съ собою. Они же обѣщашася пояти и съ собою и допровàдити и до святыхъ мѣстъ. Таче се слышавъ блаженыи Ѳеодосии, еже обѣщашася ему, радъ бывъ, иде въ домъ свои. И егда хотяху страньнии отъити, възвѣстиша уноши свои отходъ. Онъ же, въставъ нощию, и, не вѣдущю никомуже, таи изиде изъ дому своего, не имыи у себе ничсо же, развѣ одежа, въ неи же хожаше, и та же худа. И тако изиде въ слѣдъ страньныхъ. Благыи же Богъ не попусти ему отъити отъ страны сея, его же ищрева матерьня и пастуха быти въ странѣ сеи богогласьныихъ овьць назнамена, да не, пастуху убо отъшьдъшю, да опустѣеть пажить, юже Богъ благослови, и тьрние и вълчьць въздрастеть на неи, и стадо разидеться. По трьхъ убо дньхъ, увѣдѣвъши мати его, яко съ страньныими отъиде, и абие погъна въ слѣдъ его, тъкъмо единого сына своего поимъши, иже бѣ мьнии блаженааго Ѳеодосия, таче же, яко гънаста путь мъногъ, ти тако пристигъше, яста и, отъ ярости же и гнѣва мати его, имъши и за власы, и поврьже и на земли и своима ногама пъхашети. И страньныя же много коривъши, възвратися въ домъ свои, яко нѣкоего зълодѣя ведущи съвязана, тольми же гнѣвъмь одрьжима, яко и въ домъ еи пришьдъши, бити и, донделе изнеможе. И по сихъ же въведъши и въ храмъ и ту привяза и, и затворьши и тако отъиде. Божьствьныи же уноша вься си съ радостию приимаше, и Бога моля, благодаряше о вьсѣхъ сихъ. Таче пришедъши мати

его по двою днию, отрѣши и, и подасть же ему ясти. Еще же гнѣвъмь одържима сущи, възложи на нозѣ его желѣза, ти тако повелѣ ему ходити, блюдущи, да не пакы отъбѣжить отъ нея, тако же сътвори дни мъногы ходя. Потомь же пакы умилосрьдивъшися на нь, нача съ мольбою увѣщавати и, да не отбѣжить отъ нея, любляше бо и зѣло паче инѣхъ, и того ради не търпяше без него. Оному же обѣщавъшюся еи не отъ отъити отъ нея, съня желѣза съ ногу его, повелѣвъши же ему по воли творити, еже хощеть. Блаженыи же Өеодосии на прьвыи подвигъ възвратися и хожаше въ церковь божию по вся дьни.

[Затѣмъ онъ печетъ просфоры, носитъ вериги; это все сердитъ его мать. Когда онъ услышалъ слова Евангелія: „кто не оставитъ отца и матери, не достоинъ меня“, Өеодосій ушелъ въ Кіевъ; онъ принятъ былъ въ обители св. Антонія].

Мати же его, много искавъши въ градѣ своемь и въ окрьстьнихъ градѣхъ, и яко не обрете его, плакаашеся по немь, лютѣ биющи въ пьрси своя, яко и по мрьтвѣмь. И заповѣдано же быстъ по всеи странѣ тои: аще къде вмдѣвъше такого отрока, да пришьдъше, въ взъѣстите матери его, и велику мьзду приимуть о възвещении его. И се пришьдъше отъ Кыева, и повѣдаша еи, яко преже сихъ 4 лѣтъ видѣхомы и въ нашемь градѣ ходяща и хотяща острѣщися въ единомь отъ манастыревъ. И то слышавъши она, и не облѣнивъшися и тамо ити, и ни мало же помьдьливъши, ни дълготы же пути убоявъшися, въ прежереченыи градъ иде на възискание сына своего, иже и пришедъши въ градъ тъ, обьходи вься манастыря, ищющи его. Послѣдиже повѣдаша еи, яко въ пещерѣ есть у прьподобнааго Антония. Она же и тамо иде, да и тамо обрящеть. И се начатъ старьца льстию вызывати, глаголющи, яко: „да речете прьподобьнуму, да изидеть. Се бо многъ путь гънавъши, приидохъ, хотящи бесѣдовати къ тебе и поклонитися святыни твоеи, и да благословлена буду и азъ отъ тебе!“ И възвѣщено бысть старьцю о неи, и се изиде къ неи. Его же видѣвъши, и поклонися ему. Таче сѣдъшема има, начатъ жена простирати к нему бесѣду многу, послѣди же обави вину, ея же ради прииде, и глаголаше же: „молюти ся, отче, повѣжь ми, аще сде есть сынъ мои; много же си жалю его ради, не вѣдущи, аще убо живъ есть?“ Старьць же, сыи простъ умъмь и не разумѣвъ льсти ея, глагола еи, яко: „сде есть сынъ твои, и не жали си его ради, се бо живъ есть!“ То же она къ нему: „то чьто, отче, оже не вижю его; многъ бо путь шьствовавши, приидохъ въ сии градъ, тъкмо же да вижю си сына своего, ти тако възвращюся въ градъ свои. Старьць же къ неи отъвѣща: „то аще хощеши видѣти и, да идеши нынѣ въ домъ, и азъ шедъ, увѣщаю и, не бо рачить видѣти кого, ти въ утрѣи день завтра пришедъши, видиши и!“ Тоже слышавъши она, отъиде, чающи въ придущій дьнь видѣти и. Преподобьныи же Антонии, въшедъ въ пещеру, възвѣсти вся си блаженууму Өеодосию, иже и слышавъ, съжали си зѣло, яко не може утаитися ея. Въ другыи же

дьнь прииде пакы жена, старьць же много увѣщавааше блаженааго изити и видѣти матерь свою, онъ же не въсхотѣ. Тъгда же старьць и, шьдъ, глагола еи: „яко много молихы и да изидеть къ тебе, и не рачить!“ Она же ктому уже не съ съмѣрениемь начатъ глаголати къ старьцю, съ гнѣвъмь великъмь въпияаше: „ону же старьця сего, яко имыи сына моего и съкрывыи въ пещерѣ, не рачить ми его явити! Изведи ми, старьче, сына моего, да си его вижу, и не трьплю бо жива быти, аще не вижу его. Яви ми сына моего, да не зълѣ умьру. Се бо сама ся погублю предъ двьрьми печеры сея, аще ми не покажеши его!“ Тъгда Антонии, въ скърби велицѣ бывъ и въшедъ въ пещеру, моляаше блаженааго Антонии, да изидеть къ неи. Онъ же, не хотя ослушатися старьца, и изиде къ неи. Она же, видѣвъши сына своего въ таковѣй скьрби суща, бѣ бо уже лице его измѣнилося отъ многааго его труда и въздьржания, и охопивъшися, емь, плакашеся горко, и одъва мало утѣшивъши ся, сѣде и начатъ увѣщавати христова слугу, глаголющи: „поиди, чадо, въ домъ свои, и еже ти на потребу и на спасение души да дѣлаеши въ дому си по воли своеи, тъкмо же да не отълучаися мене, и егда ти умьру, ты же погребеши тѣло мое, ти тъгда възвратишися въ пещеру сию, яко же хощеши! Не трьплю бо жива быти, не видящи тебе!“ Блаженыи же рече къ неи: „то аще хощеши видѣти мя по вся дни, иди въ сии градъ, и въшедъши въ единъ манастырь женъ, и ту остризися, и тако приходящи сѣмо, видиши мя, къ симъ же и спасение души приимеши. Аще ли сего не твориши, то истину ти глаголю: к тому лица моего не имаши видѣти. Сицѣми же и инѣми многыими наказани пребывааше по вься дни увѣщавая матерь свою; онѣй же о томь не хотящи понѣ послушати его. И егда отъхожаше отъ него, тъгда блаженыи, въшедъ въ пещеру, моляшеся Богу прилѣжно о спасении матере своея и о обращении сердца ея на послушание. Богъ же, услыша молитву угодьника своего... Въ единъ бо дьнь пришедъши, мати ему глагола: „се, чадо, велимая вься тобою сътворю... се бо отъ твоего учения разумѣхъ, яко ничто же есть свѣтъ сии маловременьны!“ Си слышавъ, блаженыи Өеодосии, възрадовася духъмь и въшьдъ, съповѣда великому Антонию, иже и услышавъ, прослави Бога, обративъшааго сердце ея на такавое покаяние, и шьдъ къ неи, и много поучивъ ю, еже на пользу и на спасение души, и възвѣстивъ о неи княгыни, пусти ю въ манастырь женьскыи, именуемъ святааго Николы, и ту постриженѣ еи быти, и въ мьнишьскую одежу облеченѣ еи быти, и поживъши же еи въ добрѣ исповѣдании лѣта многа, съ миръмь усъпе.

Смиренiе св. Өеодосiя. Въ единъ день шедъшу великууму отцу нашему Өеодосию нѣкоторааго ради орудия къ Христолюбьцю князю Изяславу, далече ему сущю отъ града. Таче яко и пришьдъ, и до вечера умудивъшю ему, орудия ради, и повелѣ христолюбьць нощьнааго ради посъпания ему на возѣ допровадити и до манастыря его. И яко бысть идыи путьмь, и возяи его, видѣвы и въ такои одежи сущаaго, и мьнѣвъ, яко единъ отъ убогыхъ есть,

глагола ему: „Чьрноризьче, се бо ты по вься дни пороздьнъ еси, азъ же трудьнъ сы, и се не могу на кони ѣхати, нъ сице сътворивѣ: да азъ лягу на возѣ, ты же могыи на кони ѣхати, всади на конь“. Тоже блаженыи съ вься-кыимь съмѣрениемь въставъ, сѣде на кони, а оному же легшю на возѣ, и идяше путьмь, радуяся и славя Бога, и егда же въздрѣмаашеся, тъгда съсѣдъ, текъ, идяаше въскраи коня, дондеже утрудяашеся. Ти тако пакы на конь въсядяше. Часто же уже зорямъ въсходящемъ, и вельможамъ ѣдущемъ къ князю и издалеча познавъше блаженааго, и съсѣдъше съ конь покланяахуся убо блаженууму отцю нашему Θеодосию, тъгда же глагола отроку: „се уже, чадо, свѣтъ есть; въсяди на конь свои!“ Онъ же видѣвъ, еже тако вьсьи покланяхуться ему, и ужасеся въ умѣ и трепетьнъ сы, въста и въсѣде на конь, ти тако поиде путьмь, а преподобьнууму Θеодосию на возѣ сѣдящю, вси же боляре сърѣтъше, покланяхуся ему: тачe дошьдъшю ему манастыря, и се, ишедъше вься братия, поклонишася ему до земля. Тоже отрокъ больми ужасеся, помышляя въ себе, кто сь есть, еже тако вьси поклоняються ему; и емы и за руку, въведе и въ трапезьницю, тачe повелѣ ему дати ѣсти и пити, елико хощеть, еще же и кунами тому давъ, отъпусти и. Си же съповѣда самъ братии повозьникътъ, блаженууму о семь никому же не явивъшю.

Θеодосій и Святославъ. Бысть въ то врѣмя съмятение нѣкако отъ вьсе-лукавааго врага въ трьхъ кънязьхъ, братии сущемъ по плъти, якоже дъвѣма брань сътворити на единого старѣишаaго си брата, христолюбьца, иже по истинѣ Боголюбьца, Изяслава, тоже тако тъ прогънанъ бысть отъ града стольнааго, и онѣма пришьдъшема въ градъ тъ, посылаета же по блаженааго отца нашего Θеодосия. Бѣдяща того прити къ тѣма на обѣдъ и причетатися неправьдьнѣмь томь съвѣтѣ. Тоже иже бѣ испълъненъ Духа Святаго, Преподобьныи Θеодосии, разумѣвъ, еже неправьдьно суще изгънание, еже о христолюбьци, глаголеть посъланому. Яко не имамъ ити на трапезу Вельзавелину и причаститися брашьна того, испълнь суща кръви и убииства, и ина же многа укоризньна глаголавъ, отпусти того, рекыи, яко да възвѣстиши вься си посълавъшиимъ тя. Нъ обаче она, аще и слышаста си, нъ не възмогоста прогнѣватися на нь, видяста бо правьдьна суща человѣка Божия ни пакы же послушаста того, нъ устрьмистася на прогънание брата своего, иже отъ вьсея тоя области отъгънаста того, и тако възвратистася въспять. И единому сѣдъшю на столѣ томь брата и отца своего, другому же възвративъшюся въ область свою.

Тъгда же отець нашь Θеодосии, напълнивъся Святаго Духа, начатъ того обличати, яко неправьдьно сътворивъша и не по закону сѣдъша на столѣ томь, и яко отца си, и брата старѣишаaго прогънавъша. Тоже тако обличаше того, овъгда епистолия пиша, посылааше тому, овъгда же вельможамъ его, приходящемъ къ нему, обличааше того о неправьдьнѣмь прогънании брата, веля тѣмъ повѣдати тому, се же и послѣже въписа къ нему

епистолию велику зѣло, обличая того и глаголя: „Гласъ кръве брата твоего въпиеть на тя къ Богу, яко Авелева на Каина, и инѣхъ многыихъ древьниихъ гонитель и убоиникъ, и братоненавидьникъ, приводя, и притъчами тому вься, еже ȏ немь, указавъ, и тако въпиисавъ, посъла. И яко тъ прочьте епистолию ту разгнѣвася зѣло, и яко львъ рикнувъ на правьдьнааго, и удари тою о землю, и якоже отътолѣ промъчеся вѣсть, еже на поточение осужену быти блаженому. Тоже братия въ велицѣ печали быша, и моляаху блаженааго остатися и не обличати его. Тоже такоже и отъ бояръ мънози приходяще, повѣдахуть ему гнѣвъ княжь на того сущь, и моляхуть и не супротивитися ему; се бо, глаголааху, на заточиние хочеть тя посълати. Си же слышавъ блаженыи, яко о заточении его рѣша, въздрадовлся духъмь и рече къ тѣмъ: „Се бо о семь вельми ся радую, братие, яко ничьсо же ми блаже въ житии семь. Еда благодатьство, имѣния лишение нудить мя, или дѣтии отлучению и селъ опечалуеть мя? Ничьсо же отъ таковыихъ принесохомъ въ миръ сь; но нази родихомся; тако же подобаеть намъ нагомъ преоти отъ свѣта сего: тѣмь же готовъ есмь, или на поточение, или на смерть. Оттолѣ начатъ того укоряти о братоненавидѣнии; жадааше бо зѣло, еже поточену быти. Но обаче онъ, аще велми разгнѣвался бѣ на блаженааго, но не дерзну ни единого же зла, ни скорбьна сътворити тому: видяаше бо мужа преподобна и праведна суща его: якоже преже многажды его ради завидяаше брату своему, еже такова свѣтилника имать въ области своеи, якоже споведаше слышавъ отъ того черноризецъ Павелъ, игуменъ сыи отъ единого манастыря сущиихъ въ области его.

Блаженыи же отецъ нашъ, Ѳеодосии, много молимъ бывъ отъ братьѣ и отъ вельможь, наипаче же разумѣвъ, яко ничьсо же успѣшьно сими словесы тому, остася его, и оттолѣ не укаряаше его о томь, помысливъ же въ себѣ, яко уне есть мольбою того молити, дабы възвратилъ брата си въ область свою, не по мнозѣхъ же дньхъ, разумѣвъ благый князь тъ прѣложение блаженааго Ѳеодосия отъ гнѣва, и утѣшение, еже отъ обличения того, възрадовася зѣло; издавьна бо жадааше бесѣдовати съ нимь, и духовьныихъ словесъ его насытитися. Таче посылаеть къ блаженому, аще повелить тому прити въ манастырь свои, или ни; оному же повелѣвъшу тому приити, тоже сии, съ радостию въставъ, приде съ бояры въ манастырь его. И великому Ѳеодосию съ братиею ишьдъшу ис церкве, и по обычаю сърѣтъшю того, и поклоньшемася, яко же лѣпо кънязю, и тому же цѣловавъшю блаженаго, таче глаголаше: „Се, оче, не дьрьзняхъ приити къ тебѣ, помышляя, еда како, гнѣваяся но мя, и не въпустиши насъ въ манастырь“. Тоже блаженыи отвѣща: „Чьто бо, благыи владыко! успѣеть гнѣвъ нашь, еже на дьрьжаву твою; нъ се намъ подобаеть обличити и глаголати вамъ, еже на спасение души, и вамъ лѣпо есть послушати того“. И тако же въшьдъшема въ церковь, и бывъши молитвѣ, сѣдоста. И блаженуму Ѳеодосию начьнъшю глаголати тому отъ святыихъ кънигъ, и много указавъшю ему о любъви брата, и

оному пакы многу вину износящю на брата своего, и того ради не хотящю тому съ тѣмь мира сътворити, и тако же пакы по мнозѣи тои беседѣ, отиде князь въ домъ свои, славя Бога, яко съподобися съ таковыимь мужьмь бесѣдовати, и оттолѣ часто приходяше къ нему, и духовьнаго того брашьна насыщаяся паче меду и сыта. Се же суть словеса блаженааго, яже исходяахуть отъ медоточьныихъ устъ тѣхъ. Многашьды же великыи Ѳеодосии къ тому хожаше, и тако въспоминаше тому страхъ Божии, и любъвь еже къ брату.

И въ единъ отъ дни и шьдъшю къ тому благому богоносьному отцю нашему Ѳеодосию, и яко въниде въ храмъ, идеже бѣ князь сѣдя, и се видѣ многыа играюща прѣдъ нимь, овы гусльныя гласы испущающемъ, другыя же оръганьныя гласы поющемъ, и инѣмъ замарьныя пискы гласящемъ, и тако вьсѣмъ играющемъ и веселящемъся, якоже обычаи есть предъ князьмь. Блаженыи же бѣ въскраи его сѣдя и долу нича, и яко малы въсклонивъся, рече къ тому: „То будеть ли сице на ономь свѣтѣ“; тоже ту абие онъ съ словъмь блаженааго умилися и малы просльзи си, повелѣ тѣмъ прѣстати, и оттолѣ аще коли приставяше тыя играти, ти слышааше блаженаго пришьдъша, то повелѣвааше тѣмъ прѣстати отъ таковыя игры. И многашьды пакы егда взвѣстяхуть приходъ тому блаженаго, тоже тако того срѣташе радуяся предъ дверми храму, и тако вхожаста оба въ храмъ. Се же якоже веселяся и глаголаше преподобному: „Се, отче! истину ти глаголю, яко аще быша ми възвѣстили отца въставша отъ мертвыихъ, не быхъ ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоемь, не быхъ ся того тако боялъ, или сумнѣлъ, яко же преподобныя твоея душа!“ Блаженыи же: „то же аще тако боишися мене, тогда сътвори волю мою, възврати брата своего на столъ, иже ему благовѣрный отець твои предасть!“ Онъ же о семь умолче, не могыи, что отвѣщати къ симъ. Толми бо бѣ врагъ ражеглъ гнѣвомь на брата своего, яко ни слухомь хотяше того слышати. Отець же нашь Ѳеодосии бѣ по вся дни и нощи моля Бога о Христолюбци Изяславѣ; еще же въ ектеніи веля того поминати, яко столному тому князю и старѣишю всѣхъ, сего же, яко, рече, чрезъ законъ сѣдшю на столѣ томь, не веляше поминати въ своемь манастыри. О семь же едва умоленъ бывъ отъ братиѣ, повелѣ того съ нимь поминати.

Изъ Кіевопечерскаго патерика.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 58—60.

Сказаніе о Кіевопечерской церкви Успенія Пресвятой Богородицы. Бысть въ землѣ Варяжьской князь Африканъ, братъ Якуна слѣпаго, иже отбѣже златы луды, бьяся полкомь по Ярославѣ съ лютымь Мьстиславомь. И сему Африкану бяше два сына, Фріандъ и Шимонъ. По съмерти же отьца ею изгна Якунъ обою брату отъ области ею. Пріиде же Шимонъ къ благовѣрьному князю нашему Ярославу, его же пріимъ, въ чести имяше и дасть того

сынови своему Вьсеволоду, да будеть старѣй у него; прія же велику власть отъ Вьсеволода.

Вина же бысть таковы любъве его къ святому тому мѣсту. Въ княженіи Изяславли въ Кыевѣ Половьцемъ пришедъшимъ на русьскую землю, и изыдоша сіи тріе Ярославичи въ срѣтеніе имъ, Изяславъ, Святославъ и Вьсеволодъ, имый съ собою сего Шимона. И пришедъшимъ же имъ къ великому Антонію, молитвы ради и благословенія, старець же, отвьрзъ неложьная своя уста, и хотящую имъ быти погыбѣль ясно исповѣдаше. Сій же Варягъ, падъ на ногу старьца, моляшеся съхранену ему быти отъ таковыя бѣды. Блаженьный же рече тому: „о чадо, яко мнози падуть остріемь меча, и, бѣжащимъ вамъ отъ супостатъ вашихъ, поприни и язвлени будете и въ водѣ истопитеся; ты же, съпасенъ бывъ, здѣ имаши положенъ быти въ хотящей съзьдатися църкъви".

Бывъшимъ же имъ на Льтѣ, съступишася полци обои, и Божіимь гнѣвомъ побѣжени быша христіяне, и, бѣжащимъ имъ, убьени быша воеводы съ множествомь вой въ съступѣ. И Шимонъ лежаше язвенъ посредѣ ихъ; възрѣвъ же горѣ на небо, и видѣ церковь превелику, яко же и прежде видѣ на мори, и въспомянувъ глаголы Спасовы, и рече: „Господи, избави мя отъ горькыя сея съмерти, молитвами Пречистыя твоея Матере и преподобьнаго отьца Антонія и Θеодосія!" И ту абіе нѣкая сила изятъ и изъ среды мертвыхъ, и абіе исцѣлѣ и здравый пріиде къ святому блаженьному, и сказа вещь дивьну, тако глаголя:

„Отьць мой Африканъ съдѣла крестъ и на немъ изобрази богомужьное подобіе Христово написаніемъ вапьнымь, якоже латыня чьтуть, великъ дѣломь, яко 10 лакотъ; и сему честь творя, отьць мой възложи поясъ о чреслѣхъ его, имущь вѣса 50 гривенъ злата, и вѣнець на главѣ его златъ. И егда же изгна мя Якунъ, стрый мой, отъ области моея, азъ же възяхъ поясъ съ Іисуса и вѣнець съ главы его. И обративъся ко мнѣ, рече: „никако же, человѣче, сего възложи на главу свою; неси же на уготованое мѣсто, идѣже зижеться церковь Матере моея отъ преподобьнаго, и тому въ руцѣ въдаждь, да обѣситься надъ жьртвеникомь моимь". Азъ же отъ страха падохъся, оцѣпенѣвъ, лежа, акы мертвъ, и, въставъ, скоро внидохъ въ корабль. И пловущимъ намъ, бысть буря велія, яко вьсѣмъ намъ отъчаятися живота своего. И начахъ въпити: „Господи, прости мя, яко сего ради пояса уже погыбаю, понеже възяхъ отъ честьнаго Твоего и человѣкоподобьнаго Твоего образа". И се видѣхъ церковь горѣ и помышляхъ, кая си есть церковь. И бысть съвыше гласъ къ намъ глаголяй, еже хощеть съзьдатися отъ преподобьнаго въ имя Божія Матере, яко видѣхомъ величествомь и высотою, размѣривъ поясомь тѣмь златымь 20 въ ширину, а 30 въ долину, и въ высоту стѣны съ верхомь 50, въ ней же ты положенъ быти имаши. Мы же вьси прославихомъ Бога и утѣшихомъся радостію великою зѣло, избывъше горькія съмерти. Се же и донынѣ не съвѣдахъ, гдѣ хощеть съзьдатися по-

казаная церковь на мори и на Льтѣ, уже ми при съмерти сущу, доньдеже слышахъ отъ твоихъ честьныхъ устъ, яко здѣ ми положену быти въ хотящей съзьдатися церкви". И въземъ дасть поясѣ, глаголя: „се мѣра и основа, сій же вѣнецъ да обѣшенъ будеть надъ святою трапезою".

Старець же похвали Бога о семь, рече Варягу: „чадо, отселѣ не наречеться имя твое Шимонъ, но Симонъ будеть имя твое". Призъвавъ же святаго Θеодосія, рече: „Симонъ сій хочеть въздвигнути таковую церковь"; и дасть ему поясъ и вѣнець. И отътолѣ великую любовь имѣя къ святому Θеодосію, подавая ему имѣніе много на възграженіе манастыря. Основана же бысть божественная сія церкви Богородичина въ лѣто шесть тысящь 581, въ дьни благовѣрьнаго князя Святослава, сына Ярославля, иже своима рукама нача ровъ копати, въда же и 100 гривенъ злата въ помощь блаженьному, и мѣру положьше златымъ поясомь по оному гласу, еже отъ небесъ слышаный на мори...

Симонъ же, пріимъ молитву и благословеніе отъ святаго, акы нѣкый бисеръ многоцѣньный, бывъ преже Варягъ, нынѣ же благостію Христовою христіянъ, наученъ бывъ святымь отьцемь нашимь Θеодосіемь, остави латыньскую буесть и истиньно вѣрова въ Бога нашего Іисуса Христа, и съ вьсѣмь домомь, яко до 3000 душь, и съ іереи своими, чюдесъ ради бывающихъ отъ святую отьцу Антонія и Θеодосія. И сій убо Симонъ первый положенъ бысть въ той церкъви; и отътолѣ сынъ его Георгій велику любовь имѣяше къ святому тому мѣсту. И бысть посъланъ отъ Владимера Мономаха въ Суздальскую землю сій Георгій. Дасть же ему на рупѣ сына своего Георгія. По лѣтѣхъ же мнозѣхъ сѣде Георгій Владимеровичь въ Кыевѣ, тысяцкому же своему Георгіеви, яко отьцу, предасть область Суздальскую...

Пріидоша отъ Царяграда 4 мужа богаты вельми въ печеру къ великому Антонію и Θеодосію, глаголюща: „гдѣ хощета начати церковь?" Она же къ нима рѣста: „идѣже Господь мѣсто наречеть". Сіи же рѣша: „аще съмерть себѣ проповѣдаета, мѣста ли не назнаменаста, толикое злато давъше намъ". Она же призвавъше вьсю братію, въспросиста Грекъ глаголюще: „скажите истину, что се бысть". Си же мастера рѣста: „намъ спящимъ въ домѣхъ своихъ, рано въсходящу солньцу, пріидоша комуждо насъ благообразьни юноши, глаголюще: „зоветь вы царица въ Влахерну" Намъ же идущимъ, пояхомъ съ собою другы и ужикы своя, и обрѣтохомъся рано пришедъше вьси, и истязавъшеся, и едину рѣчь царицину слышавъше, и едини зъватаеве быша у насъ. И видѣвъше Царицу и множество вой о ней, и поклонихомъся ей. И та рече къ намъ: „Хощу церъковь възградити себѣ въ Руси, въ Кыевѣ. Велю же вамъ, да възьмете злата себѣ на 3 лѣта". Мы же поклонихомъся, рѣхомъ: „Госпоже Царице, въ чужу страну посылаеши насъ; къ кому тамо пріидемъ?" Она рече: „се посылаю къ Антонію и Θеодосію". Мы же рѣхомъ: „что, Госпоже, на 3 лѣта злата даеши? сима прикажи о насъ, что ясти и пити; сама же вѣси, чимь насъ подарити".

Царица же рече: „сій Антоній точію благословивъ отъходить свѣта сего на вѣчьный, а сій Өеодосій въ 2 лѣта по немь идеть къ Богу; вы же възьмѣте до избытъка вашего злато, а еже почести васъ, тако не можеть никто же: дамь вамъ, еже око не видѣ и ухо не слыша и на сердьце человѣку не възиде. Приду же сама видѣтъ церъкве, въ ней же хощу жити“. Вѣда же намъ и мощи святыхъ мученикъ Артемія, Полуекта, Леонтія, Акакія, Ареөы, Іакова, Өеодора, рекъши намъ: „сія положите въ основаніе“. Възяхомъ же злато и лише потребы. И рече къ намъ: „изыдѣте на ясно и видите величество“. И видѣхомъ церковь на въздусѣ. И въшедше поклонихомъся ей: „Госпоже Царице, каково имя церкъви?“ Она же рече: „во имя себѣ хощу нарещи“. Мы же не смѣхомъ ю въспросити: „како ти есть имя?“ Си же рече: „Богородичина будеть церкви, и дасть намъ сію икону: та намѣстьная—рече—да будеть“. Мы же поклонихомъся, изидохомъ въ домы своя, носяще сію икону, юже пріяхомъ отъ рукы Царици“. И тогда вьси прославиша Бога и Того Рожьшую...

Греци же, съ страхомь поклоньшеся святыма, и рѣша: „гдѣ мѣсто таковое, да видимъ?“ Антоній же рече: „3 дьни пребудемъ молящеся, и Господь явить намъ“. И въ ту нощь молящуся ему, и явися ему Господь Богъ глаголя: „обрѣлъ еси благодать предо мною“. Антоній же рече: „Господи, аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да будеть по вьсей земли роса, а на мѣстѣ, еже изволиши освятити, да будеть суша“. Заутра же обрѣтоша сухо мѣсто, идѣ нынѣ церкви есть, а по вьсей земли роса. Въ другую нощь тако же помоливъся, рече: „да будеть по вьсей земли суша, а на мѣстѣ святѣмь роса“, и шедъше обрѣтоша тако. Въ 3-й же день, ставъ на мѣстѣ томь, помоливъся и благословивъ мѣсто, и измѣриша златымь поясомь широту и долготу, и въздвигъ руцѣ на небо Антоній, рече великымь гласомь: „Послушай мене, Господи, днесь послушай мене огнемь, да разумѣють вьси, яко Ты еси хотяй сему!“ И абіе съпаде огнь съ небесе и пожьже вься древа и търніе, и росу полиза, долину сътвори, яко же ръвомъ подобьно, идѣже бѣ началъ копати благовѣрьный князь Святославъ. Сущи же съ святыма отъ страха падоша, яко мертвіи! и оттуду начатокъ тоя божественныя церкъве...

Благовѣрьный же князь Владимеръ Вьсеволодовичь Мономахъ, юнъ сый, самовидець бывъ тому дивьному чюдеси, егда огнь съ небеси съпаде и выгорѣ яма, идѣже основаніе церковьное положися. И се слышашеся по вьсей земли Руськой. Сего же ради Вьсеволодъ съ сыномь своимь Владимеромь изъ Переславля пріѣха видѣтъ таковаго великаго чюдеси. Тогда же Владимеръ, боленъ сый, и тѣмь поясомь златымь обложенъ бысть, и ту абіе здравъ бысть молитвами святую отьцу нашею Антонія и Өеодосія. И въ своемь княженіи христолюбець Володимеръ, въземъ мѣру божественныя тоя церкъве Печерьскыя, вьсѣмь подобіемь съзьда церковь въ градѣ Ростовѣ, въ высоту и въ ширину и въ долготу, но и писменемь харатіи написавъ, идѣже кыйждо праздьникъ въ коемь мѣстѣ написанъ есть; сія вься въ чинъ

и въ подобіе сътвори по образу великія тоя церкъве богоназнаменаныя. Сынъ же того князь Георгій, слыша отъ отьца Владимера, еже о той церкъви сътворися, и той въ своемь княженіи съзьда церковь въ градѣ Суждали въ ту же мѣру; яже по лѣтехъ вьсѣ ти распадошася, сія же едина Богородичина пребываетъ церкви.

О св. Алимпіи иконописцѣ. Преподобьный же Алимпій преданъ бываеть родителема своима на ученіе иконьнаго писанія, егда бо гречестіи письци изъ Царяграда Божіимь изволеніемь и Пречистыя приведени быша нужею писати церкъве Печерьскыя, въ дьни благовѣрьнаго князя Всеволода Ярославича, при преподобьнемь игуменѣ Никонѣ, яко о нихъ съказано есть въ посланіи Симоновѣ, еже показалъ есть Богъ и сътвори чюдо страшьно въ церкви своей. Мастеромъ бо олтарь мусіею кладущимъ и образъ Пречистѣй Владычици нашей Богородици и Приснодѣвѣ Маріи самъ въобразися, вьсѣмъ же симъ внутрь сущимъ олтаря, покладываху мусіею, Алимпій же бѣ помогая имъ и учася. И видѣвъше вьси дивьное и страшьное чюдо, зрящимъ имъ на образъ, се вънезапу просвѣтися образъ Владычица нашея Богородица и Приснодѣвы Маріи паче солньца; и, не могуще зрѣти, падоша ниць ужасьни, и, мало възникше, хотяху видѣти бывъшее чюдо. И се изъ устъ Пречистыя Богоматере излетѣ голубь бѣлъ и летяше горѣ къ образу Съпасову и тамо съкрыся. Сія же вьси съмотряху, аще изъ церкъве излетелъ есть; и вьсѣмъ зрящимъ, и пакы голубь излетѣ отъ устъ Съпасовыхъ и леташе по вьсей церкъви, и къ коемуждо святому прилетая, овому на руцѣ сѣдая, иному же на главѣ; сълетѣвъ же долу, сѣде за иконою чюдьною богородичьною, намѣстьною. Долу же стоящеи хотѣша яти голубь и приставиша лѣстницу: и се не обрѣтеся за иконою, ни за занавѣсою. Съмотривъ же вьсюду, и не вѣдяху, гдѣ съкрыся голубь: и стояху вьси, зряще къ иконѣ: и се пакы предъ ними излетѣ голубь изъ устъ Богородичинъ и идяше на высоту къ образу Съпасову; и возопиша горѣ стоящимъ: „имѣте и“. Они же простьроша рукы, хотяху яти его; голубь же пакы вълетѣ въ уста Съпасова, отъню же изыде; и се пакы свѣтъ паче солньца осія тѣхъ, изимая зракы человѣческыя. Сіи же падоша ниць и поклонишася Господеви. Съ ними же бѣ и сей блаженый Алимпій, видѣвъ дѣтель Святаго Духа, пребывающу въ той святѣй честьнѣй церкъви Печерской.

Егда же съкончаша ю пишуще, тогда блаженый Алимпій постриженъ бысть, при игуменѣ Никонѣ, добрѣ извыкъ хытрости иконьнѣй. И иконы писати хытръ бѣ зѣло; сея же хытрости въсхотѣ научитися не богатьства ради, но Бога ради се творяше. Работаше бо елико же довольно бысть, вьсѣмъ, игумену и братіи, писаше иконы, и отъ сего ничтоже възимая. Аще ли же когда не имяше дѣла себѣ сей преподобьный, то възаимъ заимая злато и сребро, еже иконамъ на потребу сдѣяше, и имъ же бѣ долженъ, и се възимая отъдаваше икону за таковый долгъ. Многажды же моляше другы своя, да въ церкъви гдѣ видѣвъше обетшавъшая иконы, и тыя къ

нему принесуть; и сія обновивъ поставляше на своихъ мѣстахъ. Все же се творяше, да не празденъ будеть, понеже святіи отьци рукодѣліе мнихомъ повелѣша имѣти вельми: се предъ Богомь положиша, яко же рече Апостолъ Павелъ: мнѣ же и сущимъ со мною послужисте руцѣ мои. Тако же и сій блаженый Алимпій на 3 части роздѣляше рукодѣліе свое: едину часть на святыя иконы, а вторую часть въ милостыню нищимъ, а третью часть на потребу тѣлу своему. И се творяше по вься лѣта, не дадяше себѣ покоя по вься дьни. Въ нощь же на пѣніи и молитвѣ упражняшеся, дьни же приспѣвъшу, отлучашеся на дѣло; праздьна же николиже бяше видѣти его, ни събора церковьнаго вины ради дѣланія отлучашеся николиже. Игуменъ же за многую его добродѣтель и чисто житіе постави его священникомъ и въ таковомь чину священьства добрѣ и богоугодьно пребысть...

Инъ нѣкто христолюбець дасть сему блаженому икону писати. По малехъ же дьнехъ разболѣся блаженый Алимпій, иконѣ же сущей ненаписанѣ. Боголюбець же пристужаше блаженому. Рече же къ нему блаженый: „Чадо, не приходи ко мнѣ, ни стужай ми, но възверзи на Бога печаль свою, еже о иконѣ, и той сътворить, яко же хощеть: икона ти въ свой праздникъ на своемь мѣстѣ станеть“. И порадовася мужь, понеже икона до праздника напишеться. И вѣру емъ словеси блаженаго, отиде въ домъ свой радуяся. И пріиде пакы боголюбець онъ на канонъ Успенія, хотя възяти икону, и видѣ ю ненаписану, блаженаго же Алимпія вельми больна суща, и досажа ему, глаголя: „Почто не възвестилъ ми еси своея немощи, и азъ быхъ далъ иному писати, дабы праздникъ свѣтелъ и честенъ былъ. Нынѣ же посрамилъ мя еси, удержавъ икону“. Къ нему же блаженый кротъцѣ отвѣща: „Брате, еда лѣностію се сътворихъ! или не възможьно Богу икону своея Матере написати! Азъ бо отъхожу свѣта сего, яко же яви ми Господь и по моемь отъшествіи вьсяко утѣшитъ тя Богъ“. Мужь той отиде отъ него печалуя въ домъ свой. По отъшествіи же его вниде нѣкто юноша свѣтелъ, и, въземъ вапьницу, нача писати икону. Алимпій же, мьнѣвъ, яко разгнѣвася нань господинъ иконы и письца иного присълалъ есть; понеже испервa акы человѣкъ бяше; но скорость дѣла сего бесплотьна показа: овогда бо златомь покладываше икону, овогда же на камени вапы творяше и тѣмь писаше, и въ три часа икону написа, и рече: „О калугере! еда что недостаточьно или чимь грѣшихъ?“ Преподобьный же рече: „Добрѣ сътворилъ еси. Богъ поможе тебѣ зѣло хытро написати сію икону: се тобою сдѣлалъ ю есть“. Вечеру же приспѣвъшу, и се невидимъ бысть и съ иконою. Господинъ же иконы безъ съна пребывъ вьсю нощь отъ печали, понеже не бысть иконы на праздникъ, недостойна себе и грѣшьна нарицая таковыя благодати, и въставъ убо иде въ церковь, да тамо плачеться своего сългрѣшенія. И отверзе дверь церкъви и видѣ икону, сіяющу на мѣстѣ своемь, и паде отъ страха, мьнѣвъ, яко привидѣніе нѣкое явися ему. Възбънувъ же мало отъ страха, разумѣвъ, яко икона есть, въ трепетѣ и ужасти мнозѣ

бывъ, помянувъ глаголы преподобьнаго, и текъ възбуди домашьняя своя. Они же съ радостiю текоша къ церкъви съ свѣщами и съ кандилы, и видѣша икону, сiяющу паче солньца, и падоша ниць на земли, поклонишася иконѣ и лобызаша съ веселiемь душа. Боголюбець же той прiиде къ игумену и нача повѣдати сътворивъшееся чюдо, еже о иконѣ, и вьси въкупѣ идоша къ преподобному Алимпiю и видѣша его уже отъходяща свѣта сего. И въпроси его игуменъ: „Отьче, како и кымь написана бысть икона?“ Онъ же повѣда имъ вьсе, еже видѣ, яко: „Ангелъ есть, рече, написавый ю, и се предъстоить, пояти мя хотя“. И сiя рекъ, предасть духъ.

О св. Агапитѣ безмездномъ врачѣ. Нѣкто отъ Кыева пострижеся именемъ Агапитъ, при блаженемь отьцѣ нашемь Антонiи, самовидець бывъ исправленiемъ его, яко же онъ великiй, покрывая свою святость, больныя цѣляше отъ своея яди, мьняся тѣмь врачевьное зелiе подавая, и тако здрави бываху молитвою его. Тако сь блаженый Агапитъ, ревьнуя святому тому старьцу, помогаше больнымъ, и егда кто отъ братiи разболяшеся, и тако, оставивъ келiю свою (не бѣ бо ничто же крадомо въ келiи его), и прихожаше къ болящему брату, и служаше ему, подымая же и полагая его, и на своею руку износя его, и подавая ему отъ своея яди, еже варяше зелiе, и тако здравъ бываше больный молитвою его. Аще ли продължашеся недугъ его, аще Богу благоволящу, да вѣру и молитву раба своего умножить, сiй блаженый Агапитъ пребываше неотъступьно, моля Бога зань непрестанно, дондеже Господь здравiе подасть болящему, молитвъ ради его. И сего ради прозъванъ бысть лѣчець. Сему бо дарова Господь даръ исцѣленiя; и слышано бысть о немь въ градѣ, яко нѣкто въ манастыри лѣчець. И мнози боляще приходяху къ нему, и здрави бываху.

Бысть же въ время сего блаженаго человѣкъ нѣкый Арменинъ родомь и вѣрою; хытръ же бѣ врачеванiю, яковъ не бѣ преже его. И еже толико видѣвъ болящаго, познаваше и повѣдаше ему съмерть, нарекъ ему день и часъ, и никако же не измѣняшеся слово его, и сего никако же врачюють. И отъ сихъ единъ больный принесенъ бысть въ Печерьскый манастырь, иже первый бысть у князя Вьсеволода, его же Арменинъ, въ нечаянiе введе, прорекъ ему по 8 дьнiй съмерть. Блаженый же Агапитъ, давъ ему зелiе, еже самъ ядяше, и здрава сътвори его. И промъчеся о немь слава по вьсей земли той. Арменинъ утъченъ бысть завистьною стрѣлою, и нача укоряти блаженаго; и нѣкоего осужена на съмерть посъла въ манастырь, повелѣвъ дати тому съмертьнаго зелiя, да предъ нимь въкусивъ умреть. Блаженый же, видѣвъ сего умирающа, дасть ему манастырьскiя яди, и здрава сътвори его молитвою своею, и отъ съмерти избави повиньнаго съмерти. И отътолѣ въоружаеться нань иновѣрьный той Арменинъ, - научи на святаго Агапита тожевѣрьникы своя дати ему испити съмртоноснаго зелiя, хотя его тѣмь зелiемь уморити. Блаженый же пiя бес пакости, ничто же зла пострадавъ...

Въ тыя же дьни разболѣся князь Владимеръ Вьсеволодовичь Мономахъ,

и прилежаше ему Арменинъ, врачюя его, и ничто же успѣ, но паче недугъ бываше болій; и уже при коньци бывъ, посылаеть мольбу къ Ивану игумену Печерьскому, да понудить Агапита пріити до него. Бѣ бо тогда въ Черниговѣ княжа. Игуменъ призва Агапита, велить ему ити въ Черниговъ, и отвѣща блаженый: „аще къ князю иду, то и къ вьсѣмъ иду. Не буди мнѣ славы ради человѣческыя предъ манастырьская врата изыти и преступнику ми быти обѣта своего, еже обѣщахъся предъ Богомь быти ми въ манастыри и до послѣдьняго издыханія. Аще ли изгониши мя, иду въ ину сторону, и потомь възвращуся, доньдеже вещь си минеть“. Видѣвъ же посолъ княжь, яко не хощеть ити, нача молити мниха, да поне зелія дасть. Принуженъ же бывъ игуменомь, дасть ему зелія отъ своея яди, да дасть болящему; и егда же князь вѣкуси зелія, и ту абіе здравъ бысть. Пріиде Владимеръ въ Кіевъ и вънидe въ Печерьскый манастырь, хотя почтити мниха и видѣти, кто есть, даровавый тому зеліе и здравіе съ Богомь, не бѣ бо его николиже видѣлъ, мьня сего имѣніемь подарити. Агапитъ же, не хотя славимъ быти, скрыся. Князь же принесеное ему злато дасть игумену...

Митрополита Иларіона „Слово о Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ“.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 60—62.

Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, Богъ Христіянескъ, яко посѣти и сътвори избавленіе людемъ своимъ, яко не презьрѣ твари своея до коньца идольскымь мракомь одержимѣ быти и бѣсовьскыимь служеніимь, но оправьди прежде племя Авраамле скрижальми и закономь, послѣжде Сыномь Своимь вься языкы съпасе Евангеліемь и крещеніемь, и въводя въ обновленіе пакы бытія въ жизнь вѣчную...

Законъ бо предътеча бѣ и слуга благодати и истинѣ; истина же и благодать слуга будущему вѣку, жизни нетлѣньнѣй. Яко законъ привождааше възаконеныя къ благодатьному крещенію: крещеніе же препущаеть сыны своя на вѣчьную жизнь. Моисій бо и пророци о Христовѣ пришествіи повѣдаху. Христосъ же и Апостоли Его о въскресеніи и о будущемь вѣцѣ...

И что успѣ законъ? что ли благодать? Прежде законъ, потомь благодать; прежде стѣнь, ти потомь истина. Образъ же закону и благодати— Агарь и Сарра, работьная Агарь и свободьная Сарра; работьная прежде, ти потомь свободьная. И да разумѣеть, иже чьтеть. Яко Авраамъ убо отъ юности своея Сарру имѣ жену си, свободьну, а не рабу; и Богъ убо прежде вѣкъ изволи и умысли Сына Своего въ миръ посълати, и тѣмь благодати явитися. — Сарра же не рождаше, понеже бѣ неплоды; не бѣ неплоды, но заключена бѣ Божіимь промысломь на старость родити: безвѣстьная же и

утаеная мудрости Божія утаена бяху (отъ) Ангелъ и человѣкъ, не яко не явима, но утаена и на конець вѣка хотяща явитися...

Благодать же глагола къ Богу: аще нѣсть времене снити ми на землю и съпасти міръ, сниди на гору Синай и законъ положи... Послуша и Богъ, яже отъ благодати словесъ, и сниде на Синай. — Роди же Агарь раба отъ Авраама рабичищь, и нарече Авраамъ имя ему: Измаилъ. И снесе Моисей отъ Синайскыя горы законъ, а не благодать; стѣнь, а не истину.—По сихъ же уже стару сущю Аврааму и Саррѣ, явися Богъ Аврааму, сѣдящю ему предъ дверьми куща своея, въ полудьни, у дуба Мамврійскаго; Авраамъ же тече въ сърѣтеніе Ему и поклонися Ему до земля, и пріятъ и въ кущю свою. Вѣку же сему къ коньцю приближающюся, посѣти Господь человѣчьскаго рода и сниде съ небесе, въ утробу Дѣвица въходя; пріятъ же и Дѣвица съ покланяніемь въ кущю плотяную, не болѣвъши, глаголющи къ Ангелу: се раба Господьня, буди мнѣ по глаголу твоему.—Тогда убо отключи Богъ ложесна Саррина, и заченъши роди Исаака, свободьная свободьнаго. Присѣтивъшю Богу человѣчьска естества, явишася уже безвѣстьная и утаеная, и родися благодать и истина, а не законъ, сынъ, а не рабъ.—Яко отдоися отроча Исаакъ и укрѣпѣ, и сътвори Авраамъ гоститву велику, егда отдоися Исаакъ сынъ его. Егда бѣ Христосъ на земли, и еще благодать не укрѣпѣла бѣаше, но дояашеся еще, за 30 лѣтъ, въ няже Христосъ таяшеся; егда же отдоися и укрѣпѣ, явися благодать Божія спасеньная вьсѣмь человѣкомъ въ Іерданьстѣй рѣцѣ; сътвори Богъ гоститву велику и пиръ великъ тельцемь упитаньнымь отъ вѣка, възлюбленьныимь сыномь своимь Іисусъ Христомь, съзъвавъ на едино веселіе небесьныя и земленыя, съвъкупивъ въ едино Ангелы и человѣкы...

Яко же и есть: вѣра бо благодатьная по вьсей земли распростьреся, и до нашего языка русьскаго доиде и законьное езеро пресыше, евангельскый же источьникъ наводнивъся и вьсю землю покрывъ, и до насъ проліявъся. Се бо уже и мы съ вьсѣми христіяньми славимъ Святую Троицу, а Іюдея мълчить. Христосъ славимъ бываеть, а Іюдеи кленоми; языци приведени, а Іюдеи отриновени...

Хвалить же похвальными гласы римьская страна Петра и Павла, имп же вѣроваша въ Іисуса Христа Сына Божія; Асія и Ефесъ, и Патмъ—Іоанна Богослова; Индія—Фому, Египетъ—Марка; вься страны, и гради и людіе чьтуть и славять коегождо ихъ учителя, иже научиша православьнѣй вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами—великая, и дивьная сътворьшаго нашего учителя и наставьника, великаго кагана нашея земля, Владимера, внука стараго Игоря, сына же славьнаго Святослава, иже, въ своя лѣта владычьствующе, мужьствомь же и храбрьствомъ прослуша въ странахъ многахъ, и побѣдами и крѣпостію поминаються нынѣ и словуть. Не въ худѣ бо, и не въ невѣдомѣ земли владычьствоваша, но въ Русьской, яже вѣдома и слышима есть вьсѣми коньци земля...

Добръ послухъ благовѣрію твоему, о блаженьниче, святая церкы святыя Богородица Марія, юже създа на правовѣрьнѣй основѣ, идеже и мужьственое твое тѣло нынѣ лежить, ожидая трубы архангеловы. Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгій, егоже сътвори Господь намѣстьника по тебѣ твоему владычьству, не рушаща твоихъ уставъ, нъ утверждающа, ни умаляюща твоему благовѣрію положенія, но паче прилагающа, не казяща, нъ учиняюща, иже недоконьчаньная твоя доконьча, акы Соломонъ Давыдова, иже домъ Божій великый святый Его Премудрости създа на святость и освященіе граду твоему, юже съ вьсякою красотою украси, златомь, и сребромь, и каменіемь драгыимь, и съсуды честьныими, яже церкы дивьна и славьна вьсѣмъ окружьныимъ странамъ, якоже ина не обрящеться въ вьсемь полунощии земьнѣмь, отъ востока до запада, и славный градъ твой Кыевъ величьствомь, яко вѣньцѣмь, обложилъ, предалъ люди твоя и градъ святѣй вьсеславьнѣй, скорѣй на помощь христіяномъ, святѣй Богородици, ей же и церковь на великыхъ вратѣхъ създа въ имя первааго Господьскаага праздьника святааго Благовѣщенія, да еже цѣлованіе Архангелъ дасть Дѣвици, будетъ и граду сему. Къ оной бо: радуся, обрадованьная, Господь съ тобою! Къ граду же: благовѣрьный граде, Господь съ тобою!

Въстани, о честьная главо, отъ гроба твоего, въстани, отряси сонъ! Нѣси бо умерлъ, но съпиши до обьщаго вьсѣмъ въстанія. Въстани, нѣси умерлъ, нѣсть бо ти лѣпо умрѣти, вѣровавъшю въ Христа, живота вьсему миру. Отряси сонъ, възведи очи, да видиши какоя тя чьсти Господь тамо съподобивъ, и на земли не беспамятьна оставилъ сыномь своимь. Въстани, вижь чадо свое Георгія, вижь утробу свою, вижь милааго своего, вижь, его же Господь изведе отъ чреслъ твоихъ; вижь красящаага столъ земля твоея, и возрадуйся, възвеселися. Къ сему же вижь и благовѣрьную сноху твою Ерину, вижь внукы твоя и правнукы, како живуть, како хранимы суть Господемь, како благовѣріе держать по преданію твоему, како въ святыя церкъви частять, како славять Христа, како поклоняються имени Его. Вижь же и градъ величьствомъ сіяющъ, вижь церкъви цвѣтуща, вижь христіяньство растуще, вижь градъ иконами Святыихъ освѣщаемъ, блистающься, и тиміяномь обухаемъ, и хвалами, и божьственами пѣніи святыими оглашаемъ. И си вься видѣвъ, възрадуйся, и похвали благаго Бога, вьсѣмъ симъ строителя.

Изъ проповѣдей Кирилла, епископа Туровскаго.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 62—63.

Изъ слова въ новую недѣлю по Пасцѣ. Ныня солньце, красуяся на высотѣ, въсходить и, радуяся, землю огрѣваеть: възиде бо намъ отъ гроба пра-

ведьное солнце Христосъ и вься вѣрующая ему съпасаеть. Ныня луна съ вышьняго съступивъши степени большему свѣтилу честь подаваеть: уже ветъхый законъ, пописанію съ суботами преста и пророкы, Христову закону съ недѣлею честь подаеть. Ныня зима грѣховьная покаяніемь престала есть, и ледъ невѣрія благо разуміемь растаяся; зима убо язычьскаго кумирослуженія апостольскымь ученіемъ и Христовою вѣрою престала есть, ледъ же Ѳомина невѣрія показаніемь Христовъ ребръ растаяся. Дьнесь весна красуеться, оживляющи земьное естьство: бурьніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзують и земля сѣмена питающи зеленую траву ражаеть. Весна убо красьная вѣра есть Христова, яже крещеніемь поражаеть человѣчьское пакы естьство; бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, ижѣ покаяніемь претворъшеся на добродѣтель душеполезьныя плоды гобьзують: земля же естьства нашего, акы сѣмя Слово Божіе пріимъши и страхомь его присно болящи, духъ спасенія ражаеть. Ныня новорожаеміи агньци и уньци быстро путь перуще, скачуть, и скоро къ матеремъ възвращающеся веселяться, да и пастыри свиряюще веселіемь Христа хвалять. Агнеца, глаголю, кротъкыя отъ языкъ люди, а уньца кумирослужителя невѣрьныхъ странъ, иже Христовомь въчеловѣченіемь и апостольскымь ученіемь и чудесы, скоро по законъ емъшеся, къ святѣй церкъви възвративъшеся, млеко ученія сосуть; да и учители Христова стада о вьсѣхъ молящеся, Христа Бога славять, вься волкы и агньца въ едино стадо собравъшаго. Ныня древа лѣторасли испущають, и цвѣти благоуханія процвитають, и се уже огради сладъкую подавають воню, и дѣлатели съ надежею тружающеся плододавеца Христа призывають. Бѣхомъ бо преже акы древа дубравьная, не имуще плода, ныня же присадися Христова вѣра въ нашемь невѣрьи, и уже держащеся корене Іосѣева, яко цвѣты добродѣтели пущающе, райскаго пакыбытья о Христѣ ожидають; да и святители о церкъви тружающеся отъ Христа мьзды ожидають. Ныня ратаи слова, словесьныя уньца къ духовьному ярму приводяще, и крестьное рало въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаянія почертающе, сѣмя духовьное въсыпающе, надежами будущихъ благъ веселяться. Дьнесь ветъхая конець пріяша, и се быша вься нова, въскресенія ради. Ныня рѣкы апостольскыя наводьняються, и язычьныя рыбы плодъ пущають, и рыбари, глубину Божія въчеловѣченія испытавъше, полну церковьную мрежю ловитвы обрѣтають: рѣками бо, рече Пророкъ, расядѣться земля, узьрять и разболяться нечестивіи людіе. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая бъчела, свою мудрость показающи, вся удивляеть, якоже бо они, въ пустыняхъ самокърміемь живуще, ангелы и человѣкы удивляють и си, на цвѣты излетающи, медвеныя съты сътваряеть, да человѣкомъ сладость и церкъви потребьная подасть. Ныня вься доброгласьныя пътицы церковьныхъ ликовъ гнѣздящася веселяться: и пътица бо, рече Пророкъ, обрѣте гнѣздо себе, олтаря твоя, и свою каяждо поющи пѣснь, славить Бога гласы немолчьными.

Изъ слова о разслабленномъ. Неизмѣрьна небесьная высота, ни испытана преисподьная глубина ниже съвѣдомо Божія съмотрѣнія, таиньство; велика бо и неиздреченьна милость его на родѣ человѣчьстѣмь, еюже помиловани быхомъ. Того ради должьни есмы, братіе, хвалити и пѣти и прославляти Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, исповѣдающе великая его чюдеса, еликоже ихъ сътвори: неисповѣдима бо суть ни ангеломъ, ни человѣкомъ. Ныня же о расслабленѣмь побесѣдуимъ, егоже дьнесь самъ Богъ въспомянулъ и призрѣлъ, и помиловалъ, егоже и врачеве небрегома сътвориша, егоже презьряху въметающеи въ купѣль; егда бо възмутяшеться вада, вьси о богатыхъ пекущеся съдравіи, сего отрѣяху, егоже ныня Христосъ, благый человѣколюбець, словомъ ицѣли, врачь бо есть душамъ нашимъ и тѣломъ, и слово его дѣломь бысть. Глаголеть бо Евангелистъ: възидѣ Іисусъ въ Іерусалимъ въ преполовленіе жидовьска праздьника, егда же множьство народа отъ вьсѣхъ градъ по обычаю събирахуться въ Іерусамимъ, тъгда и Господь приде, всячьскы угажая своимъ рабомъ и неистовьство противьныхъ обличая Іюдей. По истинѣ бо приде ища заблужьшихъ и спастъ погыбъшихъ, многа бо по вьсей Палестинѣ сътвори чюдеса, и не вѣровахуть ему; нъ противу благодати хулять, лестьца его и блазнителя нарицающе. Того ради при мнозѣ приде народѣ къ Соломони вододьржи, яже нарицаеться в и ѳ е з д а, сирѣчь овьча купѣль, понеже ту полокаху жьртвьныхъ овець утробы. Надъ симь бѣ храмъ, пять притворъ имѣя, и ту лежаше множьство болящихъ, хромыхъ же, и слѣпыхъ, и инѣми недугы болящеи, чающе движенія водѣ; ангелъ бо Господень приходя възмущаше воду, и по возмущеніи первое вълѣзый цѣлъ бываше. Се же бѣ образъ святаго крещенія, понеже не вьсегда вода та ицѣляше, нъ егда ю ангелъ възмутяше. Ныня же въ крещенія купѣли самъ ангельскый владыка, Святый Духъ приходя, освѣщаеть ю, и даеть съдравіе душамъ и тѣломъ, и грѣхомъ очищеніе; аще кто слѣпъ есть разумомь, ли хромъ невѣріемь, ли сухъ многыхъ безаконій отъчаяніемь, ли расслабленъ еретичьскымь ученіемь, вьсѣхъ вода крещенія съдравы творить. Она купѣль многы пріимающи, а единого ицѣляше, и тоже не вьсегда, нъ единою лѣта; а крещенія купѣль по вься дьни многы оживяющи сътворить; къ крещенію бо аще и вьсея земля придуть человѣци, не умалиться Божія благодать, вьсѣмъ дающи ицѣленіе отъ грѣховьныхъ недугъ. Рьцѣмъ же о Господьни благодати, како приде къ овьчи купѣли, и видѣ человѣка расслаблена, долго время на одрѣ въ недузѣ лежаща, и въпроси его, глаголя: — „Хощеши ли съдравъ быти?“ — „Ей, рече, Господи! хотѣлъ быхъ, нъ не имѣю человѣка, дабы по възмущеніи ангеловѣ въверглъ мя бы въ купѣль. Нъ аще мя еси о съдравіи, Владыко, въпросилъ, то кратъцѣ послушай моего отвѣта, да ти своея болѣзни напасть исповѣдѣ: 30 и 8 лѣтъ на одрѣ семь недугомь пригвожденъ сы лежю, грѣси мои вься уды тѣлесе моего расслабиша, а душа моя преже страсти поношеніи бодома бысть. Богови ся

молю, и не послушаеть мене, зане превъзидоша безаконія моя главу мою; врачемъ издаяхъ вьсе мое имѣніе, и помощи улучити не възмогохъ; нѣсть бо зелія, могуща Божію казнь премѣнити. Знаеміи мои гнушаються мене, смрадъ бо мой вьсякоя утѣхы лиши мя, и ближьніи мои стыдяться мною, яко чюжь быхъ страсти ради братіи моей; вьси человѣци мною кльнуться, а утѣшающаго не обрѣтохъ. Мьртва ли себѣ нареку? Нъ чрево ми пища желаеть, и языкъ отъ жажа исышаеть. Жива ли себе помышлю? Нъ не тькмо въстати съ одра, нъ ни подвигнути себе не могу: нозѣ имѣю не поступьнѣ, руцѣ же не тъчію бездѣльнѣ, нъ ни осязати себе тѣма съвладѣю: непогребенъ мьртвьць разумѣюся, и одръ сь гробъ ми есть; мьртвъ есмь въ живыхъ, и живъ есмь въ мьртвыхъ; ибо яко живъ, питаюся, и якоже мьртвъ не дѣлаю"... И си вься отъ устъ раслабленаго слышавъ благый нашь врачь, Господь Іисусъ Христосъ, отвѣщавъ къ раслабленому: — „Что глаголеши: человѣка не имамь? Азъ тебе ради человѣкъ быхъ, щедръ и милостивъ, не сълъгавъ обѣта моего въчеловѣченія; слышалъ бо еси Пророка глаголюща: яко отроча родиться, сынъ Вышняго, и данъ бысть намъ, и тъ болѣзни и недугы наша понесеть. Тебе ради горьняго цьсарьства скипетры оставль, нижьнимъ служа, объхожю: не придохъ бо, да ми послужать, нъ да послужю. Тебе ради, бесплътьнъ сы, плотію обложихъся, да вьсѣхъ душевьныя и тѣлесьныя недугы ицѣлю. Тебе ради, невидимъ сы ангельскымъ силамъ, вьсѣмъ человѣкомъ явихъся: не хощю бо моего образа въ тлѣніи презьрѣти лежаща, нъ хощю и спасти и въ разумъ истиньный привести, и глаголеши: человѣка не имамь? Азъ быхъ человѣкъ, да Богомь человѣка сътворю; рѣхъ бо: бози будуть и сынове Вышьняго вьси, и кто инъ мене вѣрьнѣй служай тобѣ? Тобѣ вьсю тварь на работу сътворихъ; небо и земля тобѣ служита, оно влагою, а си плодомь; тебе ради солньце свѣтомъ и теплотою служить, и луна съ звѣздами нощь обѣляеть; тебе дѣля облаци дъждьмь землю напаяють, и земля вьсяку траву сѣмениту и древа плодовитая на твою службу въздращаеть; тебе ради рѣкы носять, и пустыни звѣри питаеть, и глаголеши; человѣка не имамь? И кто есть мене вѣрьнѣй человѣкъ? яко не сълъгахъ обѣта въчеловѣченія моего: кляхъся Аврамови глаголя: о сѣмени твоемь благословяться языци, въ Исацѣ же будеть ти племя, и въ томь въплътивъся отложю обрѣзаніе, сътворю же брѣжю воду, многа чада поражающю крещеніемь, о нейже глаголеть Исаія: яко протържеся вода въ пустыни, жажюще на воду живу идѣте; азъ есмь животьное озеро, и се породьный источьникъ отъ устъ моихъ на тя изливаю; а ты овьчая купѣли жадаеши, помалѣ пресъхнути хотяща. Въстани, възьми одръ свой, да слышить мя Адамъ, и обновиться ныня съ тобою отъ истлѣнія; въ тобѣ бо пьрваго преступленія Евжину клятву ицѣляю. Лазоря уже раскысѣвъша въ гробѣ и четыри дьни имуща въ мьртвыхъ, словомъ жива сътворихъ; и тобѣ ныня глаголю: въстани, и възьми одръ свой, и иди въ домъ свой".

Изъ поученія въ недѣлю 5-ю по Пасцѣ. Азъ убо, о друзи и братье, надѣяхъся на вьсяку недѣлю боле собьрати въ церковь людій, на послушаніе божествьныхъ словесъ; ныня же мьне приходить; нъ аще быхъ о собѣ глаголалъ, то добре бысте творили не приходяще, ныня же Владычьня възвѣщаю вамъ и грамоту Христову прочитаю вамъ. Якоже бо кто грамоту цьсареву или княжю принесеть въ градъ, подъ рукою его сущимъ, не пытають житья принесъшаго ю: богатъ ли есть, или убогъ, ли грѣшенъ, ли праведьнъ, нъ тѣхъ точью чьтомыхъ послушають, и тъщиться абы ничтоже ихъ не забыло; аще ли котораго слова не гораздо услышить, то прашаеть слышавъшаго; аще ли бещиненъ человѣкъ голъку сътворить, то бьюще отгонять ѝ, аки пакость творяща. Да аще отъ земьнаго князя толико вниманіе будеть, кольми паче сдѣ внимати подобаеть вамъ, идѣже ангеломъ Владыка бесѣдуеть... Елико же и васъ приходить въ церковь, понужайте не хотящихъ приходити, и никто же не глаголеть: яко непраздьнъ есмь, въ инѣхъ дѣлѣхъ; нъ помысли оны зъваныя на цьсарьскую вечерю, иже многы такоже извѣты сътвориша, овъ рече: супругъ воловъ хощю искусити, овъ же: села купленаго съглядати, инъ жену поятъ, и про то разгнѣвася на нихъ цьсарь. А вы единого часа не можете ли отлучити Богови? Въпрошю же вы, и отвѣщайте ми: аще злато или сребро по вься дни раздавалъ быхъ, или медъ, либо се пиво, не бысте ли приходили сами и не призываеми, и другъ друга бѣсте варили? Нынѣ же словеса Божія раздаваю, лучьша паче злата и каменья драгаго, и слажьша паче меду и съта, и лишаетеся ихъ, не приходяче къ церкъви. Тѣхъ же и зълословлю, и укаряю, яко же васъ приходящихъ хвалю и благословлю; кождо же васъ молю вы, приходящихъ сдѣ, и въкушающихъ духовьнаго сего меду, аще сусѣда имате, или родина, или жену, или дѣти, то позывайте къ церкъви вься, и поучитеся душеполезьнымъ словесемъ, да и сдѣ богоугодьно поживъше и вѣчьныхъ благъ наслѣдьници будемъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемь, ему же слава.

Хожденіе игумена Даніила въ Святую землю.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 64—67.

Вступленіе. Се азъ недостойный игуменъ Данилъ Русьскыя земля хужьшій въ вьсѣхъ мнисѣхъ, смѣренъ сый многыми грѣхы и невѣжьствіемь, недоволенъ сый во вьсякомь дѣлѣ блазѣ, и понуженъ быхъ мыслію своею и нетерпѣніемь своимь, въсхотѣхъ видѣти святый градъ Іерусалимъ, и землю обѣтованьную Богомь Аврааму. Волею же Божіею хранимый доходихъ святаго града Іерусалима и видѣхъ вьсю землю Галилейскую и святая мѣста, и вься обидохъ, вьсю ту землю, удуже Христосъ Богъ нашь походи своима ногама и много чюдесъ показа преславьно святымъ апостоломъ и

своимъ ученикомъ, да то вьсе видѣхъ, очима своима грѣшьныма, и вьсе ми Богъ показа видѣти, егоже жадахъ азъ по многы дьни, мыслію своею мучимъ. Но, братіе, и отьци, господіе мои, простите мя, и не зазьрите моему худоумію и грубости моей, еже съписахъ о святѣмь градѣ Іерусалимѣ, и о землѣ блазѣ, и о пути семь святѣмь: иже бо кто путемь симь ходить съ страхомь и съ смиреніемь, то не погрѣшить милости Божія николиже. Азъ же неподобьно ходихъ путемь симь святымь, въ вьсякой слабости и лѣности, пья и ядя и вься неподобьная творя, но обаче надѣюся на милость Божію и на вашу молитву, негли Христосъ Богъ простить мя грѣховъ моихъ бещисленьныхъ, да се исписахъ путь сей и мѣста си святая, не възношаяся, ни величаяся путемь симь: не буди то, ничтоже бо не сътворихъ добра на пути семь, но любъве ради святыхъ мѣстъ написахъ вьсе, еже видѣхъ очима своима грѣшьныма, дабы не въ забытьи то было, еже ми показа Богъ видѣти недостойному, и убояхся осуженія оного раба лѣниваго, скрывъшаго талантъ господина своего и прикупа не сътвори имь, да и се написахъ вѣрьныхъ ради человѣкъ, дабы кто, слышавъ о мѣстѣхъ святыхъ и потъщался душею и мыслію къ святымъ симъ мѣстомъ и равьну мьзду пріимуть съ тѣми, иже будуть ходити до святыхъ сихъ мѣстъ. Мнози же дома суще, въ своихъ мѣстѣхъ добріи человѣци милостынями къ убогымъ и добрыми дѣлы своими достизають сихъ мѣстъ святыхъ, иже большюю мьзду примуть отъ Бога; мнози же и доходивъше святыхъ сихъ мѣстъ и видѣвъше святый градъ Іерусалимъ, и вознесъшеся умомь, яко нѣчто добро сътворьше, и пакы погубляють мьзду труда своего, отъ нихъ же первый есмь азъ.

О Іерусалимѣ. Есть же святый той градъ Іерусалимъ въ дебрехъ, и около же его горы каменьны великы и высокы, ольно пришедъ близь къ граду тоже видѣти святый градъ Іерусалимъ: первое видѣти столпъ Давыдовъ, а потомъ, мало пошедъ, видѣти Елеоньская гора и Святая Святыхъ, а потомъ весь градъ видѣти. И ту же есть гора равьна у пути близь Іерусалима, яко версты одной въдале и на той горѣ съсѣдаютъ люди съ коней, и пѣши ходять вьси людіе и поклоняються христіане святому Въскресенію; и бываетъ радость велика въсякому христіянину, увидѣвъшему святый градъ Іерусалимъ: никто же бо можеть не прослезитися, видѣвъше землю желаньную и мѣста святая, идѣже Христосъ Богъ нашь, нашего ради спасенія, походи; и идуть вьси пѣши съ радостію великою ко граду Іерусалиму.

О пупѣ земномъ и о церкви. И есть церкы та Въскресеніе Господьне кругла образомь, всямо окачьна, въдлѣ и въпрекы, имать 30 саженъ Суть же у нея полаты простороны, и въ тѣхъ полатахъ, горѣ патриархъ живеть. И есть отъ дверей Гроба Господьня до стѣны великаго олтаря 12 саженъ; и ту есть, вънѣ стѣны за олтаремъ, пупъ земьный; съзьдана же надъ нимь комора, и горѣ написанъ Христосъ мусіею, и глаголетъ грамота; „се пядію моею измѣрихъ небо, а дланію землю“. Отъ пупа земьнаго до распятія

Господьня и до Кранiева мѣста 12 саженъ. И есть бо распятiе Господьне отъ Въскресенiя къ востоку лицъ; есть же на камени высоко было, яко стружiя възвыше. Круглъ же есть камень тотъ, яко горъка мала; посреди же камени того на верху есть скважьня, лакти въглубльше, а въшире мьнiй пяди кругло, и ту былъ въдруженъ крестъ Господнiй. Исподи же подъ тѣмь каменемь лежить первозданнаго Адама глава. Въ распятiе же Господьне, егда на крестѣ Господь нашь Iисусъ Христосъ предасть духъ свой, и тогда раздрася церковьна катапетазма и каменiе распадеся: тогда и той камень просѣдеся надъ главою Адамовою, и тою расѣлиною сънидe кровь и вода изъ реберъ Владычень на главу Адамлю, и омы грѣхы рода человѣча; и есть расѣлина та на камени томь, и до дьнешьняго дьне знати есть на деснѣй странѣ распятiя Господня знаменiе то честьное. Есть распятiе Господне и каменетъ святый озданъ стѣною вьсь; и горѣ надъ распятiемъ Господьнимь съзьдана комара и исписана бысть мусiею дивьно; и отъ востока лиць на стѣнѣ написанъ есть мусiею Христосъ на крестѣ распятъ, хитьро и дивьно, яко живъ, и възвыше и въболе, якоже былъ тогда. А отъ полудьня лиць написано сънятiе Господьне съ креста такоже дивьно. Двери же имать двои, възлѣсти же есть по степенемъ горѣ, 7 степеней, помощено есть досъками муроморяными красьно; исподи же подъ распятiемь, идѣже есть глава Адамля, такоже призьдана есть яко церковьца мала, помощена же есть досъками муроморяными красьно, да то зоветься Кранiево мѣсто, еже есть лобьное; а горѣ, идѣже есть распятiе Господьне, и то зоветься Голгоѳа. А отъ распятiя до сънятiя саженъ 5. И ту же есть мѣсто близь, къ полунощiю лиць, идѣже раздѣлиша ризы его; и ту же и другое мѣсто близь, идѣже възложиша на главу Iисусову вѣнець терновъ и въ багряницю руганiя облекоша. И ту же есть близь жьртвеникъ Авраамовъ, идѣже положи жьртву Богови Авраамъ, и закла овенъ въ Исаака мѣсто, сына своего, и на то же мѣсто възведенъ бысть Исакъ, идѣже Христосъ възведенъ бысть на жертву насъ ради грѣшьныхъ, и распятъ бысть отъ безаконьныхъ. А оттуда же есть близь мѣсто, яко единой сажени въдале, идѣже заушенъ бысть Христосъ Богъ нашь. А оттуда же есть близь святая темьница, идѣже въсаженъ бысть Христосъ Богъ нашъ, и ту посѣде мало, доньдеже доспѣють крестъ Господень, на немь же и распяша Его; и та мѣста вься святая подъ единымь покровомь. А отъ темьници Христовы къ полунощiю лиць есть саженъ 12 до того мѣста, идѣже святая Елена царица налѣзла честьный крестъ Господень, и гвоздiе, и вѣнець, и трость, и губу, и копiе. Есть же распятiе Господьне и гробъ, и вься та мѣста святая, на удольнемь мѣстѣ. Есть бо возгорiе отъ запада лиць надъ гробомь Господнимь и надъ распятiемь, и ту есть мѣсто на пригорiи томь, на то мѣсто скоро притече Богородица, тъщашеся текущи въслѣдъ Христа, и глаголаше въ болѣзни сердьца своего слезящи: „Камо идеши, чадо мое? чьсо ради течеши скоро? еда другый бракъ въ Кана Галелеи, да тамо ли тъщишися,

Сыне и Боже мой? не молча отиде мене, Сыне, рождьшая Тя; дай же ми слово, рабѣ Твоей!“ Пришедъши же на мѣсто то, Святая Богородица узърѣ съ горы распинаема Сына своего на крестѣ, ужасеся вельми, и съгнувъшися сѣде, печалію и рыданіемь одержима бѣаше.

О Іерданьстѣй рѣцѣ. Іерданъ же рѣка течеть быстро, берегы же имать обонъполъ прикруты, а отъсюду пологы; вода же его мутьна и сладъка пити вельми и нѣсть сыти піющимъ воду ту святую, и здрава бысть вода та піющимъ ю, ни съ нея болить, ни пакости въ чревѣ нѣсть; вьсѣмь же есть подобенъ Іерданъ къ рѣцѣ Сновьстѣй, въшире и глубле, лукаво же вельми и быстро течеть; болонія же имать, якоже и Сновь рѣка; глубле же есть четырей саженъ среди самоѣ купѣли, якоже самъ собою искусихъ и измѣрихъ и пребродихъ на ону страну Іердана, и много походихъ по брегу тому Іерданову любовію; въшире же есть Іерданъ рѣка, якоже на устьи Сновь рѣка есть. И есть же по сей странѣ купѣли тоя яко лѣсокъ малъ, древіе много по брегу Іерданову превысоко, яко вербіе есть, и подобьно, но нѣсть верба; выше купѣли, яко лозіе много по брегу Іердана; но нѣсть наша лоза, но инака... И есть бо ту тростіе много, болоніе имать, яко Сновь рѣка. Звѣрь многъ ту и свиніи дикыя, безъ числа много ту, и пардуси мнози ту суть; ту же суть и львове обонъполъ Іердана въ горахъ каменьныхъ, ту ся и ражають. Другыя же горы суть подъ тѣми горами, бѣлы суть вельми, и ти суть близь Іердана. И ту же есть мѣсто близь яко двою дострѣлу въдале отъ рѣкы Іердановы, къ возводу лиць, идѣже Илія пророкъ въсхищенъ бысть на колесници огненѣ на небо. И ту же есть близь потокъ Ильинъ воды исполненъ; вода же въ немь течеть быстро и красьно по каменію въ Іерданъ; вода же та студена и сладъка. И ту же есть печера Іоанна Предотеча надъ потокомь тѣмь; и ту воду пилъ Іоаннъ Предотеча Христовъ, егда ту жилъ въ той печерѣ святой. И ту же есть близь другая печера, идѣже жилъ Илія пророкъ съ ученикомь своимь Елисеемь. И то вьсе благодѣтію Божіею видѣхъ очима своима грѣшьныма и недостойныма. И сподоби же мя Богъ тришьды быти на Іерданѣ, и въ самый праздьникъ воды крещенія быхъ на Іерданѣ со вьсею дружиною моею, и видѣхомъ благодать Божію, приходящую на воду Іерданьскую, и множество народа бещислено тогда приходять къ водѣ съ свѣщами, и вьсю ту нощь бываеть пѣніе изрядьно и свѣщь безъ числа горящь; въ полунощи же бываеть крещеніе водѣ: тогда бо Духъ Святый исходить съ небесе на воды Іерданьскыя, человѣци же достойніи добрѣ видять, како всходить Духъ Святый, а вьси народи не видять, но токмо вьсякому человѣку радость бываеть тогда въ сердьци. Да егда погрузять священьници крестъ честьный и егда рекуть „въ Іерданѣ крещающу Ти ся, Господи“,—и тогда вьси людіе въскачють въ Іерданъ, крещающеся въ Іерданьстей рѣцѣ, якоже бо Христосъ въ полунощи крестилъся отъ Іоанна.

О горѣ Ѳаворьстѣй. Ѳаворьская гора и Назареѳъ отъ Тиверіядьскаго

моря на западъ лиць есть; 8 верстъ есть великыхъ до Ѳаворьскыя горы. Гора же Ѳаворьская дивьна и чюдьна уродилася отъ Бога, поставлена бысть красьно и высока вельми, посреди поля стоить красьно, яко стогъ кругомъ; гора та уродилася есть красьно, и есть кромѣ вьсѣхъ горъ ту сущихъ подале; подлѣ же гору течеть рѣка по полю. По горѣ же той по вьсей растеть древо всякое: смокъви и рожьци и масличіе много зѣло; вышьши же есть Ѳаворьская гора вьсѣхъ горъ около ея, есть же уединена кромѣ вьсѣхъ горъ, стоить посреди поля красьно, велика вельми ободомь; высота же ей яко можеть съ нея на полъдень лиць нольно добрый стрѣлець 4-ю стрѣлити, а на ней стрѣлити перестрѣлъ есть, а на земли стоя горѣ осмію стрѣляти. Есть же гора та вься каменьна, ити на ню трудьно и бѣдьно добрѣ; есть мѣста такая: по каменію лѣсти на ню руками держася, путь тяжекъ вельми, одва на ню възлѣзохомъ: полѣзъшо отъ третьяго часа дьне до 9 часа дьне, борзо идуще, едва съ нуждою възыдохомъ на ню, на самый верхъ горы тоя святыя. Есть же на верху горы тоя мѣсто къ востоку лиць къ зимьнему акы горъка мала каменьна, островерха; и на томь мѣстѣ преобразися Христосъ Богъ нашь; и ту есть нынѣ церковь велика съзьдана на мѣстѣ томь во имя святаго Преображенія Христова; а другая церковь близь тоя церкъве во имя святаго Пророка Моисея, а третья ту же близь во имя святаго Пророка Иліи. Мѣсто же то Преображенія Христова одѣлано вьсе городомь каменнымь твердо вельми; врата же имать желѣзьная городотъ, и то есть была первѣе епископія; нынѣ же ту есть манастырь Латыньскый; воды же ту много есть на горѣ той. Дивьно же бысть Божіе устроеніе, оже на толицѣ высотѣ водѣ быти. Нивы же суть многы по горѣ той святой, и виногради добріи и вьсякая древеса овощьная суть ту, и видѣти же съ нея далече вельми.

О свѣтѣ святѣмь, како сходить съ небесе къ Гробу Господьню. И се ми показа Богъ видѣти худому и недостойному рабу своему Данилу иноку; и видѣхъ очима своима грѣшьныма по истинѣ, како сходить свѣтъ святый къ Гробу животворящему Господа Спаса нашего Іисуса Христа. Мнози бо иніи страньници неправо глаголють о схожденіи свѣта святаго: инъ убо глаголеть, яко голубемь сходить Духъ Святый къ гробу Господьню, а друзіи глаголють, яко молніи сходить и въжигаеть кандила надъ Гробомь Господьнимь: то есть лъжа; ничтоже бо есть тогда видѣти, ни голуби, ни мълнія, но тако невидимо сходить благодѣть Божія, и въжигаються кандила надъ Гробомь Господьнимь. Да и о томь скажу, еже видѣхъ по истинѣ. Въ великую пятьницу по вечерьній потирають Гробъ Господень и помывають кандила, сущая надъ Гробомь Господьнимь, и наливають кандила та масла древянаго чиста безъ воды, одного, и вотъкнувъше свѣтильна во оловьца, и не въжигаютъ свѣтиленъ тѣхъ, но тако оставляють свѣтильна та не въжьжена, и запечатають Гробъ Господень въ 2 часъ нощи; и тогда изгасять вься кандила, не токмо ту сущая, но и по вьсѣмъ церквамъ яже въ

Іерусалимѣ. Тогда и азъ худый идохъ въ ту пятьницу великую въ 1 часъ дьне къ князю Балдвину, и поклонихомъся ему до земля; онъ же видѣвъ мя худаго поклонивъшася, и призъва мя къ себѣ съ любовію, и рече: „что хощеши, игумене Русьскый?“ — позналъ бо мя добрѣ и любляше мя вельми, якоже бяше мужь благъ и смиренъ и не гордить ни мало. Азъ же рекохъ ему: „Княже мой, господине мой! Молю ти ся Бога дѣля и князей дѣля Русьскыхъ, повели ми, да быхъ и азъ поставилъ свое кандило на Гробѣ святѣмь отъ вьсея Русьскыя земля“. Тогда же онъ со тъщаніемь и съ любовію повелѣ ми поставити кандило на Гробѣ Господьни и посъла со мною мужа, своего слугу лучьшаго, къ иконому святаго Въскресенія и къ тому, иже держить ключь гробьный. И повелѣста ми оба, икономъ и ключарь Гроба Господьня, принести ми кандило свое съ масломь; азъ же поклонихъся има съ радостію великою и шедъ на торгъ и купихъ кандило стькляное велико и наліяхъ масла древянаго чистаго безъ воды, и принесохъ къ Гробу Господьню, уже вечеру сущу, и упросихъ ключаря того, единого вънутрь гроба суща, и обѣстихъся ему; онъ же отъверзе ми двери святыя, и повелѣ ми выступити изъ калигъ, и тако босаго въведе мя единого въ святый Гробъ Господень съ кандиломь, еже ношахъ азъ рукама своима грѣшьныма, и повелѣ ми поставити кандило на Гробѣ Господьни, и поставихъ своима рукама грѣшьныма въ ногахъ, идѣже лежаста пречистѣи нозѣ Господа нашего Іисуса Христа: въ главахъ бо стояше кандило Гречьское, на персехъ поставлено бяше кандило святаго Савы и вьсѣхъ манастырей; тако бо обычай имуть, по вься лѣта поставляють кандило Гречьское и святаго Савы. Благодѣтію же Божіею та три кандила въжьглася дольняя, а Фряжьская кандила повѣшена суть горѣ, а отъ тѣхъ кандилъ ни единого же не возгорѣся тогда, толико та 3 едина въжьглася. Азъ же поставихъ кандило свое на святѣмь Гробѣ Господа нашего Іисуса Христа и поклонихъся честьному Гробу Господьню, и облобызавъ съ любовію и съ слезами мѣсто то святое и честьное, идѣже лежало пречистое тѣло Господа нашего Іисуса Христа; и изыдохомъ изъ Гроба того святаго съ радостію великою и идохомъ къждо въ келью свою. Заутра же въ великую субботу въ шестый часъ дьне събираються вьси людіе предъ церковію Въскресенія Христова бещислено много множество людій отъ вьсѣхъ странъ, пришельци и тоземьци; и отъ Вавилона, и отъ Египта, и отъ Антіохія и отъ вьсѣхъ странъ ту ся сьбирають въ тотъ день несказаньно много людій, и наполняться вся та мѣста около церкъве и около Распятія Господьня; велика же тѣснота и томленіе лютѣ людемъ ту бываеть; мнози бо тогда задыхаються отъ тѣсноты людій тѣхъ бещисленыхъ; и ти вьси людіе съ свѣщами стоять не въжьженами и жьдуть отверзенія дверій церковьныхъ. Внутрь же церкъве тогда токмо попове едини суть, и жьдуть попове и вси людіе, доньдеже прідеть князь Балдвинъ съ дружиною своею, и бываеть тогда отверзеніе дверемъ церковьнымъ, и входять тогда вьси людіе въ церковь въ тѣснотѣ велицѣ и въ гнетеніи.

и наполъняють церковь ту и полаты, вьсѣ полъны будуть; не могуть бо ся въмѣстити вьси людіе въ церковь ту, но ту стоять вънѣ церкъве людіе мнози зѣло около Голгоѳы и около Краніева мѣста и дотолѣ, идеже налѣзенъ крестъ Господень, вьсе полно будеть людій, бе щисла много множество. Иного не глаголють ничьсоже, но токмо „Господи помилуй“ зовуть неослабно и вопіють сильно, яко тутънати и взгремѣти вьсему мѣсту тому отъ вопля людій тѣхъ; и ту источьници слезамъ проливаються отъ вѣрьныхъ человѣкъ; аще бо кто окамененъ серьдьцемь своимь, да и той тогда можеть прослезитися; вьсякъ бо человѣкъ тогда зазьрить себе и поминаеть грѣхы своя и глаголеть въ себѣ: „егда моихъ дѣля грѣховъ не снидеть свѣтъ святый!“ И тако стоять вьси вѣрьніи, слезьно и сокрушено сердьце имуще; и той самъ князь Балдвинъ стоить съ страхомь и смиреніемь великымь, источьникъ слезъ проливаеться отъ очію его; такоже и дружина его стоять около его прямо Гробу близь олтаря великаго. Яко бысть 7 часъ суботьнаго дьне, поиде князь Балдвинъ изъ дому своего къ Гробу Господьню и съ дружиною своею, и вьси боси пѣшіи идуть съ нимь. И присъла князь въ метухію святаго Савы, и позъва игумена съ черноризьци его; и поиде игуменъ съ братіею къ Гробу Господьню, и азъ худый туто же идохъ съ игуменомь тѣмь и съ братіею, и пріидохомъ къ князю тому, и поклонихомъся ему вьси. Тогда и онъ поклонися игумену святаго Савы. И повелѣ князь игумену святаго Савы и мнѣ худому съ ними поити близь себе, а инѣмъ повелѣ предъ собою ити, а дружинѣ повелѣ по собѣ ити. И пріидохомъ въ церковь Въскресенія Христова къ западьнымъ дверемъ, и се множество людій заступиша двери церковьныя, и не могохомъ внити въ церковь. Тогда повелѣ князь Балдвинъ воемъ своимъ разгънати люди насильствомь; и сътвориша яко улицу сквозѣ люди нольно и до Гроба Господьня, и тако възмогохомъ проити. И пріидохомъ къ восточьнымъ дверемъ Господьнимъ гробьнымъ, а князь по насъ пріиде и ста на мѣстѣ своемь на десной странѣ у перегороды великаго олтаря противу въсточьнымъ дверемъ гробьнымъ: ту бо есть мѣсто княже созьдано высоко; и повелѣ князь игумену святаго Савы стати надъ Гробомь съ вьсѣми черньци и съ правовѣрьными попы, мнѣ же худому повелѣ стати высоко надъ самыми дверьми гробьными противу великому олтарю, яко дозьрѣти ми льзѣ бяше въ гробьныя двери; двери же гробьныя вьсѣ троѣ замъчены бяху запечатаны царьскою печатію. Латыньстіи же попове въ велицѣмь олтари стояху. И бысть яко 8 часъ дьне, и начаша пѣти вечерьнюю правовѣрьніи попове на Гробѣ горѣ, и вьси мужи духовьніи, черноризьци же и пустынници мнози ту бяху пришьли; а Латыня же въ велицѣмь олтари начаша верещати свойскы, и тако поющима имъ, азъ же ту стояхъ и прилежьно зьряхъ къ дверемъ гробьнымъ. И яко начаша пареміи чести суботы великыя, и изиде епископъ съ діакономь своимь изъ великаго олтаря и приде къ дверемъ гробьнымъ, и позьрѣвъ Гробъ Господень сквозѣ хрестьца дверей тѣхъ, и не узьрѣ свѣта въ Гробѣ и възвра-

тися опять въ олтарь. Яко начаша чести 6-ю паремію, и той же епископъ со діакономь пріиде пакы къ дверемъ гробьнымъ, и не увидѣ ничтоже въ Гробѣ Господьни; и тогда вьси людіе възъпиша съ слезами „киръ елейсонъ“. Яко же бысть девятый часъ дьни мимоходящю, и начаша пѣти пѣснь преходьную „Господеви поемъ“, и тогда вънезаапу пріиде туча отъ въстока мала и ста надъ върхомь не покрытымь тоя церкъве и одожди мало надъ Гробомь святымь и смочи ны добрѣ стоящихъ надъ Гробомь Господьнимь; и тогда вънезапу облиста свѣтъ святый въ Гробѣ Господьни, и изыде блистаніе свѣта того страшьно и свѣтьло зѣло изъ Гроба того святаго. И пришедъ епископъ съ четырьми діаконы, отверзоша двери Господьня Гроба, и въземъ свѣщю у князя, и вниде епископъ въ Гробъ Господень и въжьже первое ту свѣщю княжу отъ свѣта того святаго, и изнесъ изъ Гроба свѣщю ту и вдасть ю самому князю въ руцѣ; и ста князетъ на мѣстѣ своемь дьржа свѣщю ту съ радостію великою зѣло, и отъ тоя свѣща мы въжьгохомъ вьси своя свѣща, а отъ нашихъ свѣщь вьси людіе своя въжьгоша свѣща. Свѣтъ же святый не тако, яко огнь земленый, но чюдьно инако свѣтиться издрядьно и пламень его червленъ есть, яко киноварь, и отънудь несказаньно свѣтиться. И тако вьси людіе стоять съ свѣщами горящими и вопіють же вьси непрестаньно съ радостію великою зѣло и съ веселіемь, видѣвъше свѣтъ святый Божій. Иже бо кто не видѣвъ тоя радости въ той день, то не иметь вѣры сказающему о вьсемь томь видѣніи; обаче вѣрьніи добріи человѣци вельми вѣрують и въ сласть послушають сказанія сего о святыни сей и о мѣстѣхъ сихъ святыхъ: вѣрьный бо въ малѣ, и въ мнозѣ есть вѣренъ, а зълу человѣку истина крива есть. Мнѣ же худому Богъ послухъ есть и святый Гробъ Господень и вься дружина моя, Русьстіи сынове, приключившеися тогда Новгородьци и Кыяне: Сѣдеславъ Иваньковичь, Гориславъ Михалковичь, Кашкыча два и иніи мнози, иже свѣдають о мнѣ и о сказаніи семь. Но възвратимъся на прежереченую повѣсть. И егда же свѣтъ въсія въ Гробѣ Господни, тогда же и пѣніе преста и вьси възъпиша „кирі-елейсонъ“; потомъ поидоша изъ церкъве съ радостію великою и съ свѣщами горящими, и съблюдающе къждо свѣща своя отъ угашенія вѣтреняго, и идоша кождо ихъ въ свояси, и отъ того свѣта святаго въжигають свѣща въ своихъ церкъвахъ къждо ихъ и коньчають пѣніе въ своихъ церкъвахъ кождо ихъ, а въ велицѣй церкъви у Гроба Господьня сами попове безъ людій коньчають пѣніе вечерьнее. Тогда и мы съ игуменомь и съ братіею идохомъ въ свой манастырь, несуще свѣща своя горящая, и ту коньчахомъ пѣніе вечерьнее и идохомъ въ келія своя хваляще Бога, показавъшаго недостойнымъ намъ ту благодѣть видѣти.

Заключеніе. Ходилъ есми тамо во княженіе Русьское великаго князя Святополка Изяславича, а внука Ярослава Володимерича Кыевьскаго. Богъ тому послухъ и Святый Гробъ Господень. Въ вьсѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыхъ не забывахъ именъ князей Русьскыхъ, и княгынь ихъ и дѣтей ихъ, ни

епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовьныхъ, ни вьсѣхъ христіянъ, николиже не забывалъ есмь, но вездѣ поминалъ есмь въ молитвахъ. И о семь похвалю преблагаго Бога, яко сподоби мя написати имена Русьскыхъ князей въ лаврѣ у святаго Савы; и нынѣ поминаються въ октеніяхъ. Се же суть имена ихъ: Михайло-Святополкъ, Василей-Владимеръ, Давыдъ Святославичъ, Михайло-Олегъ, Панкратей-Ярославъ Святославичь, Ондьрей-Мьстиславъ Вьсеволодовичь, Ѳеодоръ-Мьстиславъ Володимеровичь, Борисъ Вьсеславичь, Глѣбъ Миньскый, Давыдъ Вьсеславичь; толико бо есмь поминалъ имень ихъ, да тѣхъ и вписалъ есмь; прочее же о вьсѣхъ Русьскыхъ князихъ и о боярѣхъ и о вьсѣхъ христіанѣхъ Русьскыя земля, и отпѣхомъ же литургій вьсѣхъ 90 за князей и за бояръ и за дѣти моя духовьныя и за правовѣрьныя христіяны, за живыя 50, а за мертвыя 40; быша же литургіи ты у Гроба Господьня и въ вьсѣхъ мѣстѣхъ святыхъ. Буди же вьсѣмъ почитающимъ писаніе се съ вѣрою и съ любовію благословеніе отъ Бога и отъ святаго Гроба Господьня и отъ вьсѣхъ мѣстъ сихъ святыхъ; пріиметь бо мьзду равьну съ ходивъшими до святаго града Іерусалима и видѣвъшими мѣста си святая вься. Блажени бо видѣвъше и вѣроваша; треблажени не видѣвъше вѣроваша. Вѣрою бо пріиде Авраамъ въ землю обѣтованьную. По истинѣ бо есть вѣра равьна добрымъ дѣломъ. Но Бога дѣля, отьци и братія, господіе мои, не зазьрите худоумію моему и грубости моей! Да не будеть въ похуленіе написаніе сіе мене дѣля худаго; но Гроба Господьня дѣля и святыхъ дѣля мѣстъ почьтѣте его съ любовію, да мьзду пріимите равьну отъ Бога Спаса Господа нашего Іисус-Христа; да Богъ мира будеть съ вьсѣми вами въ вься вѣкы. Аминь.

Поученіе Владимира Мономаха.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 73—79.

Сѣдя на санехъ, помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дьневъ грѣшьнаго допровади. Да дѣти моя, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но кому же любо дѣтій моихъ, а приметь ю въ сердьце свое и не лѣнитися начьнеть, такоже и тружатися. Первое, Бога дѣля и душа своея, страхъ имѣйте Божій въ сердьци своемь и милостыню творя неоскудьну; то бо есть начатокъ вьсякому добру. Аще ли кому не люба грамотица си, а не поохритаються, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санехъ сѣдя, безлѣпицю си молвилъ. Усрѣтоша бо мя съли отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: „потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отимемъ; оже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ“. И рѣхъ: „аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити“. И отрядивъ я, въземъ Псалтырю въ печали, разгнухъ ю, и то ми ся выня: „въскую печалуеши, душе? въскую смущаеши мя?“ и

прочая. И потомь собрахъ словьца си любая, и складохъ по ряду и написахъ; аще вы послѣдьняя не люба, передьняя пріимайте...

По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человѣци грѣшьни суще и съмертьня, то оже ны зъло сътворить, то хощемъ й пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь нашь, владѣя и животомь и съмертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего, яко отець чадо свое любя, бья, и пакы привлачить е къ собѣ. Такоже и Госпюдь нашь показалъ ны есть на врага побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемь, слезами и милостынею; да то вы, дѣти моѣ, не тяжька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царьствія не лишитися. А Бога дѣля не лѣнитися, молю вы ся, не забывайте 3-хъ дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжька: ни одиночьство, ни чернечьство, ни голодъ, яко иніи добріи терпять, но малымь дѣломь улучити милость Божью. Что есть человѣкъ, яко помниши й? Велій еси, Господи, и чюдьна дѣла твоя, никакъ же разумъ человѣческъ не может исповѣдати чюдесъ твоихъ. И пакы речемъ: велій еси, Господи, и чюдьна дѣла твоя, и благословено и хвально имя твое въ вѣкы по вьсей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и твоихъ великыхъ чюдесъ и добротъ, устроеныхъ на семь свѣтѣ: како небо устроено, како ли солньце, како ли луна, како ли звѣзды и тьма и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, твоимь промысломь! звѣрье разноличьніи, и пътицы, и рыбы, украшено твоимь промысломь, Господи! И сему чюду дивуемъся, како отъ перси созьдавъ человѣка, како образи разноличьніи въ человѣчьскыхъ лицихъ, аще и весь миръ совокупить, не вьси въ одинъ образъ, но кый же своимь лиць образомь, по Божіи мудрости. И сему ся подивуемы, како пътица небесьныя изъ ирья идуть... и не ставяться на одной земли, но и сильныя и худыя идуть по вьсѣмъ землямъ, Божіимь повелѣньемь, да наполняться лѣси и поля. Вьсе же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, Господи, милость твоя на насъ, яже та угодья сътворилъ еси человѣка дѣля грѣшьна И ты же пътица небесьныя умудрены тобою, Господи: егда повелиши, то воспоють и человѣкы веселять тебѣ: и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣющѣ онѣмѣють. А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло, и вьсяка чюдеса и ты доброты сътворивъ и съдѣлавъ! Да иже не хвалить тебѣ, Господи, и не вѣруеть вьсѣмь сердьцемь и вьсею душею во имя Отьца и Сына и Святаго Духа, да будеть проклятъ. Си словьца прочитаюче, дѣти моя, божественая, похвалите Бога, давъшаго намъ милость свою, и се отъ худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене; аще не вьсего пріимете, то половину. Аще вы Богъ умякъчить сердьце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: „якоже блудьницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшьныхъ помилуй“. И въ церкъви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одину же ночь; аще можете, поклонитеся до землѣ,

али вы ся начьнеть не мочи, а трижды; а того не забывайте, не лѣнитеся; тѣмь бо ночьнымь поклономь и пѣньемъ человѣкъ побѣжаеть дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмь человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни съ кымь орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а „Господи помилуй“ зовѣте беспрестани, втайнѣ; та бо есть молитва вьсѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю. Вьсего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправьдите сами, а не въдавайте сильнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будеть повиненъ съмерти, а душа не погубляйте никакоя же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся Богомь, ни хреститеся; нѣту бо ти нужа никоея же. Аще ли вы будеть крестъ цѣловати къ братьи, или къ кому, али управивъше сердьце свое, на немь же можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавъше блюдѣте, да не преступьни погубите душѣ своеѣ. Епископы и попы и игумены, съ любовью възимайте отъ нихъ благословенье, и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набъдите, да пріимете отъ нихъ молитву отъ Бога. Паче вьсего гордости не имѣйте въ сердьци и въ умѣ, но рьцѣмъ: съмертьни есмы, днесь живи, а заутра въ гробѣ; се вьсе, что ны еси въдалъ, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало дьній. И въ земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чьсти яко отьца, а молодыя яко братью. Въ дому своемь не лѣнитеся, но вьсе видите; не зьрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣються приходящеи къ вамъ ни дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зьрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отъвьсюду нарядивъше, около вой тоже лязѣте, а рано встанѣте; а оружья не снимайте съ себе вборзѣ, не розглядавъше лѣнощами; вънезапу бо человѣкъ погыбаеть. Лъжѣ блюдися и пьяньства...; въ томь бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемь по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житехъ, да не кляти васъ начьнуть. Куда же поидете, идѣже станете, напоите, накормите унеина; и болѣе же чьстите гость, откуда же къ вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ; аще не можете даромь,—брашьномь и питьемь; ти бо мимоходячи прославять человѣка по вьсѣмъ землямъ, любо добрымь, любо злымь. Больнаго присѣтите; надъ мертвеца идѣте, яко вьси мертвени есмы; и человѣка не минѣте не привѣчавъше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конець вьсему: страхъ Божій имѣйте выше вьсего. Аще забываете вьсего, а часто прочитайте: и мнѣ будеть бе сорома, и вамъ будеть добро. Его же умѣючи, того не забывайте добраго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ. Въ томь бо честь есть отъ инѣхъ земль. Лѣность бо вьсему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозѣте ся лѣнити ни

на что же доброе. Первое къ церкъви; да не застанеть васъ солньце на постели. Тако бо отець мой дѣяшеть блаженый и вьси добріи мужи съвершеніи. Заутренюю отъдавъше Богови хвалу, и потомь солньцю въсходящю, и узрѣвъше солньце, и прославите Бога съ радостью, и рекуче: просвѣти очи мои, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красьный; и еще, Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ грѣховъ своихъ покаявъся, оправьдивъ животъ, тако похвалю Бога. И сѣдъше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати; спанье есть отъ Бога присуждено полудьне; вотъ чинъ бо почиваеть и звѣрь, и пътицѣ, и человѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ пути дѣя и ловы 13 лѣтъ. Первое къ Ростову идохъ, сквозѣ Вятичѣ, посъла мя отець, а самъ иде Курьску; и пакы 2-е къ Смолиньску со Ставъкомь Скордятичемь то и пакы; и отиде къ Берестію со Изяславомь, а мене посъла Смолиньску; то и Смолиньска идохъ Володимерю. Тое зимы то и посъласта Берестію брата на головьнѣ, идѣ бяху пожьгли, то и ту блюдъ городъ тихъ, та идохъ Переяславлю отьчю, а по Велицѣ дьни изъ Переяславля та Володимерю, на Сутейску, мира творитъ съ Ляхы; отътуда пакы на лѣто Володимерю опять. Та посъла мя Святославъ въ Ляхы; ходихъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса (слѣдуетъ длинный перечень другихъ путешествій князя). И потомь Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову и бишася дружина моя съ нимь 8 дьній о малу греблю, и не въдадуче имъ въ острогъ. Съжаливъси хрестьяныхъ душь и селъ горящихъ и монастырь, и рѣхъ: „не хвалитися поганымъ". И въдахъ брату отьца своего мѣсто, а самъ идохъ на отьца своего мѣсто Переяславлю. И вынидохомъ на святаго Бориса день и Щернигова, и ѣхахомъ сквозѣ полкы Половьчьскыѣ нѣ въ 100 дружины, и съ дѣтьми и съ женами; и облизахуться на насъ акы волци стояще, и отъ перевоза и съ горъ; Богъ и святый Борисъ не да имъ мене въ користь, неврежени доидохомъ Переяславлю. И сѣдѣвъ въ Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и съ дружиною своею, и многы бѣды пріяхомъ отъ рати и отъ голода...

А и Щернигова до Кыева нѣ сътижды ѣздихъ ко отцю, дьнемь есмь переѣздилъ до вечерьнѣ; а вьсѣхъ путій 80 и 3 великыхъ, а прока не испомьню меньшихъ. И миров есмь сътворилъ съ Половечьскыми князи безъ одиного 20, и при отьци, и кромѣ отьца, а дая скота много и многы порты своя. И пустилъ есмь Половечьскыхъ князь лѣпшихъ изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братьѣ 4, а вьсѣхъ лѣпшихъ князій инѣхъ 100; а самы князи Богъ живы въ руцѣ дава: Коксусь съ сыномь, Акланъ Бурчевичь, Таревьскый князь Азгулуй, и инѣхъ кметій молодыхъ 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, въметахъ въ рѣчьку въ Сальну; по чередамъ избьено нѣ съ 200 въ то время лѣпшихъ.

А се тружахъся ловы дѣя... А се въ Черниговѣ дѣялъ есмь: конь

дикыхъ своима рукама связалъ есть въ пущахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того еже по рови ѣздя ималъ есмь своима рукама тѣ же кони дикыѣ. Тура мя 2 метала на розѣхъ и съ конемь, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногама топъталъ, а другый рогама болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь отътялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже! и Богъ невврежена мя съблюде. И съ коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ юности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь сътворилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя. На посадьникы не зьря, ни на биричѣ, самъ творилъ, что было надобѣ; весь нарядъ и въ дому своемь, то я творилъ есмь, и въ ловьчихъ ловьчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ. Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковьнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ. Да не зазьрите ми, дѣти моѣ, ни инъ кто прочетъ; не хвалю бо ся, ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославлю милость его, иже мя грѣшьнаго и худаго селико лѣтъ съблюде отъ тѣхъ часъ съмертьныхъ, и не лѣнива мя сылъ сътворилъ худаго, на вься дѣла человѣчьская потребьна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вься дѣла добрая, славяще Бога съ святыми его. Съмерти бо ся, дѣти, не боячи, ни отъ рати, ни отъ звѣря, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть,—оже бо язъ отъ рати и отъ звѣри, и отъ воды, отъ коня съпадаяся, то никтоже васъ не можеть вредити ся и убити, понеже не будеть отъ Бога повелѣно; а еже отъ Бога будеть съмерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отяти; но аче добро есть блюсти, Божіе блюденье лѣпле есть человѣчьскаго.

Во время далекаго путешествія, сидя на саняхъ, много думалъ я въ душѣ своей и восхвалялъ Бога, который меня грѣшнаго сохранилъ до этихъ дней. Да, дѣти мои, или кто иной, кому придется слушать это писаніе, не посмѣйтесь надъ нимъ; а кому изъ дѣтей моихъ понравится оно, пусть приметъ его въ сердце свое и перестанетъ лѣниться, но трудиться начнетъ. Прежде всего, ради Бога и души своей, имѣйте въ сердцѣ страхъ Божій и творите милостыню неоскудѣвающую; ибо это—начало всякому добру. Если же кому не полюбится это писаніе, пусть не сердятся, а просто скажутъ: „вотъ ѣдучи въ дальній путь, на саняхъ сидя, наговорилъ вздору“.

Встрѣтили меня на Волгѣ послы отъ братьевъ съ такою рѣчью: „присоединись къ намъ и выгонимъ Ростиславичей, а владѣнія у нихъ отнимемъ; если же не пойдешь съ нами, то впредь мы будемъ дѣйствовать сами по себѣ, и ты самъ по себѣ“. Я сказалъ имъ: „Если вы и разсердитесь, я не могу ни идти съ вами, ни нарушить клятву“. И, отпустивъ ихъ, я въ печали взялъ Псалтирь, раскрылъ ее, и вотъ какое мѣсто мнѣ открылось: „Напрасно скорбишь ты, душа? Напрасно смущаешь меня?“ и пр. Потомъ

я выбралъ эти дорогія мнѣ слова, соединилъ ихъ вмѣстѣ и написалъ (свое произведеніе): если вамъ не понравится конецъ, то вы принимайте то, что стоитъ въ началѣ...

Въ самомъ дѣлѣ, дѣти мои, разумѣйте, насколько милостивъ и многомилостивъ человѣколюбецъ Богъ: мы, люди, — сами грѣшны и смертны, а если кто намъ сдѣлаетъ зло, то мы хотимъ сейчасъ же его истребить и кровь его пролить; а Господь нашъ, владѣющій и жизнью и смертью, терпитъ величайшіе грѣхи, и много разъ, въ теченіе всей жизни нашей, словно любящій отецъ чадо свое, то бьетъ насъ, то снова привлекаетъ къ себѣ. Такъ же Господь намъ показалъ, какъ побѣдить врага нашего діавола; тремя дѣлами добрыми можно избавиться отъ него и побѣдить его: покаяніемъ, слезами и милостыней. Не тяжела эта заповѣдь Божія, дѣти мои, если этими тремя дѣлами можно избавиться отъ грѣховъ и не лишиться царства небеснаго. Ради Бога не лѣнитесь, умоляю васъ: не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; вѣдь исполненіе ихъ не тяжко; ни отшельничествомъ, ни монашествомъ, ни строгимъ постничествомъ, которыя налагаютъ на себя нѣкоторые доблестные люди;—но малымъ дѣломъ можно снискать милость у Бога.

Что такое человѣкъ, какъ подумаешь объ немъ? Великъ, Ты, Господи, и чудны дѣла Твои, не въ силахъ разумъ человѣческій изъяснить чудесъ твоихъ! И снова скажемъ: великъ Ты, Господи, и чудны дѣла Твои, и благословенно и похвально имя Твое во вѣки по всей землѣ. И кто не восхвалитъ и не прославитъ мощи Твоей и Твоихъ великихъ чудесъ и красотъ, устроенныхъ на этомъ свѣтѣ! Какъ небо устроено, какъ солнце, какъ луна, какъ звѣзды, и тьма и свѣтъ, и земля утверждена на водахъ, Господи, Твоимъ промысломъ! Звѣри различные, и птицы и рыбы—все украшено Твоимъ промысломъ, Господи! И вотъ еще какому чуду дивимся: какъ изъ земли создавъ человѣка, Ты далъ различные образы человѣческимъ лицамъ, такъ что если и собрать всѣхъ людей, то всѣ они не имѣютъ одного лица, но у каждаго будетъ свое лицо по мудрости Божіей. И тому подивимся, какъ птицы прилетаютъ изъ теплаго климата и при этомъ не остаются въ какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ, но и сильныя и слабыя разлетаются Божіимъ повелѣніемъ по всѣмъ странамъ, чтобы наполнить лѣса и поля; и все это Богъ даетъ на пользу людямъ — въ пищу или на утѣху. Велика милость Твоя, Господи, къ намъ, что все это Ты сотворилъ ради грѣшнаго человѣка. И птицы эти небесныя тоже умудрены Тобою, Господи: когда повелишь — онѣ поютъ и увеселяютъ человѣка, не повелишь, умолкаютъ, хотя и имѣютъ голосъ. Благословенъ Ты, Господи, и премногой хвалы достоинъ, сотворивъ и устроивъ всѣ эти чудеса и красоты! Кто же не восхваляетъ Тебя, Господи, и не вѣруетъ всѣмъ сердцемъ и всею душою во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ.

Прочитавъ эти божественныя слова, дѣти мои, восхвалите Бога, оказавшаго намъ милость Свою.

А вотъ вамъ наставленіе отъ моего худаго неразумія: послушайте меня, и если не все примите, то хоть половину. Если Господь смягчитъ ваше сердце, пролейте слезы о грѣхахъ своихъ, говоря: „какъ блудницу, и разбойника, и мытаря помиловалъ Ты, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй. И въ церкви дѣлайте такъ, и дома, ложась спать. Не пропускайте безъ того ни одной ночи и по возможности кладите земные поклоны: если уже ослабѣли, то хотя три раза поклонитесь, но не забывайте этого и не лѣнитесь дѣлать. Такимъ ночнымъ поклоненіемъ и пѣніемъ молитвъ человѣкъ побѣждаетъ

діавола и отъ грѣховъ, которые сдѣлалъ днемъ, избавляется. Если, даже сидя на конѣ, не будете заняты дѣломъ, то, если иныхъ молитвъ не знаете, призывайте постоянно про себя: „Господи помилуй“, и эта молитва гораздо лучше, чѣмъ думать о пустякахъ.

Въ особенности же бѣдныхъ не забывайте, но на сколько по силамъ вамъ, питайте ихъ, заботьтесь и о сиротѣ, и вдову защищайте сами, не позволяйте сильнымъ погубить (слабаго) человѣка. Никого, ни праваго, ни виноватаго, не убивайте и не приказывайте убивать, хотя бы и былъ достоинъ смерти: никакой христіанской души не губите. Когда говорите, хорошее или дурное, не клянитесь именемъ Бога и не креститесь,—нѣтъ никакой нужды въ этомъ. Если же вы будете присягать на крестѣ братьямъ, или кому другому, рѣшите въ сердцѣ своемъ и на чемъ можете устоять, въ томъ цѣлуйте крестъ, а присягнувъ, соблюдайте клятву, чтобы нарушеніемъ клятвы не погубить своей души. Съ любовью принимайте благословеніе отъ епископовъ, священниковъ и игумновъ и не устраняйтесь отъ нихъ, а по возможности любите ихъ и снабжайте всѣмъ, чтобы получить ихъ молитву за васъ передъ Богомъ. Въ особенности гордости не имѣйте въ сердцѣ и умѣ, но говорите такъ: „мы смертны, сегодня живы, а завтра въ гробу, и все, что Ты намъ далъ, Господи, не наше, а Твое, и Ты лишь поручилъ намъ это на малое время“. Не прячьте (достоянія) въ землѣ—это намъ большой грѣхъ. Старыхъ почитай, какъ отца, а молодыхъ, какъ братьевъ.

Въ домѣ своемъ не лѣнитесь, но сами смотрите за всѣмъ; не полагайтесь ни на тіуна, ни на слугу, чтобы не посмѣялись приходящіе къ вамъ ни надъ домомъ вашимъ, ни надъ обѣдомъ вашимъ. Отправившись на войну, не лѣнитесь; не полагайтесь на воеводъ, не предавайтесь напиткамъ, ни ѣдѣ, ни сну; стражу разставляйте сами и ночью, вездѣ поставивъ караулъ, сами ложитесь вблизи воиновъ, а вставайте рано; да не снимайте съ себя оружія второпяхъ, но подумавши,—отъ такой небрежности человѣкъ можетъ внезапно погибнуть. Остерегайтесь лжи и пьянства—это губитъ и душу, и тѣло. Куда ни пойдете по своей землѣ, (нигдѣ) не позволяйте ни своимъ, ни чужимъ отрокамъ обижать жителей ни въ селеніяхъ, ни въ поляхъ, чтобы васъ не стали проклинать. А куда ни пойдете, гдѣ ни остановитесь въ пути, вездѣ напойте и накормите всякаго просящаго; больше всего чтите гостя, откуда бы къ вамъ ни пришелъ,—простой ли человѣкъ, или знатный, или посолъ; — если не можете одарить его, то угостите пищей, или питьемъ: эти люди, ходя по разнымъ землямъ, прославятъ человѣка, какъ хорошаго, или какъ дурного. Больного посѣщайте, мертваго пойдите проводить: такъ какъ всѣ мы смертны. Не пройдите мимо человѣка, не привѣтствуя его, а скажите всякому при встрѣчѣ доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей надъ собой воли. А самое важное — выше всего ставьте страхъ Божій. Если все забываете (легко), то перечитывайте ихъ часто: и мнѣ не будетъ за васъ стыдно, и вамъ будетъ хорошо. Что знаете хорошаго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь, какъ мой отецъ: онъ, оставаясь въ своей землѣ, зналъ пять языковъ; за это въ чужихъ земляхъ уважаютъ. А лѣность—мать всему (дурному): (лѣнивый), что умѣетъ, забываетъ, а чего не умѣетъ, тому не учится; вы же, поступая хорошо, не лѣнитесь на все доброе. Первое дѣло—ходить въ церковь; да не застаетъ васъ солнце въ постели—такъ дѣлалъ мой блаженный отецъ и всѣ совершенные мужи; воздавъ же утреннюю хвалу Богу и потомъ увидавъ восходящее

солнце, прославьте Бога, съ радостью сказавъ: „Ты просвѣтилъ очи мои, Христе Боже, и даровалъ мнѣ свѣтъ Твой прекрасный!“ И еще: „Господи, продли мнѣ вѣку, чтобы я, очистивъ покаяніемъ себя отъ остатковъ грѣховъ своихъ и оправдавъ жизнь свою, восхвалилъ Бога“. Послѣ этого садитесь держать совѣтъ съ дружиной, или судить людей, или поѣзжайте на охоту, или (просто) на поѣздку, или ложитесь спать: спанье въ полдень опредѣлено Богомъ; въ эту пору отдыхаютъ и звѣри, и птицы, и человѣкъ.

А вотъ я повѣдаю вамъ, дѣти мои, о трудахъ своихъ, которые претерпѣлъ я въ походахъ и на охотахъ въ теченіе 13 лѣтъ. Въ первый разъ я пошелъ къ Ростову, черезъ землю Вятичей; меня послалъ отецъ, а самъ пошелъ подъ Курскъ. Второй разъ — къ Смоленску, со Ставкомъ Скордятичемъ: онъ пошелъ дальше съ Изяславомъ къ Берестію, а меня послалъ въ Смоленскъ; изъ Смоленска я пошелъ во Владиміръ. Въ ту же зиму братья послали меня на пожарище въ Бересть, который они сожгли; тутъ я наблюдалъ за спокойствіемъ въ городѣ. Потомъ пошелъ я къ отцу въ Переяславль, а послѣ Пасхи изъ Переяславля во Владиміръ, на Сутейску для заключенія мира съ Ляхами; оттуда опять на лѣто (отправился) во Владиміръ. Потомъ Святославъ послалъ меня къ Ляхамъ, и я былъ въ ихъ землѣ четыре мѣсяца, ходилъ за Глоговы до Чешскихъ (Богемскія горы)... Олегъ съ Половцами пошелъ войною на меня къ Чернигову, и билась моя дружина съ нимъ восемь дней изъ-за небольшого вала, не впуская ихъ въ городъ. И жаль мнѣ стало душъ христіанскихъ и селъ горящихъ и монастырей; я сказалъ: „Пусть не радуются поганые!“—и рѣшилъ отдать брату отцовскій удѣлъ, а самъ пошелъ на отцовское мѣсто въ Переяславль. Насъ человѣкъ около сотни дружины съ дѣтьми и женщинами на день святаго Бориса вышло изъ Чернигова, и ѣхали мы сквозь Половецкія полчища, а они, какъ волки, облизывались на насъ, стоя кругомъ, и отъ перевоза, и съ горъ. Богъ и св. Борисъ не дали насъ имъ и мы невредимы дошли до Переяславля. Я княжилъ тутъ три лѣта и три зимы, и много бѣды приняли мы съ дружиной и отъ войны и отъ голода... Изъ Чернигова въ Кіевъ къ отцу я ѣздилъ чуть не сто разъ и проѣзжалъ это разстояніе въ одинъ день до вечеренъ. Всѣхъ моихъ большихъ походовъ было 83, а остальныхъ, малыхъ, и не упомню. Съ половецкими князьями я 19 разъ заключалъ миръ при отцѣ и послѣ него, отдавая при этомъ много имущества и одѣянія. На волю изъ плѣна отпустилъ я знаменитыхъ половецкихъ князей: двухъ братьевъ Шаруканов ыхъ, трехъ Багубарсовыхъ и четверыхъ Овчинъ, всѣхъ же прочихъ выдающихся князей до 100. А мнѣ живыми Богъ въ руки далъ князей—Коксуся съ сыномъ, Аклана Бурчевича, Таревскаго князя Азгулуя и другихъ молодыхъ витязей 15 человѣкъ; всѣхъ ихъ я привелъ живыми, порубилъ и побросалъ въ рѣку Сальну; всего въ разное время перебито было лучшихъ вождей около 200.

А вотъ какъ я трудился на охотахъ... Въ Черниговѣ я вотъ что дѣлалъ: дикихъ коней въ пущахъ живьемъ своими руками вязалъ по 10 и по 20, а, кромѣ того, ѣздя по степи, тоже ловилъ своими руками тѣхъ же дикихъ коней. Тура два метали меня на рогахъ и съ конемъ, олень меня бодалъ, а лоси—одинъ ногами топталъ, а другой рогами бодалъ; кабанъ сорвалъ мечъ у меня съ бедра, медвѣдь укусилъ мнѣ чепракъ около колѣна, лютый звѣрь (волкъ?) вскочилъ ко мнѣ на бедра и повалилъ меня вмѣстѣ съ конемъ;— и Богъ сохранилъ меня невредимымъ. Съ коня я часто падалъ, два раза разбивалъ себѣ голову, вредилъ руки и ноги, — съ юныхъ лѣтъ не храня жизни, не щадя своей головы. Что̀ надо бы дѣлать слугѣ, я дѣлалъ самъ,

на войнѣ и на охотѣ, ночью и днемъ, въ лѣтній зной и въ зимнюю стужу, не давая себѣ покою, не надѣясь на посадниковъ, ни на биричей, самъ все дѣлалъ, что нужно было: весь домашній порядокъ самъ устанавливалъ, самъ заботился обо всемъ нужномъ для охоты: о коняхъ, соколахъ и ястребахъ. Убогаго смерда и бѣдной вдовы не позволялъ сильнымъ обижать; самъ заботился о церковныхъ нуждахъ и о службахъ.

Не осуждайте меня вы, дѣти мои, и всѣ, кто будетъ читать это: я вѣдь не себя хвалю, ни своей храбрости, но хочу прославить Бога и Его милость ко мнѣ, за то, что онъ меня, грѣшнаго и ничтожнаго, столько лѣтъ хранилъ отъ смертнаго часа и соотворилъ меня ничтожнаго не лѣнивымъ, годнымъ на всѣ нужныя для человѣка дѣла.

Прочитавъ это писаніе, стремитесь ко всему хорошему, хваля Бога со святыми Его. Смерти же, дѣти, не бойтесь ни на войнѣ, ни отъ звѣря, но совершайте, что подобаетъ мужу, какъ вамъ Богъ дастъ; такъ и я (все дѣлалъ что считалъ нужнымъ) подвергаясь опасности и на войнѣ, и отъ звѣря, и отъ воды, и падая съ коня. Никто изъ васъ не можетъ ни пострадать, ни быть убиту, если не будетъ на то воли Божіей, а если смерть отъ Бога будетъ назначена, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могутъ спасти отъ смерти; если и хорошо—беречься, все же Божіе попеченіе лучше человѣческаго.

Слово о полку Игоревѣ.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 79—87.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся той пѣсни по былинамъ сего времене, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымь вълкомь по земли, сизымь орьломь подъ облакы. Помьняшеть бо, рече, пьрвыхъ временъ усобицѣ; тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей: которыя дотечаше, та преди пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мьстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми, красьному Романови Святъславличу. Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаше, нъ своя вѣщая пьрсты на живыя струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почънемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшьняго Игоря, иже стягну умъ крѣпостію своею и поостри сердьца своего мужествомь; напълнивъся ратьнаго духа, наведе своя храбрыя пълкы на землю половецкую за землю русьскую.

Тогда Игорь възьрѣ на свѣтьлое солньце и видѣ отъ него тьмою вься своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братіе и дружино! луче же бы потяту быти, неже полонену быти, а въсядемъ, братіе, на своя бързыя комони, да позьримъ синяго Дону...“ „Хощю бо, — рече, — копіе

преломити конець поля половецкаго; съ вами, Русичи, хощю главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону“. О Бояне, соловію стараго времене! абы ты сія пълкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомь подъ облакы, съвивая, славію оба полы сего времене, рища въ тропу Трояню, чресъ поля на горы. Пѣти было пѣснь Игореви, того внуку: „Не буря соколы занесе чресъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому“. Чили въспѣти было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: „Комони ржють за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ. Стоятъ стязи въ Путивлѣ, Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буй-туръ Всеволодъ. „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю! оба есвѣ Святъславлича. Сѣдлай, брате, своя борзыя комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряне свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конець копія въскърмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаемы, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострены, сами скачють, акы сѣрыи вълци въ полѣ, ищючи себѣ чти, а князю славы“.

Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солньце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въста... дивъ кличетъ вьрху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Вългѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожю, и Корсуню, и тебѣ, тьмутороканьскый бълванъ. А Половьци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому: крычатъ телѣгы полунощи, рьци — лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ... Вълци грозу въсрожатъ по яругамъ; орьли клекътомъ на кости звѣри зовутъ; лисицы брешутъ на чьрленыя щиты. О русьская земле! уже за шеломенемъ еси.

Дълго ночь мьркнетъ; заря свѣтъ запала; мьгла поля покрыла; щекотъ славій усъпе; говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чьрлеными щиты прегородиша, ищючи себѣ чти, а князю славы.

Съ заранія въ пятъкъ потопъташа поганыя пълкы половецкыя и расушася стрѣлами по полю, помъчаша красьныя дѣвъкы половецкыя, а съ ними злато и паволокы и драгыя оксамиты;... япончицами и кожюхы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ и вьсякыми узорочьи половецкыми. Чьрленъ стягъ, бѣла хоругвь, чьрлена чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю! Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло. Не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чьрный воронъ, поганый Половьчине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вълкомъ, Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому.

Другаго дьне вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чьрныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солньца; а въ нихъ трепещють синіи мълніи: быти грому великому, ити дождю стрѣлами съ Дону великаго; ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О русьская земле! уже за шеломенемъ еси.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя пълкы Игоревы; земля тутьнеть, рѣкы мутьно текуть; пороси поля прикрывають, стязи глаголють; Половьци идуть отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ, русьскыя пълкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомь поля прегородиша, а храбріи Русичи преградиша чьрлеными щиты. Яръ-туре Вьсеволоде! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужьными: камо, туръ, поскочаше, своимь златымь шеломомь посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы половецкыя! поскепани саблями калеными шеломи оварьстіи отъ тебе, яръ-туре Вьсеволоде!...

Были вѣци Трояни, минула лѣта Ярославля; были пълци Ольговы Ольга Святъславлича; тъй бо Олегъ мечемь крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше, ступаеть въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давьный великый Ярославль сынъ Вьсеволодъ; а Владимиръ по вься утра уши закладаше въ Черниговѣ: Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе... за обиду Ольгову, храбра и млада князя... Тогда при Ользѣ Гориславличи сѣяшеться и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Дажьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ сократишася. Тогда по русьской земли рѣдъко ратаеве кыкахуть, нъ часто врани граяхуть, хотять полетѣти на уѣдіе. То было въ ты рати и въ ты пълкы, а сицей рати не слышано. Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копіа харалужьная въ полѣ незнаемѣ среди земли половецкыя. Чьрна земля подъ копыты костьми посѣяна, а кровію польяна, — тугою възидоша по русьской земли.

Что ми шумить, что ми звенить далеча рано предъ зорями? Игорь пълкы заворочаеть: жаль бо ему мила брата Вьсеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дьне къ полудънію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ доконьчаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю русьскую. Ничеть трава жалощами, а древо съ тугою къ земли приклонися. Уже бо, братіе, не веселая година въстала; уже пустыни силу прикрыла: въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вътупила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крилы на синемъ морѣ, у Дону плещючи, убуди жирьна времена. Усобица княземъ... рекоста бо братъ брату: „се мое, а то — мое же“. И начаста князи про малое „се великое“ мълвити, а сами на себѣ крамолу ковати; а поганіи съ вьсѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю русьскую. О! далече заиде соколъ, пътиць бья, — къ морю. А Игорева храбраго пълку не кресити...

Жены русьскыя въсплакашася, а рькучи: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію съмыслити, ни думою съдумати, ни очима съглядати, а злата и серебра ни мало того потрепати“.

А въстона бо, братіе, Кыевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по русьской земли: печаль жирьна утече среди земли русьскыя. А

князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищюще на русьскую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора...

Святъславъ грозьный, великый кыевьскый... наступи на землю половецкую; притопъта хълмы и яругы, възмути рѣкы и озера, исуши потокы и болота; а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзьныхъ великыхъ пълковъ половецкыхъ яко вихрь вытръже; и падеся Кобякъ въ градѣ Кыевѣ, въ гридьници Святъславли.

Ту Нѣмьци и Венедици, ту Греци и Морава, поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ вѣдънѣ Каялы, рѣкы половецкыя. Русьскаго злата насыпаша ту. Игорь князь высѣде изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощеево: уныша бо градомъ забрала, а веселіе пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ. „Въ Кыевѣ на горахъ синочь съ вечера одѣвасте мя, рече, чърною паполомою на кровати тисовѣ; чърпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы... великый женьчюгъ на лоно, и нѣгують мя. Уже дъскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовърсѣмъ. Всю нощь съ вечера... врани възграяху“... И рькоша бояре князю: „Уже, княже, туга умъ полонила: се бо два сокола слетѣста съ отьня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону: уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самою опуташа въ путины желѣзьны“. Темьно бо бѣ въ 3 день: два солньца помьркоста, оба багряная стълпа погасота, и съ нима молодая мѣсяца. Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; по русьской земли простьрошася Половьци, акы пардуже гнѣздо... Се бо готьскыя красьныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня русьскымь златомь: поють время Бусово, лелѣють месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадьни веселія.

Тогда великый Святъславъ изрони злато слово, съ слезами смѣшено, и рече: „О моя сыновьца, Игорю и Вьсеволоде! рано еста начала половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати; нъ нечестьно одолѣсте; нечестьно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердъца въ жестоцѣмь харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли сътвористе моей сребренѣй сѣдинѣ!...“

А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываеть, высоко пътиць възбиваеть, не дасть гнѣзда своего въ обиду...

Великый княже Вьсеволоде! не мыслію ти прилетѣти издалеча, отъня злата стола поблюсти: ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти; аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по рѣзанѣ...

Ты, буй Рюриче и Давыде! не ваю ли злаченіи шеломи по крови плаваша? не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранени саблями калеными на полѣ незнаемѣ? Въступита, господина, въ злата стремена за обиду сего времене, за землю русьскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Галицкый Осмомысле Ярославе! высоко сѣдиши на своемь златокованѣмь столѣ, подперъ горы Угорьскыя своими желѣзьными пълкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремена чресъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть: отворяеши Кыеву врата; стрѣляеши съ отьня злата стола салтаны за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганаго кощея, за землю русьскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

А ты, буй Романе и Мьстиславе! храбрая мысль носить ваю умъ на дѣло: высоко плаваеши на дѣло въ буести яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птичю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзьныя паперси подъ шеломы латиньскыми. Тѣми тресну земля и многы страны... Литва, Ятвязи... и Половьци сулици своя повьргоша, а главы своя поклониша подъ тыя мечи харалужьныя.

Нъ уже, княже Игорю, утьрпѣ сольнцю свѣтъ, а древо не бологомь листвіе срони; по Рѣси и по Сулѣ грады подѣлиша, а Игорева храбраго пълку не кресити. Донъ ти, княже, кличеть и зоветь князи на побѣду.

Ольговичи, храбріи князи, доспѣли на брань; Инъгварь и Вьсеволодъ и вьси три Мьстиславличи, не худа гнѣзда шестокрильци, не побѣдьными жребіи собѣ власти расхытисте. Кое ваши златіи шеломи и сулици ляцкыя и щити? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю русьскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомь течеть онымъ грозьнымъ Полочаномъ подъ кликомь поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовьскыя, притрепа славу дѣду своему Вьсеславу, а самъ подъ чьрлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовьскыми мечи... И рекъ: „Дружину твою, княже, пътици крилы пріодѣша, а звѣри кровь полизаша“. Не бысть ту брата Брячислава, ни другаго Вьсеволода: единъ же изрони женьчюжьну душю изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе. Уныли голоси, пониче веселіе, трубы трубять городеньскыя. Ярославе и вьси внуци Вьсеславли! уже понизите стягы своя, воньзите своя мечи вережены; уже бо выскочисте изъ дѣдьней славы. Вы бо своими крамолами начасте наводити поганыя на землю русьскую, на жизнь Вьсеславлю...

На Немизѣ снопы стелють головами, молотять цѣпы харалужьными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душю отъ тѣла. Немизѣ кровави брези не бологомь бяхуть посѣяни, посѣяни костьми русьскыхъ сыновъ.

Вьсеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вълкомь рыскаше: изъ Кыева дорыскаше, до куръ, Тьмутороканя; великому Хърсови вълкомь путь прерыскаше. Тому въ Полотьстѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи, а онъ въ Кыевѣ звонъ слышаше. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщій Боянъ и

пьрвое припѣвъку смысленый рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птичю горазду, суда божія не минути“.

О! стонати русьской земли, помянувъши пьрвую годину и пьрвыхъ князей! Того стараго Владимира не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кыевьскымъ; сего бо нынѣ сташа стязы Рюриковы, а друзіи Давидовы...

Ярославнинъ гласъ слышить; зегзицею незнаема рано кычеть: „Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ утьру князю кровавыя его раны на жестоцѣмь его тѣлѣ“. Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, а рькучи: „О вѣтре, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хыновьскыя стрѣлъкы на своею нетрудьною крильцо на моея лади вои? Мало ли ти бяшеть горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?“ Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, а рькучи: „О Днѣпре Словутичю! ты пробилъ еси каменьныя горы сквозѣ землю половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до пълку Кобякова: възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не сълала къ нему слезъ на море рано“. Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, а рькучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое сълньце! вьсѣмъ тепло и красьно еси: чему, господине, простьре горячюю свою лучю на лады вои? въ полѣ безводьнѣ жаждею имъ лукы съпряже, тугою имъ тулы затъче?“

Прысну море полунощи; идутъ сморчи мьглами: Игореви князю Богъ путь кажеть изъ земли половецькой на землю русьскую къ отьню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь съпить, Игорь бдить, Игорь мыслію поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Доньца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти. Стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся половецкыя подвигоша. А Игорь князь поскочи горностаемь къ тростію и бѣлымъ гоголемь на воду; въвьржеся на бързъ комонь и скочи съ него босымъ вълкомь, и потече къ лугу Доньца, а полетѣ соколомь подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ вълкомь потече, труся собою студеную росу: претъргоста бо своя бързая комоня.

Донець рече: „Княже Игорю, не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а русьской земли веселія“. Игорь рече: „О Доньче! не мало ти величія, лелѣявъшю князя на вълнахъ, стьлавъшю ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавъшю его теплыми мьглами подъ сѣнію зелену древу: стрежаше его гоголемь на водѣ, чайцами на струяхъ, чьрнядьми на вѣтрѣхъ“.

А не сорокы въстроскоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомь. Тогда врани не граяхуть, галици помълкоша, сорокы не троскоташа... дятьлове текътомь путь къ рѣцѣ кажуть, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдають. Мълвить Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ къ гнѣзду летить, соколича ростре̂ляевѣ своими злачеными стрѣлами“. Рече Кончакъ

ко Гзѣ: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ сокольца опутаевѣ красьною дѣвицею“. И рече Гзакъ къ Кончакови: „Аще его опутаевѣ красьною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни намо красьны дѣвицѣ, то почьнутъ наю птици бити въ полѣ половецкомь“.

Рекъ Боянъ..: „Тяжько ти, головѣ, кромѣ плечю, зъло ти, тѣлу, кромѣ головы“,—русьской земли безъ Игоря. Солньце свѣтиться на небеси, Игорь князь въ русьской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси чресъ море до Кыева: Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей; страны рады, гради весели.

Пѣвъши пѣснь старымъ князем, а потомъ молодымъ пѣти: „слава Игорю Святъславличю, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичю; здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя пълкы! Княземъ слава и дружинѣ“. Аминь.

Слово о походѣ Игоревомъ.

Переводъ, на современный русскій языкъ *).

I. Не хорошо ли намъ было бы, братья, начать на прежній ладъ печальную повѣсть о походѣ Игоря, Игоря Святославича! А начаться той пѣсни—по былямъ сего времени, не по вымысламъ Бояновымъ. Вѣщій Боянъ, если хотѣлъ кому пѣснь складать, то растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками. Помнилъ онъ междуусобія прежнихъ временъ и пускалъ тогда десять соколовъ на стадо лебедей: который соколъ на лебедь налеталъ, та лебедь первая и пѣснь зачинала—старому Ярославу, или храброму Мстиславу, что зарѣзалъ Редедю передъ полками косожскими, или прекрасному Роману Святославичу. Боянъ же, братья, не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ: онъ свои вѣщіе персты на живыя струны воскладалъ, и онѣ сами славу князьямъ рокотали.

Почнемъ же, братья, нашу повѣсть отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, который—закалилъ умъ своею крѣпостью, поострилъ его мужествомъ сердца и, наполняся ратнаго духа, навелъ свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

II. Тогда Игорь взглянулъ на свѣтлое солнце, и увидѣлъ, что отъ солнца тьмою покрыты всѣ его воины. И сказалъ Игорь дружинѣ своей: „Братья и дружина! Лучше изрублену быть, чѣмъ быть полонену. Сядемъ же, братья, на своихъ борзыхъ коней, да посмотримъ синяго Дону!“ „Хочу—говоритъ—копье изломить, въ предѣлахъ поля Половецкаго! Съ вами, русскіе, хочу голову свою положить, или шлемомъ напиться изъ Дона!“ О Боянъ, соловей стараго времени! Если бы ты воспѣлъ сіи полки, скача, соловей, по мысленному древу, взлетая умомъ подъ облака и соединяя, соловей, обѣ стороны сего времени (т. е. воспѣвая и старое и новое), носясь по Трояновой тропѣ черезъ поля на горы... вотъ какъ слѣдовало бы тебѣ пѣть пѣснь Игорю, Олега внуку: „Не буря занесла соколовъ чрезъ поля широкія:

---

*) Взятъ изъ книги Чудинова „Слово о полку Игоревѣ“. Составитель внесъ свои исправленія.

галки стаями летятъ къ Дону великому!" Или такъ было воспѣть тебѣ, о вѣщій Боянъ, внукъ Велесовъ: „Кони ржутъ за Сулою; звенитъ слава въ Кіевѣ; трубятъ трубы въ Новѣгородѣ (Сѣверскомъ)".

Стоятъ знамена въ Путивлѣ! Игорь ждетъ милаго брата Всеволода. И сказалъ ему буй-туръ Всеволодъ: „Одинъ ты у меня братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Сѣдлай же, братъ мой, своихъ борзыхъ коней, а мои тебѣ готовы, осѣдланы еще у Курска! Мои куряне извѣстные тебѣ витязи: подъ трубами сповиты, подъ шлемами взлелѣяны, съ конца копья вскормлены; дороги имъ вѣдомы, овраги имъ знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли наточены; сами они скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы!"

Тогда вступилъ Игорь князь въ золотое стремя и поѣхалъ по чисту полю. Солнце ему тьмою путь заступило; а ночь ему, застонавъ грозой, птицъ разбудила, свистъ звѣрей ихъ въ стаи согналъ. Завылъ Дивъ, кричитъ съ верху дерева, велитъ слушать чужой землѣ—Волгѣ, и Поморью, и Посулью, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, истуканъ Тмутороканскій... И половцы прямо по степи побѣжали къ Дону великому. Кричатъ телѣги ихъ въ полночь, словно лебеди вспуганные. Игорь къ Дону войско ведетъ. Волки грозно воютъ по оврагамъ; орлы своимъ клектомъ зовутъ звѣрей на кости; лисицы лаютъ на багряные щиты. О Русская земля! ты уже за холмомъ.

Долго меркнетъ ночь. Заря-свѣтъ задержалась. Мгла поля покрыла. Соловьиный рокотъ стихъ; галочій говоръ проснулся. Храбрые русичи загородили широкія поля багряными щитами, ища себѣ чести, а князю славы.

III. Съ утра въ пятницу они потоптали поганыя полчища половецкія и, разсыпавшись стрѣлами по полю, помчали красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними золото и парчи, и дорогіе оксамиты; плащами, епанчами, тулупами, всякими расписными тканями половецкими стали мосты мостить по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ. А багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряный султанъ, серебряное копье—храброму Святославичу. Дремлетъ въ полѣ Олегово храброе гнѣздо. Далеко залетѣло... Не на обиду было родилось оно—ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый половчанинъ! Бѣжитъ сѣрымъ волкомъ Гза; а Кончакъ ему во слѣдъ направляется къ великому Дону.

На другой день, раннымъ-рано, кровавая заря свѣтъ возвѣщаетъ. Черныя тучи съ моря идутъ; хотятъ онѣ покрыть четыре солнца; а въ тучахъ дрожатъ синія молніи: быть грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Здѣсь-то копьямъ изломаться, здѣсь-то саблямъ изрубиться о шлемы половецкіе, на рѣкѣ Каялѣ, у великаго Дону! О Русская земля! ты уже за холмомъ!...

Вотъ вѣтры, внуки Стрибога, вѣютъ уже стрѣлами съ моря на храбрые Игоревы полки. Гудетъ земля; мутно текутъ рѣки; стелется пыль надъ полями; лепечутъ знамена... Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря, и со всѣхъ сторонъ они обступили русскіе полки. Бѣсовы дѣти крикомъ загородили поля; а храбрые русичи загородили багряными щитами. Яръ-туръ Всеволодъ! стоишь ты въ бою, прыщешь стрѣлами на войско враговъ; гремишь объ шеломы мечами булатными. Куда проскакалъ, туръ, блистая своимъ золотымъ шлемомъ, тамъ лежатъ поганыя головы половецкія, тамъ исщепаны калеными саблями шлемы оварскіе—отъ тебя, яръ-туръ Всеволодъ. Какая рана дорога, братія, позабывшему почести и жизнь, и городъ Черни-

говъ, и золотой отцовскій престолъ, и своей милой желанной, красной Глѣбовны, привѣтъ и обычай!

IV. Были вѣка Трояновы, миновали годы Ярославовы; были походы Олеговы, Олега Святославича: тотъ Олегъ мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ сѣялъ. Когда вступалъ онъ въ золотое стремя (т. е. готовился къ походу) въ городѣ Тмуторокани,—а тому звону внималъ великій Ярославовъ сынъ старый Всеволодъ; Владиміръ (Мономахъ) же повседневно затыкалъ уши въ Черниговѣ (такъ какъ не желалъ слышать объ этомъ походѣ). Бориса же Вячеславича жажда славы привела на смертный судъ, храбраго и молодого князя, за обиду Олегову. Тогда, при Олегѣ Гориславичѣ, и засѣвалась и поростала усобицами, погибала жизнь Даждьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣкъ людей коротался. Тогда по Русской землѣ рѣдко взывали пахари; зато часто кричали вороны, дѣля между собою трупы, и поднимали свой говоръ галки, сбираясь летѣть на кормленіе.

V. Такъ было въ тѣ битвы и въ тѣ войны, а такой битвы (какъ теперь), еще и не слыхано... Съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ копья стальныя, въ чужой степи, среди земли Половецкой. Черна земля подъ копытами костьми была засѣяна, а полита кровью,—печалью взошелъ посѣвъ этотъ по Русской землѣ.

Что тамъ шумитъ, что тамъ звенитъ такъ рано передъ зарею?.... То Игорь полки ворочаетъ: жаль вѣдь ему милаго брата Всеволода. Бились день; бились другой: на третій день къ полудню—пали знамена Игоревы. Тамъ, на берегу быстрой Каялы, разлучились два брата; тамъ вина кроваваго не достало. Тамъ покончили пиръ храбрые русичи: сватовъ напоили, а сами легли за землю Русскую. Никнетъ трава отъ жалости, и дерево съ печалью къ землѣ приклонилось.

VI. И вотъ, братья, уже невеселая пора настала; уже нашу силу степь покрыла. Возстала бѣда въ силахъ Дажбогова внука (т. е. въ землѣ русской); вступила дѣвою на землю Троянову; всплескала лебедиными крылами на синемъ морѣ и, плещучи у Дону... Прошли счастливыя времена. Начались усобицы у князей. Говорили они братъ брату: „это мое, и то мое же!“ Начали князья про малое говорить: „это великое“, и сами на себя стали крамолу ковать. А поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю Русскую. О, далеко къ морю залетѣлъ нашъ соколъ, избивая птицъ!

А Игорева храбраго войска уже не воскресить! И всплакались русскія жены, причитаючи: „Уже намъ своихъ милыхъ мужей ни мыслію взмыслить, ни думою вздумать, ни очами увидѣть; а того золота и сребра и подавно не носить намъ!“

Застоналъ, братья, Кіевъ съ печали, а Черниговъ съ напасти; разлилась тоска по Русской землѣ; печаль глубокая потекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали; и поганые половцы, набѣгая съ побѣдами на Русскую землю, брали дань по бѣлкѣ со двора. Святославъ, грозный, великій князь Кіевскій; наступилъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и овраги; возмутилъ рѣки и озера; изсушилъ потоки и болота, а поганаго Кобяка, изъ залива морского, отъ желѣзныхъ великихъ полковъ половецкихъ, какъ вихрь, онъ выхватилъ... И палъ Кобякъ въ городѣ Кіевѣ, во дворцѣ Святославовомъ.

Тутъ нѣмцы и венеціанцы, тутъ греки и моравы поютъ славу Святославу,—корятъ князя Игоря, что потопилъ онъ счастье на днѣ Каялы, половецкой рѣки, насыпавъ туда русскаго золота. Тамъ Игорь князь пересѣлъ

изъ золотого сѣдла—въ сѣдло раба. Стѣны крѣпостныя пріуныли, исчезло веселье.

VII. А Святославъ видѣлъ смутный сонъ: „въ Кіевѣ, на горахъ, въ эту ночь, съ вечера, говоритъ онъ боярамъ,—одѣвали меня чернымъ покровомъ на тисовой кровати; черпали мнѣ синее вино, съ отравою смѣшанное; сыпали мнѣ на грудь крупный жемчугъ изъ порожнихъ колчановъ и ласкали меня. А доски уже безъ князька на моемъ теремѣ златоверхомъ. Всю ночь съ вечера каркали вороны“. И говорятъ бояре князю: „Уже, князь, печаль нашъ умъ полонила... Ибо два сокола слетѣли съ отцовскаго золотого престола поискать города Тмутороканя, или шлемомъ напиться изъ Дону. И уже саблями поганыхъ подрублены крылья соколамъ; а ихъ самихъ уже опутали въ путы желѣзныя. Темно было въ третій день: померкли два солнца, погасли оба багряные столба; а съ ними и два молодыхъ мѣсяца—Олегъ и Святославъ—заволоклись тьмою. На рѣкѣ на Каялѣ уже тьма свѣтъ покрыла и по Русской землѣ разсѣялись половцы, какъ барсы одного выводка. Вотъ запѣли готскія красныя дѣвы, на берегу синяго моря, звеня русскимъ золотомъ; поютъ онѣ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканову... А мы, твоя дружина, жаждаемъ радостныхъ дней“.

Тогда великій Святославъ изронилъ золотое слово, со слезами, и сказалъ онъ: „О сыны мои, Игорь и Всеволодъ! Рано вы стали Половецкую землю мечами дразнить, а себѣ тамъ славы искать... Не удалось вамъ съ честью одолѣть (собственно иронически: „безславна была ваша побѣда“) и пролить кровь поганыхъ! Ваши храбрыя сердца изъ крѣпкой стали скованы и закалены въ смѣлости; но что же вы содѣяли моей серебряной сѣдинѣ!“

О, диво ли, братья, и старому помолодѣть! Когда соколъ линяетъ, высоко онъ взбиваетъ птицъ; не дастъ своего гнѣзда въ обиду!

VIII. Великій князь Всеволодъ! отчего тебѣ не прилетѣть мыслію издалека, чтобъ отцовскій золотой престолъ поблюсти. Ты можешь Волгу веслами разбрызгать, а Донъ вычерпать шлемами! Если бы ты былъ здѣсь—была бы плѣнница по ногатѣ и плѣнникъ по рѣзани (т. е. плѣнныхъ было бы такъ много, что стоимость ихъ бы очень упала: „ногата“ и „рѣзана“—названія монетъ).

Ты, смѣлый Рюрикъ и Давидъ! Не ваши ли золоченные шлемы въ крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкаетъ, какъ туры, раненные калеными саблями, въ полѣ незнаемомъ?.. Вступите же, государи, въ золотыя стремена, за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича!

Галицкій князь Осмомыслъ Ярославъ! Высоко ты сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ; ты подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками—заступивъ путь королю, затворивъ ворота Дунаю, метая громадами черезъ облака, суды рядя до Дуная... Грозы твои текутъ по землямъ; отворяешь ты ворота Кіеву; съ отцовскаго золотого престола стрѣляешь султановъ за землями... Стрѣляй же, государь, Кончака, поганаго раба (мстя) за землю русскую, за раны Игоря, храбраго Святославича!

А ты, отважный Романъ и Мстиславъ! Храбрая мысльноситъ умъ вашъ на дѣло. Высоко плаваешь на дѣло въ отвагѣ, какъ соколъ, ширяясь на вѣтрахъ и стремясь въ ярости одолѣть птицу... У васъ желѣзные нагрудники подъ шлемами латинскими. Отъ нихъ уже дрогнула земля и многія страны: ханскія, Литва, ятвяги и половцы побросали свои копья и склонили свои головы подъ тѣ мечи булатные.

Но вотъ уже, князь Игорь, слабѣетъ свѣтъ солнца, и деревья не къ добру листья сронили. По Руси, по Сулѣ—враги города подѣлили. А Игорева храбраго войска уже не воскресить!.. Донъ кличетъ тебя, князь, и зоветъ всѣхъ князей на побѣду.

Храбрые князья Ольговичи готовы на брань!.. О Ингварь и Всеволодъ, и всѣ три Мстиславича! Не худого гнѣзда соколы-шестокрыльцы! Не жребіемъ побѣдъ себѣ власть вы стяжали! Гдѣ же ваши золотые шлемы, и ляшскія копья, и багряные щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами—за землю Русскую, за раны Игоря, храбраго Святославича!

IX. Уже Сула не бѣжитъ серябряными струями къ городу Переяславлю; уже Двина болотомъ течетъ къ тѣмъ грознымъ полочанамъ, подъ крикомъ поганыхъ. Одинъ только Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвонилъ своими острыми мечами объ шлемы литовскіе; перебилъ онъ славу у дѣда своего Всеслава, а самъ, подъ багряными щитами, на кровавой травѣ, пораженный литовскими мечами, молвилъ: „Дружину твою, князь, птицы крылами покрыли, а звѣри кровь полизали!“ Не было тамъ (съ Изяславомъ) ни брата Брячислава, ни другого Всеволода: одинъ онъ потерялъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла, сквозь золотое ожерелье. Пріуныли пѣсни; поникло веселье; трубятъ трубы городенскія.

О Ярославъ и всѣ внуки Всеслава! Опустите же свои знамена. Вложите свои мечи поврежденные! Уже вы лишены дѣдовской славы! Вы-то своими крамолами стали наводить поганыхъ на землю Русскую, на область Всеслава.

На Немигѣ-рѣкѣ снопы стелютъ—головы; молотятъ цѣпами булатными: на току кладутъ жизнь, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немиги не зерномъ были засѣяны, засѣяны были костями Русскихъ сыновъ.

Всеславъ князь людямъ суды судилъ; князьямъ города рядилъ; а самъ волкомъ рыскалъ въ ночи; изъ Кіева онъ еще до пѣтуховъ дорыскивалъ къ Тмутороканю; великому Хорсу волкомъ путь перерыскивалъ. Ему звонили рано въ колокола къ заутренѣ въ Полоцкѣ у святой Софіи, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ! Хоть и вѣщая душа въ храбромъ тѣлѣ, но часто терпѣлъ бѣды. Ему-то вѣщій Баянъ и прежде разумно припѣвку сказалъ: „Ни хитрому, ни быстрому, будь онъ птицы быстрѣй, не миновать суда Божія!“

О, стонать Русской землѣ, вспоминая прежнее время и прежнихъ князей! Того стараго Владимира нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ! Его знамена уже стали—одни Рюриковы, другія Давыдовы.

X. Слышенъ голосъ Ярославнинъ. Кукушкой тайкомъ отъ всѣхъ взываетъ онъ рано утромъ: „Полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю! омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, утру князю кровавыя его раны на страдающемъ его тѣлѣ“. Ярославна плачетъ съ утра въ Путивлѣ на стѣнѣ, приговаривая: „О вѣтеръ, вѣтеръ! Зачѣмъ, господинъ мой, такъ сильно вѣешь? Зачѣмъ ты, на своихъ легкихъ крыльяхъ, мчишь ханскія стрѣлы на воиновъ моего милаго? Мало-ль тебѣ было (простору) въ вышинѣ подъ облаками вѣять, лелѣючи корабли на синемъ морѣ. Зачѣмъ же, господинъ мой, мое веселье по ковылю развѣялъ?“ Ярославна плачетъ съ утра въ Путивлѣ-городѣ на стѣнѣ, приговаривая: „О славный Днѣпръ! Ты пробилъ себѣ каменныя горы черезъ землю Половецкую; ты лелѣялъ на себѣ Святославовы ладьи до войска Кобякова (т. е. благосклонно помогалъ Святославу добраться до воиновъ Кобяка); благосклонно доставь, господинъ мой, моего мужа ко мнѣ, чтобы не посылать мнѣ къ нему слезъ на море съ утра!“ Ярославна

плачетъ съ утра въ Путивлѣ на стѣнѣ, приговаривая: „Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! Для всѣхъ ты тепло и красно. Зачѣмъ же, господинъ мой, простерло ты свой горячій лучъ на милыхъ воиновъ моего мужа?.. въ полѣ безводномъ жаждою имъ луки свело, печалью имъ тулы замкнуло!..“

XI. Зашумѣло море на полночь; идутъ смерчи туманные. Игорю князю Богъ кажетъ путь изъ земли Половецкой въ землю Русскую, къ отцовскому золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спитъ... Игорь бодрствуетъ; Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дона до малаго Донца. Коня въ полночь свистнулъ Овлуръ за рѣкою; велитъ разумѣть князю... Загудѣла земля; прошумѣла трава; вздрогнули шатры половецкіе... А Игорь князь поскакалъ горностаемъ къ тростнику и поплылъ бѣлымъ гоголемъ по водѣ. Метнулся на борзаго коня, соскочилъ съ него босымъ волкомъ, помчался къ лугу Донца и полетѣлъ соколомъ въ туманѣ, бьючи гусей и лебедей на обѣдъ, на завтракъ и на ужинъ. Когда Игорь соколомъ летѣлъ, тогда Овлуръ мчался волкомъ, отряхая собою студеную росу: надорвали они своихъ борзыхъ коней.

И говоритъ рѣка Донецъ: „О князь Игорь! Немало тебѣ величія, а Кончаку досады, а Русской землѣ веселія!“ Игорь говоритъ: „О Донецъ! немало славы тебѣ, что лелѣялъ ты князя на волнахъ своихъ; что ты стлалъ ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ; одѣвалъ его теплыми туманами подъ сѣнью зеленаго дерева: стерегъ его какъ гоголя на водѣ, какъ чаекъ на струяхъ.

То не сороки застрекотали: то Гза съ Кончакомъ ѣдутъ по слѣду Игореву. Тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали. Дятлы своимъ стукомъ указываютъ путь къ рѣкѣ; соловьи веселыми пѣснями близость свѣта возвѣщаютъ. И говоритъ Гза Кончаку: „Когда соколъ летитъ къ гнѣзду, то соколенка мы разстрѣляемъ своими золочеными стрѣлами!“ Отвѣчаетъ Гзѣ Кончакъ: „Когда соколъ летитъ къ гнѣзду, то соколонка мы опутаемъ красною дѣвицею!“ И говоритъ Гза Кончаку: „Когда мы опутаемъ его красною дѣвицею,—не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы, и почнутъ насъ тогда бить птицы въ полѣ Половецкомъ“.

XII. Сказалъ Боянъ и о годинѣ Святославовой — „тяжко тебѣ головѣ безъ плечъ, но плохо и тѣлу безъ головы!“ Такъ и русской землѣ — безъ Игоря. Свѣтитъ солнце на небѣ; Игорь князь — въ Русской землѣ. Поютъ дѣвы на Дунаѣ; несутся пѣсни черезъ море до Кіева. Ѣдетъ Игорь по Боричеву-ввозу, къ святой Богородицѣ Пирогощей. Рады всѣ страны, веселы города.

Пѣли пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ пѣть станемъ: „Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Да здравствуютъ князья и дружина, поборающіе за христіанъ на полчища невѣрныхъ! Слава князьямъ и дружинѣ!“ Аминь.

То не кукушка въ рощѣ темной
Кукуетъ рано на зарѣ —
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Одна на городской стѣнѣ:
„Я покину боръ сосновый,
Вдоль Дуная полечу
И въ Каяль-рѣкѣ бобровый
Я рукавъ мой омочу;
Я домчусь къ родному стану,
Гдѣ кипѣлъ кровавый бой;
Князю я обмою рану
На груди его младой!“
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:
„Вѣтеръ, вѣтеръ, о могучій,
Буйный вѣтеръ! что шумишь?

Что ты въ небѣ черны тучи
И вздымаешь, и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутилъ потокъ рѣки,
Вѣя ханскими стрѣлами
На родимые полки!“
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:
„Въ облакахъ ли тѣсно вѣять
Съ горъ крутыхъ чужой земли?
Если хочешь ты лелѣять
Въ синемъ морѣ корабли:
Что же страхомъ ты усѣялъ
Нашу долю? для чего
По ковыль-травѣ развѣялъ
Радость сердца моего?“
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:
„Днѣпръ мой славный! ты волнами
Скалы половцевъ пробилъ;
Святославъ съ богатырями
По тебѣ свой бѣгъ стремилъ:
Не волнуй же, Днѣпръ широкій,
Быстрый токъ студеныхъ водъ,
Ими князь мой черноокій
Въ Русь святую поплыветъ“.
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:
„О рѣка! отдай мнѣ друга,
На волнахъ его лелѣй,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорѣй;
Чтобъ я больше не видала
Вѣщихъ ужасовъ во снѣ;
Чтобъ я слезъ къ нему не слала
Синимъ моремъ на зарѣ“.
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:
„Солнце, солнце, ты сіяешь
Всѣмъ прекрасно и свѣтло!
Въ знойномъ полѣ что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки съ тетивами
Изсушила въ ихъ рукахъ,
И печаль колчанъ съ стрѣлами
Заложила на плечахъ“.
И тихо въ теремъ Ярославна
Уходитъ съ городской стѣны.

Перев. **И. И. Козлова**.

Лѣтопись Нестора.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 67—73.

Легенда объ Апостолѣ Андреѣ. Днѣпръ вътечеть въ Понетьское море жереломь, еже море словеть Руськое, по нему же училъ святый Оньдрей, братъ Петровъ, яко же рѣша. Оньдрею учащю въ Синопіи и пришедъшю ему въ Корсунь, увидѣ, яко ис Корсуня близь устье Днѣпрьское, въсхотѣ поити въ Римъ и проиде въ устье Днѣпрьское; отътолѣ поиде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра въставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: „видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ восіяеть благодать Божья, имать градъ великъ быти, и церкъви многы Богъ въздвигнути имать“. Въшедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълѣзъ съ горы сея, идѣже послѣже бысть Кыевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ Словѣни, идѣже нынѣ Новъгородъ; и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыютъ, хвощються, и удивися имъ. Иде въ Варягы и приде въ Римъ, исповѣда, елико научи и елико видѣ, и рече имъ: „дивьно видѣхъ Словѣньскую землю; диучи ми сѣмо, видѣхъ бани древѣны, и пережьгуть ѣ рамяно, соволокуться

и будуть нази, и облѣются квасомъ усніянымь, и возьмуть на ся прутье младое, бьються сами и того ся добьють, егда вылѣзуть лѣ живи, и облѣються водою студеною, тако оживуть; и то творять по вься дьни немучими никымьже, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье". Ти слышаще дивляхуся: Оньдрей же бывъ въ Римѣ, приде въ Синопію.

Преданіе объ основаніи Кіева. Полемъ же живъшемъ особѣ и володѣющимъ роды своими, иже и до сеѣ братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимь родомь и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомь своимь. Быша 3 братья, единому имя Кый, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кый на горѣ, гдѣже нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ нынѣ зоветься Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозъвася Хоревица. И сътвориша градъ, во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кыевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь; бяху мужи мудри и съмыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъ же есть Поляне въ Кыевѣ и до сего дьне. Ини же не съвѣдуще рекоша, яко Кый есть перевозьникъ былъ; у Кыева бо бяше перевозъ тогда съ оноя стороны Днѣпра; тѣмъ глаголаху: „На перевозъ на Кыевъ". Аще бо бы перевозьникъ Кый, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кый княжаше въ родѣ своемь. Приходивъшю ему ко царю, яко же сказають, яко велику честь пріялъ отъ царя, при которомь приходивъ цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и съруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомь своимь, и не даша ему ту близь живущии; еще и донынѣ наричють Дунайцы городище Кыевець. Кыеви же пришедъшю въ свой градъ Кыевъ, ту животъ свой съконьча; а братъ его Щекъ, и Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь ту съконьчашася.

Обычаи этихъ племенъ. Имяху бо обычай свой, и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имяху; брачьный обычай имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что въдадуче. А Древляне живяху звѣриньскымь образомъ, живуще скотьскы: убиваху другъ друга, ядяху вься нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкываху у воды дѣвица. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже вьсякый звѣрь, ядуще вьсе нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Съхожахуся на игрища, на плясанье, и на вься бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умьряше, творяху тризну надъ нимь, и посемь творяху кладу велику, и възложахуть на кладу мертвеца, сожьжаху, и посемь собравъше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже

творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ.

Смерть Олега. И живяше Олегъ, миръ имѣя къ вьсѣмъ странамъ, княжа въ Кыевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не въсѣдати на нь. Бѣ бо преже въпрошалъ волъхвовъ кудесьникъ: „Отъ чего ми есть умрети?“ И рече ему одинъ кудесьникъ: „Княже! Конь, его же любиши и ѣздиши на немь, отъ того ти умрети“. Олегъ же, пріимъ въ умѣ, си рече: „Николиже всяду на конь, ни вижу его болѣ того“. И повелѣ кормити и не водити его къ нему, и пребывъ нѣсколько лѣтъ не дѣя его, доньдеже и на Грекы иде. И пришедъшу ему къ Кыеву, и пребысть 4 лѣта; на 5 лѣто помяну конь свой, отъ негоже бяху рекли волъсви умрети Ольгови. И призъва старѣйшину конюхомъ, рекя: „Гдѣ есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?“ Онъ же рече: „Умерлъ есть“. Олегъ же посмѣяся и укори кудесьника, рѣкя: „То ть неправо молвять волъсви, но вьсе то лъжа есть; конь умерлъ, а я живъ“. И повелѣ осѣдлати конь: „да ть вижю кости его“. И приѣха на мѣсто, идеже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ; и сълѣзъ съ коня, посмѣяся рекя: „Отъ сего ли лъба смерть мнѣ възяти?“ И въступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣя, и уклюну и въ ногу, и съ того разболѣвъся умьре. И плакашася по немь вьси людіе плачемь великомь, и несоша й, и погребоша й на горѣ, иже глаголеться Щековица; есть же могыла его до сего дьне, словеть могыла Ольгова.

Мщеніе Ольги. Въ лѣто 6453. Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: „отроци Свѣнелжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы“. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и примышляше къ первой дани, насиляше имъ, и мужи его; возьма дань, поиде въ градъ свой. Идущю же ему въспять, размысливъ, рече дружинѣ своей: „идѣте съ данью домови, и я возвращуся, похожю и еще“. Пусти дружину свою домови, съ маломь же дружины восвратися, желая больша имѣнья. Слышавъше же Деревляне, яко опять идеть, съдумавъше со княземь своимь Маломь: „аще ся въвадить волкъ къ овьцѣ, то выносить вьсе стадо, аще не убьють его; тако и сь: аще не убьемъ его, то вьсѣ ны погубить“. Посълаша къ нему глаголюще: „почто идеши опять? поималъ еси вьсю дань“. И не послуша ихъ Игорь; и, вышедъше изъ града Искоръстеня, Деревляне убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь; есть могыла его у Искорстеня града въ Деревѣхъ и до сего дьне. Ольга же бяше въ Кыевѣ съ сыномь своимь съ дѣтьскомь Святославомъ, и кормилець его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнелдъ, тъ же отець Мстишинъ. Рѣша же Деревляне: „се князя убихомъ русьскаго; поимемъ жену его Ольгу за князь свой Малъ, и Святослава, и сътворимъ ему, яко же хощемъ“. И посълаша Деревляне лучьшиѣ мужи, числомъ 20, въ лодьи къ Ользѣ, и присташа подъ Боричевымь въ лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи

вздолѣ горы Кыевьскыя, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. Градъ же бѣ Кыевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше въ городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславъ и Чудинь, а перевѣсище бѣ вънѣ града и бѣ вънѣ града дворъ другый, идеже есть дворъ Деместиковъ, за святою Богородицею, надъ горою, дворъ теремьный: бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возъва ѣ Ольга къ собѣ: „добри гостье придоша". И рѣша Деревляне „придохомъ, княгыне". И рече имъ Ольга: „да глаголете, чьсо ради придосте сѣмо?" Рѣша же Древляне: „посъла ны Деревьска земля, рькуще сице: „мужа твоего убихомъ; бяше бо мужь твой, якы волкъ восхыщая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю; да поиди за князь нашь за Малъ"; бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску. Рече же имъ Ольга: „люба ми есть рѣчь ваша. Уже мнѣ мужа своего не кресити; но хочю вы почтити наутрія предъ людьми своими; а нынѣ идѣте въ лодью свою, и лязѣте въ лодьи величающеся. Азъ утро посълю по вы; вы же рьцѣте: не ѣдемъ на конихъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодьи; и възнесутъ вы въ лодьи"; и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмь, вънѣ града. И заутра Ольга, сѣдящи въ теремѣ, посъла по гости; и придоша къ нимъ глаголюще: „зоветь вы Ольга на честь велику". Они же рѣша: „не ѣдемъ на конихъ, ни на возѣхъ; понесѣте ны въ лодьи". Рѣша же Кыяне: „намъ неволя; князь нашь убьенъ, а княгыни наша хочетъ за вашь князь". И понесоша я въ лодьи. Они же сѣдяху въ перегъбѣхъ, въ великыхъ сустугахъ, гордящеся; и принесоша я на дворъ къ Ользѣ, несъше вървнуша ѣ въ яму и съ лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: „добра ли вы честь?"; они же рѣша: „пущи ны Игоревы съмерти". И повелѣ засыпати я живы; и посыпаша я. Посълавъши Ольга къ Деревляномъ, рече имъ: „да аще мя просите право, то пришлите мужи нарочиты, да въ велицѣ чти приду за вашь князь, еда не пустять мене людье Кыевьстіи". Се слышавъше Деревляне, собьраша лучьшиѣ мужи, иже держаху Деревьску землю, и посълаша по ню. Деревляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь сътворити, рькущи сице: „измывъшеся придѣте ко мнѣ". Они же пережьгоша истобъку, и вълѣзоша Деревляне, начаша ся мыти; и запьроша о нихъ истобъку, и повелѣ зажечи ю отъ дверій. Ту изгорѣша вьси. И посъла къ Деревляномъ, рькущи сице: „се уже иду къ вамъ, да пристроите меды многы въ градѣ, идеже убисте мужа моего, да поплачуся надъ гробомь его, и сътворю тризну мужю своему". Они же то слышавъше, съвезоша меды многы зѣло, възвариша. Ольга же, поимъши мало дружины, легъко идущи, приде къ гробу его, плакася по мужи своемь; и повелѣ людемъ своимь съсути могылу велику; яко сосъпоша, и повелѣ тризну творити. Посемь сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити передъ ними. Рѣша Деревляне къ Ользѣ: „кдѣ суть дружина наша, ихъ же посълахомъ по тя?" Она же рече: „идуть по

мнѣ съ дружиною мужа моего“. Яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ поити на ня, а сама отиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ сѣчи Деревляне. И исѣкоша ихъ 5000; а Ольга возвратися Кыеву, и пристрои вои на прокъ ихъ.

Испытаніе вѣроисповѣданій. Въ лѣто 6495. Созъва Володимеръ боляры своя и старьцѣ градьскыѣ, и рече имъ: „се приходиша ко мнѣ Болгаре, рькуще: „пріими законъ нашъ!“ Посемь же приходиша Нѣмьци, и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣже придоша Грьци, хуляще вьсѣ законы, свой же хваляще, и много глаголаша съказающе отъ начала миру, о бытьи вьсего мира; суть же хытро съказающе, и чюдно слышати ихъ, любо комуждо слушати ихъ, и другый свѣтъ повѣдають быти: да аще кто, дѣеть, въ нашю вѣру ступить, то пакы, умеръ, станеть, и не умрети ему въ вѣкы; аще ли въ инъ законъ ступить, то на ономь свѣтѣ въ огни горѣти. Да что ума придасте? что отъвѣщаете?“ И рѣша бояре и старьци: „вѣси, княже, яко своего никтоже не хулить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаше у собе мужи: посълавъ испытай когождо ихъ службу, и како служить Богу“. И бысть люба рѣчь князю и вьсѣмъ людемъ; избьраша мужи добры и съмыслены, числомь 10, и рѣша имъ: „идѣте первое въ Болгары, и испытайте первое вѣру ихъ“. Они же идоша, и пришедъше видѣша скверньная дѣла и кланянье въ ропати; придоша на землю свою. И рече имъ Володимеръ: „идѣте пакы въ Нѣмьци, съглядайте такоже, и отътудѣ идѣте въ Грекы“. Они же придоша въ Нѣмьци, и съглядавше церковьную службу ихъ. Придоша Царюгороду, и вънидоша ко царю; царь же испыта, коея ради вины придоша; они же съповѣдаша ему вься бывъшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику сътвори имъ во тъ же день. Наутрія посла къ патреарху, глаголя сице: „придоша Русь, пытающе вѣры нашея: да пристрой церковь и клиросъ, и самъ причинися въ святительскыя ризы, да видять славу Бога нашего“. Си слышавъ аптреархъ, повелѣ созъвати крилось; по обычаю сътвориша праздьникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и ликы съставиша. И иде съ ними въ церковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ, показующе красоту церковьную, пѣнья и службы архіерейскы, предъстоянье дьяконъ, сказающе имъ служенье Бога своего; они же во изумѣньи бывъше, удививъшеся, похвалиша службу ихъ. И призъваша ѣ цари Василій и Костянтинъ, рѣста имъ: „идѣте въ землю вашю“, и отъпустиша я съ дары великы и съ честью. Они же придоша въ землю свою, и созъва князь боляры своя и старьца. Рече Володимеръ: „се придоша посъланіи нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывъшее“; и рече: „скажите предъ дружиною“. Они же рѣша: „яко ходихомъ въ Болгары, съмотрихомъ, како ся покланяють въ храмѣ, рекъше въ ропати, стояще безъ пояса; поклонивъся сядеть, и глядить сѣмо и овамо, яко бѣшенъ, и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добро законъ ихъ. И придохомъ въ Нѣмьци, и видѣхомъ въ храмѣхъ многы службы тво-

ряща, а красоты не видѣхомъ никоея же. И придохомъ же въ Грекы, и ведоша ны, идеже служать Богу своему, и не съвѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты такоя, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ съ человѣкы пребываетъ, и есть служьба ихъ паче вьсѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; вьсякъ бо человѣкъ, аще въкусить сладъка, послѣди горести не пріимаеть, тако и мы не имамъ здѣ быти". Отвѣщавъше же боляре рекоша: „аще бы лихъ законъ Гречьскый, то не бы баба твоя пріяла Ольга, яже бѣ мудрѣйши вьсѣхъ человѣкъ". Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: „гдѣ крещенье пріимемъ?" Они же рекоша: „гдѣ ти любо".

Крещеніе Руси. Володимеръ же посемь поемъ царицю, и Настаса, и попы корсуньскы, съ мощьми святаго Климента и Фива, ученика его, поима съсуды церковьныя, иконы на благословенье себѣ. Поставивъ же церковь въ Корсуни на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще присъпу, яже церквы стоить и до сего дьне. Възя же ида мѣдянѣ двѣ капищи, и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, якоже не вѣдуще мьнять я мрамаряны суща. Въдасть же за вѣно Грекомъ Корсунь опять, царицѣ дѣля, а самъ приде Кыеву. Яко приде, повелѣ кумиры испровращи, овы осѣчи, а другыя огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на Ручай; 12 мужа пристави тети жезльемь. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прельщаше симь образомь человѣкы, да възмездье пріиметъ отъ человѣкъ. Велій еси, Господи, и чюдьна дѣла твоя! вчера чьтимъ отъ человѣкъ, а днесь поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрьніи людье, еще бо не бяху пріяли святаго крещенья; и, привлекъше, върinуша й въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ рекъ: „аще гдѣ пристанеть вы, то отрѣвайте его отъ берега, доньдеже порогы проидеть; то тогда охабитеся его". Они же повелѣная сътвориша. Яко пустиша, и проиде сквозѣ порогы; изверже и вѣтръ на рѣни, и отътолѣ прослу Перуняна рѣнь, якоже и до сего дьне словеть. Посемь же Володимеръ посъла по вьсему граду глаголя: „аще не обрящеться кто рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работьникъ, противенъ мнѣ да будеть". Се слышавъше людье, съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли". Наутрія же изиде Володимеръ съ попы царицины и съ Корсуньскыми на Днѣпръ, и сънидеся бещисла людій: вълѣзоша въ воду и стояху ови до шіѣ, а друзіи до персій, младіи же отъ берега, друзіи же млады держаще, съвершеніи же бродяху; попове же стояще молитвы творяху. И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ; а дьяволъ стеня глаголаше: „увы мнѣ, яко отъсюда прогонимъ есмь! здѣ бо мьняхъ жилище имѣти, яко здѣ не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о служьбѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣгласъ, а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ,

не имамь уже царьствовати въ странахъ сихъ“. Крестивъшимъ же ся людемъ, идоша каждо въ домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его; възърѣвъ на небо, рече: „Боже сътворивый небо и землю! призьри на новыя люди сія, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти тобе, истиньнаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьяньскыя; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивьнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его“. И се рекъ, повелѣ рубити церкъви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумири; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунь и прочіи, идеже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкъви и попы, и люди на крещенье приводити по вьсѣмъ градомъ и селомъ. Посълавъ нача поимати у нарочитоѣ чади дѣти, и даяти нача на ученье книжьное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахуся.

Пиры князя Владимира. Се же пакы творяше людемъ своимъ по вься недѣля: устави на дворѣ въ гридници пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ, сотьскымъ, и десятьскимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя; бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ вьсего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть ропътати на князь, глаголюще: „зъло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными“. Се слышавъ Володимеръ повелѣ исковати лъжица сребряны ясти дружинѣ, рекъ сице: „яко сребромь и златомь не имамь налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра“. Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмь, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмь.

Единоборство князя Мстислава съ Редедею. Въ си же времена Мьстиславу сущю Тмуторокани, поиде на Касогы. Слышавъ же се князь Касожьскый Редедя, изиде противу тому, и ставъшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: „чьсо ради губивѣ дружину межи собою? но сънидѣвѣ ся сама боротъ; да аще одолѣеши ты, то возьмеши имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възьму твое вьсе“. И рече Мьстиславъ: „тако буди“. И рече Редедя къ Мьстиславу: „не оружьемъ ся бьевѣ, но борьбою“. И ястася бороти крѣпъко, и надолзѣ борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя. И рече Мьстиславъ: „о Пречистая Богородице! помози ми: аще бо одолѣю сему, съзижю церковь во имя твое“. И се рекъ удари имь о землю, и выньзе ножь, зарѣза Редедю; шедъ въ землю его, възя вьсе имѣнье его, жену его и дѣти его, и дань възложи на Касогы. И пришедъ Тмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созьда ю, яже стоить и до сего дьне Тмуторокани.

Заботы кн. Ярослава объ украшеніи Кіева и о книжномъ ученіи. Въ

лѣто 6545. Заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотыхъ воротѣхъ святоѣ Богородицѣ Благовѣщенье, посемь святаго Георгія манастырь и святыя Ирины. И при семь нача вѣра хрестьяньска плодити ся и расширяти, и черноризьцы почаша множитися, и манастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковьныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая ѣ часто въ нощи и въ дьне; и собьра письцѣ многы, и прекладаша отъ Грекъ на Словѣньское письмо, и списаша книгы многы, и сънискa, ими же поучащеся вѣрьніи людье, наслажаються ученья божественнаго. Якоже бо се нѣкто землю разореть, другый же насѣеть, ини же пожинають и ядять пищю бескудьну: тако и сь. Отець бо сего Володимеръ възора и умячи, рекъше крещеньемь просвѣтивъ: сь же насѣя книжьными словесы сердьца вѣрьныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное... Ярославъ же сь, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ; многы написавъ положи въ святѣй Софьи церъкви, юже созьда самъ; украси ю златомь и сребромь и съсуды церковьными, въ нейже обычьныя пѣсни Богу въздають, въ годы обычьныя. И ины церкъви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомь, и приходити часто къ церкъвамъ; и умножишася прозвутери и людье хрестьяньстіи.

Волхвы въ Кіевѣ и на сѣверѣ Руси. Въ лѣто 6579. Въ си времена приде волхвъ, прельщенъ бѣсомъ; пришедъ бо Кыеву глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьстѣй земли на Русьской, а Русьстѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися; его же невѣгласи послушаху, вѣрніи же насмѣхаются, глаголюще ему: „бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ". Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть безъ вѣсти. Бѣси бо подътокше на зло вводятъ, посемъ же насмисаются ввергъше и въ пропасть смертную, научивше глаголати, якоже се скажемъ, бѣсовьское наущенье и дѣйство. Бывши бо единою скудости въ Ростовьстѣй области въстаста два волхва отъ Ярославля, глаголюща: „яко вѣ свѣвѣ, кто обилье держить"; и поидоста по Волзѣ; кдѣ придуть въ погостѣ, туже нарицаху лучьшіѣ жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору. И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, вымаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнье ихъ отъимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро; и бѣ у нею людій нѣ 300. Въ се же время приключися прити отъ Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волъзѣ и по Шекснѣ и пришла еста сѣмо. Янь же испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ къ нимъ иже около ею суть, рече имъ: „выдайте волхва та сѣмо, яко

смерда еста моего князя“; они же сего не послушаша. Янь же поиде самъ безъ оружья, и рѣша ему отроци его: „не ходи безъ оружья, осоромять тя“; онъ же повелѣ взяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока съ нимь, и поиде къ нимъ по лѣсу. Они же сташа исполчившеся противу. Яневи же идущю съ топорцемъ, выступиша отъ нихъ 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: „вида идеши на смерть, не ходи“; оному повелѣвшю обити я, къ прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топоромъ, Янь же оборотя топоръ удари й тыльемь, повелѣ отрокомъ сѣчи я; они же бѣжаша въ лѣсъ, убиша же ту попина Янева. Янь же вшедъ въ градъ къ Бѣлозерцемъ, рече имъ: „аще не имѣте волхву сею, не иду отъ васъ и за лѣто“. Бѣлозерци же шедше яша я, и приведоша я къ Яневи, и рече има: „чьсо ради погубиста толико человѣкъ?“ Онѣма же рекшема: „яко ти держать обилье, да аще истребивѣ сихъ, будеть гобино: аще ли хощеши, то передъ тобою вынемевѣ жито, ли рыбу, ли ино что“. Янь же рече: „по истинѣ лжа то: створилъ Богъ человѣка отъ землѣ, съставленъ костьми и жылами отъ крове, нѣсть въ немь ничьсоже: и не вѣсть ничтоже, но токъмо единъ Богъ вѣсть“. Она же рекоста: „вѣ вѣвѣ, како есть человѣкъ створенъ“. Онъ же рече: „како?“ Она же рекоста: „Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, отреся ветъхомъ, и верже съ небесе на землю: и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немь сотворити человѣка? и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душю въ не вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, въ землю идеть тѣло, а душа къ Богу“. Рече има Янь: „по истинѣ прельстилъ васъ есть бѣсъ: коему Богу вѣруета?“ Она же рекоста: „антихристу“. Онъ же рече има: „то гдѣ есть?“. Она же рекоста: „сѣдить въ безднѣ“. Рече има Янь: „какый то Богъ, сѣдя въ безднѣ? то есть бѣсъ, а Богъ есть на небеси сѣдя, на престолѣ, славимъ отъ ангелъ, иже предстоять ему со страхомъ, не могуще на нь зрѣти, сихъ бо ангелъ сверженъ бысть, егоже вы глаголета антихрестъ, за величанье его низъверженъ бысть съ небесе, и есть въ безднѣ, якоже то вы глаголета, жда, егда придеть Богъ съ небесе, сего имъ антихриста свяжеть узами и посадить и, емъ его съ слугами его и иже къ нему вѣруютъ: вама же и здѣ муку пріяти отъ мене, и по смерти тамо“. Онѣма же рекшема: „нама бози повѣдаютъ: не можеши нама створити ничьсоже“, онъ же рече има: „лжють вама бози“. Она же рекоста: „нама стати предъ Святославомъ, а ты не можьшь створити ничьсоже“. Янь же повелѣ бити я, и потъргати брадѣ ею. Сима же тепенома и брадѣ ею поторганѣ проскѣпомъ, рече има Янь: „что вама бози молвять“? Онѣма же рекшема: „стати намъ предъ Святославомъ“, и повелѣ Янь вложити рубль въ уста има, и привязати я къ упругу, и пусти предъ собою лодьѣ, и самъ по нихъ иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янь: „что вама бози молвять“? Она же рѣста: „сице нама бози молвять, не быти нама живымъ отъ тобе“. И рече има Янь: „то ти вама право повѣдали“. Она же рекоста: „но аще наю пустиши, много ти добра будетъ; аще ли наю погу-

биши, многу печаль пріимеши и зло“. Онъ же рече има: „аще ваю пущю, то зло ми будетъ отъ Бога“. И рече Янь повозникомъ: „ци кому васъ кто родьнь убьенъ отъ сею?“ Они же рѣша: „мнѣ мати, другому сестра, иному роженье“. Онъ же рѣче имъ: „мьстите своихъ“. Они же поимше, убиша я и повѣсиша я на дубѣ: отмьстье пріимша отъ Бога по правдѣ. Яневи же идущю домови, въ другую нощь медвѣдь възлѣзъ, угрызъ ею и снѣсть; и тако погыбнуста наущеньемъ бѣсовьскимь, инѣмъ вѣдуще, а своея пагубы не вѣдуче. Аще ли быста вѣдала то не быста пришла на мѣсто се, идѣже ятома има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: „не умрети нама“, оному мыслящю убити я? Но се есть бѣсовьское наученье: бѣси бо не вѣдять мысли человѣчьское, но влагають помыслъ въ человѣка, тайны не свѣдуще. Богъ единъ свѣсть помышленья человѣчьская, бѣси же не свѣдають ничьсоже; суть бо немощни и худи взоромь. Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о омраченьи ихъ. Въ си бо времена, въ лѣта си, приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чюдь, и приде къ кудеснику, хотя волхованья отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдящу на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оцѣпѣвъ, и шибе имъ бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Новгородьцю: „бози не смѣютъ прити, нѣчто имаши на собѣ, его же боятся“. Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ храмины тоя; онъ же нача опять призывати бѣсы; бѣси же метавше имь, повѣдаша, чьсо ради пришелъ есть. По семь же поча прашати его: „что ради бояться того, егоже се носимъ на собѣ, креста?“ Онъ же рече, „что есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся“. Онъ же рече: „то каци суть бози ваши, кдѣ живутъ?“ Онъ же рече: „въ безднахъ; суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще, всходять же и подъ небомъ, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо ангели на небеси суть; аще кто умретъ отъ вашихъ людій, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираетъ, то носимъ къ нашимъ богомъ въ бездну“. Сицъ бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ; глаголеть бо людемъ, творя ся акы Богъ, многы прельсти, мало не всего града: глаголашеть бо, яко провѣдь вся, и хуля вѣру хрестьянскую, глаголашеть бо: „яко переиду по Волхову передъ всѣми“. И бысть мятежь въ градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста рекъ: „иже хощетъ вѣру яти волхву, то да идетъ за нь; аще ли вѣруетъ кто, то ко кресту да идетъ“. И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва; и бысть мятежь великъ межи ими. Глѣбъ же возьма топоръ подъ скутомъ, приде въ волхву и рече ему: „то вѣси ли, что утро хощеть быти, и что ли до вечера?“ Онъ же рече: „провѣжь вся“. И рече Глѣбъ: „то вѣси ли, что хощеть быти днесь?“ „Чюдеса велика створю“ рече. Глѣбъ же вынемь топоръ, ростя и, и паде мертвъ, и людье разидошася; онъ же погыбе тѣломь и душею, предавъся дьяволу.

Знаменія. Въ се же лѣто знаменье въ солнци: яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть въ часъ 2 дне, мѣсяца маія 21 день. Въ се же лѣто бысть Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе; ужасошася вси людье. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша. Въ се же лѣто волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе.

Сказаніе о народѣ, запертомъ въ горахъ. Се же хощю сказати, яже слышахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичь Новгородець, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новгороду: и пришедшю отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: „дивьно мы находихомъ чюдо, его же нѣесмы слышали прежде сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти: суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажють на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножь ли, ли сѣкиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмже не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощіи“. Мнѣ же рекшю къ Гюрятѣ: „си суть людье заклепеніи Александромъ Македоньскымъ царемь“ Якоже сказаеть о нихъ Меѳодій Патарійскъ: „и взиде на всточныя страны до моря, наричемое Солнче мѣсто, и видѣ ту человѣкы нечистыя, отъ племене Афетова; ихъ же нечистоту видѣвъ: ядяху скверну всяку, комары и мухы, коткы, змiѣ, и мертвець не погребаху, но ядяху, и скоты вся нечистыя; то видѣвъ Александръ убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны и въ горы высокія; Богу повелѣвшю, съступишася о нихъ горы полунощьныя, токмо не съступишася о нихъ горы на 12 локотъ; и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огнемъ взяти, не възмогутъ ижещи; вещь бо сунклитова сица есть: ни огнь можетъ вжещи его, ни желѣзо его приметь; въ послѣдняя же дни по сихъ изидуть 8 колѣнъ отъ пустыня Тривьскыя, изидуть и си скверніи языкы, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божію. Но мы на предняя взвратимся, якоже бяхомъ преже глаголали.

Изъ Новогородской первой лѣтописи.

Голодъ. Лѣто 6738. Того же Богъ, видя наше безаконія, и братоненавидѣніе, непокореніе другъ къ другу, и зависть, и крестомъ вѣрящеся во лжю; его же ангели не могутъ зрѣти и многоочитіи крылы закрываються,

того же мы въ рукахъ държаще скверными усты цѣлуемъ; и за то Богъ на насъ поганыя наведе и землю нашю пусту положиша; а иное сами не блюдуче безъ милости истеряхомъ свою власть, и тако бысть пусто; и тако ны Господь Богъ възда по дѣломъ нашимъ. Изби мразъ на Въздвиженіе честьнаго хреста обилье по волости нашеи, и оттолѣ горе уставися велико: почахомъ купити хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривьнъ; а въ дворѣхъ по полъ—30, а пшеницѣ по 40 гривьнъ, а пшена по 50, а овса по 13 гривьнъ, и разъидеся градъ нашь и волость наша, и полни быша чюжія грады и страны братьѣ нашеи и сестръ, а останъкъ почаша мерети, и кто не прослѣзится о семъ, видяще мьртвьця по уличамъ лежаща и младенця отъ пьсъ изъѣдаемыя...

Мы же на преднее възвратимся, на горкую и бѣдную память тоя весны. Что бо рещи, или что глаголати о бывшеи на насъ отъ Бога казни? ини же мъхъ ядяху, ушь, сосну, кору липову и листъ ильмъ, кто что замысля, а иніи пакы зліи человѣци почаша добрыхъ людіи домы зажигати кдѣ чююче рожь, и тако разграбливахуть имѣніе ихъ...

То же бы намъ все видяще предъ очима, лучьшимъ быти, мы же быхомъ пущьши: братъ брату не сжаляшеться, ни отечь сынови, ни мати дъчери, ни сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣба; не бысть милости межи нами, нъ бяше туга и печаль, на уличи скърбь другъ съ другомъ, дома тъска, зряще дѣтіи плачюще хлѣба, а другая умирающа; и купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и поболшю, а ржи 4-ю часть кади купляхомъ по гривнѣ серебра; и даяху отци и матери дѣти свое одьрень, изъ хлѣба, гостьмъ. Се же горе бысть не въ нашеи земли во одинои, нъ по всеи области Русьстѣи, кромѣ Кыева одинаго; и тако ны Богъ възда по дѣламъ нашимъ.

Изъ Ипатьевскаго списка.

О походѣ Игоря 1185 года. Въ то же время Святославичъ Игорь, внукъ Олговъ, поѣха изъ Новагорода, мѣсяца априля въ 23 день, во вторникъ, поймя со собою брата Всеволода изъ Трубецка, и Святослава Олговича, сыновця своего, изъ Рыльска, и Володимера сына своего, изъ Путивля, и у Ярослава испроси помочь Ольстина Олексича, Прохорова внука, съ Коуи Черниговьскими; и тако идяхуть тихо, сбираюче дружину свою: бяхуть бо у нихъ кони тучни велми. Идущимъ же имъ къ Донцю рѣкѣ, въ годъ вечерній, Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце, стояще яко мѣсяцъ, и рече боярамъ своимъ и дружинѣ своей: „видите ли что есть знаменіе се?“ Они же узрѣвше, и видѣша вси и поникоша главами и рекоша мужи: „княже, се есть не на добро знаменіе се.“ Игорь же рече: „братья и дружино! тайны Божія никтоже не вѣсть, а знаменію творець Богъ и всему міру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити“. И то рекъ, перебреде Донець и тако прійде ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ бяше шелъ инѣмь путемъ изъ Курьска; и оттуда поидоша къ Салницѣ, ту же къ нимъ и сторожеви пріѣхавша, ихъ же бяхуть послалѣ языка ловитъ, и рекоша пріѣхавше: „видихомся съ ратными, ратницы ваши со доспѣхомъ ѣздять; да или поѣдете борзо, или возворотися домовь; яко не наше есть веремя“. Игорь же рече съ братьею своею: „оже ны будеть не бившися возворотитися, то соромъ ны будеть пущей смерти, но како ны Богъ дасть“. И тако угадавше, и ѣхаша черезъ ночь,

затура же пятъку наставшу, во обѣднее время усрѣтоша полкы Половецькіе, бяхуть бо до нихъ доспѣлѣ, вѣжѣ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюурлія. И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а поправу брата его Всеволожь, а полѣву Святославль сыновця его, напередѣ ему сынъ Володимеръ и другій полкъ Ярославль, иже бяху съ Ольстиномъ Коуеве, а третій полкъ напереди же стрѣлци, иже бяхуть отъ всихъ князій выведени; и тако изрядиша полкы своя. И рече Игорь ко братьи своей: „братья, сего есмы искалѣ, а потягнемъ", и тако пойдоша къ нимъ, положаче на Бозѣ упованіе свое. И яко быша ко рѣцѣ къ Сюрулію, и выѣхаша изъ Половецькихъ полковъ стрѣлци, и пустивше по стрѣлѣ на Русь и такъ поскочиша, Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюурлія; поскочиша же и ти Половци силы Половецкіи, которіѣ же далече рѣкы стояхуть. Святославъ же Ольговичь, и Володимеръ Игоревичь, и Ольстинъ съ Коуи, и стрѣлци поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ по малу идяста, не роспустяста полку своего, передніи же ти Русь биша ѣ, имаша; Половцѣ же пробѣгоша вѣжѣ, и Русь же дошедше вѣжь и ополонишася, друзіи же ночь пріѣхаша къ полкомъ съ полономъ. И яко собрашася Половци вси, и рече Игорь ко братома и къ мужемъ своимъ: се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на насъ честь и слава; се же видихомъ полки Половецкіи, оже мнози суть, ту же ци вся си суть совокупили? Нынѣ же поѣдемъ черезъ ночь, а кто поѣдеть заутра по насъ, то ци вси поѣдуть, но лучьшіи коньници переберуться, а самѣми какъ ны Богъ дасть". И рече Святославъ Олговичь строема своима: „далеча есмь гонихъ по Половцехъ, а кони мои не могуть; аже ми будеть нынѣ поѣхати, то толико ми будеть на дорозѣ остати"—и поможе ему Всеволодъ, акоже облечи ту. И рече Игорь: „да недивно есть разумѣющи, братья, умрети"—и облегоша ту. Свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полки Половецкіи, акъ борове; изумѣшася князи Рускіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленое множество. И рече Игорь: „се вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю: Концака, и Козу Бурновича, и Токсобица, и Етебича, и Терьтробича". И тако угадавше вси съсѣдоша съ коній, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця; молвяхуть бо: „оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будеть грѣхъ сихъ выдавше: пойдемъ, но или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ". И та рекше вси сосѣдоша съ коней и поидоша бьючеся; и тако божіимъ попущеніемъ, уязвиша Игоря въ руку и умрътвиша шюйцу его, и бысть печаль велика въ полку его, и воеводу имяхуть, тотъ напереди язвенъ бысть. И тако бишася крѣпко ту днину до вечера, и мнози ранени и мертви быша въ полкахъ Русскихъ; наставши же нощи суботніи, и поидоша бьючися; бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бяшеть въ то время на конѣ, зане раненъ бяше, пойде къ полку ихъ, хотя возворотити къ полкомъ; уразумѣвъ же яко далече шелъ есть отъ людій, и соймя шоломъ погна опять къ полкомъ того дѣля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никтоже, но токмо Михалко Гюргевичь, познавъ князя, возворотися; не бяхуть бо добрѣ смялися съ Ковуи, но мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярьскихъ, добри бо вси бьяхуться идуще пѣши — и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ и ту яша, единъ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси

души своей смерти, яко дабы не видилъ паденія брата своего; Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья въ руку его не доста, и бьяху бо ся идуще вкругъ при езерѣ. И тако, во день святаго воскресенія, наведе на ня Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселья мѣсто желю, на рѣцѣ Каялы. Рече бо дѣи Игорь: „помянухъ азъ грѣхы своя передъ Господемъ Богомъ моимъ, яко много убійство, кровопролитье створихъ въ землѣ крестьяньстѣй, яко же бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньнии хрестьани, отлучаеми отецъ отъ роженій своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ, и подруга отъ подругы своея, и все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшею, живіи мертвымъ завидять, а мертвіи радовахуся, аки мученици святѣи огнемъ отъ жизни сея искушеніе пріемши, старцѣ порѣвахуться, уноты же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресѣкаеми й разсѣкаеми бывають, жены же оскверняеми; и та вся створивъ азъ“, рече Игорь, „не достойно ми бяшеть жити; и се нынѣ вижю отместье отъ Господа Бога моего; гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо роженія моего? гдѣ бояре думающѣи, гдѣ мужи хроборьствующѣи, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньная? не ото всего ли того обнажихся, и связня преда мя въ рукы безаконьнымъ тѣмъ? се возда ми Господь по безаконію моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою, истиненъ Господь и прави суди его зѣло, азъ же убо не имамъ со живыми части; се нынѣ вижю другая мученія вѣньца пріемлюще, почто азъ единъ повиньный не пріяхъ страсти за вся си? но Владыко Господи Боже мой! не отрини мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость намъ рабомъ твоимъ“. И тогда кончавшюся полку, разведени быша, поиде каждо во своя вѣжа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именемъ Чилбукъ, а Всеволода брата его ялъ Романъ Кзичь, а Святослава Олговича Елдечюкъ въ Вобурчевичехъ, а Володимера Копти въ Улашевичихъ. Тогда же на полчищи Концакъ поручися по свата Игоря, заня бяшеть раненъ. Отъ толикихъ же людій мало ихъ избысть, нѣкакомъ полученіемъ, не бяшеть бо лзѣ ни бѣгаючимъ утечи, зане яко стѣнами силными огорожени бяху полкы Половецькими; ношахуть Русь съ 15 мужъ ѵтекши, а Ковуемъ мнѣе, а прочіи въ морѣ истопоша... Въ то же время великый князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяшеть въ Корачевъ, и сбирашеть отъ верхьнихъ земль вои, хотя ити на Половци къ Донови на все лѣто. Яко возворотися Святославъ и бысть у Новогорода Сѣверьского, и слыша о братьи своей, оже шли суть на Половци, утаившеся его: и не любо бысть ему. Святославъ же идяше въ лодьяхъ и яко приде къ Чернигову, и во тъ годъ прибѣже Бѣловолодъ Просовичь, и повѣда Святославу бывшее о Половцѣхъ; Святославъ же, то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: „о люба моя братья и сынове и мужѣ землѣ Рускоѣ! далъ ми бы Богъ притомити поганыя, но не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю, воля Господня да будетъ о всемъ; да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемъ“. По семъ же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера въ Посемье: то бо слышавше возмятошася городи Посемьскіе, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и по всей волости Черниговьской, князи изымани и дружина изымана, избита...

Половци же аки стыдящеся воеводьства его и не творяхуть ему пакости, но приставиша къ нему сторожовъ 15 отъ сыновъ своихъ, а господичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20: но волю ему даяхуть; гдѣ хочеть, ту ѣздяшеть и ястрябомъ ловяшеть, а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 съ нимъ ѣздяшеть; сторожеве же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его, и гдѣ послашеть кого, безъ пря творяхуть повелѣное имъ. Попа же бяшеть привелъ изъ Руси къ собѣ, со святою службою: не вѣдяшеть бо божія промысла, но творяшеться тамо и долго быти. Но избави и Господь за молитву хрестьяньску, имъ же мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему въ Половцехъ, тамо ся налѣзѣ мужь родомъ Половчинъ, именемъ Лаворъ; и тотъ пріимъ мысль благу, и рече: „пойду съ тобою въ Русь". Игорь же исперва не имяшеть ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, мышляшеть бо, имше мужь, и бѣжати въ Русь, молвяшеть бо: „азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ неславнымь путемъ не имамъ пойти". Съ нимъ бо бяшеть тысячкого сынъ и конюшій его, и та нудяста и глаголюща: „пойди, княже, въ землю Рускую, аще восхощеть Богъ избавить тя"; и не угодися ему время таково, какого же искашеть. Но яко же преже рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля Половци; и рекоша Игореви думци его: „мысль высоку и неугодну Господеви имѣешь въ собѣ, ты ищеши няти мужа и бѣжати съ нимъ; а о семъ чему не разгадаешь, оже пріѣдуть Половци съ войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князей васъ и всю Русь? да не будеть славы тобѣ, ни живота". Князь же Игорь, пріимъ во сердце съвѣтъ ихъ, уполошися пріѣзда ихъ и возъиска бѣжати: не бяшеть бо ему лзѣ бѣжати въ день и въ нощь, иже сторожеве стрежахуть его, но токмо и веремя таково обрѣте въ заходъ солнца. И посла Игорь къ Лаврови конюшого своего, река ему: „перѣди на ону сторону Тора съ конемъ поводнымъ": бяшеть бо съвѣчалъ съ Лавромъ бѣжати въ Русь. Въ то же время Половци напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюшій повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ. Сей же ставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божію и кресту честному, глаголя: „Господи сердцевидче! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго" — и возмя на ся крестъ, икону, и подойма стѣну и лѣзе вонъ. Сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть спяща. Сіи же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ, и всѣде на конь: и тако поидоста сквозѣ вѣжа. Се же избавленіе створи Господь въ пятокъ, въ вечерѣ. И иде пѣшь 11 денъ до города Донця, и оттолѣ иде во свой Новъгородъ—и обрадовашася ему; изъ Новагорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову, помощи прося на Посемье, Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща; Игорь же оттолѣ ѣха ко Кіеву къ великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, також и Рюрикъ сватъ его.

Преданіе о половецкихъ ханахъ Сырчанѣ и Отрокѣ. По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси, одолѣвша всимъ поганьскымъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемъ Божіимъ: устремилъбося бяше на поганыя яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ бѣ яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя Измалтяны, рекомыя Половци, изгнавшю Отрока во Обезы за Желѣзныя врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою ожившю; тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ, пріемши землю ихъ всю и загнавши оканьныя Агаряны. По смерти же Володимерѣ, оставьшю

у Сырьчана единому гудьцю же Ореви, посла и во Обезы, река: „Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, поиди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни Половецкія; оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ“. Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рче: „Да лучше есть на своей землѣ костью лечи, нели на чюжѣ славну быти“. И приде во свою землю *).

Проповѣди Серапіона, епископа Владимирскаго.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 105.

I. Слышасте, братіе, самого Господа, глаголюща въ Еуангеліи: „и въ послѣдьняя лѣта будуть знаменья въ солньци и въ лунѣ, и въ звѣздахъ, и труси по мѣстомъ и глади. Тогда реченое Господомъ нашимь нынѣ сбысться при послѣдьнихъ людехъ. Колько видѣхомъ солньца погыбъша и луну померкъшю и звѣздьное премѣненіе; нынѣ же земля трясенье своима очима видѣхомъ. Земля отъ зачала утвержена и неподвижима повелѣньемь Божіимь, нынѣ движеться, грѣхы нашими колеблеться, безаконья нашего носити не можеть. Не послушахомъ Еуангелья, не послушахомъ Апостола, не послушахомъ Пророкъ, не послушахомъ свѣтилъ великыхъ, рьку Василья и Григорья Богословьца, Іоанна Златоуста, инѣхъ святитель святыхъ, ими же вѣра утвержена бысть, еретици отгънани быша, и Богъ вьсѣми языкы познанъ бысть. И ти учаще ны беспрестани, а мы единако безаконья держимъся. Се уже наказаеть ны Богъ знаменьи, земли трясеньемь его повелѣньемь. Не глаголеть усты, но дѣлы наказаеть: вьсѣмь казнивъ ны, Богъ не отъведеть зълаго обычая: нынѣ землею трясеть и колеблеть, безаконья грѣхы многыя отъ земля отътрясти хощеть, яко листвіе отъ древа. Аще ли кто речеть: прежде сего потрясенія бѣша же. Аще бѣша потрясеніи—рьку: тако есть; но что потомь бысть намъ? Не гладъ ли, не морове ли, не рати ли многыя? Мы же единако не покаяхомъся, доньдеже приде на ны языкъ немилостивъ, попустивъшю Богу, и землю нашю пусту съвориша, и грады наша плѣниша, и церкъви святыя разориша, отьци и братію нашю избиша; матере наша и сестры наша въ поруганіе быша. Нынѣ же, братіе, се вѣдуще, убоимъся прещенья сего страшьнаго и припадемъ Господеви своему исповѣдующеся, да не внидемъ въ большій гнѣвъ Господень... Въ кое време такы смерти напрасны видѣхомъ? Иніи не могоша о дому своемь ряду сътворити, въсхыщени быша; иніи съ вечера здрави легъше, наутрія не всташа. Убойтеся, молю вы, сего напраснаго разлученья. Аще бо поидемъ

---

*) Ср. балладу Майкова: „Емшанъ“.

въ воли Господьни, вьсѣмь утѣшеньемь утѣшить ны Богъ нашь, акы сыны помилуеть ны, печаль земьную отиметь отъ насъ, исходъ миренъ подастъ намъ на ону жизнь, идѣже радости и веселья бесконечьнаго насладимъся съ добрѣ угожьшими Богу...

Многу печаль въ сердьци своемь вижю васъ ради, чада; понеже никакоже вижю вы премѣнившася отъ дѣлъ неподобьныхъ. Не тако скорбить мати, видящи чада своя болящи, якоже азъ, грѣшьный отець вашь, видя вы боляща безаконными дѣлы. Многажды глаголахъ вы, хотя отъставити отъ васъ зълый обычай: никакоже премѣнивъшася вижу вы. Аще кто васъ разбойникъ, разбоя не останетъ; аще кто крадеть, татьбы не лишиться; аще кто ненависть на друга имать, враждуя не почиваеть; аще кто обидить и въсхватаеть, грабя, не насытиться; аще кто рѣзоимець, рѣзъ емля не престанеть... Страшьно есть, чада, впасти въ гнѣвъ Божій! Чему не видимъ, что приде на ны, въ семь житіи еще сущимъ? Чего не приведохомъ на ся? Какыя казни отъ Бога не въсприяхомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? Не възяти ли быша гради наши? Не въскорѣ ли падоша отьци и братія наши трупіемь на земли? не ведены ли быша жены и чада наша въ плѣнъ? Не порабощени ли быхомъ оставъше горькою си работою отъ иноплеменикъ? Се уже къ 40 лѣтъ приближаеть томленіе и мука и дани тяжькыя на ны, не престануть глади, морове животъ нашихъ; и въ сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ; и въздыханіе наше и печаль сушить кости наша....

Почюдимъ, братіе, человѣколюбье Бога нашего, како ны приводить къ себѣ, кыми ли словесы не наказаеть насъ, кыми запрещеніи не запрети намъ? Мы же никакоже къ нему обратихомъся. Видѣвъ наша беззаконья умноживъшася, видѣвъ ны заповѣди его отвергъша, много знаменій показавъ, много страха пущаше, много рабы своими учаше и ничимь же унъше показахомъся. Тогда наведе на ны языкъ немилостивъ, языкъ лютъ, языкъ не щадящъ красы уны, немощи старецъ, младости дѣтій. Двигнухомъ бо на ся ярость Бога нашего, по Давиду, въскорѣ възгорѣся ярость его на ны. Разрушены божественыя церкъви, осквернени быша съсуди священіи, потоптана быша святая, святители мечю во ядь быша, плоти проподобьныхъ мнихъ пътицамъ на снѣдь повержены быша; кровь и отець и братія нашея, акы вода многа, землю напои; князій нашихъ, воеводъ крѣпость ищезе; храбріи наши, страха наполъньшеся, бѣжаша; множайша же братья и чада наша въ плѣнъ ведени быша; села наша лядиною поростоша, и величьство наше смѣрися красота наша погибе, богатьство наше онѣмъ въ користь бысть, трудъ нашь поганіи наслѣдоваша, земля наша иноплеменьникомъ въ достояніе бысть. Въ поношеніе быхомъ живущиимъ въскрай землѣ нашея, въ посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ; ибо сведохомъ собѣ, акы дождь съ небеси, гнѣвъ Господень...

II. Малъ часъ порадовахъся о васъ, чада, видя вашю любовь и послу-

шаніе къ нашей худости, и мьняхъ, яко же утвердистеся и съ радостію пріемлете божественое писаніе: на съвѣтъ нечестивыхъ не ходите и на сѣдалищи губитель не сѣдите. А еже еще поганьскаго обычая держитеся: волхвованію вѣруете и пожигаете огнемь невиньныя человѣкы и наводите на вьсь міръ и градъ убійство. Аще кто и не причастися убійству, но, въ сонъмѣ бывъ въ единой мысли, убійца же бысть, или могай помощи, а не поможе, акы самъ убити повелѣлъ есть. Отъ которыхъ книгъ или отъ кыхъ писаній се слышасте, яко волхвованіемъ глади бывають на земли и пакы волхвованіемь жита умножаються? То аже сему вѣруете, то чему пожигаете я? молитеся и чтите я дары, и приносите имъ, ать строять міръ, дождь пущають, тепло приводять, земли плодити велять? Се нынѣ по 3 лѣтѣхъ житу рода нѣсть не токмо въ Руси, но и въ Латинѣ. Се вълхвове ли сътвориша?.. Молю вы, отъступите дѣлъ поганьскыхъ. Аще хощете градъ оцѣстити отъ безаконьныхъ человѣкъ, радуюся тому, оцѣщайте, яко Давидъ пророкъ и царь потребляше отъ града Ерусалима вься, творящая безаконіе: овѣхъ убитіемъ, инѣхъ заточеніемъ, инѣхъ же темьницами; въсегда градъ Господень чистъ творяше отъ грѣхъ. Кто бо такъ бѣ судіи, якоже Давидъ? страхомь Божіимь судяше, духомь святымь видяше, и по правьдѣ отвѣтъ даяше. Вы же како осужаете на смерть, сами страсти исполнени суще, и по правдѣ не судите? Иный по враждѣ творить, иный горькаго того прибытъка жадая, а иный ума не исполненъ, только жадаеть убити, пограбити. А еже за что убити, а того не вѣсть правила божественаго: повелѣють многыми послухы осудити на смерть человѣка. Вы же воду послухомь постависте, и глаголете: аще утапати начънеть, неповиньна есть; аще ли попловеть, волховь есть. Не можеть ли діаволъ, видя ваше маловѣрье, подержати, да не погрузиться, дабы въврещи въ душегубьство, яко оставльше послушьство боготворенаго человѣка, идосте къ бездушьну естьству, къ водѣ, пріясте послушьство на прогнѣванье Божіе. Слышасте отъ Бога казнь посылаему на землю отъ первыхъ родъ до потопа, на гыганты огнемь, при потопѣ водою, при Содомѣ жюпеломь, при Фараонѣ 10 казній, при Хананіихъ шершеньми, каменьемь огненымь съ небеси, при Судьяхъ ратьми, при Давидѣ моромь, при Титѣ плѣненьемъ, потомь же трясеньемь земли и паденьемъ града; при нашемь же языцѣ чего не видѣхомъ? Рати, глади, морове и труси, конечьное — еже предани быхомъ иноплеменьникомъ не токмо на смерть и на плѣненье, но и горькую работу...

Моленіе Даніила Заточника.

В. Сиповскій, *Исторія русской Словесности*, ч. I, вып. 2, стр. 87—90.

Вострубимъ, братіе, аки въ златокованную трубу, въ разумъ ума своего; начнемъ бити въ сребреные органы и возвѣемъ мудрости своея, и ударимъ въ мысли ума своего, поюще въ богодухновенныя свирѣли, да восплачутся въ насъ душеполезные помыслы. Востани, слава моя! Востани, псалтыри и гусли, да разверзу въ притчахъ гаданія моя и провѣщаю въ языцѣхъ славу мою... Вѣдый, господине, твое доброразуміе, притекохъ къ обычнѣй твоей любви. Глаголетъ бо святое писаніе: „просите и пріимете". Давидъ рече: „не суть рѣчи ни словеса, ихже не слышатся гласи ихъ". Мы же не умолчимъ, но возглаголемъ къ господину своему, всемилостивому князю Ярославу Всеволодовичу.

Княже мой господине! Помяни мя въ княженіи своемъ, яко азъ, рабъ твой, сынъ рабыни твоея, вижу вся человѣки, яко солнцемъ грѣемыхъ милостію твоею: только азъ единъ хожу во тьмѣ, отлученъ свѣта отъ очію твоею, аки трава растущи въ застѣніи, на нюже ни солнце сіяетъ, ни дождь идетъ. Тѣмъ же, господине, приклони ухо твое въ глаголы устъ моихъ, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя.

Княже мой господине! Вси напаяются отъ обилія дому твоего: только азъ единъ жадаю милости твоея, аки елень источника воднаго. Быхъ яко древо, стояще при пути, да вси мимоходящеи сѣкутъ е: тако и азъ всѣмъ во обидѣ есмь, зане не оградимъ есмь страхомъ грозы твоея, аки оградомъ твердымъ.

Княже мой господине! Богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть и въ чужемъ градѣ, а убогъ мужъ и въ своемъ градѣ невидимо ходитъ. Богатъ мужъ возглаголетъ, то всѣ молчатъ и слово его до облакъ вознесутъ; а убогъ возглаголетъ, то всѣ на него кликнутъ; ихже бо ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна. Ты же, господине, не зри на внѣшняя моя, но вонми внутренняя моя: азъ бо аще одѣніемъ скуденъ, но разумомъ обиленъ, юнъ возрастъ имѣю, но старъ смыслъ и быхъ паря мыслію своею, аки орелъ по воздуху.

Княже мой господине! Яви ми зракъ и образъ твой красенъ. Сыту источаютъ устнѣ твои; посланія твоя, яко рай съ плодомъ, руцѣ твои исполнени отъ злата Ѳарсійска; ланитѣ твои, яко сосудъ ароматъ; гортань твой, яко кринъ капая миро, милость твою; видъ твой, яко Ливанъ избранъ, очи твои, яко кладязь воды живы; чрево твое бысть, яко стогъ пшениченъ, многи питая; глава твоя превозноситъ главу мою...

Княже мой господине! Не зри на мя, аки волкъ на агня; но возри на мя, яко мати на младенца. Возри, господине, на птица небесныя, иже не сѣютъ, не жнутъ, ни въ житницу собираютъ, но уповаютъ на милость Божію. Да не будетъ рука твоя согбена на поданіе убогимъ. Писано бо есть: „просящему у тебе дай, толкущему отверзи, да не лишенъ будеши царства небеснаго". Писано бо есть: „Возверзи на Господа печаль свою, и той тя препитаетъ во вѣки. Не лиши хлѣба своего нища мудра, но вознеси до облакъ, яко злато чисто въ кальнѣ сосудѣ; а богатъ немысленъ, аки паволочито возголовіе, соломою наткано".

Княже мой господине! Аще ти есмь на рати не хоробръ, но на словѣхъ ти есмь крѣпокъ, да тѣмъ избираю сладость словесную, совокупляя, аки въ мѣхъ воды морскія, и извитія словесъ, и рѣшенія притчами хи рыми, а глаголивъ языкъ и... увѣтливы уста, яко струя рѣчныя быстрины.

Княже мой господине! Яко же дубъ крѣпится множествомъ коренія, тако градъ нашъ твоею державою. Кормникъ глава кораблю, а ты, княже, людемъ своимъ. Видѣхъ полкъ безъ князя, рече: великъ звѣрь безъ главы. Мужи глава женамъ, а мужемъ князь, а князю Богъ. Яко же паволока, многими шелки испещрена, красно лице являетъ; тако и ты, княже нашъ, многими человѣки славенъ и честенъ во всѣхъ странахъ явися. Яко же неводъ не удержитъ воды, но избираетъ множество рыбъ; тако и ты, княже нашъ, не удержи богатства; но раздавай сильнымъ, совокупляя храбрыя; злата бо и градовъ тѣмъ добудеши. Тѣмъ и Езекій царь Израилевъ похвалися къ посломъ царя Вавилонскаго, показалъ имъ множество злата своего. Они же рекоша: „Наши цари богатѣе тебе, не множествомъ злата, но множествомъ храбрыхъ и мудрыхъ" (Занеже мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти). Вода—мати рыбамъ, а ты, княже, людемъ своимъ. Весна украшаетъ землю цвѣты, а ты, княже, насъ украшаеши милостію своею. Солнце едино грѣетъ весь міръ лучами своими, а ты, княже, насъ украшаеши и оживляеши милостію своею.

Княже мой господине! Се былъ есмь въ велицѣй нужи, подъ работнымъ ярмомъ пострадахъ; все тое искусихъ, яко зло есть. Луче бы ми видѣти нога своя въ лычници въ дому твоемъ, нежели въ черленѣ сапозѣ въ боярстѣмъ дворѣ; луче бы ми тобѣ въ дерюзѣ служити, нежели въ багряници въ боярстѣмъ дворѣ. Нелѣпо бо усерязь златъ въ ноздри свиніи, ни на холопѣхъ добрый портъ. Аще бы котлу золоты кольца во ушію, но дну его не избыти черности и жженія его. Тако и холопу: аще паче мѣры гордѣлъ и буялъ, но укора ему своего не избыти—холопія имени. Луче бы ми вода пити въ дому твоемъ, нежели пити медъ въ боярстѣмъ дворѣ; луче бы ми воробей испеченъ пріимати отъ руки твоея, нежели плеча баранья отъ руки злыхъ государь. Многажды бо ми ся обрѣтаетъ работный хлѣбъ, аки пелынь, во устѣхъ моихъ, и питіе съ плачемъ растворяхъ. Добру господину служа, дослужится свободы, а злу мужу служа, дослужится большей

работы. Соломонъ рече: лучше единъ мудръ десяти хоробрующихъ безъ ума. Луче единъ смысленъ десяти владѣющихъ городы. Даніилъ рече: „храбра, княже, борзо добудеши, а умный дорогъ есть“; зане умныхъ дума добра, тѣхъ бо и полцы крѣпцы и гради тверды. Инѣхъ же полцы сильни, а безъ думы, и на тѣхъ бываетъ побѣда. Мнози бо, ополчающеся на большая грады, съ своихъ меньшихъ ссѣдаютъ; яко рече Святославъ, сынъ Ольжинъ, идя на Царьградъ съ малою дружиною: „не вѣдомо ны есть, братіе, ити, граду ли отъ насъ плѣнену быти, или будетъ намъ отъ града погибнути: аще Богъ по насъ, то кто на ны?“... Не море потопляетъ корабль, но вѣтры: тако и ты, княже, не самъ впадаеши въ печаль, но введутъ тя думцы. Не огнь творитъ ражженіе желѣзу, но надменіе мѣшное. Уменъ мужъ не вельми на рати хоробръ бываетъ, но крѣпокъ въ замыслѣхъ: да тѣмъ добро сбирати мудрые. Дивья бо за буяномъ кони паствити (а за добрымъ княземъ воевати). Многажды бо и безнарядіемъ полцы погибаютъ. Аще уставятся полцы крѣпко, то аще ему и побѣжену быти, но, крѣпко бився, тоже побѣгнетъ; яко Святополкъ, виноватъ будя избивъ братію, но и тако ти есть крѣпокъ, едва силою къ вечеру, рече, одолѣ Ярославъ. Тако и Бонякъ шелудивый хитростію побѣди Угры у Галича: онѣмъ нарядившимся на сступъ, а сіи, яко ловцы, рассыпашася по землѣ. Тако изби Угры на избой, и злѣ ихъ погуби.

Княже мой господине! Азъ бо аще не во Аѳинѣхъ растохъ, ни у философъ учихся, но быхъ падая по книгамъ, аки пчела по различнымъ цвѣтомъ: оттуда избираю сладость словесную, совокупляя мудрость, яко въ мѣхъ воду морскую.

Княже мой господине! не остави мене, яко отецъ мой и мати моя остависта мя, а ты, господине, пріими милостію своею. Кому ти есть Переславль, а мнѣ Гореславль; зане часть не прорасте въ немъ. Друзи мои и ближніе мои отвергошася мене; зане не поставлю предъ ними трапезу, исполнену брашны. Мнози бо дружатся со мною, подгнетающе руку въ солило, наслаждающе гортанъ свой пчелинымъ дарованіемъ, а при напасти паче врази обрѣтаются, яко помогая подразити нозѣ мои. Очима восплачются по мнѣ, а сердцемъ восмѣютъ ми ся. Тѣмъ же нѣсть ми вѣры яти другу, ни надѣятися на брата. Аще имѣю что, то поживутъ со мною; аще ли не имѣю чего, то всѣ скоро отольстятся отъ мене. Тѣмъ же, княже мой господине, вопію къ тебѣ, одержимъ нишетою. Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: „луче бы смерть, ни Курское княженіе“; тако и мужеви—луче бы смерть, ни продолженъ животъ во убожествѣ. Сего ради Соломонъ глаголетъ: „Богатства ни убожества не дай ми, Господи: обогатѣвъ воспріиму гордость и буесть; а во убожествѣ помышляю на татьбу и на разбой“. Сего ради, княже мой господине, притекохъ къ обычнѣй твоей и неустрашимѣй милости, бѣжа убожества, аки ратника злаго, аки отъ лица зміина... И тѣмъ азъ вопію: „помилуй мя!“—гласомъ блуднаго сына. Ей, рече, помяни

мя, сыне великаго царя Всеволода, да не восплачуся азъ, лишенъ милости твоея, аки Адамъ рая. Обрати тучу милости твоея на землю художества моего, да возвеселюся о цари своемъ, яко обрѣтая корысть многу злата, воспою, яко напоенъ вина, и возвеселюся, яко исполинъ тещи путь. Земля подаетъ плодъ обилія, древеса овощь, а ты, княже нашъ, богатство и славу. Вси бо притекаютъ къ тебѣ, пріимутъ отъ печали избавленіе, сироты и худіи, отъ богатыхъ потопляеми... Птенцы радуются подъ крилома матери своея, а мы веселимся подъ державою твоею. Избви мя, господине, отъ нищеты моея, аки серну отъ тенета, яко птицу отъ кляпцы, исторгни мя отъ скудости моея, яко утя отъ ногтей ястребу, яко овча отъ волка; иже бо въ печали кто мужа призритъ, яко водою студеною напоитъ въ день знойный.

Княже мой господине! Ржа ѣсть желѣзо, а печаль человѣку умъ отымаетъ. Молеве ризы казятъ, а печаль умъ человѣку. Яко олово, много разливаемо, гинетъ; тако и человѣкъ, многи бѣды пріемля, худѣетъ; печальну бо мужу кости засышутъ. Всякъ бо человѣкъ у друга видитъ сучецъ во оцѣ, а у себе бервна не видитъ. Яко всякъ человѣкъ хитритъ и мудритъ о чужой бѣдѣ, а о своей не можетъ примыслити. Никто бо можетъ соли зобати, ни въ печали смыслити. Господине мой княже! Яко же море не наполнится, многи рѣки пріемля; тако и домъ твой не наполнится, множество богатства пріемля. Зане руцѣ твои, яко облакъ силенъ, взимая отъ моря воды, отъ богатства дому твоего труся въ руцѣ неимущимъ. Тѣмъ же и азъ вжадахся милосердія твоего...

Мужа мудра пославъ, мало ему кажи, а безумнаго пославъ, и самъ по немъ не лѣнися ити. Луче ми слушати прещенія мудрыхъ, нежели наказанія безумныхъ. Дай бо, рече, мудру вину, мудрѣе будетъ, а безумнаго аще и кнутомъ бьеши, розвязавъ на санехъ, не отымеши безумія его. Кажа безумнаго, пріимеши себѣ досаженіе: посреди сонмищъ срамляетъ тя. Не сѣй, рече, жита на браздахъ на мокрыхъ, ни мудрости въ сердци безумныхъ. Не терпитъ вода на горахъ, ни мудрость въ сердци безумныхъ.

Княже мой господине! Не отрини раба скорбящаго, не лиши мене живота своего. Яко очи рабыня въ руку госпожа своея; тако очи мои въ руку твоею; яко азъ рабъ твой, сынь рабыня твоея. И насыщаяся многоразличныхъ брашенъ, помяни мене, сухъ хлѣбъ ядущаго; веселяся сладкимъ питіемъ помяни мене, теплу воду піющаго; облачася въ красоту ризъ своихъ, помяни мене въ неисправнѣмъ вретищи; лежа, господине, на мягцѣ постели, помяни мене, подъ единѣмъ рубомъ лежащаго, зимою умирающа, и каплями дождевными, яко стрѣлами, пронизаема!

Княже мой господине! Орелъ царь надъ птицами, а осетръ надъ рыбами, а левъ надъ звѣрьми, а ты, княже, надъ Переяславцы. Левъ рыкнетъ, кто не устрашится? А ты, княже, речеши, кто не убоится? Яко же бо змій страшенъ свистаніемъ своимъ; тако и ты, княже нашъ, грозенъ множествомъ

сильныхъ вой. Злато красота женамъ, а ты, княже, людемъ своимъ. Тѣло крѣпится жилами, а мы, княже, твоею державою. Птенцы радуются веснѣ, а младенцы матери, а мы, княже, тобѣ. Гусли строятся персты, а градъ нашъ твоею державою. Яко же бо рябъ сбираетъ птенцы, не токмо своя, но и отъ чюжихъ гнѣздъ приноситъ яица; воспоетъ, рече, рябъ, созоветъ птенца, ихже роди, ихже не роди: тако и ты, княже, многи совокупи не токмо своя домочадца, но и отъ иныхъ странъ совокупи притекающая къ тебѣ, вѣдуще твою обычную милость. Князь бо милостивъ, яко источникъ тихъ: не токмо скоты напояетъ, но и человѣки.

Княже мой господине! Ни моря уполовникомъ выліяти, ни нашимъ иманіемъ твоего дому истощити. Аще бо не мудръ есмь, но поне мало мудрости усрѣтохъ; во вратѣхъ разумныхъ мужъ сапоги носилъ есмь, а смысленыхъ въ ризы облачихся. Цы ли речеши, княже: „отъ безумія еси реклъ селико слово": то не видѣлъ есмь неба полстяна, ни звѣздъ лутовяныхъ, ни безумнаго мудрости глаголюща. Ни каменіе по водѣ плаваетъ, ни безумный мудрость... Псомъ и свиніямъ добро не надобѣ, ни безумнымъ мудро слово. Ни мертваго россмѣшити, ни блуднаго наказати. Коли пожретъ синица орла, тогда безумный ума научится. Яко же бо во утлу тыковь дути, тако безумнаго учити. Яко сосудъ изломленъ лѣпити, тако блуднаго казати. Безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни ткутъ, ни прядутъ, но сами ся ражаютъ.

Княже мой господине! Всякому дворянину тѣмъ имѣти честь и милость у князя; ноли ему мыкатися, послѣдуюче въ скорбехъ, яко около тура съ топоромъ, аки по бѣсѣ съ клобукомъ: то можетъ добро видѣти. Никто можетъ, не оперивъ стрѣлу, право стрѣлити, ни лѣностію чести добыти. Зла не видавши, добра не постигнути. Не бившися со псомъ объ одинъ моклокъ, добра не видати. Горести дымныя не терпѣвши, тепла не видати.

Злато бо искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми. Пшеница, много мучима, чистъ хлѣбъ являетъ, а человѣкъ бѣды подъемля, смысленоуменъ обрѣтается. Аще кто не бывалъ, будетъ во многихъ бѣдахъ, яко у бѣса на вспари, то нѣсть въ немъ вѣжества. Никто же бо можетъ стрѣлою звѣзды выстрѣлити, ни въ напасти смыслити. Не гнавши бо кому послѣ шершня съ метлою о кроху, ни скакавши со стола по горохово зерно, добра не выдати.

Или речеши ми, княже: „солгалъ еси, яко тать"; то аще быхъ умѣлъ красти, то селико быхъ ся къ тобѣ не скорбѣлъ...

Или речеши ми, княже: „у богата тестя женися; ту пей, ту и яждь"; то луче бы ми трясцею болѣти, ни со злою, съ нелюбою женою быти. Трясца бо трясъ пуститъ, а злая жена и до смерти сушитъ. Глаголетъ бо ся въ мірскихъ притчахъ: не потка въ поткахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣрехъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не скотъ въ скотѣхъ коза, не холопъ

въ холопѣхъ, кто у холопа работаетъ, не мужъ въ мужѣхъ, который жены слушаетъ... Кто поиметъ злообразну жену придатка дѣля или тестя дѣля богата; то луче бы ми буръ волъ видѣти въ дому своемъ, нежели жена злообразна. Видѣвъ злато на злообразнѣ женѣ, и рекохъ: „нужно есть злату сему“. Луче бы ми желѣзо варити, ни со злою женою быти. Жена бо злообразна подобна перечесу: сюдѣ свербитъ, а сюдѣ болитъ. Паки видѣхъ стару жену злообразну, криву, зорооку, а подобну чорту, ртасту, челюстастую, злоязычну, приничущу въ зерцало, и рюхъ ей: „не позоруй въ зерцало, но зри въ керсту“; женѣ бо злообразнѣ не достоитъ приникати въ зерцало, да не въ большую печаль впадетъ, позрѣвши на нелѣпотство образа своего.

Или речеше, княже: „постражися въ черницы“. Не видалъ есми мертвеца на свиніяхъ ѣздячи, ни чорта на бабѣ; не ѣдалъ есмь отъ ивія смокви, ни отъ липія стафиди. Луче ми есть тако скончати животъ свой, нежели, восприімши ангельскій образъ, Богу солгати. Лжи бо, рече, мірови, а не Богу: Богу не льзѣ лгати, ни вышнимъ играти. Мнози бо, отшедше міра сего, паки возвращаются, аки пси на своя блевотины, на мірское гоненіе, обиходятъ села и домы славныхъ міра сего, яко пси ласкосердіи...

Княже мой господине!... Рытиры, магистрове, дуксове... тѣмъ имѣютъ честь и милость у поганыхъ салтановъ и у королевъ: инъ, вспадъ на фарь, бѣгаетъ чрезъ подруміе, отчаявся живота; а иный летаетъ съ церкви, ли съ высоки полаты паволочиты крилы; а инъ нагъ мечется въ огнь, показующе крѣпость сердецъ своихъ царемъ своимъ; а инъ прорѣзавъ лыста, обнажи кости голеней своихъ, кажетъ цареви своему, являетъ ему храборство свое; а иный, скочивъ, метается въ море съ брега высока съ конемъ своимъ... А инъ, привязавъ верввь къ уху церковному, а другой конецъ къ земли, отнесъ далече церкви, и по тому бѣгаетъ долу, емся одною рукою за конецъ, на верви той, а въ другой рукѣ держа мечъ нагъ. А инъ, обвився мокрымъ полотномъ, борется рукопашь съ лютымъ звѣремъ.

Уже остану много глаголати, да не во мнозѣ глаголаніи разношу умъ свой. Буду аки мѣхъ утлъ, труся богатство въ руцѣ инѣмъ, и уподоблюся жерновомъ, иже люди насыщаютъ а сами себе не могутъ наполнити жита. Да не возненавидимъ буду многою бесѣдою своею, яко же бо птица, частящи пѣснь, ненавидима бываетъ...

Начахъ глаголати, премудростію хваляся, ни вельми отъ безумія. Не ѣдалъ есмь отъ песка масла, ни отъ козла млека, ни безумнаго мудрости глаголюща. Како возлаголетъ, имѣя лубянъ умъ, полстянъ языкъ, мысли, яко отрепи изгребніи? Ино бо есть лодія, а иное корабль; ино ти конь, а иное лошакъ; а инъ ти есть уменъ, а инъ безуменъ. Безумныхъ бо ни куютъ, ни льютъ, но сами ся ражаютъ.

Или речеши, княже: „солгалъ еси, аки песъ“; то добра пса князи и бояре любятъ.

Се уже оставимъ рѣчи и речемъ сице: „воскресни, Боже, суди земли! воздвигни князя, убуди бояръ, умножи силу князю нашему; укрѣпи бо ны и утверди лѣнивыя, вложи ярость страшливымъ въ сердце. Не дай же, Господи, въ полонъ земли нашея языкомъ, не знающимъ Бога, да не рекутъ иноплеменницы: „гдѣ есть Богъ ихъ?“ Богъ же нашъ на небеси и на земли. Подай же имъ, Господи, побѣду на вся, востающая на ны!“

„Подай же имъ, Господи, Сампсонову силу, Александрову храбрость, Іосифовъ умъ, Соломонову мудрость, кротость Давыдову. Умножи люди во вѣки по державѣ твоей, да тя славятъ вся страны и всяко дыханіе человѣче. Слава Богу во вѣки. Аминъ.

Повѣсть о житіи и храбрости благовѣрнаго и великаго князя св. Александра Невскаго.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 110—112.

О Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ Сынѣ Божіи, азъ худый и многогрѣшный, мало съмысля, покушаюся писати житіе святаго князя Александра, сына Ярославля, а внука Всеволожа. Понеже слышахъ отъ отецъ своихъ и самовидѣць есмь възраста его, радъ быхъ исповѣдалъ святое и честное и славное житіе его; но якоже Приточникъ рече: „въ злохытру душю не внидетъ премудрость; на вышнихъ бо краихъ есть, посредь стезь стояше, при вратѣхъ же силныхъ присѣдитъ“. Аще и грубь есмь умомъ, но молитвою святыа Богородице и поспѣшеніемъ святаго князя Александра начатокъ положи. Съи бѣ князь Александръ родися отъ отца мужелюбца, паче же кротка, князя великаго Ярослава и отъ матере Ѳеодосіи. Якоже рече Исаія пророкъ, тако глаголеть Господь: „князя азъ учиняю, священни бо суть; и азъ вожю я!“ Во истинну бо безъ Божія повелѣнія не бѣ княженіе его, но и взоръ его паче инѣхъ человѣкъ, и гласъ его, акы труба въ народѣ, лице же его, акы лице Іосифа, иже бѣ поставилъ его Египетьскый царь втораго царя въ Египтѣ; сила же бѣ его часть отъ силы Самсоня, и далъ бѣ ему Богъ премудрость Соломоню, храборство же его, акы царя Римскаго Еуспесіана, иже бѣ плѣнилъ всю землю Іудейскую; и нѣгдѣ исполчися къ граду Асафату приступити; и исшедше, гражане побѣдиша пълкъ его, и остася единъ и възврати къ граду силу ихъ, къ вратомъ граднымъ, и посмѣяся дружинѣ своей и укори я, рехъ: „остависте мя единого“. Такоже и князь Александрь побѣжая, а не побѣдимъ. И сего ради нѣкто силенъ отъ Западныя страны, иже нарицаются „слугы Божія“, отъ тѣхъ пріиде, хотя видѣти дивный възрастъ его. Якоже древле царица

Южичьская приходи къ Соломону, хотящи слышати премудрость его; тако и сей, именемъ Андрѣяшь, видѣвъ князя Александра и възвратився къ своимъ, рече: „прошедъ страны языкъ, не видѣхъ таковаго ни въ царѣхъ царя, ни въ князѣхъ князя!“ [Король Римскій, услышавъ о славѣ Александра, рѣшился побѣдить его и съ войскомъ на корабляхъ подошелъ къ рѣкѣ Невѣ] и пріиде въ Неву, шатался безуміемъ, и посла слы своя, загордѣвся, въ Новгородъ къ князю Александру, глаголя: „аще можеши противитися мнѣ, то се есмь уже здѣ, плѣняя землю твою“. Александръ же, слышавъ словеса си, разгорѣся сердцемъ, и вниде въ церковъ святыя Софіа, и падъ на колѣну предъ олтаремъ, нача молитися съ слезами: „Боже хвалный, праведный, Боже великый, крѣпкый, Боже превѣчный, основавый землю и положивый предѣлы языкомъ, повелѣ жити, не преступающе въ чюжую часть“. Въспріимъ же пророческую пѣснь, рече: „суди, Господи, обидящимъ мя и возбрани борющимся со мною; пріими оружіе и щитъ, стани въ помощь мнѣ!“ [Онъ взялъ благословеніе у архіепископа и пошелъ ободрять дружину], глаголя: „не въ силахъ Богъ, но въ правдѣ; помянемъ Пѣснотворца, иже рече: „сіи въ оружіи, а си на конѣхъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ; тіи спяти быша и падоша, мы же стахомъ и прости быхомъ“. [Съ войскомъ князь Александръ храбро пошелъ навстрѣчу врагамъ. Ночью передъ боемъ произошло чудо]. И бѣ нѣкто мужъ старѣйшина въ земли Ижерстѣй, именемъ Пелугій; поручена же бысть ему стража нощная, морская; въспрія же святое крещеніе и живяще посреди рода своего погана суща; наречено же бысть имя его въ святѣмъ крещеніи Филипъ, и живяше богоугодно, въ среду и въ пятокъ пребываша въ алчбѣ; тѣмже сподоби его Богъ видѣти видѣніе страшно въ тъ день, скажемъ вкратцѣ. Увидавъ силу ратныхъ, иде противъ князя Александра, да скажеть ему станы. Стоящю же ему при краи моря и стрежаше обою пути и пребысть всю нощь въ бдѣніи, и якоже нача въсходити солнце, слыша шюмъ страшенъ по морю, и видѣ насадъ единъ, гребущъ по моры, и посреди насада стояща святая мученика Бориса и Глѣбъ въ одеждахъ чръвленыхъ, и бѣста руки дръжаща на рамѣхъ; гребци же сѣдяху, акы мглою одѣани. Рече Борисъ: „брате Глѣбе! вели грести, да поможемъ сроднику своему князю Александру“. Видѣвъ же таковое видѣніе и слышавъ таковый гласъ отъ мученику, стояше трепетенъ, дондеже насадъ отъиде отъ очію его, потомъ скоро поѣде Александръ и радостныма очима исповѣда ему единому видѣніе, князь же рече ему: „сего не рци никомуже“. Оттолѣ потщався наѣха на ня, въ 6 день, и бысть сѣча велика надъ Римляны и изби ихъ множество безчисленно, и самому королю възложи печать на лице острымъ своимъ копіемъ, останокъ же ихъ побѣже, и трупіа мертвыхъ своихъ наметаша корабли и потопиша въ мори. Князь же Александръ возвратися съ побѣдою, хваля и славя имя своего Творца. [Затѣмъ ополчились на Александра „нѣмцы“]. Они же, гордіи, совокупишася и рекоша: „поидемъ и побѣдимъ Александра, и имемъ его рукама“. Егда же

приближишася, и очютиша я стражіе, князь же Александръ оплъчися, и поидоша противу себе и покриша озеро Чюдьское обои отъ множества вой. Отець же его Ярославъ прислалъ бѣ ему брата меньшаго Андрѣя, на помощь, въ множествѣ дружинѣ. Такоже и у князя Александра множество храбрыхъ, якоже древле у Давыда царя силніи, крѣпціи, тако и мужи Александровы исполнишася духомъ ратнымъ; бяху бо сердца ихъ, аки сердца львомъ, и рѣша: „о княже нашь честный! нынѣ приспѣ время намъ положити главы своя за тя!“ Князь же Александръ, воздѣвъ руцѣ на небо, и рече: „суди ми. Боже, и разсуди прю мою отъ языка непреподобна; и помози ми, Господи, якоже древлѣ Моисію на Амалика и прадѣду нашему Ярославу на окаяннаго Святополка“. Бѣ же тогда суббота, въсходящю солнцю и съступишася обои: и бысть сѣча зла и трусъ отъ копій ломленія и звукъ отъ сѣченія мечнаго, якоже и езерю померзъшю движутися, и не бѣ видѣти леду, покры бо ся кровію. Се же слышахъ отъ самовидца, иже рече ми, яко: „видѣхъ полкъ Божій на въздусѣ, пришедши на помощь Александрови“. И тако побѣди я помощію Божіею, и даша плеща своя и сѣчахуть я, гоняще, аки по аеру, и не бѣ камо утещи. Здѣ же прослави Богъ Александра предъ всѣми полкы, якоже Исуса Наввина у Ерихона; а иже рече: „имемъ Александра рукама“— сего дасть ему Богъ въ руцѣ его и не обрѣтеся противникъ ему въ брани никогда же. [Много совершилъ различныхъ подвиговъ Александръ. Слава о его мудрости и храбрости дошла до хана татарскаго—тотъ пожелалъ видѣть Александра. Александръ отправился съ поклономъ въ орду]. И видѣвъ его царь Батый и подивися и рече велможамъ своимъ: „истину ми сказасте, яко нѣсть подобна сему князя“. [Во время другого путешествія въ орду, князь на возвратномъ пути разболѣлся]. О, горѣ тобѣ, бѣдный человѣче! како можеши написати кончину господина своего? Како не упадета ти зѣници вкупѣ съ слезами? Како не урвется сердце твое отъ коренія? Отца бо оставити человѣкъ можетъ, а добра господина не мощно оставити, аще бы лзѣ и въ гробъ бы лѣзлъ съ нимъ. И тако Богови духъ свой предастъ съ миромъ, мѣсяца Ноября въ 14 день, на память святаго апостола Филиппа. Митрополитъ же Кирилъ глаголаша: „чада моя! разумѣйте, яко уже заиде солнце Суздальской земли!“ Іереи, діакони, черноризци, нищіи и богатіи, и вси людіе глаголаху: „уже погыбаемъ!“ Святое же тѣло его понесоша къ граду Володимерю, митрополитъ же, князи и бояре, и весь народъ, маліи и велиціи, срѣтоша и въ Боголюбивѣмь съ свѣщами и съ кандилы; народы же съгнатахутся, хотяще прикоснутися на честнѣмъ одрѣ святаго тѣла его, бысть же вопль и кричаніе, и туга, яко же нѣсть была, яко и земля потрястися... Егда убо положено бысть святое тѣло его въ раку, тогда Савастіанъ икономъ и Кирилъ митрополитъ, хотя розъяти ему руку, да вложатъ ему грамоту душевную, онъ же, акы живъ сущи, распростеръ руку свою и взятъ грамоту отъ рукы митрополита; и пріятъ же я ужасть, и одва отступиша отъ раки его. Се же бысть слышано всѣмъ отъ господина митропо-

лита и отъ иконома Савастіяна. Кто не удивится о семъ, яко тѣлу бездушну сущу и везому отъ далнихъ градъ въ зимное время? и тако прослави Богъ угодника своего.

Житіе препод. Сергія Радонежскаго.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 108—110.

Младенчество и отрочество св. Сергія. Хощу же сказати времена и лѣта, въ няже Преподобный родися: въ лѣта благочестиваго, преславнаго, державнаго царя Андроника, самодержца греческаго, иже въ Цареградѣ царствовавшаго, при архіепископѣ Константиня града Каллистѣ, патріарсѣ вселенскомъ, въ землѣ же Русстѣй въ княженіе великое Тферское при великомъ князѣ Димитріи Михаиловичѣ, при архіепископѣ преосвященнѣмъ Петрѣ, митрополитѣ всея Руси, егда бѣ рать Ахмулова. Младенецъ же прежереченный, о немъ же слово изъ начала приходитъ, бѣ убо по святомъ крещеніи, преиде время нѣколико мѣсяцей, егда и отдоенъ бысть закономъ естества, и отъ сосцу отъемлется, и отъ пеленъ разрѣшается, и отъ колыбѣли освобожается. И тако абіе отроча ростяше прочее время по обычаю тѣлеснаго возраста, преуспѣвая душею и тѣломъ, и духомъ, и исполняяся разума и страха Божія, и милость Божія бѣ на немъ, дондеже достиже седьмаго лѣта возрастомъ, въ егда родителіе его вдаша его грамотѣ учити. Прежереченный рабъ Божій Кириллъ имѣяше три сына: перваго Стефана, второго же Варѳоломея, третьяго же Петра, ихъ же воспита со всякимъ наказаніемъ во благочестіи и чистотѣ. Стефану же и Петру, спѣшно изучившу грамоту, сему же отроку, не скоро выкнущу писанію, но медленно нѣкако и не прилѣжно, учитель же его со многимъ прилежаніемъ учаше его, но отрокъ не внимаше и не умѣяше: неточенъ бысть дружинѣ своей, учащимся съ нимъ. О семъ убо много бранимъ бываше отъ родителю своею, болѣ же отъ учителя томимъ, а отъ дружины укоряемъ. Отрокъ же втайнѣ часто со слезами моляшеся Богу, глаголя: „Господи, Ты дай же ми грамоту сію, Ты научи мя и вразуми!“ яко отъ Бога дастся ему книжный разумъ, а не отъ человѣкъ. Посемъ убо не мала печаль бяша родителема его, не малу же тщету вмѣняше себѣ учитель его; вси же си печаляхуся, не вѣдуще, яже о немъ вышняго настроенія Божія промысла, яже хощетъ Богъ сотворити на отрочати семъ, яко не оставитъ Господь Преподобнаго своего. Се же бяше по смотрѣнію Божію быти сему, яко да отъ Бога книжное ученіе будетъ ему, а не отъ человѣкъ, еже и бысть. Скажемъ же и сіе яко отъ Божія откровенія умѣти ему грамоту.

Во единъ убо отъ дній, отецъ его посла его на взысканіе клюсяти; се же все бысть всемудраго Бога судьбами. Якоже первыя Царскія Книги извѣщаютъ о Саулѣ, иже посланъ бяше отцемъ своимъ Кисомъ на взысканіе ослятъ; онъ же

шедъ обрѣте святаго пророка Самойла, отъ негоже помазанъ бысть на царство, и выше дѣла подѣліе обрѣте; аще и блаженный отрокъ выше дѣла подѣліе обрѣте: посланъ бо бысть отцемъ своимъ Кирилломъ на взысканіе скота, обрѣте етера черноризца, старца странна и незнаема, саномъ прозвитера, святолѣпна и ангеловидна, на полѣ подъ дубомъ стояща и молитву прилѣжно со слезами творяща. Отрокъ же, видѣвъ, преже сотвори смиренно метаніе ему, таче приближися и ста близь его, ожидая конца молитвѣ. И яко преста старецъ, и возрѣвъ на отрока, и прозрѣ внутреннима очима, яко хощетъ быти сосудъ избранъ святому Духу, и пригласивъ призва и къ себѣ, и благослови его, и о Христѣ цѣлованіе дастъ ему, и вопроси его, глаголя: „Да что ищеши или что хощеши, чадо?“ Отрокъ же рече: „Возлюби душа моя вжелѣти паче всего умѣти грамоту сію; ейже и вданъ быхъ учитися, и нынѣ зѣло прискорбна есть душа моя, понеже учуся грамотѣ и не умѣю; ты же, отче святый, помолися за мя къ Богу, яко да быхъ умѣлъ грамоту“. Старецъ же воздѣвъ руцѣ, купно же и очи на небо, и вздохнувъ къ Богу, и сотворь молитву прилѣжну, и по молитвѣ рече: „аминь“. И изъемъ отъ чпага своего, аки нѣкое сокровище и оттуда треми персты подастъ ему нѣчто, образомъ аки анафору, видѣніемъ аки малъ кусъ хлѣба пшенична, еже отъ святыя просфоры, рекъ ему: „Зини усты своими, чадо, и разверзи я, пріими сіе и снѣжь: се тебѣ дается знаменіе благодати Божія и разума святаго писанія; аще бо и мало видится даемое, но велика сладость вкушенія его“. Отрокъ же отверзъ уста своя и снѣсть сіе. И бысть сладость во устѣхъ его, аки меда сладяй. И рече: „Не се ли есть реченное: коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меда устомъ моимъ; и душа моя возлюби я зѣло“. И рече ему старецъ: „Вѣруеши ли, и больша сихъ узриши; а о грамотѣ, чадо, не скорби: вѣдый буди извѣстно, яко отъ сего дне даруетъ ти Богъ грамотѣ умѣти, зѣло добре, паче братьи твоея и паче сверстникъ твоихъ“. И поучи его о пользѣ души.

Основаніе Троицкой обители. И призва Петра, по плоти брата своего меньшаго, оставляетъ ему отчее наслѣдіе, и спроста вся, яже суть въ дому его, житейскимъ на потребу; самъ же не взя себѣ ничтоже, по Божественному Апостолу рекшему: „уметы вся вмѣнихъ си, да Христа пріобрящу!“ Стефану же, по роду брату его старѣйшему, немного лѣтъ поживщу съ женою, и жена его умре, родивши два сына, Климента да Іоанна, иже тотъ Іоаннъ послѣди бысть Ѳеодоръ Симоновскій. Стефанъ же не по мнозѣ оставль міръ и бысть мнихъ въ монастырѣ святыя Богородицы у Покрова, иже на Хотьковѣ. Къ нему же пришедъ блаженный юноша Варѳоломей, моляше Стефана, дабы шелъ съ нимъ на взысканіе мѣста пустыннаго; Стефанъ же принуженъ бывъ словесы блаженнаго. И исшедша обходиста по лѣсомъ многа мѣста, и послѣди пріидоста на едино мѣсто пустыни въ чащахъ лѣса, имуще и воду. Обишедша же мѣсто то возлюбистае. Паче же Богу наставляющу ихъ, и сотвориша молитву, начаста

своима рукама лѣсъ сѣщи, и на раму своею бревна изнесоша на мѣсто. Прежде же себѣ сотвориста одрину и хизину и покрыста ю. Потомъ же келію едину создаста и обложиста церквицу малу и срубиста ю. И егда бысть совершено кончана церковь, внѣуду изготована, яко же бысть лѣпо уже время священи ю, тогда блаженный юноша рече къ Стефану: „Понеже братъ ми еси старѣйшій по роду и по плоти, паче же и по духу, и лѣпо ми есть имѣти тебе во отца мѣсто, и нынѣ нѣсть ми кого вопросити о всемъ, развіе тебѣ, паче же о семъ молю тя и вопрошаю тя. Се уже церковь поставлена и совершена всѣмъ, и время есть свящати ю: скажи ми, въ которое имя будетъ праздникъ церкви сея, и во имя котораго Святаго свящати ю?“ Отвѣщавъ же Стефанъ, рече ему: „Что мя вопрошаеши и вскую мя искушаеши? и самъ вѣси мене не хужде; понеже отецъ и мати, наши родителіе, колькраты возвѣстиша тебѣ предъ нами, глаголюще: „блюди, блюди, чадо; и не наше еси чадо, но Божіе даніе!“ Ельмаже Богъ избра тебе, еще суща во утробѣ матернѣ носима, и прознамена о тебѣ; и прежде роженія твоего, егда трикраты провозгласилъ еси во всю церковь, во время, егда поютъ святую литургію. Якоже и всѣмъ людемъ, стоящимъ ту и слышащимъ, во удивленіи быти; и ужаснымъ почудитися, глаголюще: „что убо будетъ младенецъ сей!“ Но священницы же и старцы, святіе мужіе, ясно о тебѣ проразсудиша и протолковаша, глаголюще: „понеже о младенцѣ семъ троичное число изобразися, и симъ прознаменуя, яко будетъ нѣкогда ученикъ Святыя Троицы; и не токмо же самъ единъ вѣровати начнетъ благочестно, но и ины мнози приведетъ и научитъ вѣровати во Святую Троицу. Да лѣпо есть тебѣ свящати церковь сію паче всѣхъ во имя Святыя Троицы; не наше же се замышленіе, но Божіе изволеніе и прознаменаніе, и избраніе, Богу тако изволшу. Буди имя Господне благословено во вѣки“. И сія изглаголавшу Стефану, блаженный же юноша, воздохнувъ отъ сердца, и рече: „Во истину изглагола, господине мой; се и мнѣ любо есть, и азъ того же хотѣвъ и смышляхъ, и желаетъ душа моя, еже совершити свящати церковь во имя Святыя Троицы; но смиренія ради вопрошахъ тя. И се Господь Богъ не остави мене и желаніе сердца моего далъ ми, и хотѣнія моего не лишилъ мя“. И то рекша, и взяша благословеніе и священіе отъ святителя. И пріѣхаша изъ града отъ митрополита Ѳеогноста священницы и привезоша съ собою священіе, и антиминсъ, и мощи святыхъ мученикъ, и прочая, яже на потребу на освященіе церкви. И тогда священа бысть церковь во имя Святыя Троицы благословеніемъ преосвященнаго архіепископа Ѳеогноста, митрополита кіевскаго и всея Руси, при великомъ князѣ Симеонѣ Ивановичѣ; мню убо, еже рещи въ начало княженія его. Въ правду убо церковь си наречена бысть во имя Святыя Троицы, понеже поставлена бысть благодатію Бога Отца, и милостію Сына Божія, и поспѣшеніемъ Святаго Духа.

Чудо о медвѣдѣ. Мнози бо звѣріе, якоже речеся, въ той пустыни

тогда обрѣтахуся. Овіи стадомъ выюще, ревуще прохождааху: а друзіи же не во мнозѣ, но или два, или тріе, или единъ по единому мимо течаху; овіи же отдалече, а друзіи близь блаженнаго приближахуся и окружаху его, яко и нюхающе его. И отъ нихъ же единъ звѣрь, рекомый аркуда — еже сказается медвѣдь — иже повсегда обыче приходити къ преподобному. Се же видѣвъ преподобный, яко не злобы ради приходитъ къ нему звѣрь, но паче, да возьметъ отъ брашна мало нѣчто въ пищу себѣ, и изношаше ему отъ хижи своея малъ укрухъ хлѣба и полагаше ему на пень или колоду, яко да пришедъ по обычаю звѣрь, и яко готову себѣ обрѣте пищу, и વземъ усты своими, и отхожаше. Аще ли когда недоставшу хлѣбу, и пришедъ по обычаю звѣрь не обрѣте обычнаго своего урочнаго укруха, тогда долго время не отхожаше, но стояше, взирая сѣмо и овамо, ожидая, аки нѣкій злый должникъ, хотя воспріяти долгъ свой. Аще ли прилучашеся единому обрѣстися укруху, то нужа бысть преподобному и то предѣлити на двѣ части, да едину убо себѣ оставитъ, а другую звѣреви оному предложитъ. Не имѣяша бо тогда въ пустынѣ Сергій у себя различныхъ брашенъ, развѣ точію хлѣбъ единъ и воду отъ источника, сущаго ту, и то же по-оскуду. Многажды и хлѣбу дневному не обрѣстися. И егда сему бываему, тогда оба абіе пребываста алчуща, самъ же и звѣрь. Иногда же блаженный себѣ не угожаше и самъ алченъ бываше; аще и единъ кусъ хлѣба обрѣташеся у него, и то предъ звѣремъ онѣмъ предметаше, и изволи самъ, не вкушая въ той день, алкати паче, нежели звѣря оного оскорбити и не ядша отпустити. Не единою же, ни дважды звѣрь онъ приходити обыче, но по многа времена на кійждо день, аки множае году сіе творяше.

Заселеніе Радонежской пустыни. Окрестъ же монастыря того все пусто, со вся страны лѣсове, всюду пустынь; пустыня бо въ рѣсноту нарицашеся. И сице жившимъ имъ, дондеже исполнишася дніе лѣтъ, яко мню, множае пятидесяти. Паки же по днехъ, непщую, яко въ днехъ княженія князя великаго Ивана, сына Иваня, брата же Симеоня, тогда начаша приходити христіяне и обходити сквозѣ вся лѣсы оны, и возлюбиша жити ту. И множество людій восхотѣвше начаша со оба полы мѣста того садитися. И начаша сѣщи лѣса оны, яко никомуже возбраняющу имъ. И сотвориша себѣ различныя многія починцы. Преждереченную исказиша пустыню, не пощадѣша. И сотвориша пустыню, яко поля чиста многа, якоже и нынѣ нами зрима суть. И составиша села и дворы многи; и насѣяша села; и сотвориша плодъ житенъ; и умножишася зѣло. И начаша посѣщати и учащати въ монастырь, приносяще многообразная и многоразличная потребованія, имъ же нѣсть числа. Но мы供 досдѣ сію рѣчь оставльше, а на предреченную бесѣду обратимся, еже отъ начатка слова начахъ повѣдовати о всяцѣй худости и о недостатцѣхъ нужныхъ потребъ, безъ нихъ же немощно обрѣстися. Егда исперва начинашеся создаватися мѣсто то, егда не множайшимъ братіямъ, живущимъ въ немъ, егда не мнози бяху приходящеи и приносящеи: тогда

начастѣ скудости бываху потребныхъ; яко многажды наутрія и хлѣбу не обрѣстися. Да кто можетъ сказати недостатки, бывшая преподобному отцу нашему Сергію? Исперва, егда начинашеся строитися мѣсто то, овогда убо не достало хлѣба, и муки, и пшеницы, и всякаго жита; иногда же не достало масла, и соли, и всякаго ястія брашеннаго; овогда же не достало вина, имъ же обѣдня служити, и ѳиміаму, имъ же кадити; иногда же не достало воску, имъ же свѣщи скати. И пояху въ нощи заутреннюю, не имуще свѣщъ, но токмо лучиною березовою или сосновою свѣтяху себѣ; и тѣмъ нуждахуся канонархати, или по книгамъ чести, и сице совершаху ночныя службы своя. Преподобный же Сергій всякую нужу ону, и тѣсноту, и всяку скудость, и недостатки терпяше со благодареніемъ, ожидая отъ Бога богатыя милости.

Задонщина.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 136—138.

Поидемъ, братіе, въ полуночную страну, жребій Афетовъ, сына Ноева, отъ него же родися Русь преславная, оттолѣ взыдемъ на горы Кіевскія, и посмотримъ съ ровнаго Днѣпра по всей землѣ Русской, и оттолѣ на восточную страну, жребій Симовъ, сына Ноева, отъ него же родишася Хиновя, поганый Татаровя, Бусурмановя. Тѣ бо на Каялѣ одолѣша родъ Афетовъ. И оттолѣ Русская земля сѣдитъ не весела, а отъ Калоцкія рати до Мамаева побоища тоскою и печалію покрылася, плачущися, чады свои поминающи. Князи и бояря, и удалые люди, иже оставиша вся домы своя, и богатство, жены, и дѣти, и скотъ, честь и славу міра сего получивши, главы своя положиша за землю Русскую и за вѣру христіянскую.

Снидемся, братія и други, сынове русскіе, составимъ слово къ слову, возвеселимъ Русскую землю, возверземъ печаль на восточную страну, въ Симовъ жребій, и воздадимъ поганому Мамаю побѣду, а великому князю Димитрію Ивановичу похвалу и брату его князю Владимиру Андреевичу. И рцемъ таково слово: „Лучше бо намъ, братіе, начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстяхъ, похвалу великаго князя Димитрія Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича—а внуки святаго великаго князя Владимира Кіевскаго,—начати повѣдати по дѣломъ и по былинамъ. Не проразимся мыслію, но... помянемъ первыхъ лѣтъ времена; восхвалимъ вѣщаго Бояна, въ городѣ Кіевѣ гораздa гудца. Той бо вѣщій Боянъ, воскладая свои златые персты на живыя струны, пояше славу русскіимъ княземъ, первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичу и Святославу, Ярополку, Владимиру Святославичу, Ярославу Владимировичу, похваляя ихъ пѣсньми и гуслеными буйными словесы.—Азъ же помяну Ря-

занца Софонію, и восхвалю пѣсньми и гуслеными словесы... господина князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, занеже ихъ было мужество и желаніе за землю Русскую и за вѣру христіянскую. Се бо князь великій Дмитрій Ивановичъ и братъ его князь Владимиръ Андреевичъ постриша сердца своя мужествомъ, ставше своею крѣпостью, помянувше прадѣда, князя Владимира Кіевскаго, царя русскаго.

Оле, жаворонокъ птица, въ красныя дни утѣха! взыди подъ синія облаки; посмотри къ сильнему граду Москвѣ; пой славу великому князу Дмитрію Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу! Они бо взнялися, какъ соколи, со земли Русскія на поля половецкія. Кони ржутъ на Москвѣ; бубны бьютъ на Коломнѣ; трубы трубятъ въ Серпуховѣ; звенитъ слава по всей землѣ Русской. Чудно стязи стоятъ у Дону великаго, пашутся хоругови берчаты, свѣтятся калантыри злачены. Звонятъ колоколи вѣчніи въ великомъ въ Новѣгородѣ, стоятъ мужи Новгородцы у святыя Софіи, а ркучи такову жалобу: „Уже намъ, братіе, къ великому князу Дмитрію Ивановичу на пособь не поспѣти“. Тогда, аки орли слетошася со всея полунощныя страны; то ти не орли слетошася: выѣхали посадники изъ великаго Новагорода, 7000 войска, къ великому князу Дмитрію Ивановичу и къ брату его князю Владимиру Андреевичу. Съѣхалися всѣ князи русскіе къ великому князю Дмитрію Ивановичу на пособь, а ркучи такъ: „Господине князь великій! уже поганіи Татарове на поля на наши наступаютъ, а вотчину нашу у насъ отнимаютъ, Стоятъ между Дономъ и Днѣпромъ на рѣцѣ на Мечѣ. И мы, господине, поидемъ за быструю рѣку Донъ, укупимъ землямъ диво, старымъ повѣсть, а младымъ память!“ Тако рече князь великій Дмитрій Ивановичъ своей братіи, русскимъ княземъ: „Братьица моя милая, русскіе князи! гнѣздо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюда есмя были, братіе, никуда не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кречету, ни тому псу поганому Мамаю!“

Славій птица! что бы еси выщекотала сія два брата, два сына Ольгердова, Андрея Полотскаго, Дмитрія Брянскаго. Ти бо бѣша въ сторожевые полки на щитѣ рожены, подъ трубами повиты, подъ шеломы взлелѣяны, конецъ копія вскормлены, съ востраго меча поены, въ Литовской землѣ. Молвяше Андрей къ своему брату Дмитрію: „Сама есма два брата, дѣти Ольгердовы, внучата Гедеминовы, правнучата Скольдимеровы! Сядемъ, брате, на свои борзы комони, испіемъ, брате, шеломомъ своимъ воды быстраго Дону, испытаемъ мечи свои булатные!“ И рече ему Дмитрій: „Брате Андрей, не пощадимъ живота своего за землю за Русскую и за вѣру христіянскую, и за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича. Уже бо, брате, стукъ стучитъ и громъ гремитъ въ славнѣ городѣ Москвѣ. То ти, брате, не стукъ стучитъ, ни громъ гремитъ: стучитъ сильная рать великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, гремятъ удальцы золочеными шеломы, черлеными щиты. Сѣдлай, брате Андрей, свои борзые

комони, а мои готовы, напреди твоихъ осѣдланы. Выѣдемъ, брате, въ чистое поле, и посмотримъ своихъ полковъ, сколько съ нами храбрыя Литвы, а храбрыя Литвы съ нами 7000 окованыя рати".

Уже бо всташа сильнiи вѣтры съ моря, прилелѣяша тучу велику наустѣ Днѣпра, на Русскую землю; изъ тучи выступиша кровавыя облака, а изъ нихъ пашутъ синiя молньи. Быти стуку и грому велику между Дономъ и Днѣпромъ, пасти трупу человѣческому на полѣ Куликовѣ, пролитися крови на рѣчкѣ Непрядвѣ. Уже бо скрыпѣли телѣги между Дономъ и Днѣпромъ. Идутъ Хинове поганые на Русскую землю. Сѣрiи волцы воютъ, на рѣкѣ хотятъ на Мечи поступити въ Русскую землю. То ти были не сѣрiи волцы: придоша поганые Татарове, хотятъ пройти воюючи, взяти всю землю Русскую. Тогда же гуси гоготаша, и лебеди крылы всплескаша. Се бо поганый Мамай приведе вои свои на Русь. Птицы небесныя, пасущеся ту, подъ синiя оболока летятъ, ворони граютъ, галицы свои рѣчи говорятъ, орли восклекчутъ, волцы грозно воютъ, лисицы часто брешутъ, чаютъ побѣду на поганыхъ, а ркучи такъ: „Земля еси Русская, какъ еси была доселева за царемъ за Соломономъ, такъ буди и нынѣча за княземъ великимъ Дмитрiемъ Ивановичемъ!" Тогда же соколи и кречети, Бѣлозерскiе ястреби, отъ златыхъ колодицъ изъ каменна града Москвы возлетѣша подъ синiя небеса, позвонятъ своими злачеными колокольцы.

Уже бо стукъ стучитъ и громъ гремитъ рано предъ зорею. То ти не стукъ стучитъ, ни громъ гремитъ: князь Владимиръ Андреевичъ полки перебираетъ и ведетъ вои свои, сторожевые полки къ быстрому Дону, а ркучи такъ: „Господине князь Дмитрiй! не ослабляй. Уже, господине, поганые Татарове на поля на наши наступаютъ, а вои наши отнимаютъ". И говоритъ ему великiй князъ Дмитрiй Ивановичъ: „Брате Владимиръ Андреевичъ! Сами есмя, а внуки великаго князя Владимира Кiевскаго, воеводы у насъ уставлены отъ бояриновъ, и крѣпцы быша князи Бѣлозерстiи, Ѳедоръ Семеновичъ да Семенъ Михайловичъ, да Микула Васильевичъ, да два брата Ольгердовича, да Дмитрiй Волынской, да Тимоѳей Волуевичъ, да Андрей Серкизовичъ, да Михайло Ивановичъ. А вою съ нами триста тысящъ окованыя рати, а воеводы у насъ уставлены, а дружина свѣдана, а подъ собою имѣетъ добрые кони, а на себѣ злаченые доспѣхи, а шеломы черкасскiе, а щиты московскiе, а сулицы нѣмецкiя, а кинжалы фряжскiе, а мечи булатные. Ино еще хотятъ головы своя положить за землю Русскую и за вѣру крещеную". Тогда же князь великiй Дмитрiй Ивановичъ ступи въ свое златое стремя, всѣдъ на свой борзый конь, прiимая копiе въ правую руку, и помолися Богу и Пречистой Его Матери. Солнце ему на всходѣ ясно свѣтитъ, путь ему повѣдаетъ. Борисъ, Глѣбъ молитву творятъ за сродники свои.

Тогда соколи и кречети, Бѣлозерскiе ястреби борзо за Донъ перелетѣша, удариша на гуси и лебеди. Грянуша копiя харалужныя, мечи булат-

ные, топори легкіе, щиты московскіе, шеломы нѣмецкіе, байданы бесерменскіе. Тогда поля костьми насѣяны, кровьми поліяны; бѣды возопиша, вѣсть подаваша порожнимъ землямъ за Волгу, къ Желѣзнымъ Воротамъ, къ Риму, до Черемисы, до Чаховъ, до Ляховъ, до Устюга, до поганыхъ Татаръ, за дышущимъ моремъ.

На томъ полѣ сильныя тучи сступишася, а изъ нихъ часто сіяли молыньи, и загремѣли громы велицыи: то ти сступишася русскіе удальцы съ погаными Татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сыльные доспѣхи злаченые, а гремѣли князи русскіе мечьми булатными о шеломы хиновскіе. А билися изъ утра до полудни въ суботу на Рожество Святой Богородицы.

Тогда же было лѣпо стару помолодитися. Хоробрый Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивцѣ, свистомъ поля перегороди, а ркучи таково слово: „Лучше бы есмя сами на свои мечи наверглися, нежели намъ отъ поганыхъ положенымъ пасти“. И рече Ослебя брату своему Пересвѣту: „Уже, брате, вижу раны на тѣлѣ твоемъ тяжки. Уже твоей главѣ пасти на сырую землю, на бѣлую ковылу моему чаду Іякову!“

Уже, братіе, по Рязанской землѣ, около Дону, ни ратаи, ни пастуси не кличутъ, ни трубы не трубятъ, только часто ворони граютъ, зогзицы кокуютъ, на трупы падаючи. Тогда же не тури возрыкаютъ на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ: взопиша избіеніи отъ поганыхъ. Помянемъ князій великихъ и боляръ сановныхъ, князя Ѳеодора Романовича Бѣлозерскаго и сына его князя Ивана, Микулу Васильевича. Падоша Ѳеодоръ Мешко, Иванъ Сано, Михайло Вренковъ, Іаковъ Ослебятинъ, Пересвѣтъ чернецъ и иная многа дружина.

Тогда же восплакашася горько жены болярыни по своихъ осподарѣхъ въ краснѣ градѣ Москвѣ. Восплачется жена Микулина Марія, а ркучи таково слово: „Доне, Доне, быстрый Доне, прошелъ еси землю Половецкую, пробилъ еси береги харалужные: прилелѣй моего Микулу Васильевича!“ Восплачется жена Иванова Ѳеодосія: „Уже наша слава поничe въ славнѣ городѣ Москвѣ“. Не одина мати чада изостала, и жены болярскія мужей своихъ и осподаревъ остали, глаголюще къ себѣ: „Уже, сестрицы наши, мужей нашихъ въ животѣ нѣту: покладоша головы свои у быстраго Дону за Русскую землю, за святыя церкви, за православную вѣру, съ дивными удальцы, съ мужескими сыны“.

Того же дни въ суботу на Рождество Святыя Богородицы изсѣкоша христіяне поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Непрядвѣ. И нюкнувъ князь великій Владиміръ Андреевичъ гораздо, и скакаше во полцѣхъ поганыхъ въ Татарскихъ, а злаченымъ тымъ шеломомъ посвѣчиваетъ, а скакаше со всѣмъ своимъ войскомъ; и загремѣли мечьми булатными о шеломы хиновскіе. И восхвалитъ брата своего великаго князя Дмитрія Ивановича: „Брате Дмитрій Ивановичъ!.. забрала не оставай, и свои полки

понужай коромольщикамъ. Уже бо поганые Татара поля наступаютъ, и храбрую дружину у насъ истеряли, а въ трупѣ человѣчьѣ борзи кони не могутъ скочити, а въ крови по колѣно бродятъ, а уже бо, братье, жалостно видѣти кровь крестьянская!“ И князь великій Дмитрій Ивановичъ рече своимъ боярамъ: „Братія бояра, и воеводы, и дѣти боярскіе! то ти ваши Московскіе сладкіе меды и великіе мѣста! Туто добудете себѣ мѣста и своимъ женамъ: туто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть!“ И рече князь великій Дмитрій Ивановичъ: „Господи Боже мой! на тя уповахъ, да не постыжуся въ вѣкъ, ни да посмѣютъ ми ся враги мои!“ И помолися Богу и Пречистой Его Матери и всѣмъ святымъ Его, и преслезися горько, и утеръ слезы. И тогда, аки соколи, борзо полетѣли. И поскакиваетъ князь великій Дмитрій Ивановичъ съ своими полками и со своею силою. И рече: „Брате, князь Владимиръ Андреевичъ! тутъ, брате, испити медвяна чара! Наѣждяемъ, брате, своими полки сильными на рать Татаръ поганыхъ“.

Тогда великій князь наступаетъ на рать-силу Татарскую. И гремятъ мечи булатные о шеломы хиновскіе, и поганые бусурмане покрыша главы своя руками своими; тогда поганые борзо вси отступиша. И отъ великаго князя Дмитрія Ивановича стязи ревутъ, а поганые бѣжатъ, а русскіе князи, и бояра, и воеводы, и все великое войско широкія поля кликомъ огородиша, и злачеными доспѣхами освѣтиша. Уже бо ста туръ на боронь: тогда князь великій Дмитрій Ивановичъ и братъ его, князь Владимиръ Андреевичъ полки поганыхъ вспять поворотили. И нача ихъ бусурмановъ бити и сѣчи гораздо безъ милости; и князи ихъ падоша съ коней, загремѣли; а трупьми татарскими поля насѣяша, и кровію ихъ рѣки протекли. Туто поганые разлучишася розно, и побѣгше не уготованными дорогами въ лукоморье, скречуще зубами своими, друще лица своя, а ркуще такъ: „Уже намъ, братіе, въ землѣ своей не бывать и дѣтей своихъ не видать, а въ Русь ратью намъ не хаживать, и выхода намъ у русскихъ людей не прашивать. Уже бо возстона земля Татарская... Уже бо веселіе наше пониче; уже бо русскіе сынове разграбиша татарскія узорочья, и доспѣхи, и кони, и волы, и верблюды, и вино, и сахаръ, и дорогое узорочіе; уже жены русскія восплескаша татарскимъ златомъ“.

Уже бо по Русской землѣ простресе веселіе и буйство, вознесеся слава русская по всей землѣ, а на поганыхъ Татаръ, злыхъ бусурмановъ промчеся хула и пагуба;... и уже грозы великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всѣмъ землямъ текутъ. И князь великій своею храбростію и дружину Мамая поганаго побилъ за землю Русскую и за вѣру крещеную. Уже поганые оружія своя повергоша на землю, а главы своя подклониша подъ мечи русскіе; и трубы ихъ не трубятъ, и уныша гласи ихъ. И отскоча поганый Мамай отъ своея дружины, сѣрымъ волкомъ взвылъ, и притече къ Хаѳестѣ граду. Молвяше же ему Фрязове:

„Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Русскую землю? То тя била орда Залѣсская. А не бывати тебѣ въ Батыя царя: у Батыя царя было четыреста тысячъ кованыя рати, а воевалъ всю Русскую землю отъ востока и до запада; а казнилъ Богъ Русскую землю за своя согрѣшенія. И ты пришолъ на Русскую землю, царь Мамай, съ многими силами, съ девятью ордами и семидесятью князьями, а нынѣ ты, поганый, бѣжишь самъ-девятъ въ лукоморье! Не съ кѣмъ тебѣ зимы зимовати въ полѣ: нѣчто тебя князи русскіе горазно подчивали? Ни князей съ тобою, ни воеводъ: нѣчто гораздо упилися у быстраго Дону на полѣ Куликовѣ, на травѣ ковылѣ? Побѣжи ты, поганый Мамай, отъ насъ! Позадѣнешь и намъ отъ земли Русской. Уподобился еси малому младенцу у матери своей“.

Тако Господь Богъ помиловалъ князей русскихъ, великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича межъ Дона и Днѣпра. И сталъ великій князь Дмитрій Ивановичъ съ своимъ братомъ, съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ, и съ остальными своими воеводами на костехъ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Грозно бо и жалостно, братіе, въ то время посмотрѣти, еже лежатъ трупи крестьянскіе у Дона великаго на брезѣ; и Донъ рѣка три дни кровію текла. И рече князь великій Дмитрій Ивановичъ: „Считайтеся, братія, сколько у васъ воеводъ нѣтъ и сколько молодыхъ людей нѣтъ!“ Тогда говорилъ стоя Михайло Александровичъ, Московскій бояринъ, князю Дмитрію Ивановичу: „Государь князь великій Дмитрій Ивановичъ! Нѣту, государь, у насъ сорока бояриновъ Московскихъ, двѣнадцати князей Бѣлозерскихъ, тридцати Новгородскихъ посадниковъ, двадцати бояриновъ Коломенскихъ, сорока бояръ Серпуховскихъ, тридцати пановъ Литовскихъ, двадцати бояръ Переяславскихъ, двадцати пяти бояръ Костромскихъ, тридцати пяти бояръ Володимирскихъ, осьми бояръ Суздальскихъ, сорока бояръ Муромскихъ, семидесяти бояръ Рязанскихъ, тридцати четырехъ бояриновъ Ростовскихъ, двадцати трехъ бояръ Дмитровскихъ, шестидесяти бояръ Можайскихъ, тридцати бояръ Звенигородскихъ, пятнадцати бояръ Углицкихъ; и посѣчено отъ безбожнаго Мамая полтретья ста тысячъ и три тысячи! Слава Тебѣ, Господи Боже нашъ, помиловалъ насъ“. И рече великій князь Дмитрій Ивановичъ: „Братія бояра, и князи, и дѣти боярскіе! то вамъ сужено мѣсто межъ Дономъ и Днѣпромъ на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ; и положили есте головы своя за святыя церкви, за землю Русскую, за вѣру крестьянскую. Простите мя, братія, и благословите! Всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ. И пойдемъ, брате, князь Владимиръ Андреевичъ, во свою Залѣсскую землю, къ славному граду Москвѣ, и сядемъ, брате, на своемъ княженіи, а чти есмя, брате, добыли и славнаго имени. Богу нашему слава“.

Слово о погибели руськыя земли.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 136—138.

О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля руськая! и многыми красотами удивлена еси: озеры многыми удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестьными, горами крутыми, холми высокыми, дубравоми частыми, польми дивными, звѣрьми различными, птицами бещислеными, горы великыми, селы дивными, винограды обителными, домы церковьными, и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами! Всего еси испольнена земля руская о правовѣрьная вѣра христіаньская! [Перечисляются сосѣдніе рускимъ народы, указывается ширина русской земли]. То было Богомъ крестияньскому языку поганьскыя страны великому князю Всеволоду, отцю его Юрью князю кыевьскому, дѣду его Володимеру и Манамаху, которымъ то половоци дѣти своя ношаху въ колыбѣли, а Литва изъ болота на свѣтъ не вышикываху, а угры твердяху каменыи городы желѣзными вороты, абы на нихъ великыи Володимеръ тамо не вьсѣхалъ а нѣмци радовахуся, далече будуче за синимъ моремъ; буртаси, черемиси, вяда и морьдва бортьничаху на князя великаго Володимера, и жюръ Мануилъ царегородскыи опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша къ нему, абы подъ нимъ великыи князь Володимеръ царя города не взялъ. А в ты дни болѣзнь крестианомъ отъ великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава и до брата его Юрыя князя володимерьскаго...

О Московскомъ взятіи отъ царя Тактамыша и о плѣненіи земли Русьскыя.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 133.

Въ лѣто 6890. Бысть нѣкое проявленіе, по многы нощи являшеся таково знаменіе на небеси: на въстоцѣ, предъ раннею зарею, звѣзда нѣкая, акы хвостата и акы копейнымъ образомъ, овогда же въ вечерней зорѣ являшеся, а овогда въ ранней зорѣ являшеся, то многажды бываше. Се же знаменіе проявляше злое нашествіе Тактамышево на русьскую землю, и горкое поганыхъ Татаръ нахоженіе на христіанъ; якоже се бысть, гнѣвомъ Божіимъ, за умноженіе грѣховъ нашихъ. [Въ 3-й годъ правленія Тохтамышъ приказалъ начать разграбленіе русскихъ судовъ на Волгѣ, а потомъ пошелъ съ войскомъ на князя Дмитрія Ивановича. Олегъ Рязанскій перешелъ на его сторону и сталъ направлять его на Москву, оберегая свою Рязань. Князь Дмитрій Ивановичъ о походѣ татаръ ничего не зналъ, такъ какъ купцы русскіе были перехвачены ханомъ, а въ то время такія вѣсти передавались, главнымъ образомъ, ими. Когда же князь узналъ о наше-

ствіи, то] начаша думати таковую думу великій князь Дмитрій Ивановичъ со всѣми князи Русьскими и обрѣтеся разность въ нихъ, не хотяху помогати. Не помянуша Давыда Пророка глаголюща: „се коль добро и коль красно, ежи жити братіи вкупѣ!“ И другому приснопомнимому рекшю: „другъ другу пособляя и братъ брату помогая, яко градъ твердъ есть!“ [Не видя согласія между князьями, Дмитрій Ивановичъ оставилъ Москву и поѣхалъ на Кострому]. А Кипріянъ митрополитъ пріѣха на Москву. Въ градѣ же на Москвѣ бысть заметня велика, бяху людя смущени, акы овца, не имуще пастыря, гражаньстіи народи възмятошася: ови хотяху сѣсти въ градѣ и затворитися; а друзіи бѣжати помышляху, и бывши распрѣ промежи ими велицѣ, овіи съ рухлядію вмѣшающеся въ градъ, а друзіи съ града бѣжаху, ограблени суще; и сотвориша вѣче, позвониша во всѣ колоколы, и сташа суймомъ народи мятежници, крамолници: иже хотяху изити изъ града нетокмо не пущаху изъ града, но и грабляху, ни самого митрополита не стыдѣшася, ни бояръ великыхъ не усрамишася, но на вся огрозишася, и сташа на всѣхъ воротѣхъ градскихъ, сверху каменьемъ шибаху, а долѣ на земли со оружіемъ стояху со обнаженнымъ, не пущающе вылѣзти и едва умолены бывше, поздѣ нѣкогда выпустиша ихъ изъ града, и то ограбивше. [Въ городъ пріѣхалъ князь Остѣй, внукъ Ольгерда, мятежъ прекратилъ и водворилъ порядокъ. Передовые отряды Татаръ, руководимые Олегомъ, подошли къ Москвѣ]. Тогда же въ градѣ добрые люди моляхуся Богу день и нощь и пристояще посту и молитвѣ, ожидающе смерти, готовящеся съ покаяніемъ и съ причастіемъ и со слезами. Нѣціи же недобріи человѣци начаша обходити по дворомъ и износяще изъ погребовъ меда господьскыя, и суды сребряныя и стькляници драгія, и упивахуся до великаго піяна, и къ шатанію дерзость прилагаху, глаголюще: „не устрашаемся нахоженія поганыхъ Татаръ, великъ твердъ градъ имуще, иже суть стѣпы камены и врата желѣзна“. И паки възлазяще на градъ, піяни суще, и шатахуся и ругающееся Татаромъ, образомъ безстуднымъ досажающе, и, нѣкая словеса износяще исполнь укоризны и хулы, кидаху на ня, мняхуть бо толико силы Татарьскыя и есть. [Татары обложили городъ и враги перестрѣливались стрѣлами: татары были хорошими стрѣлками. Обманомъ ханъ вызвалъ изъ города князя Остѣя и убилъ его. Русскіе князья измѣнники, бывшіе съ ханомъ, увѣрили московичей, что имъ худа не будетъ, что ханъ гнѣвается только на князя Дмитрія Ивановича]. Народи же христіяньстіи вѣру яша словесемъ ихъ, си помыслиша и прелстишася,—ослѣпи бо ихъ злоба Татарская и омрачи я прелесть бесерменьская, ни познаша, ни помянуша глаголющаго: „не всякому духу имите вѣры“— и отвориша врата градная; и выидоша со княземъ своимъ и съ дары многыми ко царю, такоже и архимандриты, и игумени, и попове со кресты, а по нихъ бояре и болшіе люди, и потомъ народъ и черные люди. И въ томъ часѣ Татарове начали сѣчи напрасно, а князь Остѣй преже того убіенъ бысть предъ градомъ,

туже почаше сѣчи архимандритовъ, и игуменовъ, и поповъ, аще и въ ризахъ со кресты, и бояръ и честныхъ людей; и ту бяше видѣти святыя иконы повержены на земли лежаща, и кресты честныя безъ чести небрегоми и ногами топчеми, ободраны и обоиманы. Татарове же такоже и поидоша въ градъ сѣкуще, а иніи по лѣстницамъ на городъ взидоша, никому же бранящю имъ съ города, ни забралъ имуще, не сущю избавляюще, ниже спасающю; и бысть внутрь града сѣча велика и внѣуду сѣча, толико же сѣчаху, яко и рукы и плеща ихъ измолокша и сила ихъ изнеможе, саблямъ же ихъ острія притупишася. Людіе христіяньстіи суще въ градѣ, бѣгающе по улицамъ сѣмо и овамо, скоро рыщюще толпами, вопіюще велми и глаголюще, біюще въ перси своя: „нѣсть, гдѣ избавленія обрѣсти, и нѣсть, гдѣ смерти убѣжати, и нѣсть, гдѣ острія меча укрытися, оскудѣ князь и воеводы ихъ и все воиньство ихъ потребися, и оружія ихъ до конца изчезоша; овіи въ церквахъ каменыхъ затворяхуся, но и тамо не избыша,—безбожніи же силою двери разбиша церковная и сѣхъ мечи изсѣкоша; вездѣ же крикъ и вопль великъ и страшенъ бываше и яко не слышати другъ друга вопіюща, множеству народу кричащю, они же крестіянъ изводяще, лупяще, изобнаживше сѣчаху! А церкви соборныя разграбиша и алтаря святая мѣста попраша, и кресты честныя и иконы чудныя одраша, украшеныя златомъ, и сребромъ, и женчюгомъ, и каменіемъ драгимъ, и пелены златомъ шитыя и женчюгомъ саженыя ободраша, и съ святыхъ иконъ кузнь содраша, и святыя иконы попраша. [Книги были уничтожены, богатство князя расхищено, разрушены многіе монастыри и церкви]. Якоже Пророкъ глаголаше: „Боже! пріидоша языци въ достоянія твое, оскверниша церковь святую твою: положиша Іерусалима яко овощное хранилище, положиша трупія рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ твоихъ звѣремъ земнымъ, проліяша кровь ихъ, аки воду“. [Убиты были многіе видные люди, многіе уведены въ плѣнъ]. И бяше тогда видѣти въ градѣ плачъ, и рыданіе, и вопль многъ, и слезы, и крикъ неутѣшимый и стонаше много, и печаль горкая и скорбь неутѣшимая, бѣда нестерпимая, нужа ужасная и горесть смертная, страхъ и ужасъ, и трепетъ, и дряхлованіе, срамъ и посмѣхъ отъ поганыхъ христіяномъ. [Татары предали пламени Москву]. Бяше бо дотолѣ видѣти градъ Москва великъ и чюденъ, и много людій въ немъ и всякого узорчія, и въ томъ часѣ измѣнися, егда взятъ бысть и пожженъ: не видѣти иного ничего же, развіе дымъ и земля, и трупія мертвыхъ многыхъ лежаща, церкви святыя запалены быша и падошася, а каменыя стояща выгорѣвшая внутри и огорѣвшая внѣ, и нѣсть видѣти въ нихъ пѣнія, ни звоненія въ колоколы, никогоже людей ходяща въ церкви и не бѣ слышати въ церкви поющаго гласа, ни славословія; но все бяше видѣти пусто, ни единого же бѣ видѣти ходяща по пожару людей.

Изъ Китижскаго лѣтописца *).

...И бысть попущеніемъ Божіимъ, грѣхъ ради нашихъ, пріиде нечестивый и безбожный царь Батый на Русь воевàть; грады и веси разоряше, огнемъ ихъ пожигаше, людіе мечу предаваше, младенцевъ ножемъ заколаше и бысть плачъ великій. Благовѣрный же князь Георгій, слышавъ сія, плакаше горькимъ плачемъ и помоляся Господу и Пречистой Богородицѣ, собра вои своя, поиде противу нечестиваго царя Батыя... И бысть сѣча велія и кровопролитіе многое. Тогда у благовѣрнаго князя Георгія бысть воевъ мало и побѣже отъ нечестиваго царя внизъ по Волгѣ въ Малый Китижъ... И много брася благовѣрный князь Георгій съ нечестивымъ царемъ Батыемъ, не пущая его во градъ... Егда же бысть нощь, изыде таино изъ Малаго Китижа на озеро Свѣтлый Яръ въ Большой Китижъ. На утри же возста нечестивый царь и взя Малый Китижъ и всѣхъ въ градѣ томъ поруби и нача мучити нѣкоего человѣка града того Гришку Кутерьму и той, не могій мукъ терпѣти, повѣда ему путь ко озеру Свѣтлому Яру, иде же благовѣрный князь Георгіи скрыся. И пріиде нечестивый царь Батый ко озеру и взя градъ Большои Китижъ и уби благовѣрнаго князя Георгія **). И послѣ того разоренія запустѣша грады тѣ и лѣсомъ порасте вся земля Заузольская и съ того времени невидимъ бысть градъ Большой Китежъ и пребудетъ онъ невидимъ до послѣднихъ временъ. Сію убо книгу „Лѣтописецъ“ написали мы по стѣ лѣтѣхъ послѣ нечестиваго и безбожнаго царя Батыя, уложили соборомъ и предали святѣй Божіей церкви на увѣреніе всѣмъ православнымъ христіанамъ, хотящимъ прочитать или послушати, а не поругатися сему божественному писанію. Аще ли же который человѣкъ поругается или посмѣется сему, да вѣсть таковыи, что не намъ ругается, но Богу самому и Пресвятѣй Богородицѣ... Аминь...

Аще кто нераздвоеннымъ умомъ и несумнѣнною вѣрою обѣщается и поидетъ къ невидимому граду тому, не повѣдавъ ни отцу съ матерью ни сестрамъ съ братіями, ни всему своему роду-племени—таковому человѣку откроетъ Господь и градъ Китижъ и святыхъ въ немъ пребывающихъ... Аще же кто пойдетъ, обаче мыслити начнетъ сѣмо и овамо, или пойдя, славити начнетъ о желаніи своемъ, таковому Господь закрываетъ невидимый градъ: покажетъ ему его лѣсомъ, или пустымъ мѣстомъ... И ничто же таковый человѣкъ получитъ себѣ, токмо трудъ его всуе пропадетъ. И будетъ ему соблазнъ, и поносъ, и укоръ, и отъ Бога казнь пріиметъ здѣ и въ будущемъ вѣцѣ... Осужденіе пріиметъ и тьму кромѣшную всякъ человѣкъ, иже такому святому мѣсту поругется... Понеже

---

*) Заимствованъ изъ соч. Печерскаго.

**) Варіантъ: Господь не допустилъ до взятія города и сдѣлалъ его невидимымъ за благочестіе жителей.

на конецъ вѣка сего Господь чудо яви—невидимымъ сотвори градъ Китижъ и покры его десницею своею, да въ немъ пребывающе не узрятъ скорби и печали отъ звѣря антихриста... Кому же примѣнится человѣкъ поругавшійся чудеси тому, и кому будетъ онъ службу приносити?.. Воистину самому діаволу примѣнится и всеяростному звѣрю-антихристу послужитъ, съ нимъ же въ гееннѣ огненной пребудетъ въ нескончаемые вѣки!..

Житіе св. Меркурія Смоленскаго.

(Пересказъ).

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 113.

Въ городѣ Смоленскѣ жилъ одинъ молодой человѣкъ, по имени Меркурій; былъ онъ благочестивъ, въ заповѣдяхъ Господнихъ поучался день и ночь, процвѣталъ преподобнымъ житіемъ, постомъ и молитвою, и сіялъ, какъ звѣзда богоявленная, посреди всего міра. Былъ умиленъ душою и слезенъ, часто приходилъ къ кресту Господню молиться за міръ... А въ то время злочестивый царь Батый плѣнилъ русскую землю и мучилъ христіанъ, проливая безвинную кровь, какъ сильную воду. И пришелъ тотъ царь съ великою ратью на богоспасаемый градъ Смоленскъ и сталъ отъ него за 30 поприщъ; много святыхъ церквей пожогъ и христіанъ побилъ, и твердо вооружался на тотъ городъ. Люди же были въ великой скорби, неисходно пребывали въ соборной церкви Пречистой Богородицы и умильно вопіяли съ великимъ плачемъ и со многими слезами ко Всемогущему Богу и ко Пречистой Его Богоматери и ко всѣмъ святымъ о сохраненіи града того отъ всякаго зла.

И было нѣкое смотрѣніе Божіе къ гражданамъ. Недалеко отъ города за Днѣпръ рѣкою въ Печерскомъ монастырѣ преславно явилась Пречистая Богородица пономарю и сказала: „О человѣче Божій! скоро изыди ко оному кресту, гдѣ молится угодникъ мой Меркурій и рцы ему: „зоветъ тебя Божья Матерь!“ Пономарь отправился, нашелъ его молящимся у Креста, и назвалъ по имени: „Меркурій!“—А тотъ отвѣтствовалъ: „Что то есть, господине мой?“ И сказалъ ему пономарь: „Иди скоро, брате! тебя зоветъ Божія Матерь въ Печерскую церковь!“—И пошелъ богомудрый Меркурій во святую церковь, и увидѣлъ тамъ Пречистую Богородицу на золотомъ престолѣ съ Христомъ въ нѣдрахъ своихъ, окруженную ангельскимъ воинствомъ. И палъ онъ къ ногамъ Ея съ великимъ умиленіемъ и ужасомъ. Божія Матерь возставила его отъ земли и сказала ему: „Чадо Меркуріе, избранниче мой! Посылаю тебя! иди скоро, сотвори отомщеніе крови христіанской; ступай, побѣди злочестиваго царя Батыя и все войско его! Потомъ придетъ къ тебѣ человѣкъ, прекрасный лицомъ: отдай ему въ руки все оружіе свое, и онъ отсѣчетъ тебѣ голову; ты же возьми ее въ руку свою и ступай въ свой городъ; тамъ примешь кончину, и положено будетъ твое тѣло въ моей церкви“. Мекурій сильно востужалъ о томъ и восплакалъ,

и говорилъ: „О Пречистая Госпожа Богородица, мать Христа Бога нашего! Какъ же я, окаянный и худой, непотребный рабъ твой, могу быть силенъ на такое дѣло! Развѣ недостало Тебѣ небесныхъ силъ, о Владычица, побѣдить злочестиваго царя?“ Потомъ взялъ онъ отъ нея благословеніе, и весь вооруженъ былъ и отпущенъ, и, поклонившись до земли, вышелъ изъ церкви. И нашелъ тамъ прекраснаго коня, сѣлъ на него и выѣхалъ изъ города. Достигши полковъ нечестиваго царя, Божіею помощію и Пречистой Богородицы, побивалъ онъ враговъ, отбивалъ плѣнныхъ христіанъ и отпущалъ ихъ въ свой городъ; и скакалъ по полкамъ, какъ орелъ летаетъ по воздуху. Злочестивый же царь, видя побѣду надъ людьми своими, одержимъ былъ страхомъ и ужасомъ и скоро бѣжалъ отъ города того безъ успѣха, съ малою дружиной. И ушелъ онъ въ Угры, и тамъ былъ убитъ царемъ Стефаномъ. Тогда предсталъ Меркурію прекрасный воинъ. Меркурій поклонился ему и отдалъ все свое оружіе; потомъ преклонилъ свою голову и былъ усѣченъ. И такъ блаженный, взявъ голову свою въ одну руку, а другую ведя коня своего подъ уздцы, пришелъ въ свой городъ, безглавенъ. Люди же, смотря на него, удивлялись Божію устроенію. И такъ дошелъ онъ до Мологинскихъ воротъ. Нѣкоторая дѣвица, вышедши по воду, увидѣла, какъ святой идетъ безъ головы, и начала его нелѣпо бранить. Онъ же въ тѣхъ воротахъ легъ и честно предалъ душу свою Господу, а конь его сталъ невидимъ. Архіепископъ съ крестнымъ ходомъ и съ народомъ пришелъ къ тѣлу, чтобы предать его погребенію. Но тѣла поднять не могли. Три дня лежалъ святой. Архіепископъ всю ночь молился. И, смотря въ оконце свое прямо къ соборной церкви, видитъ онъ ясно, что въ великой свѣтлости, какъ въ солнечной зарѣ, вышла изъ церкви Пречистая Богородица съ Архистратигами Господними, съ Михаиломъ и Гавріиломъ, и, дошедши до того мѣста, гдѣ лежало тѣло святого, взяла оное Пречистая Богородица въ полу свою и принесла въ свою соборную церковь и положила на его мѣсто, гдѣ и донынѣ, видимъ всѣми, творитъ чудеса во славу Христу Богу нашему, благоухая, какъ кипарисъ. Архіепископъ же, вшедши въ церковь къ заутренѣ, увидѣлъ преславное чудо: святой уже лежалъ на своемъ мѣстѣ, почивая.

Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 114.

[Въ Муромѣ княжилъ князь Павелъ. Дьяволъ послалъ въ городъ змія, который имѣлъ видъ князя Павла и чинилъ беззаконія. Жена князя узнала, что смерть змію можетъ приключиться „отъ петрова плеча, отъ агрикова меча“. У князя Павла былъ братъ Петръ, юноша очень богомольный. Однажды въ церкви, во время молитвы, явился къ нему отрокъ и „показа

ему во олтарней стѣнѣ межу камения скважнею, въ немъ же мѣстѣ лежаще мечъ". Этотъ мечъ и оказался агриковъ. Змій былъ убитъ Петромъ. Отъ капли зміиной крови Петръ покрылся струпьями, и никто не могъ его вылѣчить. Однажды] единъ отъ предстоящихъ ему юноша уклонился въ весь, нарицающуся Ласково и пріиде къ некоего дому вратомъ и не видѣ никого же и вниде въ домъ и не бѣ, кто бы его челъ, и въниде въ храмину, и зря видѣніе чюдно: сѣдяще бо едина дѣвица и ткаше красна, предъ нею же скача заецъ. И глагола дѣвица: „не лѣпо есть быти дому безъ ушии и храму безъ очию!" Рече юноша ко дѣвицы: „гдѣ есть человѣкъ мужска полу, иже живетъ здѣ?" Она же рече: „отецъ мой и мати моя поидоша въ заимъ плакати, братъ же мой поиде чрезъ ноги въ нави зрѣти!" [Юноша ничего не понялъ и просилъ разъясненія]. Она же глагола ему: „сего ли не разумѣеши? пріиде бо въ домъ сій, и въ храмину мою вниде, и видѣвъ мя сѣдящу въ простотѣ, аще бы былъ въ дому наю песъ и чювъ тя, къ дому приходяща, лаялъ бы на тя: се бо есть дому уши; и аще бы было во храмѣ моемъ отроча, и видѣвъ тя къ храминѣ приходяща, сказали бы: „се бо есть храму очи. А еже сказахъ ти про отца, и матерь, и брата, яко отецъ мой и мати моя идоша въ заимъ плакати: шли убо суть на погребеніе мертвымъ и тамо плачютъ, а егда же по насъ смерть пріидетъ, и инии по насъ учнутъ плакати: се есть заимованный плачъ; про брата же ти глаголахъ, яко отецъ мой и братъ древолазцы суть, въ лѣсѣхъ медъ емлютъ отъ древия; братъ же мой и нынѣ на таковое дѣло иде; и яко же лѣсти на древо въ высоту чрезъ ноги зрѣти къ земли, мыслитъ аже бы не урватися съ высоты; аще ли кто урветца—сей живота гонзнетъ; сего ради рѣхъ ти: „яко чрезъ ноги в нави зрѣти". И глагола ей юноша: „вижу тя, дѣвице, мудру сущу; повѣжь ми имя свое". Она же рече: „имя ми есть Ѳевронія". [Она согласилась вылѣчить князя Петра подъ условіемъ, что онъ на ней женится. Князь согласился, но потомъ, выздоровѣвъ, обманулъ Ѳевронію. Тогда онъ опять разболѣлся, и, вторично ею вылѣченный, женился на ней. Вскорѣ княжить пришлось князю Петру; жены бояръ очень обижались, что у нихъ княгиня—дочь древолазца и требовали у князя, чтобы онъ ее отпустилъ прочь. Однажды на пиру бояре стали просить у Ѳевроніи обѣщанія, что она исполнитъ ихъ просьбу. Когда она дала обѣщаніе, они попросили, чтобы она уѣхала изъ города. Она согласилась подъ условіемъ, что и ея просьба будетъ исполнена. Когда бояре обѣщали это, она попросила разрѣшенія взять съ собою князя Петра. Оба оставили городъ и отправились въ изгнаніе. Ѳевронія на пути обнаруживала по прежнему свой глубокій и находчивый умъ и творила чудеса. Вскорѣ ихъ обоихъ вернули въ городъ, гдѣ, послѣ ихъ изгнанія, начались безпорядки]. Блаженный же князь Петръ и блаженная княгиня Ѳевронія во градъ свой идяху и державствующе во градѣ своемъ, и ходяше во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіихъ господнихъ

безпорочно, въ молитвахъ непрестанныхъ и милостыняхъ, и ко всѣмъ людемъ, подъ ихъ властію сущимъ, аки чадолюбивый отецъ и мати; бѣста бо ко всѣмъ любовь равну имуща: не любляше гордости, ни грабленія, ни богатства тлѣннаго щадяще, ко Богу богатюще; бѣста бо своему граду истинная пастыря, а не яко наемника, градъ свой истинною кротостію, а не яростію правяще, странныя пріемлюще, алчныя насыщающе, нагія одѣвающе. [Они рѣшили умереть въ одинъ и тотъ же день и часъ и заповѣдали, чтобы ихъ похоронили въ одномъ гробу, и оба постриглись въ монашество]. Въ то же время преподобная блаженная княгиня Ѳевронія, нареченная Еѵросенія, во храмъ пресвятыя соборныя церкви своими руками шьяше воздухъ, на немъ же бѣ ликъ святыхъ преподобныхъ. Блаженный же князь Петръ, нареченный Давидъ, приславъ къ ней, глаголя: „сестра Еѵросинія! хощу уже отити отъ тѣла, но жду тебе, яко да купно отидемъ ко Господу". Она же рече; „пожди, господине, яко да вошью воздухъ во святую церковь". Онъ же вторицею посла къ ней, глаголя: „уже мало пожду тебе!" Яко третицею посла къ ней, глаголя: „уже бо — хощу преставитися мнѣ — жду тебѣ; она же останочное дѣло воздуха того святого шіяше, уже бо единого святого ризъ не дошивъ, лице нашивъ и преста, и вотче иглу свою въ воздухъ и приверте нитю, ею же шіяше, и пославъ къ блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставленіи купнемъ. [Оба скончались въ одно время. Тѣла ихъ хотѣли погребсти въ разныхъ гробахъ, но на утро они оказались вмѣстѣ. Тоже повторилось и еще разъ. Тогда ихъ желаніе было выполнено: ихъ погребли вмѣстѣ въ каменномъ гробѣ, въ церкви Рождества Пречистой Богородицы].

Житіе Юліаніи Лазаревской.

(Пересказъ).

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 162.

Во дни благовѣрнаго царя великаго князя Ивана Васильевича, отъ его царскаго двора былъ нѣкоторый мужъ благовѣренъ и нищелюбивъ, именемъ Іустинъ, по прозванью Недюревъ, саномъ ключникъ. И имѣлъ онъ жену боголюбиву и нищелюбиву, именемъ Стефаниду, Григорьеву дочь, Лукина, отъ предѣловъ города Мурома. И жили они во всякомъ благовѣріи и чистотѣ; и было у нихъ много сыновей и дочерей, много богатства и рабовъ множество. Отъ нихъ же родилась и блаженная Юліанія. И когда ей было шесть лѣтъ отъ роду, мать ея померла, и взяла ее къ себѣ въ предѣлы города Мурома бабка ея, матери ея мать, вдова, именемъ Анастасія, Григорьева жена Лукина, Никифорова дочь Дубенскаго; и воспитывала ея шесть лѣтъ во всякомъ благовѣріи и чистотѣ. А когда исполнилось блаженной двѣнадцать лѣтъ, бабка ея преставилась отъ житія сего. И заповѣдала

она дочери своей Натальѣ, Путиловѣ женѣ, Арапова, взять внуку свою Юліанію къ себѣ въ домъ и воспитать ее во всякомъ благочестіи, потому что тетка имѣла своихъ дочерей дѣвицъ и одного сына. Блаженная же отъ младыхъ лѣтъ возлюбила Бога и Пречистую Его Матерь, премного почитала тетку свою и сестеръ, и во всемъ была имъ послушна, любила смиреніе и молчаніе, молитвѣ и посту прилежала. И за то тетка много ее бранила, а сестры надъ ней смѣялись, потому что въ такой молодости томила на свое тѣло, и говорили ей ежедневно: „О, безумная! Зачѣмъ въ такой молодости плоть свою изнуряешь и красоту дѣвственную губишь?“ И часто понуждали ее съ ранняго утра есть и пить; но она не вдавалась ихъ волѣ, хотя съ благодарностью все принимала; чаще же съ молчаніемъ отъ нихъ отходила, потому что она была послушлива ко всякому человѣку, и съ дѣтскаго возраста кротка и молчалива, невеличава. Отъ смѣха и всякой игры удалялась; и хотя много разъ отъ сверстницъ своихъ на игры и пѣсни пустошныя была принуждаема, однако не приставала къ ихъ сборищу, и такимъ образомъ таила свои добродѣтели. Только о пряжѣ и пяличномъ дѣлѣ прилежаніе великое имѣла, и во всю ночь не угасалъ свѣтильникъ ея. А сиротъ и вдовъ, и немощныхъ въ веси той всѣхъ обшивала, и всѣхъ нуждающихся и больныхъ не оставляла безъ призрѣнія; и всѣ дивились ея разуму и благовѣрію. И вселился въ нее страхъ Божій. Не было въ той веси церкви, ни вблизи ея, а была версты за двѣ. И не случилось блаженной въ дѣвственномъ возрастѣ ни разу быть въ церкви, ни слышать божественныхъ словесъ прочитаемыхъ, ни учителя, учащаго на спасеніе. Только смысломъ благимъ была наставляема нраву добродѣтельному, какъ говоритъ великій Антоній: имѣющимъ цѣлъ умъ не требовати писанія. Слово это блаженная собою исправила: и не учившись книгамъ, ни учителемъ наставляемая, еще въ дѣвственномъ возрастѣ всѣ заповѣди исправила, и, какъ бисеръ многоцѣнный, свѣтилась среди тины. О благочестіи подвизалась, и желала слышать слово Божіе; но въ дѣвственномъ возрастѣ ни разу того не получила. И отъ невѣждъ была осмѣяна за свои добрыя дѣла.

[16 лѣтъ она была выдана замужъ, и лишь въ этомъ возрастѣ услышала впервые наставленія пастыря. Свекоръ и свекровь ея были люди богатые и добрые] и поручили ей править все домовное хозяйство. Она же со всѣмъ смиреніемъ послушаніе и повиновеніе имѣла къ нимъ, ни въ чемъ не ослушивалась, не перечила, но много почитала ихъ, и все повелѣнное ими непрекословно совершала, такъ что и свекоръ и свекровь дивились, и всѣ родственники ихъ. И многіе испытывали ее въ рѣчахъ и въ отвѣтахъ; она же на всякій вопросъ давала благочинный и смысленный отвѣтъ и всѣ дивились ея разуму и славили Бога. [Она и замужемъ жила по закону христіанскому, оправдывая свой бракъ указаніями Св. Писанія. Работу свою ручную она продавала, деньги тайно раздавала нищимъ]. Всѣ въ дому ея были одѣты и насыщены, и каждому дѣло, по силѣ его давала; а гор-

дости и величанія не любила. Простымъ именемъ никого не называла и не требовала, чтобъ ей кто на руки воды подалъ, или отъ ногъ ея сапоги отрѣшилъ, но все сама собою творила. Развѣ по нуждѣ, когда гости приходили, тогда ей рабыни по чину предстояли и служили. Когда же уходили гости, и то она себѣ въ тяжесть вмѣняла, и всегда, со смиреніемъ укоряя душу свою, говорила: „Кто же я сама убогая, что предстоятъ мнѣ такіе же человѣки, созданье Божье?“ [Рабовъ и рабынь она не наказывала], говоря: „сама я передъ Богомъ всегда согрѣшаю, а Богъ мнѣ терпитъ: что же мнѣ на этихъ взыскивать? Такіе же люди, какъ и я. Хоть и въ рабство намъ ихъ Богъ поручилъ, но души ихъ больше нашихъ душъ цвѣтутъ“. [Укоры родственниковъ на нее не дѣйствовали. Однажды явился къ ней ночью дьяволъ и сталъ ее давить съ угрозами. По ея молитвѣ явился св. Николай, разогналъ бѣсовъ и ободрилъ ее ласковыми рѣчами]. Она же, пробудившись, на яву увидѣла мужа святолѣпна, какъ онъ, будто молнія, скоро вышелъ дверьми изъ храмины. Тотчасъ встала, пошла за нимъ, но никого не видала, и притворъ храмины той крѣпко былъ запертъ по обычаю. [Во время голода она тайно кормила голодающихъ, сама отказываясь отъ пищи. Умершихъ отъ голода нищихъ она на свои деньги обмывала, одѣвала и хоронила, обо всѣхъ молилась. Когда зараза пошла по Руси, она тайно отъ семьи своими руками обмывала больныхъ. Послѣ смерти свекра и свекрови она роздала бѣднымъ все ихъ имущество. Было у нея 10 сыновей и три дочери. Изъ нихъ 4 сына и двѣ дочери померли еще въ младенчествѣ]. Объ умершихъ младенцахъ благодарила Бога, взывая: „Господь даде, Господь и взятъ!“ — о живыхъ же она веселилась. [Дьяволъ все искушалъ ее: онъ возбуждалъ ссоры между дѣтьми Іуліаніи и ея рабами: старшаго сына ея убилъ рабъ, другого убили на войнѣ. Она все переносила мужественно]. Не кричала, не терзала на себѣ волосъ, какъ дѣлаютъ другія женщины, но днемъ поминала дѣтей своихъ милостынею и кормлею нищихъ, а ночи безъ сна проводила, моля Бога со слезами объ отпущеніи грѣховъ своихъ умершихъ чадъ. [Стала она просить мужа, чтобы отпустилъ ее въ монастырь, но онъ умолялъ ее остаться съ нимъ]. И читалъ онъ ей книги блаженнаго Космы Пресвитера и прочихъ святыхъ отцевъ. „Не спасутъ насъ, сказано, ризы черныя, если не по монашескому чину живемъ; и не погубятъ насъ ризы бѣлыя, если богоугодное творимъ! Кто, не стерпя нищеты, отходитъ въ монастырь, не думая пещись о дѣтяхъ, тотъ не труда ищетъ, и не любви Божіей, но хочетъ только отдыхать. А дѣти, осиротѣвши, плачутся и клянутъ, говоря: „зачѣмъ же родители наши, родя насъ, оставили въ такой бѣдности и нуждѣ? Если и чужихъ сиротъ велѣно кормить, то тѣмъ больше не морить своихъ!“ И многія другія божественныя писанія читалъ онъ передъ нею. [Но все-таки она стала жить еще строже, чѣмъ прежде] — какъ птичка изъ сѣти вырвалась, отверглась отъ всего мірскаго и къ единому Богу всею душою своею обратилась. [Она возложила на себя строгій постъ, заботилась

о нищихъ, спала на дровахъ, подъ ребра клала желѣзные ключи, всегда утѣшала несчастныхъ, рабовъ никогда не наказывала и поучала, любила слушать чтеніе божественныхъ книгъ, въ банѣ не мылась]. Иныхъ же ея добрыхъ дѣлъ не возможно пересказать, ни на письмѣ передать. Не знаю, какого бы добраго дѣла она не сотворила. Какими словами восхвалить труды ея? Плача ея кто испишетъ? Милостыни ея кто изочтетъ? Гдѣ же говорящіе, будто въ міру нельзя спастись? — Не мѣсто спасаетъ, но умъ, и изволеніе къ Богу. Адамъ и въ раю, яко въ великомъ отишьи, утопился, а Лотъ въ Содомѣ, какъ въ морскихъ волнахъ, спасся. Скажешь, что нельзя среди чади спастись? А вотъ блаженная Юліанія и съ мужемъ пожила, и дѣтей рождала, и рабами владѣла, а Богу угодила, и Богъ прославилъ ее.

[Когда умеръ ея мужъ, она еще увеличила суровость своей жизни: зимой не носила теплаго, сапоги одѣвала на босыя ноги, клала въ сапоги орѣховыя скорлупы и острые черепки]. Знакомые говорили ей: „что въ такой старости тѣло свое томить?“ Она же отвѣчала имъ: „развѣ не знаете, что тѣло душу убиваетъ? Убью же сама тѣло мое и порабощу его, да спасется духъ мой“. А другимъ говорила: „недостойны страданья нынѣшняго вѣка противъ будущей славы“. И еще говорила: „сколько усохнетъ тѣла моего, того уже не будутъ ѣсть черви въ ономъ вѣкѣ!“

[Однажды по случаю страшныхъ холодовъ Іуліанія не ходила нѣсколько времени въ церковь. Священникъ этой церкви услышалъ отъ иконы Богородицы гласъ, повелѣвающій ему передать Юліаніи, чтобы она ходила на церковныя службы: „Почитайте Юліанію, говорилъ гласъ, уже ей не меньше шестидесяти лѣтъ, и Духъ Святый почиваетъ на ней“. Когда послѣ этого она вошла въ церковь, то „внезапно великое благоуханіе распространилось въ церкви“. Бѣсы являлись нѣсколько разъ убить ее, но молитва ея и помощь св. Николая помогали ей. При Борисѣ Годуновѣ былъ страшный голодъ, она все имущество раздала бѣднымъ; она отъ старости и слабости наконецъ не могла уже ходить въ церковь], но дома молилась, и о томъ не мало скорбѣла; однако утѣшалась, поминая Св. Корнилія, яко не вреди его домовная молитва, и другихъ. [Когда голодъ еще усилился, она отпустила рабовъ на свободу, и пекла хлѣбъ изъ лебеды и раздавала голодающимъ; и хлѣбъ этотъ былъ вкусенъ]: молитвою ея хлѣбъ былъ сладокъ. И терпѣла въ той нищетѣ два года; не опечалилась, не смутилась; не роптала и не изнемогла нищетою, но была еще веселѣе прежняго. [Умерла она послѣ шестидневной болѣзни; ночью около нея сами зажглись свѣчи и весь домъ наполненъ былъ благоуханіемъ].

Сказаніе о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 114.

[Епископъ Кириллъ былъ въ Ордѣ, вылѣчилъ молитвою сына ханскаго. Одинъ изъ родственниковъ хана увлекся его поученіями, пожелалъ креститься и уѣхалъ изъ Орды въ Россію].

И приде сей отрокъ со владыкою въ Ростовъ и, видѣвъ церковь украшенну златомъ и жемчугомъ, и драгимъ каменіемъ, аки невѣсту украшенну, и въ ней пѣнія доброгласная; бѣ бо тогда въ церкви святыя Богородицы лѣвый клиросъ гречески пояху, а правый русски. Слышавъ же сія отрокъ въ невѣріи сый, и огнь возгорѣся въ сердцѣ его, и взыдѣ луна во умѣ его, и возсія солнце въ душѣ его. И припаде къ ногамъ святаго владыки и рече: „Господи и святче божій! азъ размышляхъ о бозѣхъ царевыхъ и о родительскихъ, о солнцѣ, о лунѣ и огнѣ, яко тварь суть, а ваша вѣра права и добра, и вашъ Богъ истинный. Молю тя, да быхъ и азъ пріялъ святое крещеніе“. Владыка же повелѣ ждати подобна времени; бѣ бо размышляя о исканіи отрока. И по малѣ времени царю Беркѣ умершу и ордѣ мятущися, и исканія отрока не бѣ, и крести сего отрока святый владыка, и нарече имя ему Петръ. И бѣ Петръ во ученіи Господни по вся дни во святилищѣ у владыки.

И преставися святый владыка Кириллъ, и погребоша его честно съ пѣсньми. Вѣчная ему память. И прія престолъ святый владыка Игнатій, въ лѣто 6770-е, мѣсяца септеврія въ 19 день, при князѣ Борисѣ Васильковичѣ Ростовскомъ. И начатъ крыти оловомъ и дно мостити мраморомъ святыя Богородицы Ростовскія, и въ орду ходити, емля оброки царскіе.

Петръ же яко навыкъ у владыки молитвы плачевныя, дневныя и нощныя, приносити къ Богу и непрестаннаго поста не оставаяся и царскія своея не переставая утѣхи; бѣ бо ѣздя при езерѣ Ростовстѣмъ, птицами ловя. И единою ему при езерѣ ловящу, и по обычнѣй молитвѣ уснувъ. И вечеру глубоку сущу, и пріидоста къ нему два мужа свѣтла суща, аки солнце, и возбудиста и, глаголюще: „Друже Петре! услышана бысть молитва твоя, и милостыни твои взыдоша предъ Богомъ“. Оле чудо, братіе! како не удивимся милостыннѣй силѣ, въ невѣрьи раздаянной милостынѣ, а въ вѣрѣ услышанной быти! Аки древній Евстафій Плакида въ невѣрьи, милостыни дая бѣ, а въ вѣрѣ, како сей, сугубу здѣ мзду пріятъ, и по трудѣ царство небесное. О сей бо милостынѣ Господь рече своими святыми усты: „Не пять ли птицъ на единой цатѣ цѣнится, и ни едина отъ нихъ забвена есть предъ Богомъ“. Тако ти и сего блаженнаго Петра милостыня, въ невѣрьи разданна, а въ вѣрѣ милостивнѣ услышана бысть.

Петръ же, возбнувся, видѣ два мужа свята, паче возраста человѣка,—

мнѣти ему отъ ужасти,—аки до облакъ, а свѣтлостію, аки весь міръ осіяюща. Во ужасти воста и падеся дващи и воста, и падеся и въ третіе такоже. Сія же свѣтлая мужа яста его за руку и глаголаста ему: „Друже Петре! Не бойся. Вѣ есвѣ послана къ тебѣ Богомъ, вонь же вѣрова и крестися, Ему укрѣпити родъ твой и племя, и внуцы твоя до скончанія міру, и воздати тебѣ мзду милостыни твоея, а противу трудомъ твоимъ вѣчная память и благая воспріимеши". И вдаста ему два мѣшца, и глаголаста ему: „Возьми сія мѣшца: во единомъ ти злато, а въ друзѣмъ сребро. Утрѣ да идеши во градъ и вымѣниши три иконы, икону святыя Богородицы со младенцемъ, икону святаго Димитрія и святаго Николы, и вдаси на ихъ, еже просятъ мѣняющіи". Петръ же, возрѣвъ на ня, и видѣ, аки человѣка. И взя мѣшца и мнѣвъ—во сновидѣніи, аки въ Татарѣхъ племя ему укрѣпляета, и не разумѣвъ глаголемаго ими; собра же ся ума и рече има: „Господина моя! аще воспросятъ мѣнящіи изъ мѣшцевъ отъ иконъ, что створю; и вы кто еста?" И рѣста ему два свѣтлая мужа: „Мѣшца сія держи у себе въ пазухѣ, имѣй инѣми не видимо, а вопросятъ мѣняющіи изъ мѣшцевъ девять сребреныхъ литръ, а десятую златую, и ты дай же по единому. И веземъ иконы, да идеши ко владыцѣ и рцы ему: Петръ и Павелъ, Христова апостола, посласта мя къ тебѣ, да устроиши церковь, идѣже азъ спахъ при езерѣ, а се знаменіе ею, еже иконы сія вымѣнихъ; а мѣшца сія вдаста ми, да что ми творити велиши? И елико ти речетъ сотворити, и ты створи. А вѣ есвѣ Христова апостола Петръ и Павелъ". И невидима быста отъ него.

Смотрите, братіе, не ложь есть рекый: „прославляющая мя, рече, прославлю!" Тако ти сего Петра и Богъ прослави милостыни его ради.

Той же нощи и владыцѣ явистася страшная святая апостола и рѣста ему: „Да устроиши церковь изъ епископьи слузѣ нашему Петру; много бо злата въ епископью вдавъ, и освятиши въ наше имя. Аще ли сего не створиши, то смертію уморивѣ тя". И се рекше, невидима быста.

[Петръ рѣшился при помощи владыки построить церковь].

Князь же всѣдъ на конь, и глумяся рече Петру: „Владыка тобѣ церковь устроитъ, а азъ мѣста не дамъ; что створиши?" Петръ же рече: „Повелѣніемъ, княже, святыхъ апостоловъ азъ куплю у тобе, елико отлучитъ благодать твоя отъ земли сея". Князь же, яко видѣ мѣшца Петрова въ епископьи, помолча и помысли: „у тобе колико отлучитъ отъ ужасти владыка отъ святыхъ апостолъ". И рече въ себѣ: аще мощно сему быти, яко при Иліи пророцѣ бысть, горсть муки не оскудѣетъ, водоносъ воды не погибнетъ и чванецъ масла не умалится". И рече, играя, Петру: „Петре, вопрошу тя, яко же далъ еси на иконахъ, тако же по моей землѣ кладеши ли 9 литръ сребра, а десятую злата? Створиши ли тако?" Петръ же рече: „Святіи апостоли рекоша ми, яко же владыка повелитъ створити, то и створю; да вопрошаю, господи, владыки". Владыка же веземъ крестъ и благослови Петра, и рече: „Чадо Петре! рече Господь своими святыми усты: „всякому прося-

щему у тебе дай, ты убо, чадо, не пощади родитель имѣнія. Пишетъ бо ся, по глаголу Иліину: чванецъ масла не умалится и горсть муки не оскудѣетъ. Тако же и молитвою, чадо, святыхъ апостоловъ ради Петра и Павла, благословени будутъ твои мѣшцы. Дай же князю волю, яко же хощетъ". Петръ же поклонися владыцѣ до земли, вѣруя глаголомъ его. И шедъ ко князю и рече ему: „Да будетъ, княже, воля святыхъ апостолъ и твоя".

И повелѣ князь извлещи вервь отъ воды и до воротъ, а отъ воротъ и до угла, а отъ угла возлѣ езеро: сіе мѣсто велико. Петръ же рече: „Да повелиши, княже, ровъ копати, якоже въ ордѣ бываетъ, да не будетъ погибенія мѣсту тому". И бысть тако. Градъ же весь, иже провожаху иконы, въ той часъ ископаша ровъ, иже есть и донынѣ. Петръ же начатъ отъ воды класти, емля изъ мѣшецъ по единому, девять литръ сребра, а десятую злата. И наполниши возила Петровыхъ кунъ, и тыя колесницы, на нихъ же клѣть вожаху, едва можаху, како подвизати ихъ.

Видѣвъ же князь и владыка множество сребра и злата, еже бысть 10 выходъ дати, а мѣшцы цѣлы. И рекоста къ собѣ: „что се есть, Господи? Не по нашимъ грѣхомъ се сотворилося; велію бо благодать обрѣте сей человѣкъ, велію вѣру предъ Богомъ!" И дивишася милости Божіи и силѣ святыхъ апостолъ и чудеси бывшу пріудивленно. И поставляша стражи у двора Петрова обѣщальніи людіе, иже на молебнѣхъ. И повелѣша Петру ити на конь. И бысть радость велія во градѣ. Почтиша Петра веліею честію и многими дары, и на многи дни поюще молебны, прославляху Бога и святыхъ апостоловъ Петра и Павла о чудеси, бывшемъ въ наши дни, и многу даянію бывшю, милостыни и кормленію нищимъ.

Не ведяше же Петръ, что ся створи о чудеси семъ, и бѣ молча, уединяяся. Видѣвъ же князь и владыка Петра, умолкша и рекоша въ собѣ: „аще сей мужъ, царево племя, идетъ въ орду, и будетъ спона граду нашему!" Бѣ бо Петръ возрастомъ великъ и лицемъ красенъ. И рече ему: „Петръ, хощеши ли, поимевѣ за тя невѣсту?" Петръ же, прослезився, отвѣща князю и владыкѣ: „Азъ, господіе, возлюбихъ вашу вѣру, и, оставль родительскую, пріидохъ къ вамъ. Воля Господня да ваша буди" Князь же поя ему отъ великихъ вельможъ невѣсту, бѣша бо тогда въ Ростовѣ ординстіи вельможи. Владыка же вѣнча Петра, и устрои церковь ему, и освѣти ю по заповѣди святыхъ апостолъ.

Князь же поимаше Петра на царскую утѣху около езера, съ ястребы и кречеты, и прочими утѣхами, тѣшаше его, да бы ся въ наше вѣрѣ утвердилъ. И рече ему князь: „Петре, велію бо ты благодать обрѣте предъ Богомъ и граду нашему. Писано бо есть: „что воздамъ Господеви о всѣхъ яже воздастъ намъ!" Пріими, господине Петре, мало сея земли нашей отчины противу дому святыхъ апостолъ и воды отъ езера сего. Азъ тобѣ грамоты дамъ". Отвѣщавъ же Петръ: „Азъ, княже, отъ отца и матери не знаю землею владѣти, а грамоты сія чему суть?" Князь же рече: „Азъ тебѣ все

уряжу, Петре; а грамоты суть на се, да не отымаютъ тѣхъ земель мои дѣти и мои внуцы и правнуцы у твоихъ дѣтей и у внучатъ по насъ“. Петръ же рече: „Воля Господня да буде, княже“. И повелѣ князь предъ владыкою писати грамоты: множество земель, отъ езера вѽды и лѣсы, яже суть и донынѣ. И урядиша Петрови домы по его землямъ.

Орда же тогда тиха бѣ по многа лѣта. Бяху бо Петрови тогда сладцы отвѣти и добры обычаи во всемъ. И тольми любляше князь Петра, яко и хлѣба безъ него не ясти, яко владыцѣ побратати Петра во церкви со княземъ. И прозвася Петръ братъ князю. И родишася Петру сынове въ его мѣсто. И по малѣхъ лѣтѣхъ святый епископъ Игнатій преставися, пріятъ царство небесное. Вѣчная ему память. Старый же князь по владыцѣ не по мнозѣхъ днехъ преставися. И сего князя дѣти зваху Петра дядею и до старости. Мирна лѣта много живый и преставися Петръ во глубоцѣй старости въ мнишескомъ чину отиде къ Богу, Егоже возлюби. И положиша его у святаго Петра, у его спалища. И отъ того дни уставися монастырь сей.

[Заканчивается повѣсть разсказомъ о различныхъ недоразумѣніяхъ, возникшихъ относительно земли послѣ смерти Петра].

„Стоглава“.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 152—153.

Царь глаголетъ къ Собору (гл. 4). Преосвященный Макарій, митрополитъ всея Руси, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ!..

Да попрося у Бога помощи соборнѣ съ нами во всякихъ нуждахъ, пособствуйте, поразсудите и уложите и утвердите по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по прежнимъ законамъ прародителей нашихъ, чтобы всякое дѣло и всякія обычаи строилося по Бозѣ въ нашемъ царствіи при вашей святительской паствѣ, а при нашей державѣ. А которые обычаи въ прежнія времена послѣ отца моего, великаго князя Василія Ивановича всея Руси, и до сего настоящаго времени поизшаталося или въ самовластіи учинено по своимъ волямъ или преданія законы порушены или ослабно дѣло и небрегомо Божіихъ заповѣдей что творилося,—и о сихъ всякихъ земскихъ строеніяхъ, и о нашихъ душахъ заблуженія—о всемъ семъ довольно себѣ духовнѣ побесѣдуйте и посовѣтуйте и намъ извѣстите. И мы вашего святительскаго совѣта и дѣла требуемъ и совѣтовати съ вами желаемъ о Бозѣ, утверждати нестройное во благо, а что наши нужды или которыя земскія нестроенія, и мы вамъ о семъ возвѣщаемъ, и вы, разсудя по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, утверждайте въ общемъ согласіи вкупѣ; а азъ вамъ, отцемъ своимъ и братіею съ своими боляры челомъ бью.

О тридесять и седми царскихъ вопросѣхъ и о церковномъ строеніи (гл. 5). Вопросъ 25. Иже брѣютъ главы и брады. Да по грѣхомъ слабость и небреженіе и нерадѣніе вниде въ миръ въ нынѣшнее время. Нарицаемся христіяне, а въ тридцать лѣтъ и старые главы и брады брѣютъ, и усъ подкусываютъ, и платье и одежду иновѣрныхъ земель носятъ; то почему познати христіянина?

О дьяцѣхъ хотящихъ въ діаконы и въ попы становится (гл. 25). Иже есть діяки, которіи хотящіи діяконства и священничества, а грамотѣ мало умѣютъ; и святителемъ ихъ поставити, ино сопротивно священнымъ правиламъ, а не поставити, и святыя церкви безъ пѣнія будутъ, а православныя христіяны безъ покаянія учнутъ умирати и безъ причастія. И святителемъ избирати по священнымъ правиламъ: въ попы бы ставити 30 лѣтъ, а во діяконы 25 лѣтъ; и грамотѣ бы умѣли, и чтобы могли церковь Божію держати и дѣтей своихъ духовныхъ управити могли по священнымъ правиламъ. Да и о томъ ихъ святители истязаютъ со великимъ запрещеніемъ, почему мало умѣютъ грамотѣ; и они отвѣты чинятъ: „Мы де учимся у своихъ отцевъ или у своихъ мастеровъ, а индѣ де намъ учитися негдѣ, колько отцы наши и мастеры умѣютъ, потому и насъ учатъ“. А отцы ихъ и мастеры сами потому же мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, да и учиться имъ негдѣ.

О училищахъ книжныхъ по всѣмъ градомъ (гл. 26). И мы о томъ по церковному совѣту соборнѣ уложили, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и по всѣмъ градомъ, тѣмъ же протопопомъ, и старѣйшимъ священникомъ, и со всѣми священники и діаконы, коимждо въ своемъ градѣ, по благословенію своего святителя, избирати добрыхъ духовныхъ священниковъ и діаконовъ, и діаковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцѣ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользовати, и грамотѣ бы, и чести, и писати горазди; и у тѣхъ священниковъ, и у діаконовъ, и у діаковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священницы и діаконы, и всѣ православія христіяне въ коемждо градѣ предавали имъ дѣтей своихъ въ ученіе грамотѣ, и на ученіе книжнаго письма, и церковнаго пѣнія псалтырнаго, и чтенія налойнаго, и тѣ бы священницы, и діаконы, и діаки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію, и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести, со всякимъ наказаніемъ духовнымъ... А учили бы есте своихъ учениковъ грамотѣ довольно, сколько сами умѣете, и силу бы имъ въ писаніи сказывали, по данному вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе, чтобы ученици ваши всѣ книги учили, которыя соборная святая Церковь пріемлетъ, чтобы потомъ и впредь могли не токмо себе, но и прочихъ пользовати, и учити страху Божію, о всѣхъ полезныхъ, также бы учили своихъ учениковъ чести, и пѣти, и писати, сколько сами умѣете, ничтоже скрывающе, а и здѣ отъ ихъ родителей дары и почести пріемлюще по ихъ достоинству.

О святыхъ иконахъ и о исправленіи книжномъ (гл. 27). Да протопо-

помъ же, и старѣйшимъ священникомъ, и избраннымъ священникомъ, со всѣми священники, въ коемждо градѣ, во всѣхъ святыхъ церквахъ дозирати святыхъ иконъ, и священныхъ сосудовъ, и всякаго церковнаго чину служебнаго, и на престолѣхъ святыхъ антиминсовъ дозирати, и священныхъ книгъ, святыхъ евангелій и апостоловъ, и прочихъ святыхъкн игъ, ихъ же соборная Церковь пріемлетъ. И которыя будутъ святыя иконы состарѣлися, и ихъ бы велѣть иконникомъ починивати, а которыя будутъ мало олифлены, и они бы тѣ иконы велѣли олифити, а которыя будутъ святыя книги, евангелія, и апостолы, и псалтыри, и прочія книги,—въ коейждо церкви обрящете—неисправлены и описливы, и вы бы тѣ святыя книги съ добрыхъ преводовъ исправливали соборнѣ; занеже священная правила о томъ запрещаютъ, и не повелѣваютъ неисправленныхъ книгъ въ церковь вносити, ниже по нихъ пѣти.

О книжныхъ писцѣхъ (гл. 28). Также которые писцы по городомъ книги пишутъ, и вы бы имъ велѣли писати съ добрыхъ переводовъ, да написавъ правили, потомъ же бы продавали; а которой писецъ, написавъ книгу, продастъ не справивъ, и вы бы тѣмъ возбраняли съ всякимъ запрещеніемъ. А кто у него неисправленную книгу купитъ, и вы бы тому по тому же возбраняли, съ великимъ же запрещеніемъ, чтобы впредь такъ не творили, а впредь таковіи обличени будутъ, продавецъ и купецъ, и вы бы у нихъ тѣ книги имали даромъ безо всякаго зазору, да исправивъ отдавали въ церковь, которыя будутъ книгами скудны, да видячи таковая вашимъ бреженіемъ и прочіи страхъ пріимутъ. И вы бы, о всѣхъ о тѣхъ церковныхъ чинѣхъ, о честныхъ иконахъ и о святыхъ книгахъ, о всемъ потщилися совершити и исправити, елико ваша сила. И за то отъ Бога великую мзду воспріимѣте, и отъ благочестиваго царя хвалу и честь, и отъ нашего смиренія соборное благословеніе, а ото всего народу благохваленіе за ваши священническіе труды и подвиги. И аще сія съ благодареніемъ и хотѣніемъ сердечнымъ исправити потщитеся, то съ радостью ожидайте мзды отъ Бога и Царства небеснаго по реченному Христову словеси: „добрый мой рабе, благій и вѣрный, о малѣ бысть вѣренъ, надо многими тя поставлю, вниди въ радость Господа своего“ и прочее.

О тафьяхъ безбожнаго Бахмета (гл. 39). А о тафьяхъ: также бы отнынѣ и впредь, вси православные царіе, и князи, и боляре, и прочіе вельможи, и всѣ православные христіяне, приходили въ соборныя церкви и въ прочія святыя церкви, ко всякому божественному пѣнію, безъ тафей и безъ шапокъ, и стояли бы на молитвѣ со страхомъ и трепетомъ, откровенными главами, по божественному Апостолу. А тафьи бы отнынѣ и впредь на всѣхъ православныхъ христіянѣхъ никогда же не являлися, и попраны были до конца; занеже чуже есть православнымъ таковое носити безбожнаго Махомета преданіе. О таковыхъ бо священныя правила возбряанютъ, и не подобаетъ православнымъ поганскихъ обычаевъ вводити. Отъ Священныхъ Правилъ: Въ

коейждо убо странѣ законы и отчина, и не преходятъ другъ ко друзѣй, но своего обычая кійждо законъ держитъ. Мы же, православные, законъ истинный отъ Бога пріимше, разныхъ странъ беззаконіи оскверни хомся, обычаи злые отъ нихъ пріимше: тѣмъ же отъ тѣхъ странъ томимы есмы и расточаемы виною нашею похоти и обычая. И сего ради казнитъ насъ Богъ за таковыя преступленія.

Изъ статьи о тридесятихъ и о двухъ царскихъ вопросѣхъ, и соборные отвѣты, по главамъ, на томъ же соборѣ, (гл. 41-я).

Вопросъ 16. Въ мірскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы, и органники, и смѣхотворцы, и гусельники и бѣсовскія пѣсни поютъ; и какъ къ церкви вѣнчаться поѣдутъ, священникъ со крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ; а священницы имъ о томъ не возбраняютъ: и священникомъ о томъ достоитъ запрещати.

Вопросъ 17. Да въ нашемъ же православіи тяжутся, нѣцыи же не прямо тяжутся: и поклепавъ, крестъ цѣлуютъ, или образа святыхъ; на полѣ бiются и кровь проливаютъ. И въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ кудесбою, и во Аристотелева Врата, и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ, и по планитамъ глядаютъ, и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми діявольскими дѣйствы міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ. И на тѣ чарованія надѣясь, поклепца и ябедникъ не мирится, и крестъ цѣлуетъ, и на полѣ біется и поклепавъ убиваетъ.

Вопросъ 19. Да по дальнимъ странамъ ходятъ скомрахи ватагами многими по шестидесятъ и по семидесятъ человѣкъ, и по сту; и по деревнямъ у христіянъ сильно ядятъ и пьютъ, и изъ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ.

Вопросъ 20. Да дѣти боярскіе, и люди боярскіе, и всякіе бражники, зернью играютъ и пропиваются, ни службы служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло чинится: крадутъ и разбиваютъ, души губятъ: и то бы зло искоренити.

Вопросъ 21. Да по погостомъ и по селомъ, и по волостемъ ходятъ лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются. А сказываютъ, что имъ являются святая Пятница и святая Анастасія, и велятъ имъ заповѣдати христіяномъ каноны завѣчивати. Они же заповѣдаютъ христіянамъ: въ среду и въ пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменія не разжигати...

Вопросъ 22. Злыя ереси кто знаетъ, ихъ держится: Рафли, Шестокрылъ, Вороноград, Острономій, Зодій, Альманахъ, Звѣздочетьи, Аристотелевы Врата, и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія, которыя прелести отъ Бога отлучаютъ, и, въ тѣ прелести вѣруючи, многіе люди отъ Бога отдаляются и погибаютъ.

Вопросъ 23. Въ Троицкую Субботу, по селомъ и по погостомъ сходятся

мужи и жены на жальникахъ, и плачутся по гробомъ съ великимъ кричаніемъ. И егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и прегудники, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати, и въ долони бити, и пѣсни сатанинскія пѣти; на тѣхъ же жальникахъ обманщики и мошенники.

Вопросъ 24. Русаліи о Іоанновѣ днѣ; и на вечеріи Рожества Христова и Богоявленія, сходятся мужіе и жены, и дѣвицы на нощное плещеваніе, и на безчинный говоръ, и на бѣсовскія пѣсни, и на плясаніе, и на скаканіе, и на богомерзкія дѣла.

Вопросъ 25. А о Велицѣ Дни окличка, на Радуницѣ, Вьюнецъ, и всякое въ нихъ бѣсованіе.

Вопросъ 26. А въ Великій Четвертокъ порану солому палятъ, и мертвыхъ кличутъ; нѣкоторіи же невѣгласи попы въ Великій Четвертокъ соль подъ престолъ кладутъ, и до седмаго четвертка по Велицѣ Дни тамо держатъ, а ту соль даютъ на врачеваніе людемъ и скотомъ.

Вопросъ 27. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста, въ рощи ходятъ и въ Наливки, бѣсовскія потѣхи дѣяти.

Домострой Сильвестра.

В. Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 153—156.

Наказаніе отъ отца къ сыну. Благословляю азъ, грѣшный, имя рекъ, и поучаю, и наказую, и вразумляю сына своего, имя рекъ, и его жену, и ихъ чадъ и домочадцовъ: быти во всякомъ христіянскомъ законѣ, и во всякой чистой совѣсти и правдѣ, съ вѣрою творяще волю Божію, и храняще заповѣди Его, себе утверждающе во всякомъ страсѣ Божіи, и въ законномъ жительствѣ; и жену поучающе, тако же и домочадцевъ своихъ наказующе: не нужею, ни ранами, ни работою тяжкою; имѣюще, яко дѣти, во всякомъ покоѣ: сыты и одѣны, и въ тепломъ храмѣ, и во всякомъ устроѣ. И вдаю вамъ христіянскому жительству писаніе се на память, и вразумленіе: вамъ и чадомъ вашимъ. Аще сего моего писанія не внемлете, и наказанія не послушаете, и по тому не учнете жити, и не тако творити, яко же есть писано,—сами себѣ отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда; и азъ вашимъ винамъ, и грѣху, не причастенъ: кромѣ моея души; азъ о семъ, о всякомъ благочиніи благословилъ, и плакалъ, и молилъ, и поучалъ, и писаніе предлагалъ вамъ; и аще воспріимете сіе мое худое ученіе и грубое наказаніе, со всею чистотою душевною; и прочитая, прося у Бога помощи и разума, по елику возможно, какъ Богъ вразумитъ васъ; и начнете дѣломъ творити вся сі; будетъ на васъ милость Божія, и Пречистыя Богородицы, и великихъ чудотворцевъ, и наше благословеніе, отнынѣ и до вѣка, и домъ вашъ, и чада ваша, и стяжаніе ваше, и обиліе ваше, что вамъ Богъ подаровалъ:

отъ нашего благословенія, и отъ своихъ трудовъ, да будетъ благословенно, исполнено всякихъ благъ, во вѣки, аминь.

Како царя и князя чтити. Царя бойся и служи ему вѣрою, и всегда о немъ Бога моли и ложно отнюдь не глаголи предъ нимъ; но съ покореніемъ, истину отвѣщай ему, яко самому Богу, и во всемъ повинуйся ему. Аще земному царю правдою служиши, и боишися его: тако научишися и Небеснаго Царя боятися: сей временёнъ, а Небесный вѣченъ и судія нелицемѣренъ: воздастъ комуждо по дѣломъ его. Тако же и княземъ покаряйтеся, и должную ему честь воздавай, яко отъ него посланомъ, во отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ. Князю своему пріяйте всѣмъ сердцемъ, и властелемъ своимъ; ни мыслите на ня зла. Глаголетъ бо Павелъ Апостолъ: „вся владычества отъ Бога учинена суть: „да, аще кто противится властелемъ, то Божію повелѣнію противится". А царю и князю и всякому вельможѣ не тщися служити лжею и клеветою и лукавствомъ: погубитъ Господь вся глаголющая лжу, а шепотники и клеветники отъ народа прокляти суть. Старѣйшимъ себѣ честь воздавай, и поклоненіе твори; среднихъ яко братію почитай; маломожныхъ и скорбныхъ любовію привѣчай; юнѣйшихъ яко чада люби; всякому созданію Божію не лихъ буди; славы земныя ни въ чемъ не желай, вѣчныхъ благъ проси у Бога; всякую скорбь и тѣсноту съ благодареніемъ терпи; обидимъ не мсти; хулимъ моли; зла за зло не воздавай; согрѣшающая не осуждай; воспомяни свои грѣхи: о тѣхъ крѣпко пекися; злыхъ мужей совѣту отвращайся; буди ревнитель правожительствующимъ, и тѣхъ дѣланія написуй въ сердцѣ своемъ, и самъ тако же твори.

Како домъ свой украсити святыми образы, и домъ чистъ имѣти. Въ дому своемъ, всякому христіянину, во всякой храминѣ, святые и честные образы, написаны на иконахъ, по существу, ставити на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно мѣсто, со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильники, въ нихъ же свѣщи предъ святыми образы возжигаются, на всякомъ славословіи Божіи: и по отпѣтіи погашаютъ; завѣсою закрываются, всякія ради нечистоты, и отъ пыли: благочинія ради и бреженія; а всегда чистымъ крылышкомъ ометати, и мягкою губою вытирати ихъ, и храмъ тотъ чистъ держати всегда; а къ святымъ образамъ касатися, достойнымъ, въ чистѣй совѣсти; и на славословіи Божіи, и на святомъ пѣніи и молитвѣ, свѣчи вжигати, и кадити благовоннымъ ладономъ и ѳиміаномъ; а образы святые поставляются иже въ началѣ, по чину, свято почитаеми суть, имены прежереченными; въ молитвахъ, и во бдѣніихъ, и въ поклонѣхъ, и во всякомъ славословіи Божіи, всегда почитати ихъ; со слезами, и съ рыданіемъ, и сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдаяся, просяще отпущенія грѣхомъ.

Како мужу съ женою и домочадцы въ дому своемъ молитися. По вся дни, въ вечерѣ, мужу съ женою, и съ дѣтьми и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти вечерня, павечерница, полунощница, съ молчаніемъ и со вниманіемъ, и съ кроткостояніемъ, и съ молитвою, и съ поклоны. Пѣти внятно

и единогласно. Послѣ правила, отнюдь ни пити, ни ѣсти, ни молвы творити, всегда; всему тому наукъ. А ложася спати всякому христіянину по три поклона въ землю предъ Богомъ положити. А въ полунощи, всегда, тайно вставъ, со слезами, прилежно, къ Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи; а утрѣ, возставая, такоже, и комуждо по силѣ и по желанію.

Како дѣтей своихъ воспитати во всякомъ наказаніи и страсѣ Божіи. А пошлетъ Богъ, у кого дѣти, сынове или дщери: ино имѣти попеченіе отцу и матери о чадѣхъ своихъ: снабдити ихъ и воспитати въ добрѣ наказаніи; и учити страху Божію, и вѣжеству, и всякому благочинію; и, по времени и дѣтемъ смотря, и по возрасту, учити рукодѣлію: матери дщери, а отцу сынове, кто чего достоинъ, каковъ кому просугъ Богъ дастъ; любити ихъ и беречи, и страхомъ спасати. Уча и наказуя, и разсужая, раны возлагати: наказуй дѣти во юности, покоитъ тя на старость твою; и хранити и блюсти о чистотѣ тѣлеснѣй, и отъ всякаго грѣха, отцемъ чадъ своихъ, яко же зѣницу ока, и яко своя душа. Аще что дѣти согрѣшаютъ отцовымъ и матернимъ небреженіемъ, имъ о тѣхъ грѣсѣхъ отвѣтъ дати въ день страшнаго суда. А дѣти, аще небрегомы будутъ, въ ненаказаніи отцовъ и матерей, аще что согрѣшатъ, или что зло сотворятъ, и отцемъ и матеремъ, съ дѣтьми, отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ судей продажа и соромота. Аще у богобоязнивыхъ родителей, и у разумныхъ и благоразсудныхъ, чада воспитани въ страсѣ Божіи, и въ добрѣ наказаніи, и въ благоразсудномъ ученіи, всякому разуму и вѣжству и промыслу и рукодѣлію, и тѣ чада съ родители своими бываютъ отъ Бога помилованы, а отъ священнаго чину благословены, а отъ добрыхъ людей хвалими; а егда будутъ въ совершенѣ возрастѣ, добрые люди, съ радостію и съ благодареніемъ, женятъ сыновей своихъ по своей верстѣ, по суду Божію: а дщери, за ихъ дѣти, замужъ выдаютъ. И аще отъ таковыхъ которое чадо Богъ возьметъ, въ покаяніи и съ причастіемъ; то отъ родителю безскверная жертва къ Богу приносится, и въ вѣчныя кровы вселяются; а имѣютъ дерзновеніе у Бога милости просити, и оставленія грѣховъ и о родителѣхъ своихъ.

Како дѣти учити и страхомъ спасати. Казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ; ты бо, бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего измлада, и порадуешися о немъ въ мужествѣ: и посредѣ злыхъ похвалишися, и зависть пріимутъ враги твои. Воспитай дѣтище съ прещеніемъ, и обрящеши о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велицѣ поболиши, скорбя; и послѣ же яко оскомины сотвориши душѣ твоей. И не дажь ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растетъ, а, ожесточавъ, не повинетъ ти ся:

и будетъ ти досаженіе, и болѣзнь душѣ, и тщета домови, погибель имѣнію, и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, предъ властели платежъ и досада зла.

Како всякому человѣку рукодѣльничати, и всякое дѣло дѣлати, благословяся. Въ домовитомъ обиходѣ и вездѣ, всякому человѣку, государю или государынѣ, или сыну или дщери, или служкѣ мужеска полу и женска, и всякому мастеровому человѣку, и стару и малу, всякое дѣло начати, или рукодѣльничати, или ѣсти, или пити, или ѣства варити, или печи что, и всякіе приспѣхи дѣлати, и всякое рукодѣліе и всякое мастерство, и устроивъ себя, очистивъ отъ всякія скверны, и руки умывъ чисто, прежде святымъ поклонятися трижды въ землю, а по нужѣ, ино до пояса, кто умѣетъ: „Достойно" проговорити весь до конца... да молитву Іисусову проговоря, да перекрестяся молвя: „Господи, благослови, отче!" тоже начати всякое дѣло: ино тому Божія милость поспѣшествуетъ, ангели невидимо помогаютъ, а бѣсы отбѣгнутъ; и то дѣло Богу въ честь, а душѣ на пользу; и ѣсти и пити съ благодареніемъ, ино сладко; а что въ прокъ сдѣлано, ино мило. А дѣлати съ молитвою и съ доброю бесѣдою, или съ молчаніемъ: а дѣлаючи что нибудь, начнется слово праздное или хульное, или съ роптаніемъ, или смѣхи, или кощуны, или пѣсни бѣсовскія и игры: отъ такова дѣла, и отъ таковыя бесѣды, Божія милость отступитъ: ангели отыдутъ скорбни, и возрадуются нечестивіи демони, видя волю свою содѣвающу безумніи христіяне; и приступятъ ту лукавіи, влагающе въ мысль всякую злобу и всякую вражду, и ненависть, и подвизаютъ помыслы на гнѣвъ, и на всякіе кощуны, и на всякое зло. Ино то уже дѣло, ѣства или питіе, не споро, и всякое мастерство и всякое рукодѣліе не о Бозѣ совершается. Богу на гнѣвъ, а людямъ неблагословленое, непотребное, и не мило и не прочно; а ѣства и питіе не укусна и не сладка; только врагу и его слугамъ угодно, и сладко, и радостно. А кто въ ѣствѣ и въ питіи и во всякомъ рукодѣліи не чисто стряпаетъ, и во всякомъ мастерствѣ что украдетъ, или подмѣшаетъ, или подмѣнитъ что, или прилжетъ, или божится накривѣ: не только сдѣлано, или не въ толькѣ стало,— а онъ лжетъ,—и тѣ всѣ дѣла не угодны Богу, бѣси написуютъ; и въ томъ во всемъ человѣку истязану быти въ день страшнаго суда.

Како врачеватися христіяномъ отъ болѣзни и отъ всякихъ скорбей. Аще Богъ пошлетъ на кого болѣзнь или какую скорбь, ино врачеватися Божію милостію, да слезами, да молитвою, да постомъ, да милостынею къ нищимъ, да истиннымъ покаяніемъ. Да благодареніе и прощеніе, и милосердіе, и нелицемѣрная любовь ко всякому. Да отцовъ духовныхъ подвизати на моленіе Богу; и молебны пѣти, и вода святити съ честныхъ крестовъ и со святыхъ мощей, и съ чудотворныхъ образовъ, и масломъ священатися; да и по чудотворнымъ и святымъ мѣстомъ обѣщеватися, и приходяще, молитися, со всякою чистою совѣстію; тѣмъ цѣльба всякимъ различнымъ недугомъ отъ Бога получити, да и отъ всякихъ грѣховъ удалятися, и впредь

никакого зла не творити, а отцовъ духовныхъ заповѣди хранити, а епитемьи исправляти: тѣмъ очиститися отъ грѣха, и душевная и тѣлесная болѣзнь исцѣлити, и Бога милостива сотворити... А кто безстрашенъ и безчиненъ, страху Божія не имѣетъ и воли Божіи не творитъ, и закону христіянскаго и отеческаго преданія не хранитъ, о церкви Божіи и о церковномъ пѣніи, и о келейномъ правилѣ, и о молитвѣ, и о всякомъ славословіи Божіи не радитъ; ѣстъ и піетъ безъ воздержанія, и во объяденіе и въ піянство, и не въ подобно время, и законнаго жительства не хранитъ;... и всяко скаредіе творятъ, и всякія богомерзкія дѣла:... пѣсни бѣсовскія, плясаніе, скаканіе, гудѣніе, бубны, трубы, сопѣли, медвѣди, и птицы, и собаки ловчія; творящая конская уристанія, всяко бѣсовское угодіе, и всякое безчиніе и безстрашіе; къ сему жъ чарованіе и волхвованіе: и наузы, Звѣздочетье, Рафли, Альманахи, чернокнижье, вороноград, Шестокрылъ: стрѣлки громныя, топорки, усовники, два каменія, кости волшебныя; и иныя всякія козни бѣсовскія, или кто чародѣйствомъ и зеліемъ, и кореніемъ, и травами, на смерть, или на потворство окормляетъ, или бѣсовскими словами и мечтаньями и кудесомъ, чаруетъ на всякое зло.

Како поучати мужу своя жена. Подобаетъ поучати мужемъ женъ своихъ съ любовію и благоразсуднымъ наказаніемъ; жены мужей своихъ вопрошаютъ о всякомъ благочиніи: како душа спасти, Богу и мужу угодити; и домъ свой добрѣ строити; и во всемъ ему покарятися; и что мужъ накажетъ, то съ любовію пріимати и со страхомъ внимати, и творити по его наказанію. Первѣе: имѣти страхъ Божій, и тѣлесная чистота, якоже впереди указано бысть. Возставъ отъ ложа своего, и молебная совершивъ, женамъ и дѣвкамъ, и слугамъ дѣло указати дневное всякому рукодѣлію, и что работы: дневная ѣства варити, и которые хлѣбы печи: ситные и рѣшетные; и сама бы знала, какъ мука сѣяти, какъ квашня притворити и замѣсити, и хлѣбы валяти и печи, и квасны и бухоны:... а колачи и пироги тако же, и колько муки возьмутъ, и колько испекутъ. И колько чего родится изъ четверти, или изъ осьмины, или изъ рѣшета, и колько высѣвковъ и колько испекутъ: мѣра знати во всемъ: а ѣству мясную и рыбную, и всякіе пироги, и всякіе блины, и всякія каши, и кисели, и всякіе приспѣхи печи и варити, все бы сама государыня умѣла: ино умѣетъ и слугъ научити, и все сама знаетъ. А коли хлѣбы печи, тогда и платье мыти: ино съ одного стряпня, и дровамъ не убыточно: и дозирати, какъ красныя рубахи моютъ и лучшее платье; и колько мыла идетъ и золы, и на колько рубашекъ; и хорошо бы вымыти и выпарити, и начисто выполоскати, и изсушити и искатати, и скатерти, и убрусы, и ширинки, и утиральники также; и всему тому счетъ самой знати, и отдати и взяти все сполна, и бѣло и чисто. А ветчано вѣжливо бы поплачено; ино сироткамъ пригодится. А коли хлѣбы пекутъ, ино того же тѣста велѣти отняти, и пироговъ начинити; а коли пшеничное пекутъ, и семьѣ изъ межситки велѣти пироговъ сдѣлати:

въ скоромные дни со скоромною начинкою, какая лучится, а въ постные дни съ кашею, или съ горохомъ, или съ сокомъ; или рѣпа, или грибы, или рыжики, или капуста: что Богъ лучитъ: ино семьѣ потѣшенье. И всякую бы ѣству, и мясную, и рыбную, и всякій приспѣхъ скоромный и постный, жена бы сама знала и умѣла сдѣлать, и служку научить. То государыни домовныя и домоводицы добрыя. И то бы знала же пивной, медовый, и винный, и бражный, квасной, и уксусный, и кислоштяный, и всякій обиходъ, какъ дѣлаютъ, и поваренный, и хлѣбный; и въ чемъ что родится, и колько изъ чего будетъ. Коли все знаетъ добрая жена добраго мужа, мужнимъ наказаніемъ и грозою, и своимъ добрымъ разумомъ и наукомъ, ино все будетъ споро, и все будетъ полно. А которая женщина или дѣвка рукодѣльна, и той дѣла указати: рубашка дѣлати, или убрусъ брати, или поставъ ткати, или золотное, или шолковое, пяличное дѣло; и которая чему учена, того всего досмотрити и дозрѣти, и всякой мастери самой—прядено, и тафта, и камка, и золото, и серебро отвѣсити, и отмѣрити, и смѣтити, и указати, сколько чего надобно, и сколько чего дастъ; и прикроити, и примѣрити; самой все свое рукодѣліе знати... А сама бы государыня, отнюдь, никакоже, никоторыми дѣлы, опрично немощи, или по мужней волѣ, или по нужѣ, николи безъ дѣла не была, ино и служкамъ, на нее смотря, повадно дѣлати. Мужъ ли придетъ, гостья ли обычная придетъ, всегда бы надъ рукодѣліемъ сидѣла сама: то ей честь и слава, и мужу похвала; а николи же бы слуги государыни не будили: государыня бы сама слугъ будила.

Добрыя жены рукодѣльные плоды и береженье всему. А добрая домовитая жена, благоразумнымъ своимъ помысломъ и мужнимъ наказаніемъ и добрымъ подвигомъ своихъ трудовъ, съ служками, полотенъ и узчинъ, и холстовъ надѣлано; да на что пригоже, ино окрашено на лѣтники, и на кафтаны, и на сарафаны, и на терлики, и на шубы поволоки, и то у ней на домашній обиходъ перекроено и перешито; а будетъ съ лишкомъ за обиходомъ надѣлано полотенъ, или узчинъ, или холстовъ, или скатертей, или убрусовъ, или ширинокъ, или инаго чего, ино и продастъ; ино что надобѣ купитъ: ино того у мужа не проситъ. А рубашки, то все самой кроити, или дати при себѣ кроити; и всякіе остатки и обрѣзки: камчатые и тафтяные, и дорогіе, и дешевые, и золотное, и шелковое, и бѣлое, и красное, и пухъ, и торочки, и спорки, и новые и ветшаные, все бы было прибрано; мелкое въ мѣшечкахъ, а остатки сверчено и связано; и все разобрано, по числу, и упрятано, и какъ чего подѣлать ветшана, или у новаго не достало: а то все есть въ запасѣ, въ торгу того не ищешь, далъ Богъ: у добраго промысла, у совершеннаго разума, все ся лучило дома.

Како слугъ наказывати. А слугъ своихъ заповѣдывай: о людѣхъ не переговаривати; и гдѣ въ людѣхъ были, и что видѣли недобро, — того дома не сказывали бы; а что дома дѣется, того бы въ людѣхъ не сказывали: о чемъ послано, то и памятуй; и о иномъ о чемъ учнутъ спрашивати, того

не отвѣчивай и не вѣдай, и не знай того; борзѣе отдѣлавшися, да домой ходи, да то государю скажи, о чемъ посланъ, а иныхъ вѣстей не приноси, что не приказано; ино промежъ государей никакой ссоры, ни остуды не будетъ... А пошлешь куда служку, или сына, и что накажешь говорити, или что сдѣлати, или что купить, — и ты вороти, да спроси ему, что ты ему наказалъ, что ему говорити, или что ему сдѣлать, или что ему купити. И только, по твоему наказу, тебѣ все изговоритъ, ино добро! А пошлешь со слугою къ кому ѣству, или питье, или что-нибуди, да воротивъ, спроси его: куда несетъ? — Только какъ скажетъ, какъ наказано, то добро! А посылати питіе вполнѣ, а ѣству цѣлу: ино солгать не умѣть! А товаръ посылай, смѣтивъ или смѣрявъ, а деньги счетши, а что вѣсовое, свѣсивъ: а всего лучше запечатавъ: ино безгрѣшно! Да о томъ наказывати: что съ нимъ послано, безъ государя отдать ли, и домовъ отнести... А куда пошлютъ слугу въ добрые люди, у воротъ легонько поколотить; а по двору идешь, и кто спроситъ: „Какимъ дѣломъ идешь?“—Ино того не сказывати, а отвѣчать: „Не къ тебѣ азъ посланъ: къ кому азъ посланъ, съ тѣмъ то и говорить“. А у сѣней, или у избы, или у кельи, и ноги грязныя отерти, носъ высморкати да и выкашлятися, да искусно молитва сотворити; а только „аминя“ не отдадутъ, ино и въ другое и въ третіе молитва сотворити, побольше перваго; а отвѣта не отдадутъ, ино легонько потолкатися; и, какъ впустятъ, и вшедъ святымъ иконамъ поклоняться и отъ государя челобитье и посылка править; ино, въ ту пору, носа не копать перстомъ, ни кашлять, ни сморкать, ни харкати, ни плевати; аще ли нужно, отшедъ на сторону, устроиться; вѣжливенько стоять и на сторону не смотрить, да что наказано, то исправить; а о иномъ ни о чемъ не бесѣдовать, да борзѣе къ себѣ поити; да тотъ отвѣтъ государю сказать, о чемъ посыланъ. А гдѣ лучится быти у кого въ подворьѣ, или въ кельѣ, при государѣ или безъ государя, — ни какой вещи, ни доброй, ни худой, ни дорогой, ни дешевой, не ворошити, ни смотрѣти безъ прошенія; ни съ мѣста на мѣсто не переложити безъ повелѣнія; и съ собою возьмя, ничего не вынести безъ благословенія; а ѣствы и питія также не покушати, чего не велѣно: то татство и лакомство; кто на то дерзаетъ безъ благословенія и безъ велѣнія, тому ни въ чемъ не вѣрити, и заочи его никуда не пошлютъ, по Евангелію: „въ малѣ бѣ вѣренъ, надъ многими тя поставлю!“

Како избная порядня устроити хорошо и чисто. Столъ и блюда, и ставцы, и ложки, и всякія суды, и ковши, и братины, воды согрѣвъ изъ утра, перемыти, и вытерти, и высушить; а послѣ обѣда также, и вечерѣ. А ведра и ночвы, и квашни, и корыта, и сита, и рѣшета, и горшки, и кувшины, и корчаги, — такожъ всегда вымыти, и выскресть, и вытерть, и высушить, и положить въ чистомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ пригоже быти: всегда бъ всякіе суды и всякая порядня, вымыто и чисто бы было; а по лавкѣ и по двору, и по хоромамъ, суды не волочилися бы, а ставцы, и блюда, и бра-

тины, и ковши, и ложки по лавкѣ не валялися бы: гдѣ устроено быти, въ чистомъ мѣстѣ лежало бы опрокинуто ницъ; а въ какомъ суднѣ что, ѣства или питія,—и то бы покрыто было чистоты ради... Изба и стѣны, и лавки, и скамьи, и полъ, и окна, и двери, и въ сѣнѣхъ, и на крыльцѣ, — вымыть и вытерть, и выместь, и выскресть,—всегда бы было чисто; и лѣстницы и нижнее крыльце,—все бы то было измыто и выскребено, и вытерто, и сметено; да передъ нижнимъ крыльцомъ сѣна положить: грязныя ноги отиратъ, ино лѣстница не угрязнится, и у сѣнэй передъ дверьми рогожка или войлокъ ветшаный положить, или потирало: ноги грязныя отирать, чтобы мосту не грязнить. Въ грязное погодье у нижняго крыльца, сѣно или солома перемѣнити, а у дверей рогозинка, или войлокъ перемѣнити, или потирало чистое положить, а грязное прополоскать и высушить; и опять, туто же, подъ ноги пригодится. Ино то, у добрыхъ людей, у порядливой жены, всегда домъ чистъ и устроенъ, все по чину: и упрятано, гдѣ что пригоже, и причищено, и приметено; всегда въ устрои; какъ въ рай войти! Всего того и всякой порядни жена смотрила и учила бъ слугъ и дѣтей добромъ и лихомъ; не иметъ слово,—ино ударить. И увидитъ мужъ что непорядливо у жены и у слугъ, или не по тому, о всемъ, что въ сей памяти писано, — ино бы умѣлъ свою жену наказывати всякимъ разсужденіемъ, и учити. Аще внимаетъ, и по тому все творитъ, и любити и жаловати. Аще жена по тому наученію и наказанію не живетъ, и такъ того всего не творитъ, и сама того не знаетъ, и слугъ не учитъ — ино достоитъ мужу жена своя наказывати, и пользовати страхомъ наединѣ; и понаказавъ, и пожаловати, и примолвити; и любовію наказывати, и разсужати. А мужу на жену не гнѣватися, а женѣ на мужа,—всегда жити въ чистосердіи. И слуги, и дѣти тако же, посмотря по винѣ и по дѣлу, наказывати, и раны возлагати; да наказавъ пожаловати; а государынѣ за слугъ печаловатися, по разсуженію: ино служкамъ надежно. А только жены, или сына, или дщери, слово или наказаніе не иметъ, 'не слушаетъ и не внимаетъ, и не боится, и не творитъ того, какъ мужъ, или отецъ, или мати учитъ, — ино плетью постегать, по винѣ смотря; а побить не передъ людьми, наединѣ: поучити да примолвити и пожаловати: а никако же не гнѣватися ни женѣ ни мужа, ни мужу на жену. А про всяку вину: по уху, ни по видѣнью, не бити; ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ; ни посохомъ не колоть; никакимъ желѣзнымъ или деревяннымъ не бить: кто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ, — многи притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнутъ, и перстъ; и главоболіе, и зубная болѣзнь:... а плетью, съ наказаніемъ, бережно бити: и разумно, и больно, и страшно, и здорово. А только великая вина и кручиновато дѣло, и за великое и за страшное ослушаніе, и небреженіе,—ино плеткою вѣжливенько побить, за руки держа, по винѣ смотря. Да поучивъ, примолвити: а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не вѣдали и не слыхали; жалоба бы о томъ не была.

Изъ переписки князя Курбскаго съ царемъ Іоанномъ Грознымъ. 1564 г.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 151—152.

Епистолія первая князя Андрея Курбскаго, писана къ царю и великому князю Московскому, прелютаго ради гоненія его. Царю, отъ Бога препрославленному, паче же въ православіи пресвѣтлу явившуся, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивъ симъ обрѣтшемуся. Разумѣваяй да разумѣетъ, совѣсть прокаженну имущій, якова же ни въ безбожныхъ языцѣхъ обрѣтается... И больше сего о семъ всѣхъ по ряду глаголати не попустихъ моему языку; гоненія же ради прегорчайшаго отъ державы твоея, отъ многія горести сердца потщуся мало изрещи ти.

Про что, царю, сильныхъ во Израили побилъ еси? и воеводъ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предалъ еси? и побѣдоносную, святую кровь ихъ во церквахъ Божіихъ, во владыческихъ торжествахъ проліялъ еси? и мученическими ихъ кровьми праги церковные обагрилъ еси? и на доброхотныхъ твоихъ и душу за тя полагающихъ неслыханныя мученія, и гоненія, и смерти умыслилъ еси, измѣнами и чародѣйствы и иными неподобными оболгающи православныхъ, и тщася со усердіемъ свѣтъ во тьму прелагати и сладкое горько прозывати? Что провинили предъ тобою, о царю! и чимъ прогнѣвали тя, христіанской предстателю! Не прегордыя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тобѣ сотворили, мужествомъ храбрости ихъ, у нихъ же прежде къ работѣ быша праотцы наши? Не претвердые ли грады Германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тобѣ даны бысть? Сія ли намъ бѣднымъ воздалъ еси, всенародно погубляя насъ?..

Коего зла и гоненія отъ тебя не перетерпѣхъ! и коихъ бѣдъ и напастей на мя не подвиглъ еси! и коихъ лжеплетній презлыхъ на мя не возвелъ еси! А приключившіямися отъ тебя различныя бѣды по ряду, за множествомъ ихъ, не могу нынѣ изрещи: понеже горестію еще души моей объятъ быхъ. Но вкупѣ всѣ реку конечнѣ: всего лишенъ быхъ, и отъ земли Божія туне отогнанъ быхъ, аки тобою понужденъ. Не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ, и не исходатайствовахъ отъ тебя никоея жъ милости архіерейскими чинами; и воздалъ еси мнѣ злыя за благія, и за возлюбленіе мое непримирительную ненависть! Кровь моя, якоже вода, пролитая за тя, вопіетъ на тя ко Господу моему! Богъ сердцамъ зритель: во умѣ моемъ прилежно смышляхъ и обличникъ совѣстный мой свидѣтеля на ся поставихъ, и искахъ и зрѣхъ мысленнѣ, и обращаяся, и не вѣмъ себя и не найдохъ ни въ чемъ же предъ тобою согрѣшивша: предъ войскомъ твоимъ хождахъ и не исхождахъ, и никоего же тебѣ безчестія приведохъ; но токмо побѣды пресвѣтлы, помощію ангела Господня, во славу твою поставляхъ, и никогда же полковъ твоихъ хреб-

томъ къ чужимъ обратихъ; но паче одолѣнія преславныя на похвалу тобѣ сотворяхъ...

Не мни, царю! не помышляй насъ суемудренными мысльми, аки уже погибшихъ избіенныхъ отъ тебя неповинно, и заточенныхъ и прогнанныхъ, безъ правды; не радуйся о семъ, аки одолѣніемъ тощихъ хваляся; избіенные тобою, у престола Господня стояще, отомщенія на тя просятъ; заточенные же и прогнанные отъ тебя безъ правды отъ земли ко Богу вопіемъ день и нощь! Аще и тьмами хвалишися въ городости своей, въ привременномъ семъ скоротекущемъ вѣцѣ, умышляючи на христіанскій родъ мучительные сосуды, паче же наругающе и попирающе ангельскій образъ, и согласующимъ ти ласкателемъ и товарищемъ трапезы, несогласнымъ твоимъ бояромъ, губителемъ души твоей и тѣлу... И о семъ даже до сихъ, писаніе сіе, слезами измоченное, во гробъ съ собою повелю вложити, грядуще съ тобою на судъ Бога моего, Іисуса Христа. Аминь. Писано въ Волмерѣ, градѣ государя моего Августа Жигимонта короля, отъ него же надѣюся много пожалованъ и утѣшенъ быти отъ всѣхъ скорбей моихъ, милостію его государскою, паче же Богу ми помогающу.

Изъ посланія царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи ко князу Андрею Курбскому, противъ его князя Андрея письма, что онъ писалъ изъ града Волмера. Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый, нынѣ есть Отецъ и Сынъ и святый Духъ, ниже начала имать, ниже конца, о немъ же живемъ и движемся есмы, имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду. Иже дана бысть единороднаго Слова Божія Іисусъ Христомъ, Богомъ нашимъ побѣдоносная херугвія и крестъ честный, и николи же побѣдима есть, первому по благочестіи царю Констянтину и всѣмъ православнымъ царемъ и содержителемъ православія, и понеже смотрѣнія Божія. Слова всюду исполняшеся, Божественнымъ слугамъ Божія слова всю вселенную, якоже орли летаніе отекше, даже искра благочестія доиде и до Русскаго царства: самодержавство Божіимъ изволеніемъ поченъ отъ великаго князя Владимира, просвѣтившаго всю Русскую землю святымъ крещеніемъ, и великаго царя Владимира Мономаха, иже отъ Грекъ высокодостойнѣйшую честь воспріемша, и храбраго великаго государя Александра Невскаго, иже надъ безбожными Нѣмцы побѣду показавшаго, и хваламъ достойнаго великаго государя Дмитрія, иже за Дономъ надъ безбожными Агаряны велику побѣду показавшаго, даже и до мстителя неправдамъ, дѣда нашего, великаго государя Ивана, и въ закоснѣнныхъ прародительствіяхъ земли обрѣтателя, блаженныя памяти отца нашего, великаго государя Василія,—даже доиде и до насъ, смиренныхъ скипетродержанія Русскаго царствія. Мы же хвалимъ за премногую милость, происшедшую на насъ, еже не попусти доселѣ десницѣ нашей единоплеменною кровію обагритися: понеже не восхитихомъ ни подъ кимъ же царства, но Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, яко же родихомся во

царствіи, тако и возрастохомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ, свое взяхомъ, а не чужое восхитихомъ. Сего православнаго истиннаго христіанскаго самодержавства, многими владычествы владѣющаго, повелѣніе, нашъ же христіанскій смиренный отвѣтъ бывшему прежде православнаго истиннаго христіанства и нашего содержанія боярину, и совѣтнику, и воеводѣ, нынѣ же преступнику честнаго и животворящаго креста Господня, и губителю христіанскому, и ко врагомъ христіанскимъ слугатаю, отступльшимъ Божественнаго иконнаго поклоненія и поправшимъ вся священныя повелѣнія, и святые храмы разорившимъ, осквернившимъ и поправшимъ со священными сосуды и образы, яко же Исавръ, и Гноетезный, и Арменскій, симъ всѣмъ соединителю,—князу Андрею Михайловичу Курбскому, восхотѣвшему своимъ измѣннымъ обычаемъ быти Ярославскому владыцѣ, вѣдомо да есть.

Почто, о княже, аще мнишся благочестіе имѣти, единородную свою душу отверглъ еси? Что даси измѣну на ней въ день Страшнаго Суда? Аще и весь міръ пріобрящеши, послѣди смерть всяко восхититъ тя! Чесо на тѣлѣ душу продалъ еси? Аще убоялся еси смерти, по своихъ бѣсовъ и вышнихъ друзей и назирателей ложному слову...

Како же не усрамишися раба своего Васьки Шибанова? Еже бо онъ благочестіе свое соблюде, и предъ царемъ и предо всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратѣхъ стоя, и ради крестнаго цѣлованія тебе не отвержеся, и похваляя и всячески за тя умрети тщашеся. Ты же убо сего благочестія не поревновалъ еси: единаго ради моего слова гнѣвна, не токмо свою едину душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ еси: понеже Божіимъ изволеніемъ, дѣду нашему, великому государю, Богъ ихъ поручилъ въ работу, и они, давъ свои души, и до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтемъ, приказали служити, и дѣда нашего дѣтемъ и внучатомъ. И ты то все забылъ, собацкимъ измѣннымъ обычаемъ преступилъ крестное цѣлованіе, со врагомъ христіанскимъ соединился еси, и къ тому, своея злобы не разсмотряя, сицевыми и скудоумными глаголы, яко на небо каменіемъ меща, нелѣпая глаголеши, и раба своего во благочестіи не стыдишися и подобная тому сотворити своему владыцѣ отвергся еси...

Крови же въ церквахъ никакія не проливали есмя; побѣдоносецъ же и святыя крови во своей землѣ въ нынѣшнее время, ничего си явленно, не вѣмы. Праги же церковные елико сила наша и разумъ осязаетъ, и яко же подвластные наши къ намъ службу свою являютъ, сице украшеньми всякими церкви Божія свѣтятся, всякими благостынями, елико послѣ вашія бѣсовскія державы сотворихомъ, не токмо праги и помостъ, но и преддверія, елика всѣмъ видима есть иноплеменнымъ украшенія. Кровію же никакою праги церковные не обагряемъ; мучениковъ же въ сіе время за вѣру у насъ нѣтъ... А мукъ и гоненія и смертей многообразныхъ ни на кого не умышливали есмя; а еже о измѣнахъ и чародѣйствѣ воспомянулъ еси: ино, такихъ собакъ вездѣ казнятъ.

Также изволися судьбами Божіими быти, родительницѣ нашей благочестивѣй царицѣ Еленѣ преити отъ земнаго царствія на небесное; намъ же со святопочившимъ братомъ Георгіемъ, сиротствующимъ, отставъ родителей своихъ, ни откуду промышленія уповающе, и на Пресвятыя Богородицы милость, и всѣхъ святыхъ молитвы и на родителей своихъ благословеніе упованіе положихомъ. Внѣ же осмому лѣту отъ рожденія, тогда преходящу, подвластнымъ нашимъ хотѣніе свое улучившимъ, еже царство безъ владѣтеля обрѣтоша, насъ убо государей своихъ никоего промышленія добротнаго не сподобиша, сами же примѣсишася богатству и славѣ, и тако скочиша другъ на друга. И елико сотвориша! колико бояръ и доброхотныхъ отца нашего и воеводъ избиша! и дворы и села и имѣнія дядь нашихъ восхитиша себѣ, и водворишася въ нихъ! и казну матери нашея перенесли въ большую казну, неистово ногами пхающе и осны колюще; а иное же себѣ разъяша: а дѣдъ твой Михайло Тучковъ то сотворилъ. И тако князь Василій и князь Иванъ Шуйскіе самовольствомъ у меня въ береженье учинилися, и тако воцаришася, а тѣхъ всѣхъ, которые отцу нашему и матери нашей главные измѣнники, изъ поиманія выпускали и къ себѣ ихъ примирили. А князь Василій Шуйскій на дядей нашихъ княжъ Андреевѣ дворѣ, сонмищемъ Іудейскимъ отца нашего и нашего дьяка ближняго, Ѳедора Мишурина изымавъ, позоровавши, убили; и князя Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго и иныхъ многихъ въ разная мѣста заточиша, и на царство вооружишася, и Данила митрополита сведши съ митрополіи въ заточеніе послаша: и тако свое хотѣніе во всемъ улучиша, и сами убо царствовати начаша. Насъ же, со единороднымъ братомъ, святопочившимъ Георгіемъ, питати начаша, яко иностранныхъ, или яко убожайшую чадь. Якова же пострадахъ во одѣяніи и во алканіи! во всемъ бо семъ воли нѣсть: но вся не по своей волѣ и не по времени юности. Едино воспомяну: намъ бо во юности дѣтства играюще, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сѣдитъ на лавкѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ; къ намъ же не приклоняяся, не токмо, яко родительски, но еже властелински,... и таковая гордыня кто можетъ понести! Како же исчести таковыя бѣднѣ страданія многая, яже въ юности пострадахъ! Многажды поздо ядохъ не по своей волѣ. Что же убо о казнѣ родительскаго ми достоянія? Вся восхитиша лукавымъ умышленіемъ, будто дѣтемъ боярскимъ жалованье, а все себѣ у нихъ поимаша во мздоиваніе; а ихъ не по дѣлу жалуючи, верстая не по достоинству; а казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поимаша; и тако въ той нашей казнѣ исковавши себѣ сосуды злати и сребряни и имена на нихъ родителей своихъ подписаша, будто ихъ родительское стяжаніе: а всѣмъ людемъ вѣдомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи; и коли бы то ихъ была старина, и чѣмъ было сосуды ковати, ино лучше бы шуба перемѣнити, да во излишнемъ сосуды ковати. Что же о казнѣ дядь нашихъ и глаголати? все себѣ

восхитиша! По семъ на грады и села наскочиша, и тако горчайшимъ мученіемъ, многоразличны бѣды, имѣнія ту живущихъ безъ милости пограбиша...

Егда же достигохомъ лѣта пятагонадесять возраста нашего, тогда Богомъ наставляеми, сами яхомся царство свое строити, и за помощію всесильнаго Бога, начася строити царство наше мирно и немятежно по волѣ нашей. Но тогда случися, грѣхъ нашихъ ради, отъ произволенія Божія, распростершуся пламени огненному, царствующій градъ Москву попалиша. Наши же измѣнники, бояре, иже отъ тебя нарицаеми мученики, ихъ же имена волею премину, аки благополучно время измѣнной своей злобѣ улучища, наустиша скудожайшихъ умовъ народъ, что будто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская, со всѣми дѣтьми и съ людьми сердца человѣческая вымали, и таковымъ чародѣйствомъ Москву попалили; да будто и мы тотъ ихъ совѣтъ вѣдали, и таковымъ ихъ измѣнниковъ нашихъ наущеніемъ, множество народа неистовыхъ воскричавъ Іюдейскимъ обычаемъ, пріидоша соборныя и апостольскія церкви въ придѣлъ святаго великомученика Димитрія Селунскаго, и изымавъ боярина нашего князя Юрья Васильевича Глинскаго, безчеловѣчнѣ выволокли въ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, и убиша въ церкви безвинно, противъ митрополича мѣста, и кровію его помостъ церковный окровавивше, и вывлекше тѣло его въ преднія двери церковныя и положиша, яко осужденника, на торжищи, и сіе во церкви святой убійство его всѣмъ вѣдомо. Намъ же тогда живущимъ въ своемъ селѣ Воробьевѣ, да тѣ же наши измѣнники возмутили народъ, якобы и насъ убити, за то, яко же ты, собака, лжеши, что будто мы князь Юрьеву матерь Глинскаго, княгиню Анну, и брата его, князя Михаила, у себя хоронимъ отъ нихъ: и сія суемудрствія како смѣху не подлежатъ! Чесо ради убо намъ царству своему запалители самимъ быти?..

А что речеши: „кровь твоя пролитая отъ иноплеменныхъ за насъ“, по твоему мнимому безумію, „вопіетъ на насъ къ Богу“: тѣмъ же убо смѣху подлежитъ сіе! Еже убо отъ инаго пролитая, на инаго же вопіетъ. Аще бы и тако, еже отъ сопротивныхъ супостатъ пролитая кровь твоя, то должная отечеству сія сотворилъ еси; аще бы не сотворилъ еси, то неси бы еси былъ христіанинъ, но варваръ:—и сіе къ намъ не прилично. Кольми же паче наша кровь на васъ вопіетъ къ Богу, отъ васъ самѣхъ пролитая: не ранами, ниже кровными капли, но многими поты и трудовъ множествомъ отъ васъ отягченъ быхъ безлѣпотно; яко же по премногу отъ васъ отяготихся паче силы! И отъ многаго вашего озлобленія и утѣсненія, вмѣсто кровей, много изліяся слезъ нашихъ, паче же и воздыханія, и стенанія сердечная...

А еже свое писаніе хощешь съ собою во гробъ вложити: се убо послѣднее свое христіанство отложилъ еси! Еже бо Господу повелѣвшу не противитися злу, ты же убо и обычное, еже невѣжды имутъ, конечное про-

щеніе отверглъ еси; и посему убо нѣсть подобно и пѣнію надъ тобою быти. Въ нашей же отчинѣ, въ Вифляндской землѣ, градъ Волмеръ недруга нашего Жигимонта короля нарицаешь; се убо свою злобѣсную собацкую измѣну до конца совершаешь!..

Писана нашея великія Россіи, преименитаго, царствующаго, престольнаго града Москвы, степеней нашего царскаго порога, отъ лѣта міросозданія 7072, Іулія мѣсяца въ 5 день.

Краткое отвѣщаніе князя Андрея Курбскаго на зѣло широкую епистолію великаго князя Московскаго. Широковѣщательное и многошумящее твое писаніе пріяхъ, и выразумѣхъ и познахъ, иже отъ неукротимаго гнѣва, съ ядовитыми словесы отрыгано, еже не токмо цареви, такъ великому и во вселеннѣй славимому, но и простому, убогому воину сіе было недостойно; а наипаче такъ отъ многихъ священныхъ словесъ хватано, и тѣ со многою яростію и лютостію, ни строками, а ни стихами, яко обычай искуснымъ и ученымъ, аще о чемъ случится кому будетъ писати въ краткихъ словесѣхъ многъ разумъ замыкающе; но зѣло паче мѣры преизлишно и звязливо, цѣлыми книгами, и паремьми цѣлыми и посланьями! Туто же о постеляхъ, о тѣлогрѣяхъ, и иныя безчисленныя, во истину яко бы неистовыхъ бабъ басни; и такъ варварско, яко не токмо ученымъ и искуснымъ мужемъ, но и простымъ, и дѣтемъ со удивленіемъ и смѣхомъ, наипаче же въ чужую землю, идѣже нѣкоторые человѣцы обрѣтаются, не токмо въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусные.

Путешествіе Аѳанасія Никитина въ Индію.

А тутъ есть Индѣйская страна, и люди ходятъ наги всѣ, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы въ одну косу плетены... а мужи и жены всѣ черны: язъ хожу куда, ино за мною людей много, дивятся бѣлому человѣку. А князь ихъ, фата на головѣ, а другая на бедрахъ, а бояре у нихъ ходятъ, фата на плещѣ, а другая на бедрахъ, а княгини ходятъ, фата на плечѣ обогнута, а другая на бедрахъ; а слуги княжіе и боярскія, фата на бедрахъ обогнута, да щитъ да мечъ въ рукахъ, а иныя съ сулицами, а иные съ ножи, а иные съ саблями, а иные съ луки и стрѣлами, а всѣ наги да босы...

.....А въ томъ Чюнерѣ ханъ у меня взялъ жеребца, а увѣдалъ, что язъ не бесерменинъ, Русинъ, и онъ молвитъ: „И жеребца дамъ да тысячу золотыхъ дамъ, а стань въ вѣру нашу въ Махметъ-дени; а не станешь въ вѣру нашу въ Махметъ-дени, и жребца возьму и тысячу золотыхъ на главѣ твоей возьму“; а срокъ учинилъ на 4 дни, въ Госпожино говѣйно на Спасовъ день. И Господь Богъ смиловался на свой честный праздникъ, не

остави отъ меня милости своея грѣшнаго и не повелѣ погибнути въ Чюнерѣ съ нечестивыми; и канунъ Спасова дни пріѣхалъ Хозяйочки Махметъ Хорасанецъ, билъ есми челомъ ему, чтобы ся о мнѣ печаловалъ, и онъ ѣздилъ къ хану въ городъ да меня отпросилъ, чтобы меня въ вѣру не поставили, да и жеребца моего у него взялъ. Таково Господарево чудо на Спасовъ день. Ино, братья русьстіи христіяне, кто хочетъ поити въ Индѣйскую землю, и ты остави вѣру своею на Руси, да вскликнувъ Махмета да пойди въ Гундустанскую землю. Меня залгали псы бесермена, а сказывали всего многа нашему товару, ано нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлой, на Бесерменскую землю, перецъ да краска, то дешево; ино возятъ аче моремъ, и они пошлины не даютъ, а намъ пошлины великія; а разбойниковъ на морѣ много, а розбиваютъ все Кафары, ни крестіяне, ни бесермена, а молятся каменымъ болванамъ, а Христа на знаютъ...

Въ Индѣйской землѣ княжатъ все Хорасанцы, и бояре всѣ Хорасанцы; а Гундустанцы все пѣшеходы, а ходятъ борзо, а всѣ наги да босы, да щитъ въ руцѣ, а въ другой мечъ, а иные слуги съ великими съ прямыми луки да стрѣлами. А бой ихъ все слоны, да пѣшихъ пускаютъ напередъ; Хорасанцы на конѣхъ да въ доспѣхахъ, и кони и сами. А къ слономъ вяжутъ къ рылу да къ зубомъ великіе мечи по кендарю, кованы, да оболочатъ ихъ въ доспѣхъ булатный, да на нихъ учинены городки, да въ городкѣ по 12 человѣкъ въ доспѣсѣхъ, да все съ пушками да стрѣлами. Есть у нихъ одно мѣсто... базаръ Алядинандъ, на годъ единъ базаръ, съѣзжается вся страна Индѣйская торговати, да торгуютъ 10 дній, отъ Бедеря 12 ковов ъ, приводятъ коней до 20 тысящъ, продаютъ, всякій товаръ свозятъ. Въ Гундустанской землѣ той торгъ лучшій, всякій товаръ продаютъ, купятъ, на память шиха Аладина, на Русскій праздникъ на Покровъ святыя Богородицы. Есть въ томъ Аландѣ и птица гукукъ, а летаетъ ночи, а кличетъ гукукъ; а на которой хороминѣ сидитъ, то тутъ человѣкъ умретъ; а кто ее хочетъ убити, ино у нея изо рта огнь выйдетъ. А мамоны ходятъ ночи да имаютъ куры, а живутъ въ горѣ или въ каменье. А обезьяны-то тѣ живутъ по лѣсу, да у нихъ есть князь обезьянскій, да ходитъ ратію своею; да кто ихъ заимаетъ, и они ся жалуютъ князю своему, и онъ посылаетъ на того свою рать; и они пришедъ на градъ и дворы разваляютъ и людей побьютъ. А рати ихъ сказываютъ вельми много, и языкъ ихъ есть свой, а дѣтей родятъ много. Да который родится ни въ отца, ни въ матерь, и они тѣхъ мечутъ по дорогамъ, ино Гундустанцы тѣхъ имаютъ да учатъ всякому рукодѣлью, а иныхъ продаютъ ночи, чтобы взадъ не знали побѣжати, а иныхъ учатъ базы миканетъ...

Да о вѣрѣ же о ихъ распытахъ все, и они сказываютъ; вѣруемъ въ Адама, а Буты, кажутъ, то есть Адамъ и родъ его весь. А вѣръ въ Индѣи всѣхъ 80 и 4 вѣры, а всѣ вѣруютъ въ Бута; а вѣра съ вѣрою ни піетъ, ни ястъ, ни женится; а иные же баранину, да куры, да рыбу, да яица ѣдятъ,

а воловины не ѣдятъ никакая вѣра. Въ Бедерѣ же быхъ 4 мѣсяца, и свѣщахся съ Индѣяны поити къ Первоти, то ихъ Ерусалимъ, а побесерменски Мякъка: то де ихъ Бутхана. Тамъ же поидохъ съ Индѣяны до Бутханы мѣсяцъ, и торгу у Бутханы 5 дни. А Бутхана же вельми велика есть, съ полъ-Твери, камена. Да рѣзаны по ней дѣянія Бутовыя, около ея всея 12 рѣзано вѣнцовъ, какъ Бутъ чудеса творилъ, какъ ся имъ являлъ многими образы: первое, человѣческимъ образомъ являлся; другое, человѣкъ, а хвостъ слоновъ; третье, человѣкъ, а видѣнье обезьянино; въ четвертыя, человѣкъ, а образомъ лютаго звѣря, являлся имъ все съ хвостомъ, а вырѣзанъ на камени, а хвостъ черезъ него сажень... Въ Бутханѣ же Бутъ вырѣзанъ изъ камени, вельми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую поднялъ высоко да простеръ, аки Устьянъ царь Цареградскій, а въ лѣвой руцѣ у него копіе, а на немъ нѣтъ ничего... а видѣнье обезьянино... А предъ Бутомъ же стоитъ волъ вельми великъ, а вырѣзанъ изъ камени изъ чернаго, а весь позолоченъ, а цѣлуютъ его въ копыто, а сыплютъ на него цвѣты, и на Бута сыплютъ цвѣты.

Индѣяне же не ядятъ никотораго мяса, ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, а свиней же у нихъ вельми много; а ядятъ же днемъ двожды, а ночи не ядятъ, а вина не піютъ, ни сыты; а съ бесермены не піютъ, ни ядятъ. А ѣства же ихъ плоха, а одинъ съ однимъ ни піетъ, ни ястъ, ни съ женою; а ядятъ брынецъ, да кичири съ масломъ, да травы розныя ядятъ, а варятъ съ масломъ да съ молокомъ; а ядятъ все рукою правою, а лѣвою не пріимется ни за что, а ножа не держатъ, а лжицы не знаютъ, а на дорозѣ ктоже собѣ варитъ кашу, а у всякаго по горнцу. А отъ Бесермянъ крыются, чтобы не посмотрилъ ни въ горнецъ, ни въ яству; а посмотрилъ Бесерменинъ на ѣству, и онъ не ястъ; а ядятъ иные, покрываются платомъ, чтобы никто не видалъ его. А намазъ ихъ на востокъ, порусски; обѣ руки подымаютъ высоко, да кладутъ на темя, да ложатся ницъ, на землѣ, да весь ся истягнетъ по землѣ: то ихъ поклоны. А ясти же садятся, и они омываютъ руки да и ноги, да и ротъ пополаскиваютъ. А бухтаны же ихъ безъ дверей, а ставлены на востокъ, а Буты стоятъ на востокъ. А кто у нихъ умретъ, и они тѣхъ жгутъ, да пепелъ сыплютъ на воду. А у жены дитя родится, ино бабитъ мужъ, а имя сыну даетъ отецъ, а дочери мати... Пошелъ или пришелъ, и они ся кланяютъ почернечески, обѣ руки дотычутъ до земли, а не говоритъ ничего... Индѣяне же вола зовутъ отцомъ, а корову матерью; а каломъ ихъ пекутъ хлѣбы и ѣству варятъ собѣ, а попеломъ тѣмъ мажутся по лицу, и по челу, и по всему тѣлу: ихъ знамя...

Сказаніе о князехъ Владимірскихъ.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, выпускъ 2, стр. 166.

[Начинается сказаніе съ исторіи Ноя и разсказа о раздѣленіи всего міра между его тремя сыновьями. Приводится генеалогія правителей разныхъ странъ]. Въ лѣто 5457 Августу, кесарю Римьскому грядущу во Егѵпетъ съ своими ипаты, яже бѣ власть его Египетская рода суща Птоломѣева. И стрѣте его Иродъ Антипатровъ, творя ему веліе послуженіе вои и пищею и дарми. Предаде же Богъ Егѵпетъ и Клеопатру въ руцѣ Августу. Августъ же начатъ дань подкладати на вселенней. Постави брата своего Патрекіа царя Егѵпту, Августаліа, другаго брата своего постави Александріи властодръжца, Ирода же Антипатрова Асколонятина за многие его почести постави царя надъ Июдѣи въ Іерусалимѣ, Асію же поручи Евлагерду, сроднику своему, Ілирика, брата своего, постави въ поверхніи Истра, Піона постави во отоцехъ златыхъ, иже нынѣ нарицаются Угрове и Пруса, сродника своего постави въ брезѣ Вислы рѣцѣ, въ градѣ Марборахъ, и Турнъ, и Хвоица, и пресловый Гданескъ и ины многи грады по реку, глаголемую Нѣмонъ, впадшую въ море. И житъ Прусъ многа времена лѣтъ и до четвертаго роду; оттого и до сего времени зовется Прусская земля.

И въ то время нѣкии воевода Новогородскій, именемъ Гостомыслъ, скончеваетъ свое житіе и созва владѣлца Новагорода и рече имъ: „о мужие Новгородстіи, совѣтъ даю вамъ азъ, яко да пошлете въ Прусскую землю мужа мудрыя и призовите отъ тамо сущихъ родовъ владѣлца себѣ". Они же, шедше въ Прузскую землю, обрѣтоша тамо нѣкоего князя, именемъ Рюрика посланницы отъ всѣхъ Новогородцевъ, дабы шелъ къ нимъ княжити... [Далѣе вкратцѣ приводится генеалогія русскихъ князей Рюриковичей].

Въ лѣто 6622 бысть сіи князь Владимеръ Всеволодовичь Маномахъ, князь великій Киевъскіи, правнукъ великаго князя Владимера, просвѣтивъшаго Русскую землю, отъ него же 4-е колѣно. Той бо Маномахъ прозвася отъ таковыя вины: [Когда онъ занялъ великокняжескій престолъ, то собралъ совѣтниковъ и предложилъ имъ, по примѣру предковъ, добиться дани отъ Византіи]. Отвѣщаста же великому князю Владимеру Всеволодовичю князи и боляря его и воеводы и рѣша ему: „сердце царево въ руцѣ Божіи, якоже есть писано, а мы есмя вси рабы твои подъ твоею властию". [Мономахъ отправилъ войска, которыя и вернулись съ богатой добычею].

Тогда бѣ во Цареградѣ благочестивый царь Констянтинъ Маномахъ и въ то время брань имѣя съ Персы и съ Латины. И составляетъ съвѣтъ благъ премудрый царьскіи, отряжаетъ убо послы своя къ великому князю Владимеру Всеволодовичю митрополита Ефесскаго Неофита отъ Асия и съ нимъ два епископа, Митулінскаго и Мелетінскаго, и стратіга антиохийскаго, игѣмона Иерусалимскаго Исустафия и иныхъ своихъ благородныхъ.

Отъ своея же царьския вься снимаетъ животворящіи крестъ отъ самого животворящаго древа, на немъ же распятся владыка Христосъ, снимаетъ же отъ своея главы царьскіи венецъ и поставляетъ его на блюде злате; повелѣваетъ же принести крабѣйцу сердоликову, изъ нея же Августия царь римскіи веселящеся, посылаетъ же и ожерелие, сирѣчь святыя бармы, иже на плещу свою ношаше и чепъ, отъ злата аравитскаго скованну и ины многи дары царьскія и даетъ ихъ митрополиту Неофиту и епископомъ, и своимъ благороднымъ посланникомъ и отпусти ихъ къ великому князю Владимеру Всеволодовичю, моля его и глаголя: „Пріими отъ насъ, боголюбивыи и благовѣрныи княже, сия честныя дарове иже отъ начатка вѣчныхъ лѣтъ твоего родства и поколѣніа царьскихъ жребіи на славу и честь на венчание твоего волнаго и самодержавнаго царствия. О немъ же начнутъ молити тя наши посланницы, что мы отъ твоего благородия просимъ мира и любве, яко да церкви Божия безмятежна будетъ и все православие въ покои да пребудетъ подъ сущею властію нашего царства и твоего волнаго самодержства великия Росия, да нарицаешися боговенчанныи царь, венчанъ симъ царьскимъ венцемъ рукою святѣйшаго митрополита Киръ Неофита съ епископы“. И съ того времени князь великіи Владимеръ Всеволодовичъ наречеся Маномахъ, царь великия Росия и потомъ пребыста прочаа времена съ царемъ Констентиномъ князь великіи Владимеръ въ мирѣ и любви. Оттолѣ и донынѣ тѣмъ царьскимъ венцемъ венчаются великіи князи Володимерстіи, его же прислалъ греческій царь Констянтинъ Маномахъ, егда поставятся на великое княжение російское.

Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 168.

[Когда на римскій престолъ вступилъ Константинъ, то христіане отдохнули отъ гоненій. Въ Римѣ епископомъ тогда былъ Сильвестръ. Волхвъ Замбрія, негодуя на него за проповѣдь христіанства, пожаловался Константину, что Сильвестръ поноситъ боговъ. Сильвестръ, спасаясь отъ гнѣва императора, скрылся на горѣ въ пещерѣ. Константинъ заболѣлъ проказой. Врачи совѣтовали ему, для исцѣленія, купаться въ крови младенцевъ. 3.000 ихъ было привезено въ Римъ. Императоръ шелъ уже принимать ванну, какъ его остановилъ вопль многихъ женщинъ. Онъ спросилъ, почему они такъ горюютъ; ему сказали, что это—матери младенцевъ, обреченныхъ на смерть ради него. Императоръ отказался отъ леченія. Ночью явились къ нему апостолы Петръ и Павелъ и сказали, что епископъ Сильвестръ вылечитъ его въ купели. Такъ и случилось. Константинъ, выйдя изъ купели, оказался здоровъ и возславословилъ Христа. Въ награду за исцѣленіе онъ окружилъ еп. Сильвестра почетомъ и хотѣлъ ему дать золотой вѣнецъ, но епископъ отказался отъ такой

чести. Ночью къ императору явились опять два апостола, совѣтовали ему сдѣлать головное украшеніе для епископа изъ бѣлаго полотна и показали ему, какого вида долженъ быть этотъ уборъ. Утромъ императоръ призвалъ мастеровъ и, объяснивъ имъ, каковъ долженъ быть уборъ, сдѣлалъ при ихъ помощи бѣлый клобукъ. Съ великою честью онъ возложилъ клобукъ на главу Сильвестра. Послѣ смерти Сильвестра къ клобуку стали относиться съ меньшимъ уваженіемъ и, наконецъ, его замуровали въ стѣну, сдѣлавъ надпись на стѣнѣ, что это клобукъ папы Сильвестра]. По мнозѣхъ временехъ воста инъ папа, того же латыньскаго служенія, еже отнюдь не любя Христовы вѣры, і святыхъ апостолъ предания і учения, гордостно превознесеся, і святыхъ иконъ поклоняние конечно отвергъ. І нѣкогда вшедшу ему въ олтарь, узрѣ на дверцехъ онѣхъ написано о бѣломъ клобукѣ; і прочетъ, восхотѣ видѣти его. [Клобукъ удивилъ его своимъ благовоніемъ, но все-таки, подстрекаемый бѣсомъ, папа „возненавидѣлъ" клобукъ, и опять его велѣлъ скрыть въ стѣнѣ. Такъ какъ ночью онъ неоднократно слышалъ голосъ, дающій ему понять, что онъ долженъ уважать клобукъ, то онъ, испуганный этимъ, рѣшился совсѣмъ отдѣлаться отъ клобука и—] отослати его въ далняя страны заморския своего сквернаго учения і тамо его опоругати и изтребити, на устрашение оставльшимъ християномъ. І вземше клобукъ онъ святый, вложиша его во вретище безчестно, а златое блюдо себѣ удержаша; і посланники суровы і безчестны отрядивше і написание даша повелѣнная сотворити имъ, і отпустиша ихъ въ корабли зъ гостьми, пришедшими купля дѣяти.

І пловущимъ имъ по морю, і нѣкто посланникъ Индрикъ іменемъ, суровъ і житиемъ поганъ, упився пияньствомъ і усты своими глаголаша скверная, і хотяше сѣсти верху святаго клобука; і абие мракъ теменъ нападе нанъ і невидимая Божия сила не даде ему сѣсти, отрину его отъ мѣста того і удари о корабленный мостъ, і паки подъя его выше, і удари его о край корабля. И бысть разслабленъ, немогій двигнутися ни руками и ногами, і лице назадъ его обратися; очи же развращенные имѣя, і кричаще безпрестани: „охъ, помилуіте мя!" І тако злѣ изчезе. [На морѣ поднялась буря, всѣ погибли съ кораблемъ, кромѣ одного благочестиваго мужа Іеремія, который спасъ клобукъ отъ потопленія, такъ какъ призывалъ имя свв. Константина и Сильвестра; и они явились на его зовъ, спасли его со святыней и приказали нести ее обратно въ Римъ. Іеремія все разсказалъ папѣ]. Папа же, таковая слышахъ, ужасеся страхомъ велиимъ, і нача браду свою терзати і кусати. [Клобукъ былъ положенъ на золотомъ блюдѣ въ церкви, но почестей ему по-прежнему не воздавали], омраченъ бо бѣ дияволимъ ухищрениемъ, въ еретическая сведенъ со отступники его. І мысляще всегда, что сотворити клобуку оному злая, Человѣколюбецъ же Богъ, вся строя на ползу і соблюдая святыню свою на пречестную похвалу. Въ нѣкую нощь спящу папе оному на ложи своемъ, і приде къ нему ангелъ Господень,

страшенъ образомъ, въ руцѣ имѣя мечъ пламенъ, і пусти ю ізо устъ своихъ гласъ, яко громъ; отъ гласа же сего потрясошася полаты папины. [Архангелъ жестоко укорялъ папу за непочтеніе къ клобуку и приказалъ съ почетомъ отослать его въ Константиноградъ. Папа съ трепетомъ пошелъ къ клобуку—] і абие узрѣ страшное видѣніе: прежде взяти блюдо оное златое съ клобукомъ подняся выше человѣка, і паки ста на мѣстѣ своемъ. [Въ это время въ Константинополѣ былъ патріархомъ благочестивый Ѳилофей. Ему ночью явился юноша свѣтлый, предупредилъ его о томъ, что скоро изъ Рима привезутъ клобукъ, и приказалъ послать его въ Россію, въ Новгородъ], і да будетъ тамо носимъ на главѣ Василия архиепископа, на почесть святѣй і апостольстей соборней церкви Софѣи премудрости Божій, і на похвалу православнымъ; тамо бо нынѣ воистинну славима есть Христова вѣра. [Патріархъ съ честью принялъ клобукъ и сразу исцѣлился отъ глазной болѣзни. Папа, между тѣмъ, пожалѣлъ, что послалъ клобукъ изъ Рима и сталъ просить его обратно. Въ отвѣтъ патріархъ прислалъ къ нему ругательное письмо, назвалъ „суровымъ", „отступникомъ", „предтечей антихристовымъ" и проклялъ его]. Папа же, прочетъ і увѣдавъ, яко патріархъ клобукъ бѣлыи имать въ велице чести і хощетъ его послати въ рускую землю, въ великий Новъгородъ; і рыкнувъ болѣзненно, і опустнѣ лицемъ, і въ болѣзнь впаде: толико бо онъ, поганыи, паче не любяше руския земли, вѣры ради Христовы, но и слышати не терпяше: распалився плоть его, і сѣдоша на колѣне его двѣ болячки на обѣихъ частехъ, і отъ тѣхъ разыдошася болячки по всему тѣлу его отъ главы і до ногу, і смрадъ велии изхождаше отъ него и черви многи искипѣша ісъ тѣла его, і хребетъ его сляче въдвое. Мнози же врачеве приходяще, не могоша изцѣлити его; очи же развращенни імѣя и кричаще безпрестани великимъ гласомъ, і нелѣпая глаголаше, і псомъ, і волкомъ вояше. [Когда кто-то хотѣлъ вытереть его полотномъ, онъ—] яко песъ платно хотяще ухватити зубы своими, і вотче себѣ въ горло, і абие отече плоть его, і разсѣдеся весь; бѣ бо дебелъ плотию поганый. [Патріархъ хотѣлъ было удержать клобукъ въ Константинополѣ, но ночью къ нему явились св. Константинъ и Сильвестръ и заявили, что онъ долженъ послать клобукъ въ Новгородъ; они сказали:] Въ царствующемъ же семъ Констянтиноградѣ, по неколицехъ временахъ, обладати имутъ агаряне за умножение грѣхъ человѣческихъ, і вся святая осквернятъ і истреблятъ, якоже въ создании града сего явлено бысть о семъ: ветхиі бо Римъ отпаде славы і отъ вѣры Христовы гордостию і своею волею; въ новемъ же Римѣ, еже есть въ Коньстянтинѣграде, насилиемъ агарянскимъ такоже християнская вѣра погибнетъ; на третиемъ же Римѣ, еже есть на руской земли, благодать святаго духа возсия. І да вѣси, Филофие, яко вся християньская пріидутъ въ конецъ і снидутся во едино царство руское, православия ради. Въ древния бо лѣта̀, изволениемъ земнаго царя Констяньтина, отъ царствующаго сего града царьскій вѣнецъ данъ бысть ру-

скому царю; бѣлыи же сей клобукъ изволениемъ небеснаго царя Христа нынѣ данъ будетъ архиепископу великаго Новаграда і кольми сиі честнѣе оного, понеже архангельского чина есть царьскии вѣнецъ есть, і духовнаго суть. [Затѣмъ предсказана была судьба Царяграда и Россіи]. Яко же бо отъ Рима благодать, і слава, і честь отъята бысть, такоже і отъ царствующаго града благодать Святаго Духа отъимется, въ пленение агарянского, і вся святая предана будетъ отъ Бога велицей рустей земли во времена своя, і царя руского возвеличитъ Господь надъ многими языки, і подо властию ихъ мнози цареі будутъ отъ иноязычныхъ, подъ властию ихъ і патриаршескии чинъ отъ царствующаго сего града такожде данъ будетъ рустей земли во времена своя, і страна наречется свѣтлая Росия. [Клобукъ былъ отправленъ въ Новгородъ и переданъ архіепископу Василію. Клобукъ сдѣлался святыней Новгорода]. Потомъ же отъ многихъ градъ и царствъ приходяше людие въ великиі Новъгородъ, аки на нѣкое чюдо дивное зряще, видяще архиепископа въ бѣломъ клобукѣ ходяща и дивляхуся, і во всѣхъ царствахъ і странахъ о семъ повѣдающе.

Сказаніе о псковскомъ взятіи.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 170.

Отъ начала убо Русскія земли сей убо градъ Псковъ ни коимъ же княземъ владомъ бѣ, но на своей волѣ живяху въ немъ сущіе людіе. Прежняя же убо удѣльная княженія взятъ князь великій Московскій подъ свою область не во едино время ратію, но поразну, якоже Лѣтописная книга пишетъ: первое Суздальское князя Симеона покори себѣ, потомъ Новгородъ, таже Тверь взятъ, а князь Тверскій въ Литву утече, князь Михайло. Псковъ же градъ твердъ стѣнами, и людей бѣ множество въ немъ: и того ради не иде на нихъ ратію, и боядся, чтобъ не отступили въ Литву; и того ради льстя бѣ имъ лукавствомъ злымъ, и миръ имѣ со Псковичи; и крестъ ему цѣловаху Псковичи, что отъ великаго князя не отступити никудѣ. Князь же великій посылаше къ нимъ князей своихъ по ихъ прошенію, коего восхотятъ, того и пошлютъ, а иногда посылаше намѣстники своя въ Псковъ по своей волѣ, коего восхощетъ не по ихъ волѣ: они же насиловаху, и грабяху, и продаяху ихъ поклепы и суды неправедными. Пскова же града живущіе и прочіе окрестныхъ градовъ посылаху посадники своя великому князю жаловатися на нихъ. И сице многажды бысть тако.

Въ лѣто 7018, мѣсяца октября въ 26, на память Святаго Димитрія, князь великій Василій Ивановичъ пріѣхалъ въ свою отчину въ великій Новгородъ, и съ своимъ братомъ, удѣльнымъ со княземъ Андреемъ и со своими бояры. И Псковичи, услышавше государя великаго князя Василья Ивановича въ великомъ Новѣгородѣ, и послаша пословъ своихъ въ великій Новгородъ,

Юрья посадника Елисеевича и посадника Михаила Помазова, и бояръ изо всѣхъ концовъ; и даша Псковичи дару великому князю Василью Ивановичу полтораста рублевъ новгородскихъ; и биша челомъ ему о жалованьи и о печалованіи своея отчины, мужей Псковичь, добровольныхъ людей, что „есмя пріобижены отъ твоего намѣстника, а отъ нашего князя Ивана Михайловича Рѣпни, и отъ его людей, и отъ его намѣстниковъ отъ пригородскихъ, и отъ ихъ людей“. И князь великій отвѣчалъ нашимъ посадникомъ: „Язъ васъ, свою отчину, хощу жаловати и боронити, якоже отецъ нашъ и дѣды наши великіе князи; и что ми повѣстуете о намѣстникѣ моемъ, а о своемъ князѣ Иванѣ Михайловичѣ Рѣпнѣ, аже только станутъ на него многи жалобы, и язъ его обвиню предъ вами“; да и посадниковъ нашихъ и бояръ отпустилъ.

И посадники наши сказываютъ Псковичемъ на вѣчѣ, что князь великій даръ ихъ честно принялъ, а сердечныя мысли никтоже вѣсть, что князь великій сдумалъ на свою отчину и на мужей Псковичь, и на градъ Псковъ.

Потомъ, тоя же зимы, по малѣ времени поѣхалъ изо Пскова князь Псковскій, Иванъ Михайловичъ Рѣпня Суздальскихъ князей, государю великому князю жаловатися на Псковичь, что-де его Псковичи безчествовали; а тотъ Рѣпня не пошлиною во Псковъ пріѣхалъ да сѣлъ на княженіи, а не по крестному цѣлованію учалъ въ Псковѣ жити, а не учалъ добра хотѣть Святѣй Троицѣ, ни мужемъ Псковичемъ; да тотъ Рѣпня много зла чинилъ дѣтемъ боярскимъ и посадничимъ, и тые дѣти боярскіе да и посадничи, сдумавъ себѣ, что тотъ Рѣпня, князь Псковскій, много зла имъ чинилъ, да поѣхали къ великому князю жаловатися на князя Ивана Михайловича, на Рѣпню.

Потомъ, того же времени посадники Псковскіе, сдумавъ со Псковичи такову думу,—а не на пользу себѣ думаша,—учаша грамоты писати по пригородомъ да и по волостемъ, а ркучи такъ: „Аще который человѣкъ, каковъ ни буди, а жаловался на князя, и вы бы ѣхали къ государю великому князю въ великій Новгородъ противу его бити челомъ“. На той же недѣлѣ поѣхалъ Леонтій посадникъ бити челомъ на посадника на Юрья на Копыла, и поѣхалъ Юрій въ Новгородъ противу его отвѣчивать и тамо тягатися. И Юрій посадникъ прислалъ грамоту свою изъ великаго Новагорода ко Пскову, а въ грамотѣ написано такъ: „Аще не поѣдутъ посадники изо Пскова говорити противу князя Ивана Рѣпни, ино будетъ вся земля виновата“

И въ ту пору Псковичемъ сердце уныло, а на четвертый день по той грамотѣ поѣхали къ Новугороду 9 посадниковъ, да и купецкіе старосты всѣхъ рядовъ; а князь великій управы имъ никакой не дастъ, а говоритъ такъ: „Копитеся вы, жалобные люди, на Крещеніе Господне, и язъ вамъ всѣмъ управу подаю; а нынѣ вамъ управы никаковы нѣтъ“. И пріѣхаша вси Псковичи въ Псковъ, и егда же приспѣваше срокъ той, поѣхаша посадники въ Новгородъ къ великому князю, и купецкіе старосты, не вѣдуще

своея погибели. На самый праздникъ Крещенія Господня князь великій Василій Ивановичъ велѣлъ посадникомъ всѣмъ копитися, да и боярамъ и купцемъ, и купецкимъ старостамъ велѣлъ ити на рѣку на водокрестіе; а самъ князь великій вышелъ со всѣми бояры своими на рѣку на Волховъ, а священники и дьяконы выидоша со кресты, въ той день приспѣлъ бо праздникъ Крещенія Господня; а владыка въ то время не бысть на Новѣгородѣ, и крестилъ воду владыка Смоленскій да священники, и воду окрестивъ, да пошли ко святѣй Софіи. И князь великій велѣлъ свомъ бояромъ по своей думѣ творити, какъ себѣ сдумали, да нашимъ посадникомъ, да и людемъ тѣмъ учали говорити: „Посадники Псковскіе, и бояре, и жалобные люди! государь велѣлъ всѣмъ вамъ копитися на государскій дворъ исполна, а кой не пойдетъ, ино боялся бы государевы казни; занеже государь хочетъ управу всѣмъ вамъ дати“. И посадники Псковскіе, и бояре съ одного пошли съ воды на владычень дворъ; и бояре посадниковъ спросили: „Уже ли есте сполна скопилися?“ И посадниковъ, и бояръ, и купцевъ ввели въ полату, а молодшіе люди на дворѣ стояли. И влѣзли въ полату, и бояре молвили посадникомъ, и бояромъ, и купцомъ Псковскимъ: „Поимани-де есте Богомъ и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всея Русіи“. И туто посадники сѣдѣша, и до своихъ женъ, а молодшихъ людей переписавъ, подаваша Новгородцемъ по улицамъ беречи и кормити до управы.

И переняша Псковичи полонянную свою вѣсть отъ Филипа отъ Поповича, отъ купчины, отъ Псковитина, а онъ ѣхалъ къ Новугороду, и сталъ у Веряжи, и услышавъ злу вѣсть, и оставя товаръ, и погонилъ ко Пскову, и сказалъ Псковичамъ, что князь великій посадниковъ нашихъ и бояръ, и жалобныхъ людей переималъ. И нападе на нихъ страхъ и трепетъ, и туга, и пресхоша гортани ихъ отъ скорби и печали, и уста ихъ пресмягли; якоже многажды приходили Нѣмцы на нихъ, и таковы имъ скорби и печали не бывало тогда, якоже нынѣ. И вѣчь поставя, начаша думати, ставить ли щитъ противу государя, запирати ли ся во градѣ? Ино помянуша крестное цѣлованіе, что не мощно рука воздвигнути противъ государя, а посадники и бояре, и лучшіе люди вси у него. И послаша Псковичи къ великому князю гонца своего, Евстафья сотскаго бити челомъ къ великому князю со слезами, отъ мала и до велика, „чтобъ ты, государь нашъ князь великій Василій Ивановичъ, жаловалъ свою отчину старинную; а мы, сироты твои, прежде сего и нынѣ неотступны были отъ тебя, государя, и непротивны были тебѣ, государю; Богъ воленъ да и ты со своею отчиною и съ нами, людишками своими“.

И посла князь великій своего дьяка Третьяка Долматова, и Псковичи обрадовалися отъ государя жалованья и старины; аже Третьякъ имъ на вѣчѣ сказалъ первую новую пошлину, поклонъ отъ великаго князя: „чтодей, отчина моя, посадники Псковскіе и Псковичи, только хотите еще въ старинѣ прожити, и вы бы есте двѣ воли мои изволили, чтобъ у васъ вѣчья

не было, да и колоколъ бы вѣчной снялн, а здѣсь быти двумъ намѣстникомъ, а по пригородомъ намѣстнику же быти, и вы еще въ старинѣ проживете; а только тѣхъ дву воль не сотворите, ино какъ государю Богъ по сердцу положитъ, ино у него много силы готовой, то кровопролитіе на тѣхъ будетъ, кто государевы воли не сотворитъ; да государь нашъ князь великій хочетъ побывати на поклонъ ко святѣй Троицѣ во Псковъ"; да отговоривъ то, да сѣлъ на степени. И Псковичи удариша челомъ въ землю и не могли противу его отвѣта дати, ано исполнилися бяше очи слезъ, — что у сосцу матере своея, но токмо тыя слезъ не испустили, но не въ разумѣ и млади суще. Только ему отвѣчали: „Посолъ государевъ! дастъ Богъ заутра, и мы себѣ подумаемъ, да тебѣ о всемъ скажемъ"; а Псковичи туто горько заплакали. Како ли зѣницы не упали со слезами вкупѣ? како ли не урвалося сердце отъ корени?

Наутрія же, свитающу дни недѣльному, позвониша вѣче. И вшедъ Третьякъ въ вѣче, и посадники Псковскіе и Псковичи начаша ему говорити: „Тако у насъ написано въ Лѣтописцѣхъ: съ прадѣды и дѣды, и со отцемъ его крестное цѣлованіе, съ великими князьями положено, что намъ Псковичемъ отъ государя своего великаго князя, кой ни будетъ на Москвѣ, и намъ отъ него не отойти ни въ Литву, ни въ Нѣмцы; и намъ жити по старинѣ въ добровольи; а мы Псковичи отойдемъ отъ великаго князя въ Литву или въ Нѣмцы, или о себѣ учнемъ жити безъ государя, ино на насъ гнѣвъ Божій, гладъ и огнь, и потопъ, и нашествіе поганыхъ, а государь нашъ князь великій тое крестное цѣлованіе не учнетъ на собѣ держати, ино на него тотъ же обѣтъ, который на насъ, коли насъ не учнетъ въ старинѣ держати; а нынѣ Богъ воленъ да государь въ своей отчинѣ, во градѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ; а мы прежняго цѣлованія своего не хотимъ измѣнити и на себе крово литія приняти, и мы на государя своего руки подняти и въ городѣ заперетися не хотимъ, а государь нашъ князь великій хочетъ Живоначальной Троицѣ помолитися, а въ своей отчинѣ побывати, во Псковѣ, и мы своего государя ради всѣмъ сердцемъ, что насъ не погубилъ до конца".

Мѣсяца генваря въ 13, на память святыхъ мученикъ Ермилы и Стратоника, спустиша вѣчной колоколъ у святыя Живоначальныя Троицы, и начаша Псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей старинѣ и по своей волѣ. И повезоша его на Снѣтогорскій дворъ къ Ивану Богослову, гдѣ нынѣ намѣстничъ дворъ; тоя же нощи повезе Третьякъ вѣчной колоколъ къ великому князю въ Новгородъ...

О славнѣйшій граде Пскове великій! почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: „Како ми не сѣтовати, како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія? прилетѣлъ бо на мя многокрыльный орелъ, исполнь крылѣ львовыхъ ногтей, и взятъ отъ мене три кедра Ливанова; и красоту мою, и богатство, и чада моя восхити, Богу попустившу за грѣхи

наши; и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша, а иныя торжища коневымъ каломъ заметаша, а отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды, и прадѣды наши, и тамо отцы и братію нашу, други наши заведоша, и матери и сестры наши въ поруганіе даша. А иные во градѣ мнози постригахуся въ черницы, а жены въ черницы, и въ монастыри поидоша, не хотяще въ полонъ поити отъ своего града во иные грады. Нынѣ же се, братіе, видяще, убоимся прещенія сего страшнаго, припадемъ ко Господу своему, исповѣдающеся грѣховъ своихъ, да не внидемъ въ большій гнѣвъ Господень, не наведемъ на ся казни горши первой; а еще ждетъ нашего покаянія и обращенія, а мы не покаяхомся, но на большій грѣхъ превратихомся, на злые поклепы и лихія дѣла, и у вѣчьи кричаніе, а не вѣдущи глава, что языкъ глаголетъ, не умѣюще своего дому строити, а градомъ содержати хощемъ. Сего ради самоволія и непокоренія другъ другу бысть сія вся злая на вы!

Сказка о Еруслані Лазаревичѣ.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 171.

Бысть во царствѣ царя Картауса Картаусовича дядушка его, князь Лазаръ Лазаревичъ, а жена у него Епистимія, а сына родила Еруслана Лазаревича; и какъ будетъ Ерусланъ Лазаревичъ четырехъ лѣтъ по пятому году, и сталъ ходить на царевъ дворъ и шутить шутки не гораздо добры: кого хватитъ за руку — у того рука прочь, кого хватитъ за ногу — у того нога прочь. [Отцы изувѣченныхъ отправились жаловаться къ царю, — они сказали, что Ерусланъ „шутитъ шутки не гораздо добры: кого хватитъ за голову — у того голова прочь, кого хватитъ за ногу — у того нога прочь". Царь приказалъ князю Лазарю убрать сына]. „И тутъ стоя, князь Лазарь Лазаревичъ услышалъ отъ царя Картауса Картаусовича себѣ слово кручинное, поѣхалъ отъ царя невеселъ, повѣсилъ свою буйну главу ниже плечь своихъ. Ажно встрѣчаетъ сынъ его Ерусланъ Лазаревичъ; не доѣждаючи отца своего, слазитъ съ добра коня богатырскаго, бьетъ челомъ о сыру землю: „Многолѣтное здравіе государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ тебя государя моего Богъ милуетъ? что ты отъ царя невеселъ ѣдешь? или тебѣ у царя мѣсто было не по обычаю, или тебѣ отъ царя было слово кручинное?" И говоритъ ему князь Лазар-Лазаревичъ: „Мѣсто мнѣ у царя было по обычаю; стольники и чашники доходили до меня; одно мнѣ отъ царя было слово кручинное. Когда бываютъ дѣти отцу и матери на потѣху, а подъ старость на перемѣну и по смерти поминокъ; а ты мнѣ, дитятко, смолода не на потѣху, а подъ старость не перемѣна, а по смерти не поминокъ! Да ходишь ты, дитятко, ко царю на

дворъ, и шутишь шутки не гораздо добры: кого хватишь за руку—у того рука прочь, кого хватишь за голову — у того голова прочь! кого хватишь за ногу—у того нога прочь; и на тебя князія и боляра били челомъ; царь тебя изъ царства велѣлъ вонъ выслати“. [Еруслань отправился въ изгнаніе: въ три дня выстроили ему каменныя палаты у берега моря. Отецъ много далъ ему богатствъ: „имѣнія многое множество, и злата, и серебра, и скатного жемчюга и каменія драгаго самоцвѣтнаго и всякаго обилія много“]. И пріѣхалъ Еруслань Лазаревичъ къ морю, и вшелъ въ бѣлокаменную полату и послалъ подъ себя войлочки косящатые, а въ головы положилъ сѣдло черкасское, да узду тесмяную и легъ опочевать; и поутру вставъ Еруслань Лазаревичъ рано, учалъ ходить по дикимъ заводямъ и по губамъ морскимъ, и учалъ гусей и лебедей стрѣляти и сѣрыхъ птицъ, и тѣмъ себя кормилъ. [Однажды онъ встрѣтилъ старика, который оказался „Ивашко сивый конь, Алогти-Гирей, горазной стрѣлецъ, силной борецъ, въ полку богатырь“; онъ стережетъ табуны коней князя Лазаря. Повѣдалъ ему Еруслань свое горе „похотѣлъ онъ въ полѣ казаковать“, а не можетъ онъ найти себѣ коня богатырского. Ивашко ему на водопоѣ показываетъ жеребца: „де ажно жеребецъ пьетъ, и на морѣ волны встаютъ, подъ дубомъ орлы крекчутъ, по горамъ змѣи свищутъ, и никакой человѣкъ на сырой землѣ стояти не можетъ“. Конь прозывался Арашемъ. Поѣхалъ дальше Еруслань; увидалъ на полѣ рать побитую] и крикнулъ громко голосомъ: „Есть ли въ сей рати живъ человѣкъ? [Оказался одинъ живой, который и сказалъ, что рать эта—войско Ѳеодула, царя-змія, а побилъ ее Иванъ руской богатырь, который хочетъ силою взять за себя дочь Ѳеодула прекрасную Кондурію. [Поѣхалъ Еруслань дальше, чтобы „сустигнуть“ богатыря по его слѣдамъ] и нашелъ ступь коневью и копытъ скакано съ горы на гору, долы и подолки вонъ выметываны. И Еруслань Лазаревичъ поѣхалъ тѣмъ же путемъ и сталъ скакать съ горы на гору, долы и подолки вонъ выметывалъ, и говоритъ самъ себѣ: „конь коня лутче, а молодецъ молодца и давно удалѣе!“ [Настигъ онъ богатыря спящимъ въ шатрѣ, хотѣлъ было его убить, да самъ себѣ сказалъ: „не честь мнѣ будетъ, не хвала, что соннаго убить: сонной человѣкъ, аки мертвой“, поставилъ своего коня рядомъ съ чужимъ ѣсть пшеницу, а самъ легъ съ богатыремъ на одной кровати. Проснулся русскій богатырь,—видитъ, что его коня чужой конь отогналъ отъ пшеницы, а рядомъ съ нимъ спитъ юноша. Онъ хотѣлъ было зарубить Еруслана, да отдумалъ, такъ какъ тоже не увидѣлъ чести въ томъ, что убить соннаго. Онъ разбудилъ Еруслана и сталъ ему грозить. Еруслань сказалъ, кто онъ такой, и затѣмъ добавилъ:] ты говоришь не гораздо ладно: когда бываютъ люди добрые, и они прежь худыхъ рѣчей пьютъ, и ѣдятъ, и потѣшаются, въ чистѣ полѣ разъѣзжаются. [Затѣмъ Еруслань потребовалъ, чтобы богатырь подалъ ему умыться. На это тотъ отвѣчалъ:] „Еруслань Лазаревичъ! тебѣ вода черпати да мнѣ подавать: и ты дитя молодое“. А въ тѣ поры Еруслань

Лазаревичъ шти лѣтъ по седьмому пошелъ. И говоритъ Еруслань Лазаревичъ: „Князь Иванъ, руской богатырь! тебѣ вода черпати да и мнѣ подавать: не имавъ птицу, да теребить, а добра молодца, не отвѣдавъ, да хулишь и хулу возлагаешь“. И говоритъ Иванъ руской богатырь: „Я во князѣхъ князь, а въ боярехъ бояринъ, а ты казакъ: тебѣ вода черпати да и мнѣ подавать“. И говоритъ ему Еруслань Лазаревичъ: „Язъ въ чистѣ полѣ богатырь; а ты когда у царей во дворѣ, — и тогда ты князь, а когда ты въ чистѣ полѣ, и тогда ты песъ, а не князь: тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать“. И видитъ князь неминучую бѣду, и взялъ чару, и почерпаетъ воду, и самъ умылся, да и ему подалъ. [Затѣмъ они устраиваютъ поединокъ, на которомъ Еруслань выбилъ изъ сѣдла русскаго богатыря, хотѣлъ его убить, но тотъ взмолился]. И Еруслань Лазаревичъ слазилъ съ добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю и принимаетъ его за правую руку, и цѣлуетъ его во уста сахарныя и называетъ его братомъ. [Они поѣхали дальше, Иванъ-богатырь при Еруслань разбилъ вторую и третью рать царя Ѳеодула]. И не ясенъ соколъ напущается на гуси и на лебеди, напущаетъ Иванъ руской богатырь на рать Ѳеодула царя-змія, и побилъ, и присѣкъ, и конемъ притопталъ 20000 и самого Ѳеодула царя-змія убилъ, и которые остались люди малые и старые и некому противъ Ивана русскаго богатыря вытти. [Иванъ завладѣлъ и Кондуріей Ѳеодуловной. Однажды сталъ онъ ее спрашивать, есть ли кто краше ея, и сильнѣе Еруслана. Она отвѣчала, что знаетъ трехъ красавицъ-богатыршъ: Прондору, Мендору и Легію, а изъ богатырей назвала Ивашку бѣлую Епанчу, который сторожитъ предѣлы царя Далмата]. И Еруслань Лазаревичъ все то слышалъ и богатырское сердце не утерпчиво: входитъ въ бѣлъ шатеръ, образу Божію молится, брату своему покланяется и съ нимъ прощается. [Онъ рѣшился посмотрѣть красавицъ и помѣряться силою съ Ивашкой. Но ранѣе онъ ѣдетъ къ отцу-матери за благословеніемъ. Онъ спасаетъ родной городъ отъ войска Данилы Бѣлаго князя, беретъ съ него клятву, что онъ не пойдетъ больше войною на Картауса. Царь Картаусъ былъ очень благодаренъ Еруслану и просилъ у него прощенія]: „Виноватъ я, Еруслань Лазаревичъ, предъ тобою, что велѣлъ тебя изъ царства вонъ выслать; и нынѣ ты живи у меня въ царствѣ, и емли городы съ пригородками и съ красными селами; казна тебѣ у меня не затворена, и мѣсто тебѣ подлѣ меня, а другое противъ меня, а третье, гдѣ тебѣ любо“. [Но Еруслань „повадился въ чистомъ полѣ казаковать“ и уѣхалъ искать трехъ красавицъ — изъ нихъ онъ двухъ убилъ, а младшую оставилъ въ живыхъ; отъ нея онъ узналъ, что у царя Варѳоломея есть дочь Настасья, которая краше ея вдесятеро. [Поѣхалъ Еруслань дальше, доѣхалъ до Ивашки]— ажно въ чистѣ полѣ стоитъ человѣкъ, копьемъ подпершись, во бѣлой епанчѣ, шляпа на немъ сорочинская, и, стоячи, дремлетъ. И Еруслань Лазаревичъ ударилъ его по шляпѣ плетью и говоритъ: „Человѣче! убудися! Можно тебѣ и, лежа, наспатца, а не стоя!“ [Происходитъ поединокъ]. И тутъ скоро са-

дились на свои добрыя кони и поѣхали въ чистое поле гулять; Ивашко поѣхалъ во всю пору лошадиную, а Еруславъ поѣхалъ ступью бредучею. [Ивашко былъ выброшенъ изъ сѣдла и убитъ Еруслапомъ. Затѣмъ богатырь поѣхалъ къ царю Далмату, тотъ сначала не повѣрилъ Еруслану, что онъ проѣхалъ мимо Ивашки, а потомъ, узнавъ, что Ивашка убитъ, убоялся Еруслана. Замѣтивъ это, богатырь попрощался съ царемъ и отправился дальше ко граду Дербію, чтобы посмотрѣть на красавицу-Настасью. Рѣшивъ, что онъ женится на ней, если она ему понравится, онъ опять поворотилъ назадъ—поѣхалъ къ отцу-матери просить благословенія. Пріѣхавъ на родину, онъ убѣдился, что Данила бѣлый князь клятвы не сдержалъ: вторично взялъ городъ, всѣхъ избилъ, а царя Картауса и князя Лазаря ослѣпилъ и заключилъ въ тюрьму. Еруславъ пробился къ нимъ въ тюрьму и узналъ отъ царя, что ихъ обоихъ отъ слѣпоты можно вылѣчить; для этого надо ѣхать „въ подонскую орду, въ Штютенъ градъ, къ волному царю, къ огненному щиту, къ пламенному копью“, убить его, достать изъ него желчи и помазать желчью имъ очи. Поѣхалъ Еруславъ въ Штютинъ-градъ и наѣхалъ въ полѣ рать побитую], а въ той ратѣ лежитъ человѣкъ богатырь; а тѣло его, что силная гора, а глава его, что силная бугра. [Богатырская голова стала говорить, что „волный царь“ опасенъ, что справиться съ нимъ трудно, что „волный царь“ погубилъ его, погубитъ и Еруслана]. И тотъ царь силенъ велми и войска у него много, и мечъ его не сѣчетъ и сабля его неиметъ, на водѣ онъ не тонетъ, а на огнѣ не горитъ. [Еруславъ пріѣхалъ къ „волному царю“, жилъ у него долго и однажды узналъ, что подъ богатырской головой, лежащей въ полѣ, скрытъ мечъ единственный, которымъ можно убить „волнаго царя“. По просьбѣ Еруслана богатырская голова „содвигнулась“, Еруславъ завладѣлъ мечомъ, убилъ царя, взялъ желчь и поѣхалъ во-свояси. Желчь воскресила богатыря Росланея,—голова его срослась съ туловищемъ. Еруславъ вернулъ зрѣніе царю Картаусу и отцу, наказалъ жестоко Данилу и поѣхалъ смотрѣть красавицу-Настасью, дочь царя Варѳоломея]. А въ тѣ поры Еруслану минуло двѣнадцать лѣтъ. И ѣдетъ мѣсяцъ, и другой, и третей и доѣхалъ Еруславъ до царства Варѳоломеева; ажно подъ тѣмъ царствомъ езеро велико, а въ томъ езерѣ лютое чюдо о трехъ головахъ, на всякъ день выходитъ на берегъ и поѣдаетъ многія люди. [Еруславъ убиваетъ чюдо, предварительно получивъ отъ него самоцвѣтный камень. Съ почетомъ встрѣтилъ его царь Варѳоломей]: „Государь Еруславъ Лазаревичъ буди воля твоя, живи ты у меня во царствѣ, и емли ты городы и съ пригородками, и съ красными селами; мѣсто тебѣ подлѣ меня, а другое противъ меня, а третье мѣсто, гдѣ тебѣ любо; казна тебѣ у меня не затворена: емли себѣ злата и сребра и скатнаго жемчюга и каменія драгаго“. [Еруславъ женится на Настасьи, отъ нея узнаетъ, что краше ея царевна Понарія, царица „дѣвичьяго царства, солнышнаго града“. Еруславъ оставляетъ женѣ самоцвѣтный камень, приказавъ вдѣлать его въ перстень и дать носить

сыну, если родится. Затѣмъ онъ поѣхалъ искать Понарію; увидѣвъ ее, онъ былъ пораженъ—] смотрячи на красоту ея, съ умомъ смѣшался и забылъ свой первый бракъ, и взялъ ея за руку за правую, и цѣловалъ ея въ уста сахарныя. [Онъ навсегда остался у Понаріи. Между тѣмъ у Настасьи родился сынъ богатырь, котораго по отцу назвали Ерусланомъ. Когда онъ выросъ, онъ отправился искать отца, встрѣтился съ нимъ на полѣ ратномъ и вступилъ въ поединокъ. Во время боя отецъ по перстню узналъ сына, обласкалъ его и съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ къ первой женѣ, которая радостно и встрѣтила:] „Солнце мое равитцкое! Откуду взошло и меня обогрѣло? Отколѣ мя свѣтъ освѣтилъ и отколя зоря возсіяла?" И обняла его, и взяла за руку, цѣловала его во уста сахарныя...

Слово о нѣкоемъ храбромъ витязѣ и о славномъ богатырѣ о Бовѣ Королевичѣ.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 174.

Бысть нѣкiи король Гвидонъ въ славномъ градѣ Онтонѣ. Коли онъ былъ младъ і въ добрѣ порѣ, тогда къ себѣ избиралъ во дворъ храбрыхъ витязей въ златокованыхъ доспѣсѣхъ и на быстрыхъ коняхъ и охочь былъ съ ними ѣздить въ чистое поле тѣшиться на ловлю, съ соколы и съ ястребы на птицы, и съ выжлоки на звѣри. [Его сосватали за прекрасную Милитрису, которая противъ воли, уступая отцу, вышла за него замужъ. Жили они согласно три года], прекрасная Милитриса родила сына и нарекоша имя ему Бова. Бова жъ имѣя очи свѣтлы, а власы желты, аки шелкъ, а лице румяно, аки злато. [Милитриса рѣшилась извести нелюбимаго мужа: при посредствѣ своего слуги „Личарды", она вошла въ соглашеніе съ королемъ Додономъ, который и убилъ Гвидона на охотѣ и завладѣлъ царствомъ. Дядька Бовы Симбалда посовѣтовалъ королевичу бѣжать. За ними была погоня, которая и захватила Бову. Мать посадила Бову въ темницу и хотѣла отравить, но дѣвушка, принесшая ему кушанье, его предупредила. Бова бѣжалъ при ея помощи, но не зналъ, куда идти]. Бова жъ выде вонъ изъ темницы и ізыде изъ града вонъ, не вѣмъ никому, и выде за городъ и нача во умѣ своемъ мыслити: „Куды мнѣ поити? итить мнѣ ко граду Сумину, и тамъ попаду въ руцѣ королю Додону, и онъ меня злои смерти предастъ!" И самъ государь Бова говоритъ таково слово: „Милостивыи Спасъ, зри и виждь, аще не ты наставишь на путь стопы моя, то не вѣмъ отъ града, куды путемъ потещи. И поиде на луки морские и ходяше по лугамъ морскимъ 7 дни и 7 нощи, не вкушая отъ хлѣба ничего же, развие корения травнаго, и не видалъ отъ человѣкъ живущихъ, развие лвовъ. И не въ которыи день увидѣ Бова корабль, по морю плавуще, и возопи гласомъ великимъ и рече: „О гости корабленицы, возьмите меня на корабль къ себѣ!" Гости жъ корабленицы не слышатъ, что корабль, далече отъ града пловуще,

и повеле парусы спустити и послаша человѣка въ паволокѣ ко брегу: „провѣдаи, что, намъ мнится, на брегу за дѣтища будетъ; тако рабиченокъ крестьянские вѣры, — и онъ у насъ служити, или будетъ татарченокъ,—и мы его продадимъ. Человѣкъ же тотъ приѣхавъ. [Бова выдалъ себя за сына прачки и былъ взятъ на корабль, гдѣ съ нимъ обходились хорошо]. Гости жъ корабленицы нача Бову учить грамотѣ, Бова жъ у нихъ на кораблѣ, аки цвѣтъ цвѣтетъ, лице его возсияетъ, яко солнечная луча. [Корабль пришелъ въ Арменію. Королю армянскому Бова очень понравился, и онъ, подъ угрозой наказанія, купилъ у корабельниковъ Бову]. И у короля Зинзовея быстъ дщерь прекрасная Дружнена, и нѣкоимъ ухищрениемъ увидѣ Бову велми лѣпообразна, и нарядишася въ драгоцѣнное портище и поидоша съ плачемъ къ отцу своему. И услышалъ король Зинзовеи, что къ нему грядетъ любимая его дщерь, прекрасная Дружнена, и встрѣчаетъ еѣ король самъ и говоритъ таково слово: „Поиди, госпоже, дочь моя милая, прекрасная Зинзовеевна!“ Она жъ ему рече: „О, государь мои батюшка, король Зинзовеи Андоровичъ! твоимъ, государь, жалованьемъ много у себя имѣю дѣвицъ чистыхъ, а не имѣю у себя ни единого отрока,—некому предо мною и передъ дѣвицами стряпати. Пожалуи ми сего отрока, которого еси купилъ у гостеи у корабленицъ и далъ еси за него 30 литръ злата!“ Король же Зинзовеи рече еи: „Буди, госпожа, на твоеи волѣ!“ Король же Зинзовеи повелѣ Бовѣ ходити къ прекраснои Дружненѣ въ полату; и въ первыи день прекрасная Дружнена послаше по Бову дѣвицу на конюшню, Бова жъ поиде въ полату къ прекраснои Дружненѣ, полата жъ отъ лица его просвѣтися; прекрасная жъ Дружнена не могла въ мѣстѣ усидѣть и съ девицами и сама говоритъ таково слово: Бова, стряпаи ты передо мною и передъ дѣвицами. Бова жъ нача стряпати передъ прекрасною Дружненою и передъ дѣвицами. [Царевна полюбила Бову, прельщенная его красотою]. И въ тѣ поры было у прекрасные Дружнены болши трехсотъ дѣвицъ, и всякая дѣвица у себя у рукъ пальцы переобкусали, зря на Бовино лѣпообразие и неизмѣрную красоту лица его. Прекрасная жъ Дружнена посадиша Бову за столъ и нача предъ нимъ сама стряпати и передъ дѣвицами. Бова жъ ядъ и пивъ. [Здѣсь, въ Арменіи, начинаются подвиги Бовы. Онъ на турнирѣ перебилъ всѣхъ рыцарей короля Маркобруна, жениха Дружнены, и его самого выбилъ изъ сѣдла. Къ городу подошло войско Салтана Салтановича; съ сыномъ его Лукаперомъ. Дружнена снарядила въ путь Бову и сказала]: „Господине Бова, не ускоряи ѣхати, но помедли, язъ тебѣ дамъ мечъ-кладенецъ, отъ того жъ меча не можетъ никакое желѣзо стоять; язъ тебѣ дамъ колчюгу добраго короля Молганскаго, тое жъ колчюги не можетъ никакое желѣзо пробить. Прекрасная жъ Дружнена принесе Бовѣ мечъ-кладенецъ и щитъ и копье; и садится на конь Бова, въ стремя не вступая. И въ тѣ поры тутъ прекрасная Дружнена сама Бовѣ въ стремена кладетъ ноги и говоритъ такъ: „Господине Бова, уже ты ѣдешь на смертное дѣло, либо ми съ тобою судитъ Богъ

видѣтся, либо и нѣтъ; повѣждь ми, какова еси отца сынъ?“ Бова жъ еи рече: „О госпожа, прекрасная Дружнена, азъ есми отъ града Онтона, сынъ добраго короля Гвидона и матери госпожи Милитрисы“. Прекрасная жъ Дружнена видѣ Бовино отчество, велми прослезися; и въ тѣ поры тутъ прилучися кралевскои дворецкои короля Маркобруна и говоритъ такъ: „О госпожа прекрасная Дружнена, не подобаетъ тебѣ холопа на конь сажати и на ратное дѣло отпущати!“ Бова жъ его ударилъ мечемъ тупымъ концомъ, дворецкои же паде, аки мертвъ, на землю и лежа 3 дни и три нощи безъ языка. Бова жъ поѣхалъ вонъ изъ града противъ царя Салтана и сына его Лукапера. И съѣзжаются 2 богатыря, Бова и Лукаперъ; прекрасная жъ Дружнена все зритъ, какъ съѣжаются 2 богатыря, Бова и Лукаперъ. Бова жъ ему рече: „Господине Лукапере, ты надѣешься на силу и на величество, а язъ надѣюся на Спаса и на Пречистую и на небесныя силы“. Лукаперъ же ему рече: „Бова, ты ли хочешь градъ Арменъ отстояти и прекрасную Дружнену? со мною жъ никто не можетъ стояти отъ человѣкъ“. Бова жъ рече ему: „Господине Лукапере, помяни пророка Давида!“ Глаголаша и оба сразишася вмѣстѣ; Бова жъ его ударилъ мечемъ по головѣ и разсѣче ему главу надвое, Лукоперъ же паде мертвъ на землю. [Король Армянскій, въ благодарность за подвигъ Бовы, согласился на просьбу дочери выдать ее за него замужъ. Дворецкій короля Маркобруна, желая отомстить Бовѣ, сначала хотѣлъ убить его соннаго, но не рѣшился, а въ сообщничествѣ съ другими устроилъ такъ, что Бова былъ посланъ къ царю Салтану съ поддѣльной грамотой отъ армянскаго короля. Въ грамотѣ было сказано, что податель ея—убійца Лукапера и отдается во власть Салтана. Бова поѣхалъ, ночью уснулъ, выпивъ соннаго зелья, и былъ обокраденъ старцемъ-пилигримомъ, который унесъ и мечъ-кладенецъ, и кольчугу, и коня. Въ рваномъ одѣяніи пилигрима предсталъ Бова предъ царя Салтана. Тотъ хотѣлъ сразу его казнить, но дочь его прекрасная Малгирія стала просить отца разрѣшить ей попытаться отклонить его отъ вѣры христіанской и склонить „въ вѣру латынскую, въ Бога Бахмета“. Салтанъ согласился]. Царь же Салтанъ посадиша Бову въ темницу, прекрасная жъ Малгирия нача Бовѣ сама носити пити и ясти и превращаетъ его отъ крестьянские вѣры и не можетъ превратить. Бова жъ въ темницѣ заспе мало и воста отъ сна своего и бысть печаленъ велми, и нача ходить по темницѣ и молитися Богу: „Милостивыи Спасъ, избави мя отъ смерти сеи!“ И пріиде Бова въ уголъ, ажно въ углу просвѣтився мало. И пріиде въ то мѣсто, ажно лежитъ мечъ-кладенецъ, Богомъ созданъ бысть, кабы отъ многихъ лѣтъ положенъ тутъ. Бова жъ, взявъ въ руцѣ свои, и прославиша Бога: „Милостивъ Спасъ, благодарю тя, Бога моего, ужъ мнѣ есть чѣмъ попротивится отъ царскихъ юнаковъ!“ Прекрасная жъ Малгирія пріиде къ Бовѣ въ темницу и нача его превращати: „Господине Бова, не изнури красоты лица своего въ таковѣ младѣ юности, но отверзися вѣры крестьянские и вѣруи въ нашу вѣру въ латынскую и въ нашего Бога, Бах-

мете, а меня возьми женою себѣ, и буди батюшковѣ душѣ поминокъ, а царству его сдержатель!“ Бова жъ рече еи: „О, госпоже прекрасная Малгирия, что язъ Богу своему нарекуся, како ми отверхтися отъ крестьянские вѣры и вѣровать въ вашу вѣру въ латынскую и въ вашего Бога Бахмета?“ И самъ ее хотя мечемъ посѣщи; прекрасная жъ Малгирия одва у него уклонилась. И пріиде къ отцу своему и повѣда ему: „Не могла, государь, превратить Бовы!“ Царь же Салтанъ повелѣ Бову повѣсить. [Бова многихъ перебилъ и ушелъ. Бова сѣлъ на корабль. Когда моряки хотѣли его соннаго продать въ рабство, онъ всѣхъ ихъ перебилъ. Встрѣтилъ онъ рыболова, отъ котораго узналъ, что его невѣста Дружнена скоро должна выйти замужъ за короля Маркобруна, но еще ждетъ пока Бову. Бова пріѣзжаетъ въ королевство Маркобруна и здѣсь подъ дубомъ находитъ того пилигрима, который его обокралъ; онъ отбираетъ у него мечъ-кладенецъ, кольчугу и оставляетъ въ живыхъ только тогда, когда тотъ даетъ ему зелья, которое, по желанію, придаетъ видъ старика и можетъ возвращать видъ молодого. Старикомъ-пилигримомъ явился Бова на королевскій дворъ и сталъ у поварни просить милостыню: „ради Бовы“. Онъ приведенъ былъ къ Дружненѣ и, неузнанный ею, разсказалъ, что сидѣлъ въ одной тюрьмѣ съ Бовою. Она его разспрашивала. Конь Бовы, стоя въ конюшнѣ, почувствовалъ присутствіе въ домѣ своего прежняго хозяина и сталъ ржать].

Бова жъ у нее воспрошалъ: „о госпоже прекрасная Дружнена! чеи то конь ржетъ велми?“ Она жъ ему рече: „То, господине, конь друга моего любимаго Бовы королевича, а держу язъ коня того для того, любо государя своего Бову заслышу, и язъ на немъ до него доѣду, или онъ ко мнѣ приѣдетъ, и мы отъ короля Маркобруна на немъ уидемъ; а по ся мѣста все язъ сама его и пою и кормлю, а уже онъ побилъ болши 300.000 юнаковъ. Бова жъ рече еи: „Язъ вамъ коня сего излѣчу, что на немъ станетъ сидѣть 3-хъ лѣтъ дѣтище!“ И пріиде въ полату король Маркобрунъ и рече: „Поиди, старче, вонъ изъ полаты!“ Прекрасная жъ Дружнена рече ему: „о королю Маркобруне, еще хочетъ старецъ нашего коня излѣчить, что на немъ учнетъ ѣздить 3-хъ лѣтъ дѣтище. Король же Маркобрунъ рече: „Добро, госпожа прекрасная Дружнена!“ Бова жъ поиде къ конюшнѣ и взявъ короля за руку, а прекрасную Дружнену за другую, и поиде къ конюшнѣ; конь же Бовинъ нача велми ржать, король же Маркобрунъ трепетенъ бысть ото ржания конского и не возможе итить и возвратися вспять. Прекрасная жъ Дружнена поиде съ Бовою на конюшню. Бова жъ пріиде на конюшню и отворилъ двери конюшни тоя; конь же Бовинъ былъ привязанъ на 70-ти цѣпяхъ и то все оборвалъ и скокнулъ Бовѣ на горло, а передния копыта положилъ ему на плеча. И нача конь Бову цѣловати; а токобъ конь имѣлъ у себя языкъ и онъ такъ рекъ: „Откуды еси пришелъ и гдѣ еси былъ?“ Прекрасная жъ Дружнена рече Бовѣ: „Господине старче пилигриме, что еси скоро коня нашего прелстилъ?“ Бова жъ рече еи: „Госпоже

прекрасная Дружнена, для того меня конь скоро опозналъ, занеже есми самъ Бова!“ Прекрасная жъ Дружнена скоро усумнився и рече ему: „Коли еси ты Бова, покажи мнѣ мечъ-кладенецъ, коимъ язъ тобя опоясала!“ Бова жъ, поднявъ ризы своя, и показалъ мечъ. Прекрасная жъ Дружнена рече ему: „Господине старче пилигриме, ты еси съ Бовою сидѣлъ въ одной темнице у царя Салтана и ты еси у Бовы мечъ укралъ!“ И рече ему: „Господине, покажи мнѣ язву, кою язъ у тебя сама лѣчила!“ Бова жъ поднявъ клабукъ съ главы своея и показалъ еи язву. Прекрасная жъ Дружнена рече Бовѣ: „Господине Бова, гдѣ еси ты узнурилъ красоту лица своего?“ Бова жъ скоро потерся бѣлымъ зелиемъ и бысть, аки цвѣтъ, процвѣлъ; лице его просияло, аки солнечная луча; прекрасная жъ Дружнена рече ему: „о государь мои милои Бова королевичъ, откуды еси, аки солнъце возсияло ко мнѣ?“ И нача его любезно цѣловати и рече ему: „Здѣ ли хотимъ быть или прочь ѣхать?“ Бова жъ рече еи: „Поѣдемъ, госпоже, прочь!“—„Добро, господине, сѣдлаи себѣ коня, а мнѣ другого, а азъ къ тебѣ твое оружие тотъ часъ къ тебѣ сошлю съ дѣвицею!“ [Она напоила короля Маркобруна „забвеннымъ виномъ“, и онъ уснулъ. Она же съ Бовой бѣжала. Они ждали скорой погони, такъ какъ у Маркобруна былъ богатырь Полканъ, „отъ пояса до главу человѣкъ, а отъ пояса къ ногамъ песъ“. И, дѣйствительно, былъ за ними посланъ Полканъ]. И побѣже Полканъ за ними; Бова жъ и Дружнена зритъ, ажно Полканъ бѣжитъ пѣшъ, что конемъ же, — Бова жъ, уготовя мечъ свои и хотя его мечемъ посѣщи и порѣше мимо, и шибе мечъ его по черенъ въ землю, Полканъ же, выломивъ дубину изъ корени и удариша Бову, Бова жъ бысть дряхлъ; Полканъ же и вторицею шибе о него, Бова жъ паде на землю, Полканъ же сяде на конь Бовинъ, конь же нача его мыкать по лѣсу, и по деревью, и по пустому лѣсу, слыша не государя своего на себѣ. И нача конь тертися и валятися и одралъ на Полканѣ всю кожу его. И побѣже конь съ нимъ мимо Дружненина шатра, и рече ему прекрасная Дружнена: „Господине Полкане, не чините межъ собою съ Бовою бою и побратаитеся, ино васъ богатыреи славнѣе и силнѣе и на свѣту не будетъ!“ Полканъ же рече еи: „о госпоже прекрасная Дружнена, язъ радъ съ Бовою братство восприять!“ Конь же Бовинъ сталъ кротко, Полканъ же приѣхалъ къ Бовѣ и слѣзе съ коня и съ Бовою братство восприялъ и межъ себя увѣришася. [Они отправились вмѣстѣ и прибыли ко граду Костелу, гдѣ царилъ царь Урилъ. Онъ не хотѣлъ ихъ пустить, но богатыри проникли въ городъ. Потомъ онъ хотѣлъ ихъ выдать Маркобруну, но былъ за вѣроломство убитъ, а Маркобрунъ побѣжденъ. Путники отправились дальше]. Бова жъ всяде на конь, а прекрасная Дружнена на другои, а Полканъ за ними побѣже пѣшъ, что конемъ же. И доѣхаша Бова нѣкоего луга и тутъ Бова поставилъ шатеръ, а Полкану другои. И тутъ Бовѣ прекрасная Дружнена родила два сына. Бова жъ поѣхалъ на пищу звѣреи добывать и заблудився, прекрасная жъ Дружнена вышла

за шатеръ, ажно бѣжатъ на нее два льва; прекрасная жъ Дружнена возопи гласомъ великимъ: „Господине Полкане, бѣжатъ на меня 2 лва!" Полканъ же ухватя Бовинъ мечъ и выскочилъ за шатеръ и ударилъ мечемъ лва, левъ же бысть мертвъ. И напустилъ на Полкана другои левъ, Полканъ же, хотя и того мечемъ посѣщи, и оба сразишася вмѣстѣ, левъ Полкану прорва чревъ, а Полканъ его мечемъ розсѣче, и бысть оба мертвы, Полканъ и левъ. Прекрасная жъ Дружнена, много тутъ ждавъ Бовы, начаялась, что звѣри съѣли, и взявъ дѣтище на руку, а другое на другую, и поидоша съ горкими слезами пѣша путемъ своимъ и заблудилась. Бова жъ приблудился къ шатру и видѣ брата своего названного мертва да два льва, а прекрасные Дружнены нигдѣ не обрѣте и дѣтищъ своихъ, и начаялся, что ихъ лвы съѣли, и взя свои мечъ-кладенецъ, и много тутъ плакавъ Бова о прекраснои Дружненѣ и поѣхалъ путемъ своимъ. [По дорогѣ Бова убилъ Личарду, наградилъ Симбальду, пошелъ на Додона, разбилъ его, ранилъ, а потомъ подъ видомъ лѣкаря проникъ къ нему во дворецъ]. Король же Додонъ повелѣ ихъ пустить во градъ; Бова жъ приде къ нему въ полату, король же Додонъ рече имъ: „Господине лѣкаре, можете ль главу мою излѣчити?" Бова жъ приде къ нему и взявъ его за бороду и рече ему: „Кто сию рану далъ, тотъ тя и можетъ докончать". И наче у него очи вертѣть и рече ему: „Грубитель и досадитель отца моего, доброго короля Гвидона, почто еси погубилъ отца моего? пался еси, злодѣю, на женскую прелесть, душегубицу дѣтеи своихъ!" Король же ему отвѣту не далъ, Бова жъ его ударилъ о середу, король же бысть мертвъ. Прекрасная жъ Милитриса побѣже вонъ изъ полаты, Бова жъ еѣ ухватилъ за руку и рече еи: „о, госпоже, мати моя, прекрасная Милитриса! про што еси погубила отца моего, доброго короля Гвидона? и про што еси возлюбила короля Додона? И про што еси посадила меня въ темницу и морила еси гладомъ? Про што еси меня кормила змиінымъ ядомъ?" Прекрасная жъ Милитриса сыну своему Бовѣ не могла отвѣту дать, Бова жъ повелѣ ее обковать въ бочку дубову. [Бова сталъ свататься за Малгирію, но въ это время явилась въ городъ Дружнена. Она прислала сыновей во дворецъ Бовы. Отъ нихъ онъ узналъ, что его жена, а ихъ мать жива. Произошла трогательная встрѣча. Всѣхъ своихъ друзей Бова наградилъ, со всѣми врагами раздѣлался сурово]. И потомъ Бова нача пити и ясти и веселитися во своей отчинѣ и дѣтинѣ отца своего доброго короля Гвидона и многими грады владѣти. Во вѣки аминь.

Повѣсть о Шемякиномъ судѣ.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 212.

Въ нѣкіихъ мѣстехъ живяше два пустынника: единъ богатъ, а други убогъ. Богатый же, ссужая многи лѣта убогого и не возможе его скудости исполнити. И по нѣколику времени приде убогій къ богатому брату просити лошади, на чемъ бы ему изъ лѣсу дровъ привезти. Братъ же богаты, не хотя убогому брату лошади дати, и рече ему: „брате, ссужахъ тебя много, а наполнити тебя не могу“. И даде ему лошадь. И нача у него просити: „хомута нѣтъ!“ И оскорбися на него богаты братъ, и нача ему поносити, и рече ему: „како брате, что у тебя и хомута нѣтъ?“ И не даде ему хомута. Убоги же поиде къ себѣ, и пришедъ, взя свои дровни, и привяза дровни къ лошади за хвостъ, и поиде въ лѣсъ, и насѣкши дровъ и накладчи на дровни, елико лошади возможно везть, и повезе ко двору своему, и привезши дрова, и отворивъ ворота, а подворотни забывъ выставить. Ударивъ лошадь кнутомъ, лошадь же, изо всей мочи бросяся съ возомъ черезъ подворотню, и хвостъ у себя оторвала. Убоги же,埋въ лошадь, приведе ко брату своему богатому; братъ же разсмотря, что лошадь его безъ хвоста, и не взявъ у него лошади, и поиде на него бить челомъ во градѣ въ лошади; убогій за нимъ же, вѣдая, что будетъ по него изъ города присылка, чтобъ ему ѣзду приставомъ не платити. [Оба брата остановились по дорогѣ у священника: богатый былъ приглашенъ къ ужину, а бѣдный лежалъ на полатяхъ. Желая посмотрѣть, что ѣдятъ, онъ высунулся съ печи, упалъ на зыбку, и задавилъ ребенка. Священникъ пошелъ съ жалобой на бѣдняка. Проходя по одному мосту, онъ бросился сверху, чтобы убиться, но зашибъ до смерти старика, котораго сынъ подъ мостомъ везъ въ баню; сынъ убитаго тоже отправился съ жалобой. Убогаго поставили передъ судьей Шемякой]. Судья жъ, выслушавъ челобитную въ лошади, и рече судья убогому: „отвѣщай!“ Убоги же не вѣды, что отвѣщати, и вынявъ изъ шапки въ платѣ заверченной камень, и показа судьѣ и поклонися. Судья жъ надѣяся, что ему отъ дѣла сулилъ, и рече судья истцу, богатому брату: „когда братъ твой у лошади оторвалъ хвостъ, а ты у него лошади не емли до тѣхъ мѣстъ, какъ у лошади хвостъ выростетъ: въ то время у него лошадь и возми!“ [Въ такомъ же духѣ было рѣшеніе судьи касательно ребенка священника. Относительно старика, задавленнаго убогимъ, судья постановилъ, чтобы истецъ бросился съ того же моста на убогаго и убилъ его. Убогій сталъ требовать у всѣхъ жалобщиковъ исполненія приговора, имъ пришлось откупаться отъ него. Судья потребовалъ обѣщанной взятки, но, узнавъ, что въ узлѣ былъ камень, и что убогій, показывая ему узелъ, грозилъ его убить, въ случаѣ суроваго приговора, возславилъ Бога за свое спасеніе].

Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался Лещъ съ Ершомъ о Ростовскомъ озерѣ и о рѣкахъ.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 212.

Судъ судилъ большой бояринъ и воевода Осетръ, околничій былъ Сомъ съ большимъ усомъ.

„Господамъ моимъ Новогороцкимъ судьямъ—Осетру, да Бѣлугѣ да Бѣлои Рыбицѣ, бьетъ челомъ кормовои сынишко боярскои Лещишко съ товарищи: въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было то ростовское озеро, рѣки и источники за нами, сиротами, а тотъ Ершъ лишилъ насъ того ростовскаго озера: расплодился тотъ ершъ по рѣкамъ и по озерамъ; самъ собою малъ, а щетины у него стоятъ, что большія рогатины, и насъ тѣми щетинами своими подъ бока подкалываетъ и прокалываетъ намъ ребра и суется по рѣкамъ и по озерамъ, какъ бѣшеная собака, путь потеряла. А мы, господа, сбойствомъ жить не умѣемъ, а браниться, ни тягаться не хотимъ, а хотимъ въ оборонѣ жить ваши праведными судьями". И судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „ты, Ершъ, истцу Лещу отвѣчаеши, или нѣтъ?" И отвѣтчикъ Ершъ сказалъ: „отвѣщаю, господа, за себя и за товарищевъ своихъ въ томъ, что то ростовское озеро, рѣки и истоки — старая вотчина дѣдъ нашихъ и отцовъ нашихъ, и тотъ Лещъ жилъ у насъ во кресьянѣхъ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ! А я, господа, Ершъ, Божіею правдою и крестнымъ цѣлованіемъ и вами праведными судьями, не мутникъ, не воръ, не тать, не разбойникъ; вслѣдъ ко мнѣ не прихаживали, ни полишного у меня не вынимали,—человѣкъ есмь доброй, и живу своею силою, а не чюжою, и знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ князи и бояря, дьяки и дворяня, и подьячіе, попы и діяконы, гости и гостинои сотни и посацкія люди добрыя, и покупаютъ меня, Ерша, дорогою цѣною и варятъ меня, Ерша, въ ухѣ съ перцомъ, съ шафраномъ и ставятъ меня Ерша, предъ собою честно, и многія добрыя люди съ похмѣлья оправляются". И судьи спрашивали истца Леща: „чѣмъ его ты уличаешь?" Истецъ Лещъ сказалъ: „уличаю его, господа, Божіею правдою и крестнымъ цѣлованіемъ, и вами, праведными судьями!" И судьи спрашивали: „сверхъ крестнаго цѣлованія, чѣмъ ты его уличаешь и какими уликами? И кому то вѣдомо у тебя про того Ерша въ старинныхъ вотчинахъ?" Истецъ Лещъ сказалъ: „есть, господа, у насъ люди, люди добрыя,—человѣкъ доброй, а живетъ онъ въ Новогородской области, въ рѣкѣ Волховѣ, а зовутъ ево рыба Сигъ, а другои доброи человѣкъ, а живетъ онъ въ нѣмецкои области, въ рѣкѣ Керанѣ, а зовутъ его рыба Лодога,—на тѣхъ, господа, изъ виноватыхъ шлюся!" [Ершъ отвергаетъ этихъ свидѣтелей, такъ какъ они, по его словамъ, слишкомъ близки Лещу, а потому будутъ пристрастны; отвергаетъ онъ и Сельдь, выставленную Лещомъ. Судьи приговорили—Леща оправдали, а Ерша обвинили и велѣли

взять въ понятые Линя]. И приставъ Окунь емлетъ въ понятыхъ Линя, и линь Окуню приставу началъ сулить посулы великія и говоритъ Линь Окуню приставу: „господине Окуне, не пригожуся я въ понятыхъ идти: брюхо у меня велико, ходить не могу!“ И приставъ Окунь пался на великіе посулы, отпустилъ Линя, а взялъ въ понятыхъ Головля и поставилъ предъ судьями. [Сельдь показала все противъ Ерша,—она сказала, что] Ершъ злой лихъ-человѣкъ, ябедникъ, скитается по рѣкамъ и по озерамъ. [На вопросъ судей, знаютъ ли на Москвѣ знатные люди Ерша, Сельдь отвѣчала]: „знаютъ его на Москвѣ, на земскомъ дворѣ ярыжки кабацкія, у котораго случится одна деньга и на ту деньгу купитъ ершевъ много, половину съѣдятъ, а другую расплюютъ и собакамъ размечутъ“. [Осетръ самъ припомнилъ, какъ Ершъ его обманулъ,—заманилъ его въ неводъ и надъ нимъ зло смѣялся, когда его тащили изъ воды]. И судьи приговорили, Леща оправдали, а Ерша обвинили и выдали истцу Лещу Ерша головою и велѣли ево казнить торговою казнію: противъ солнца повѣсить въ жаркіе дни за его воровство и за ябедничество. У судного дѣла сидѣли все добрыя люди: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, судной списокъ писалъ Вьюнъ, а доброй человѣкъ былъ Карась, а печать Ракъ-глазунъ лѣвою клешнею, и у печати сидѣлъ Вандышъ переяславской да Сигъ ростовской, а справилъ Стерлядь своимъ долгимъ носомъ. Судному дѣлу конецъ.

Римскія дѣянія.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 203.

Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ. [У „цесаря еллинскаго“ Антіоха Великаго была жена и дочь. Когда умерла жена, онъ по всѣмъ царствамъ искалъ такую же красавицу, но нигдѣ не могъ найти. Тогда онъ рѣшился жениться на дочери. Она отказалась, ссылаясь, между прочимъ, на судъ общественнаго мнѣнія]. И рече цесарь: „Изначала вмалѣ о семъ рѣчь произыдетъ, егда же многими деньми и лѣты объята будетъ, то уже никто и не воспомянетъ о семъ житіи явственно, и се ти покажу, иже сама узриши“. Изыде и повелѣ премного драгихъ, златыхъ ковровъ и иныхъ поставовъ принести, и въ нощи той улицы града услати. Людіе же, заутра видѣвши драгіи вещи посланы, ни единъ же смѣя прикоснутися; во вторый же, видѣвши ихъ небрегомыхъ, начаша пѣши ходити; а на третій же день начаша и ѣздити. Пріиде же царь ко дщери и рече къ ней:—„Всего свѣта краснѣйшая! Се виждь извѣстно, како людіе новому дивятся и много молвятъ; а егда многими времены пріидетъ уже слово, то ни на память не пріимутъ!“ [Антіохъ никому не хотѣлъ отдать своей дочери замужъ,—всѣ женихи, являвшіеся свататься, должны были отгадывать загадки; въ случаѣ неудачи, ихъ казнили. Много юношей пострадало, наконецъ претендентомъ

на руку царевны явился Аполлонъ, царь Тирскій. Онъ загадку разрѣшилъ, но, спасаясь отъ гнѣва Антіоха, бѣжалъ тайно изъ Антіохіи, бросилъ и свой городъ Тиръ и скрылся. Въ Тарсѣ за доброту и распорядительность во время голода его сдѣлали правителемъ, но и оттуда, спасая отъ Антіоха свою голову, онъ бѣжалъ дальше. На морѣ его застигла буря:] взоста вѣтръ противный съ полунощи, возбуди же волненіе морское и тако море восколебася, яко отъя и вѣтреницы, и древіе прелома, и волнами море кораблемъ нача, яко мечемъ, играти. Таже пріиде пребольшая волна, подъемъ корабль и опроверже и разорва его тако, яко ни едина доска съ другою остася и вси погибоша. [Аполлонъ спасся на доскѣ и былъ выброшенъ на берегъ и сдѣланъ рабомъ. Во время рыцарскихъ состязаній въ бросаніи копья онъ обнаружилъ такую ловкость въ качествѣ посторонняго зрителя, что обратилъ на себя вниманіе царя; тотъ пригласилъ Аполлона на ужинъ къ себѣ. Послѣ ужина царская дочь, по имени Лучница, плясала, но Аполлону пляска и игра ея не понравились—онъ только покачалъ головой. Это обидѣло царевну, но когда Аполлонъ сталъ самъ плясать, то всѣ пришли въ восторгъ, а она въ него влюбилась. Ни за кого не хотѣла она выходить замужъ, кромѣ Аполлона. Мать ее укоряла]:—„Тако ты, безстыдная, хощеши благородіе свое постыдити, и славные и великіе роды презираеши, а убогаго морскаго утопленика изволяеши!“ [Король выдалъ дочь за Аполлона. Однажды онъ узналъ, что Антіохъ, его гонитель, умеръ, что онъ выбранъ царемъ Антіохіи. Онъ сталъ собираться въ путь. Жена не хотѣла съ нимъ разставаться.] Егда же кролевна Лучница, сія глаголы услыша, бысть, яко мертва и паде на землю; егда же укрѣпися, горько рыдая, глагола:—„О презлое мое великое бесчастіе! что ми сіе примученіе принесе!“ И рече:—„О великіи кралю Аполлоне! о возлюбленный, всего свѣта дражайшій мнѣ! како мя хощеши немилостивно оставити? Азъ же иного утѣшѣнія не имамъ, развѣ еже видѣти пресвѣтлое лице твое; сама убо изволихъ кромѣ всѣхъ за тя и съ тобою хощу вездѣ быти; аще ти будетъ радостная, купно возвеселимся; аще ли будеши во злополучіи, купно претерпимъ; готова есмь съ тобою и умрети: лутче мя очима яже о тебѣ видѣти, нежели ушима слыша ти, яко больши прилыгаютъ, нежели бываютъ“. [Во время пути она родила дочь и сама впала въ безчувствіе, которое всѣми было принято за смерть. Въ бурю, она была на лодкѣ спущена въ море. Тѣло ея было выброшено на берегъ, и она приведена въ чувство однимъ докторскимъ ученикомъ, который замѣтилъ, что она жива:] воззрѣвъ же на тѣло мертвыя кралевны, рече ту сущимъ:—„Таковаго мертвеца, яко же сей, никогда не видѣхъ; лице, яко не отмѣнися, носъ не обострися, очи не впадоша, красота не премѣнися, плоть не отерпѣ: истина животъ въ ней есть, но нѣкая лютая немощь омертвила“. [Ее, воскресшую, окружили почетомъ и сдѣлали богиней во храмѣ: „еже стояти ей въ большей божницѣ вмѣсто богини, или вмѣсто властели“].

[Аполлонъ далъ обѣщаніе 20 лѣтъ не выходить изъ корабля, не стричься и не мыться, пока не найдетъ супруги. Дочь свою Тарсису онъ отдалъ на воспитаніе женѣ нѣкоего Стренгвила, подъ надзоръ одной вдовы Лигоріи, и самъ уѣхалъ. Передъ смертью Лигорія сказала Тарсисѣ, кто она. Дѣвушка очень грустила, услышавъ печальную исторію родителей. Между тѣмъ, Діонисія, видя, что красота и добродѣтели Тарсисы затмеваютъ ея собственныхъ дочерей, приказала рабу Θеофилу ее убить; онъ уже готовился совершить преступленіе, какъ явились разбойники, которые и захватили Тарсису. Тарсиса была продана въ рабство, и очень горевала]: „О Боже, Боже мой! како мя прегорькую и злочастную въ злыхъ моихъ оставилъ ми еси! О случай злополучный, немилостивый! И како на мя напустилъ еси свои стрѣлы и злосердымъ копіемъ проболъ еси мое сердце? О Боже! сіе ми бысть, да еже есмь паче всѣхъ согрѣшила; обаче нѣсть во мнѣ, ни въ помыслѣ моемъ, никоего зла хотѣнія, точію молитва и книжное прочитаніе. По что ми, Боже, родитися попустилъ еси и родившуюся почто съ матерію моею въ море не ввергоша? О Θеофиле, былъ ми еси страшенъ; обаче прелюбезный былъ еси, егда бы главу мою отъялъ; лутче ми, окаяннѣй, злая смерть, нежели скверный сей и срамотный животъ!“ [Она понравилась одному юношѣ—богачу Антанору, сказала ему, что она—царская дочь, онъ сталъ ее уважать и беречь. Между тѣмъ Аполлонъ пріѣхалъ къ Стренгвилу провѣдать свою дочь, узналъ о ея смерти и съ горемъ поплылъ дальше. Буря прибила его въ тотъ городъ, гдѣ была рабыней его дочь. Соблюдая обѣтъ не выходить изъ корабля Аполлонъ не сходилъ на берегъ. Антаноръ побывалъ у него, рѣшился разсѣять его тоску и подослалъ къ нему Тарсису, чтобы она попыталась Аполлона выманить на сушу. Долго Тарсиса не могла ничего подѣлать, наконецъ, она снова пришла на корабль и сказала:] „возвратихся, славный господине и великій, и принесохъ ти паки злато и молю твою кротость: или злато возьми, или послушай гаданіе мое и милостивъ ми буди, еже изъ корабля изыти“. Аполлонъ же рече ей: „ласка хитрая! всѣмъ яко хощеши привлещи, дабы съ тобою глаголалъ; злато храни у себѣ, яко вижу тя сиротку, и рцы ми: что хощеши?“ Тарсиса же рече: „гаданіе, есть таково, господине, слыши: домъ славный, всему свѣту подобный, той домъ всегда кричитъ, господине же въ немъ молчитъ, съ господиномъ ходитъ и прибытки ему родитъ; тако мужъ безъ конь пріѣдетъ, господина рѣшеткою обведетъ, обведши, изведетъ, а домъ рѣшеткою и уйдетъ“. И рече ей Аполлонъ: „не велико твое гадательство; печаль же моя не дастъ ми рещи, обаче слыши: домъ есть море или рѣка, иже шумомъ яко кричитъ; господинъ же живущій въ немъ, рыба, яко есть безгласна, молчитъ; тамо рыбарь кромѣ коня въ лодницѣ пріѣдетъ и господина, рыбу, сѣтью обведетъ; обведши же, мрежею извлечетъ, а домъ, вода, утечетъ“. Рече же паки Тарсиса: „молю тя господине, безъ гнѣва слыши еще мое гадательство: дщи лѣса краснаго, возраста великаго, не разумѣюще слуги водятъ и окрестъ ея всегда

ходятъ, много путемъ ходитъ, а слѣду не родитъ". Рече же Аполлонъ: „дще лѣсу краснаго есть лодія отъ древъ великихъ сотворена, а слузи не разумѣюще водятъ — вѣтры, и обкресть ея ходятъ по рѣкѣ или по морю; она ходитъ путемъ, а слѣду не оставляетъ". И рече Тарсиса иное гаданіе: „чтожъ сіе есть: домъ въ вещѣхъ не убогій, господинъ и гости въ немъ наги и нѣкую вещь въ рукахъ имѣютъ, а стыда не разумѣютъ, огнь и воду въ томъ дому продаютъ, а иножды у себя даромъ даютъ". И рече Аполлонъ: „домъ есть мыльная, одежды многи имѣетъ, гости наги токмо въ ню мытися приходятъ, вещи въ рукахъ, то есть вѣникъ, и стыда другъ передъ другомъ не имѣютъ: тамо огнь и воду продаютъ, а въ домѣхъ своихъ всякъ сіе имѣетъ". И сказавъ Аполлонъ гаданіе, рече къ Тарсисѣ; „язъ твое гаданіе извѣстихъ, къ тому ми не стужай и отъиди!" [Тарсиса стала упрашивать его сойти съ корабля, такъ какъ Антаноръ обѣщалъ ей свободу, если ей удастся выманить Аполлона на берегъ. Она начала снова загадывать ему загадки]: „четыре брата равно бѣгаютъ и ногъ у себя не имѣютъ, отца тяготу носятъ, ясти и пити не просятъ, алчуще гласятъ и напаяеми молчатъ". И рече Аполлонъ: „сіе гаданіе, съ дѣтьми играя, изучила еси: четыре брата—колеса, ногъ не имѣютъ, бѣгаютъ; отца—возила носятъ; вѣдомо же, что ясти не просятъ, а помазани молчатъ, а не помазани скрипятъ". И рече Тарсиса: „благо тому изъявляети, кто умѣетъ отгадати"—и паки рече; „кое сотвореніе, въ немъ же ни пера вѣсу, тиснено и диряво, не ястъ, устъ не имѣетъ, а въ себѣ пріемлетъ?" И рече Аполлонъ: „и сія дѣвицѣ мудрость незрима: есть бо се губка морская". И рече Тарсиса еще гаданіе 6-ое: „что есть малаго вида и малый служебникъ, лицо не имать, а кто въ него зритъ, всего себе видитъ?" И отвѣща ей Аполлонъ: „а се есть зерцало; но доселѣ и до сего часа азъ тя чтилъ, нынѣ же къ тому не хощу глаголати съ тобою: къ тому почти сама себе и отъиди отъ мене!" [Горько стала плакать Тарсиса, такъ какъ потеряла надежду на освобожденіе изъ рабства. Она въ длинной жалобѣ на свою будьбу открыла свое имя, имя родителей. Аполлонъ призналъ въ ней дочь: „яко левъ воплемъ крѣпкимъ возрыдавъ, паде на дщерь, яко бездушенъ и много вопія, рыдая". А Аполлонъ выдалъ ее за Антанора. Въ божницѣ онъ увидалъ свою жену, сначала ея не призналъ. Свиданіе было радостное. Онъ наградилъ врача, спасшаго Лучницу, рыболова, вытащившаго ее изъ моря, а самъ царствовалъ въ Тирѣ и Антіохіи].

Прикладъ о житіи святаго великомученника Еустаѳія Плакиды. [Плакида былъ важный вельможа при королѣ Троянѣ. Онъ былъ язычникъ, но велъ праведную жизнь]. Въ нѣкоторой день, какъ ѣхалъ онъ на ловъ, тогда обрѣлъ стадо еленей, межъ которыми обрѣлъ единаго прекраснѣе всѣхъ, которой отшедши изъ нихъ въ далную пустыню бѣжалъ. [Плакида погнался за нимъ]. И той елень взбѣжалъ на нѣкоторую высокую гору, а Плакида, приближаючися къ нему, мыслилъ самъ въ себѣ: „какъ бы его

моглъ яти?“ И какъ онъ смотрѣлъ прилежно на онаго еленя, узрѣлъ межъ рогами его образъ честнаго и животворящаго креста Господня, просвѣтися, яко солнце. Тогда образъ Господня нашего Іисуса Христа устами онаго еленя, якожды нѣкогда елень Валаама, реклъ: „о Плакидо! по что мя гониши? Азъ есмь Христосъ, его же ты чтеши, а не знаеши, которой для милости твоей явихся тебѣ здѣ!..“ [Плакида ужаснулся; Христосъ устами оленя сказалъ ему, кто онъ таковъ и что сдѣлалъ для людей, и повелѣлъ креститься... Плакида крестился вмѣстѣ съ женой и былъ названъ Евстаѳіемъ. Однажды на охотѣ Христосъ опять явился Плакидѣ въ видѣ оленя и предупредилъ его, что дьяволъ будетъ его искушать, но что онъ выдержитъ испытаніе. Вскорѣ перемерли всѣ рабы Плакиды, подохли лошади; воры обокрали его. Плакида съ женою и дѣтьми нищіе бѣжали изъ пустого дома. На кораблѣ отняли у Плакиды жену, такъ какъ у него не было денегъ заплатить за проѣздъ по морю. Когда онъ, плача и скорбя, подошелъ къ рѣкѣ, и понесъ сначала одного сына, оставивъ другого, волкъ унесъ одного, а левъ другого. Люди отбили дѣтей и оставили у себя. Плакида этого не зналъ и думалъ, что его дѣти погибли. Онъ тосковалъ, находя, что его участь тяжелѣе участи Іова, у котораго все-таки оставалась семья. Онъ сдѣлался пастухомъ и 15 лѣтъ пасъ стада. Посланные отъ цесаря пришли его искать, нашли и привезли къ цесарю. Онъ опять сдѣланъ былъ военачальникомъ. Между воинами его оказались и оба его сына, но они не знали другъ друга. Однажды одинъ разсказывалъ другому свои дѣтскія воспоминанія. Случайно ихъ разговоръ услышала мать, догадалась, что это—ея сыновья и пошла къ Плакидѣ. Произошло радостное свиданіе. Андреонъ цесарь за ихъ христіанство всѣхъ обрекъ на мученія. Но левъ, которому они были брошены, преклонилъ передъ ними голову и не тронулъ ихъ. Тогда Плакиду со всѣмъ семействомъ посадили въ раскаленнаго мѣднаго вола; они умерли, но тѣла ихъ остались цѣлы и невредимы].

Прикладъ: всякіи пастырь имать попеченіе о своихъ овцахъ. Злодѣй воръ, или тать нѣкоторой, вшелъ было въ домъ нѣкотораго богатаго и въ ночи възлѣзъ на дахъ и смотрилъ скважнею, сіи рѣчь, дирою, есть ли бы которой челядникъ оного богатаго не спитъ. Увидѣвъ же, господинъ дому того, реклъ тихо къ женѣ своей: „вопрошай мене въслухъ, какъ я нажилъ богатства много, которое имѣю и непрестанно вопрошаи, дондеже скажу тебѣ!“ Тогда жена его нача вопрошати въслухъ глаголя: „пане милый, повѣждь ми, какъ ты нажилъ толико богатства, а никогды непокупаешь!“ Отповѣдалъ ей господинъ: „глупая жена! что меня вопрошаешь о семъ! А она наипаче непрестанно вопрошала его. Тогда мужъ, яко бы принужденъ ее прошеніемъ, реклъ ей, прошутя о семъ: „да не повѣдаи никому того, что я тебѣ буду повѣдать!“ Она же рекла ему: „пане мой! никакими мѣрами никому о томъ не повѣмъ!“ Потомъ реклъ ей: „мужъ былъ есмь азъ тать!“ И рекла ему жена: „дивлюся тому, что когда еси кралъ, какъ тебя непои-

мали?“ Отповѣдалъ еи мужъ ркучи: „мастеръ мои научилъ меня нѣкотораго слова, которое есмь седмь краты глаголахъ прежде даже не взлѣзу подъ кровлю по дахи людскія. И рекши то слово, смущался есмь въ домъ по стѣнѣ мѣсичной! Рекла ему жена: „повѣждь ми то слово, котораго силою творилъ еси!“ Реклъ ей: „тебѣ то повѣмъ, да неповѣси того никому иному, чтобы такъ потомъ дому нашего или иного моего брата не покрали!“ Рекла ему жена: „воистинну сего никому не повѣмъ!“ Тогда мужъ реклъ ей. Воръ, то услышавше, радовался. Тогда, какъ жена уснула, а господинъ того дому нача храпѣть, яко бы спалъ, и тотъ вырекши оно слово седмь кратъ и ялся за стѣнь мѣсяца, руками и ногама, выпалъ окномъ въ домѣ и учинилъ великъ звукъ, сломивши себѣ ногу и рамо, сіи рѣчь, плечо. И лежалъ на полу мертвъ на земли. Услышавши то господинъ, якобы невѣдалъ, что упалъ. Воставши вопросилъ его, глаголя: „чего ради еси здѣ спустился?“ Отповѣдалъ ему тать: „слова здрадливыи прельстили мя!“ Тогды господинъ повелѣ его яти, и на утріе рано злодѣя повели смерти предать.

Выкладъ сіи рѣчи толкованіе. Наимилѣйшая братія, злодѣй, то есть діаволъ, который злыми помыслы на дахъ восходитъ сердца твоего, и диру чинитъ чрезъ злое прихожденіе. [Мужъ съ женою,—это христіане, которыхъ хочетъ онъ прельстить,—украсть добро, т.-е. заповѣди Божія. Но хорошій христіанинъ], имать всегда бдѣти, чтобъ недопущалъ татю душевному диръ чинити въ дому, по словеси Христову, еже рече: „бдите, ибо не вѣсте, въ котори часъ тать пріидетъ! [Воръ, влѣзшій на крышу—это дьяволъ—Люциферъ, который хотѣлъ сравняться съ Богомъ] и упалъ до ада, до пекла и поломалъ голени, то есть свою красоту добродѣтелей, честь и пенъкность.

Прикладъ, чтобъ мы блюлись отъ лести діавольсти, дабы насъ не прельстилъ. Шли нѣкогда три товарища путемъ. И прилучися имъ въ нѣкоторое время, что не имѣли, что поѣсть; развѣ единъ малъ хлѣбецъ обрѣли купить. [Они не знали, какъ подѣлить его и, по совѣту одного изъ нихъ, рѣшили лечь спать, и хлѣбецъ отдать тому, кто увидитъ наиболѣе дивный сонъ. Когда пришло время вставать—одинъ сказалъ, что видалъ себя въ раю, другой видалъ себя въ аду. Третій разсказалъ, что къ нему явился ангелъ и повелъ его показывать, гдѣ его товарищи]. И велъ мя до улицы небесной и вложилъ только главу свою въ небо, якоже ми повелѣлъ, и видѣлъ, что ты еси въ небѣ былъ, якоже повѣдалъ ми еси. И сидѣлъ еси на златомъ столцѣ, а имѣлъ еси предъ собою множество брашънъ приправна и вина довольно. И реклъ ми ангелъ: „се товарищъ твои имать здѣ множество брашна честнаго и веселія, и здѣ будетъ пребывать и во вѣки!“ [Потомъ ангелъ показалъ ему другого его товарища, который сидѣлъ въ аду. Ангелъ сказалъ, ему, что изъ ада на землю нѣтъ возвращенія и въ хлѣбѣ не нуждается и второй товарищъ, а потому онъ и съѣлъ хлѣбъ].

Выкладъ сіи рѣчи толкованіе притчи сея. [Единственный хлѣбецъ—это царство небесное. Евреи и магометане—это первый товарищъ, который

только видѣлъ себя въ раю; богатые и сильные свѣта сего—это второй товарищъ, видѣвшій себя въ аду. Третій товарищъ, съѣвшій хлѣбъ—это—„добрый христіанинъ, получившій царство Божіе“].

Смѣхотворныя повѣсти.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 209.

Цицеронъ на малыхъ. Цыцеронъ узрѣ зятя своего, мечъ велиі при бедрѣ имуща, самого жъ мала суща, рече: „Кто тя, зятя моего, къ толикому мечю привяза?“

О цесаре Каролусе, како піянство изобличи. Каролусъ первый кесарь родивыіся во граде Гандаве, бѣ убо сеи милосердыі обычаемъ. [Однажды онъ нашелъ на дорогѣ спящимъ пьянаго Ганусa шпилера, велѣлъ взять его во дворецъ, одѣть въ королевское одѣяніе и прислуживать, какъ королю. Протрезвившись, Ганусъ долго не могъ понять, что съ нимъ случилось, наконецъ вошелъ въ роль и сталъ по-царски повелѣвать]. Каролусъ, сие яко услыша, зѣло свѣтелъ учинися и повелѣ отъ стола своего драгія яди носити и предъ оного нового пьяного цесаря поставляти, но Ганусъ волилъ бы паче трескати кислую съ сельдями капусту или рѣдьку съ солью. [Когда Ганусъ напился опять до пьяна, его одѣли въ прежній костюмъ и положили на улицѣ. Проснувшись, онъ рѣшилъ, что видѣлъ удивительный сонъ]. Таковыхъ піяныхъ есть разумъ и дѣло, и колико елико упиватися гнусно доброхотныи цесарь Каролусъ благопріятнымъ вымысломъ показа и виршъ на сие такова приложи: человѣкъ пияны, что ни чинитъ — во всехъ дѣлѣхъ уподобляется свиніи.

О татѣ, иже пріиде красти пияницу. Тать влѣзе красти въ домъ пияницы, иже все, еже имѣ стяжаніе, безъ остатку пропи. Обаче пияныі оны, услыша татя въ дому ходяща и ищуща, что взяти, но ничто же обрѣтающа, изыде къ нему и рече: „Брате, не вѣмъ, чесого здѣ въ нощи ищеши? Азъ уже и въ день не могу обрѣсти!“ Пустъ весьма домъ тои бываетъ, кто все въ пиянствѣ пребываетъ!

Мужъ утопшую жену противъ воды ищетъ. У нѣкоего мужа жена утопе. [Онъ приказалъ искать ее въ рѣкѣ выше того мѣста, гдѣ она упала. Ему стали говорить, что надо искать ниже, что теченіемъ тѣло снесло. Но онъ сказалъ, что жена его такъ упряма, что и мертвая, навѣрно, поплыветъ противъ теченія].

Какъ жена мужа поминала. [Мужъ, умирая, завѣщалъ вола продать, а на вырученныя деньги поминать его. Жена предложила мяснику вола купить за грошъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ купилъ и кота, за котораго спросила большую цѣну. Мясникъ согласился, и вдова испол-

нила волю умершаго, на деньги, вырученныя отъ продажи вола, устроила ему поминовеніе].

Изъ Курантовъ.

1) Изъ Венецыи Маія въ 23 день.

Погода неугодная помѣшкою Турчаномъ была по сѣхъ мѣстъ что они насъ осадить не могли и черезъ то намъ время было мы всякимъ способомъ противъ ихъ опаслись, и чаемъ божіею помощію, что они мало здѣлаютъ, и отъ карабля которой изъ царя города пришелъ въ Ливорну, вѣсти что бунты которыя осталися въ Азіи усмиряются и великія для того радостныя огни учинены были, а Пашѣ Вавилонскому, которой о томъ вѣдомо далъ, великіе подарки послалъ.

2) Изъ Города Брина изъ Меренскіе Земли Маія въ 15 день.

Не давно здѣсь старую Полскую женщину бѣснующую привели до Костела къ Богородицѣ начаючись что она отъ бѣсовъ свобождена будетъ, а какъ образъ надъ нею подняли и бѣсы въ ней зарычали какъ быкъ страшнымъ голосомъ, а нынѣ ужъ въ третіе около ее духовенство ходятъ и хотятъ бѣсовъ изъ нее выгнать Латынскимъ языкомъ, только они отвѣчаютъ изъ нее Польскимъ языкомъ и даютъ на всякое слово подлинной отвѣтъ и сказываютъ что отъ ней преждѣ выступить не хотятъ покамѣста имъ укажутъ иное жилище въ человѣческомъ тѣлѣ. А вчерась они воопче просили чтобъ ихъ поволили опять пребывать здѣшняго города въ нѣкоей сапожной женѣ, которой имяни не сказали или нѣкоторого Господина въ слугѣ, и они отстанутъ, также просили для своего выходу нѣкоторого окна въ предѣлѣ Святыя Богородицы, а сказывали что то окно такъ истолкутъ, что никоторой ремесленникъ не можетъ ево починить, только Священникъ, которой смиренной и благочестивой человѣкъ не позволитъ имъ ничего, и отсылалъ бы ихъ, имянемъ Христовымъ во адъ, гдѣ назначенное ихъ жилище;—вчерась одинъ бѣсъ изъ нее говорилъ и клялся Луцыферомъ, что они бѣснующую того дни покинуть хотятъ, только тотчасъ иной бѣсъ имянемъ Шкабанъ при многихъ людехъ сказалъ что тотъ Священникъ нынѣ ничего не здѣлаетъ напрасно онъ ихъ молитвою и клятвою своею труждаетъ, потому что онъ ихъ всѣхъ не выгонитъ и съ великимъ подивленіемъ слышетъ какъ тѣ проклятые духи забраняются во адъ итти, хотятъ всегда въ иномъ жилищѣ пребывать, а какъ имъ того не позволяютъ, и они кричатъ и рычатъ великимъ и страшнымъ гласомъ а тогда надъ бѣснующею держатъ потиръ и они шатаются въ ней и называютъ тотъ потиръ силою вышняго, а какъ вчерась Священникъ ихъ выгонялъ, и они сказывали что сего дни выходить

хотѣли, чтобъ онъ имъ далъ отпочинуть, потому что они прошлой ночи на свадьбѣ были въ чужомъ жилищѣ и гораздо утомились однакожъ когда священникъ имъ говорилъ чтобъ они бѣснующую не мучили, и они то учинили и дали ей сроку исповѣдыватся однакожъ не совершенно а что нынѣ здѣлается впредь услышимъ только наготовались опять духовенство выгонять изъ нее именемъ Господнимъ, та бѣснующая мало ѣстъ и только воду пьетъ а была-де она взята въ полонъ въ Татарехъ и съ мужемъ своимъ, съ однимъ ребенкомъ, и мужъ-де ее въ полону умеръ, а робенокъ ножемъ зарѣзался до смерти, и она дѣ отъ тоски своей клялась многими дьяволами, и отъ того Богъ на нее ихъ и напустилъ, а по счету какъ они сами себя имянами розными называются, ихъ въ ней 14-ть такъ же тѣ бѣсы просили, чтобъ Священникъ которой ихъ выгоняетъ поволилъ, чтобъ они отъ нее вышедши вселилися въ тетку ее, матери ее родной въ сестру, только онъ по прежнему имянемъ Господнимъ отсылалъ ихъ во адъ или въ такое мѣсто гдѣ они никого вредить не могутъ а въ началѣ нынѣшняго выгнанья сказали бѣсы что буде только ихъ изъ нее выгонютъ и она-де тотчасъ умретъ однакожъ надѣемся о бозѣ что Богъ милостію своею пощадити можетъ, а ужъ тому девять лѣтъ, какъ тѣ бѣсы въ нее вселились.

Повѣсть о Горѣ-Злочастіи.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 215.

А въ началѣ вѣка сего тлѣннаго
Сотворилъ Богъ небо и землю,
Сотворилъ Богъ Адама и Евву,
Повелѣлъ имъ жити въ святомъ раю.
Далъ имъ заповѣдь божественную,
Не повелѣлъ вкушати плода винограднаго
Отъ едемскаго древа великаго.
Человѣческое сердце несмысленно и неуимчиво,
Прельстился Адамъ со Еввою,—
Позабыли заповѣдь Божію,
Вкусили плода винограднаго
Отъ дивнаго древа великаго,—
И за преступленіе великое
Господь Богъ на нихъ разгнѣвался,
И изгналъ Богъ Адама со Еввою
Изъ святаго раю изъ едемскаго,
И вселилъ онъ ихъ на землю на низкую,
Благословилъ онъ ихъ раститися-плодитися
И отъ своихъ трудовъ велѣлъ имъ сытымъ быть,
Отъ земныхъ плодовъ...
Учинилъ Богъ заповѣдь законную:
Велѣлъ онъ бракамъ и женитьбамъ быть
Для рожденія человѣческаго и для любимыхъ дѣтей.
Ино зло племя человѣческо:
Въ началѣ пошло непокорливо,
Къ отцову ученію зазорчиво,
Къ своей матери непокорливо,
И къ совѣтному другу обманчиво;
А се роди пошли слабы, добрѣ убожливы,
А на безуміе обратилися,
И учали жить въ суетѣ и въ враждѣ...
А прямое смиреніе отринули.
И за то на нихъ Господь Богъ разгнѣвался;
Положилъ ихъ въ напасти великія,

Попустилъ на нихъ скорби великія,
И срамные позоры немѣрные,
Безживотіе злое, сопостатные находы,
Злую немѣрную наготу и босоту,
И безконечную нищету и недостатки послѣдніе,
Все смиряючи насъ, наказуя,
И приводя насъ на спасенный путь.
Тако рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери.

Будетъ молодецъ уже въ разумѣ, въ беззлобіи.
И возлюбили его отецъ и мать,
Учить его учали, наказывать,
На добрыя дѣла наставливать,
„Милое ты наше чадо,
Послушай ученія родительскаго,
Ты послушай пословицы
Добрыя, и хитрыя, и мудрыя,
Не будетъ тебѣ нужды великія,
Ты не будешь въ бѣдности великой.
Не ходи, чадо, въ пиры и въ братчины;
Не садися ты на мѣсто большее;
Не пей, чадо, двухъ чаръ за едину,
Еще, чадо, не давай очамъ воли,
Не прельщайся, чадо, на добрыхъ красныхъ женъ,
Отеческія дочери;
Не ложися, чадо, въ мѣсто заточное;
Не бойся мудра, бойся глупа,
Чтобы глупые на тя не подумали,
Да не сняли бы съ тебя драгихъ портъ,
Не доспѣли бы тебѣ позорства и стыда великаго,
И племени укору и поносу бездѣльнаго.
Не ходи, чадо, къ костаремъ и корчемникамъ;
Не знайся, чадо, съ головами кабацкими;
Не дружися, чадо, съ глупыми, немудрыми;
Не думай украсти, ограбити,
И обмануть, солгать и неправду учинить;
Не прельщайся, чадо, на злато и сребро,
Не сбирай богатства неправаго;
Не буди послухъ лжесвидѣтельству:
А зла не думай на отца и матерь
И на всякаго человѣка,—
Да и тебя покрыетъ Богъ отъ всякаго зла.
Не безчествуй, чадо, богата и убога,
А имѣй всѣхъ равно по единому.
А знайся, чадо, съ мудрыми и разумными, водися,
И съ други надежными дружися,
Которые бы тебя злу не доставили“.
Молодецъ былъ въ то время се малъ и глупъ,
Не въ полномъ разумѣ и несовершенъ разумомъ:
Своему отцу стыдно покоритися,
И матери поклонитися;
А хотѣлъ жити, какъ ему любо.
Наживалъ молодецъ пятьдесятъ рублевъ,
Залѣзъ онъ себѣ пятьдесятъ друговъ;
Честь его, яко рѣка, текла;
Друговя къ молодцу прибивалися,
Родъ-племя причиталися.
Еще у молодца былъ милъ надеженъ другъ,
Назвался молодцу названый братъ;
Прельстилъ его рѣчьми прелестными,
Зазвалъ его на кабацкій дворъ,
Завелъ его въ избу кабацкую,
Поднесъ ему чару зелена вина,
И кружку поднесъ пива пьянаго,
Самъ говоритъ таково слово:
„Испей ты братецъ мой названый,
Въ радость себѣ и въ веселіе, и во здравіе.
Испей чару зелена вина,
Запей ты чашею меду сладкаго:
Хошь и упьешься, братецъ, допьяна,
Ино гдѣ пилъ, тутъ и спать ложися;
Надѣйся на меня, брата названаго.
Я сяду стеречь и досматривать:
Въ головахъ у тебя, мила друга,
Я поставлю кружку ишему сладкаго,
Вскрай поставлю зелено вино,
Близь тебя поставлю пиво пьяное,
Сберегу я, милъ другъ, тебя накрѣпко,
Сведу я тебя ко отцу твоему и матери“.
Въ тѣ поры молодецъ понадѣялся
На своего брата названаго;

Не хотѣлося ему друга ослушаться.
Принимался онъ за питья за пьяныя,
И испивалъ чару зелена вина,
Запивалъ онъ чашею меду сладкаго,
И пилъ онъ, мо̀лодецъ, пиво пьяное.
Упился онъ безъ памяти,
И гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился:
Понадѣялся онъ на брата названаго.
Какъ будетъ день уже до вечера,
А солнцѣ на западѣ,
Ото сна мо̀лодецъ пробужается;
Въ тѣ поры мо̀лодецъ озирается:
А что сняты сь него драгіе порты,
Чары и чулочки все поснимано,
Рубашка и... все слуплено,
И вся собина у его ограблена,
А кирпичекъ положенъ подъ буйну его голову,
Онъ накинутъ гунькою кабацкою,
Въ ногахъ у него лежатъ лапотки-отопочки;
Въ головахъ мила друга и близко нѣтъ.
И вставалъ мо̀лодецъ на бѣлы ноги,
Учалъ мо̀лодецъ наряжатися:
Обувалъ онъ лапотки,
Надѣвалъ онъ гуньку кабацкую,
Покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое;
Умывалъ онъ лице свое бѣлое;
Стоя, мо̀лодецъ закручинился,
Самъ говоритъ таково слово:
„Житіе мнѣ Богъ далъ великое,
Ясти-кушати стало нечего!
Какъ не стало деньги, ни полуденьги.
Такъ не стало ни друга, ни полдруга;
Родъ и племя отчитаются,
Всѣ друзи прочь отпираются!
Стало срамно молодцу появитися
Къ своему отцу и матери,
И къ своему роду и племени,
И къ своимъ прежнимъ милымъ другомъ.
Пошелъ онъ на чужу страну, дальну, незнаему.
Нашелъ дворъ, что̀ градъ стоитъ;
Изба на дворѣ, что̀ высокъ теремъ;
А въ избѣ идетъ великъ пиръ почестенъ:
Гости пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются.
Пришелъ мо̀лодецъ на честенъ пиръ,
Крестилъ онъ лицо свое бѣлое,
Поклонился чуднымъ образомъ,
Билъ челомъ онъ добрымъ людемъ
На всѣ четыре стороны.
А что видятъ молодца люди добрые,
Что гораздъ онъ креститися,
Ведетъ онъ все по писанному ученію.
Емлютъ его люди добрые подъ руки,
Посадили его за дубовый столъ,
Не въ бо̀льшее мѣсто, не въ мѐньшее,
Садятъ его въ мѣсто среднее,
Гдѣ сѣдятъ дѣти гостиныя.
Какъ будетъ пиръ на веселіе,
И всѣ на пиру гости пьяны, веселы,
И сѣдя всѣ похваляются;
Молодецъ на пиру невеселъ сѣдитъ,
Кручиноватъ, скорбенъ, нерадостенъ,
А не пьетъ, ни ѣстъ онъ, ни тѣшится,
И ничѣмъ на пиру не хвалится.
Говорятъ молодцу люди добрые:
„Что еси ты, добрый мо̀лодецъ,
Затѣмъ ты на пиру невеселъ сѣдишь,
Кручиноватъ, скорбенъ, нерадостенъ,
Ни пьешь ты, ни тѣшишься,
Да ничѣмъ ты на пиру не хвалишься?
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?
Или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей?
Или малыя дѣти тебя изобидѣли?
Или глупые люди, немудрые
Чѣмъ тебѣ, молодцу, насмѣялися?
Или дѣти наши къ тебѣ не ласковы?“
Говоритъ имъ, сѣдя, добрый молодецъ:
„Государи вы, люди добрые!
Скажу я вамъ про свою нужду великую,
Про свое ослушанье родительское,
И про питье кабацкое, про чашу медвяную,
Про лестное питіе пьяное,
Язъ, какъ принялся за питье за пьяное,—
Ослушался язъ отца своего и матери:
Благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалося;
Господь Богъ на меня разгнѣвался,
И на мою бѣдность великія
Многія скорби неисцѣльныя
И печали неутѣшныя,
Скудость и недостатки и нищета послѣдняя.

Укротила скудость мой рѣчистый языкъ;
Изсушила печаль мое лице и бѣлое тѣло:
Ради того мое сердце невесело,
А бѣлое лицо унынливо;
И ясныя очи замутилися;
Все имѣніе и взоры у мене измѣнилися;
Отечество мое потерялося,
Храбрость молодецкая отъ мене миновалося.
Государи вы, люди добрые!
Скажите и научите, какъ мнѣ жить
На чужой сторонѣ, въ чужихъ людехъ,
И какъ залѣзти мнѣ милыхъ друговъ!“
Говорятъ молодцу люди добрые:
„Добро еси ты, разумный мòлодецъ!
Не буди ты спѣсивъ на чужой сторонѣ:
Покорися ты другу и недругу,
Поклонися ты стару и молоду,
А чужихъ ты дѣлъ не объявливай,
А что слышишь или видишь — не сказывай,
Не льсти ты межъ други и недруги;
Не имѣй ты упадки вилавыя—
Не вейся зміею лукавою:
Смиреніе ко всѣмъ имѣй,
И ты съ кротостію держися истины съ правдою,
То тебѣ будетъ честь и хвала великая.
Первое, тебе люди отвѣдаютъ
И учнутъ тя чтить и жаловать
За твою правду великую,
За твое смиреніе и за вѣжество;
И будутъ у тебя милые други—
Названые братья надежные“.
И оттуда пошелъ молодецъ на чужу сторону,
И учалъ онъ жити умѣючи,
Отъ великаго разума
Наживалъ онъ живота больше стараго.
Присмотрѣлъ невѣсту себѣ по обычаю,
Захотѣлося молодцу женитися.
Срядилъ молодецъ честенъ пиръ,
Отчествомъ и вѣжествомъ,
Любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ челомъ.
И по грѣхомъ молодцу, и по Божію попущенію,
А по дѣйству діаволю,
Предъ любовными своими гостьми
И други и назваными браты похвалился.
А всегда гнило слово похвальное:
Похвала живетъ человѣку пагуба.
Наживалъ-де я, молодецъ, — живота больше стараго!—
Подслушало Горе-Злочастіе
Хвастанье молодецкое!
Само говоритъ таково слово:
„Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ,
Не хвастай своимъ богатствомъ.
Бывали люди у меня, Горя,
И мудряя тебя, и досужае,
И я ихъ, Горе, перемудрило.
Учинися имъ злочастіе великое:
До смерти со мною боролися,
Во зломъ счастіи позорилися,
Не могли у мене, Горя, уѣхати,
Инъ они во гробъ вселилися,
Отъ мене накрѣпко они землею накрылися:
Босоты и наготы они избыли,
И я отъ нихъ, Горе, миновалось,
А Злочастіе на ихъ въ могилѣ осталось!“
Еще возграяло:—„Я, Горе, къ инымъ привязалось.
А мнѣ, Горю и Злочастію, не въ пустѣ же жить:
Хочу я, Горе, въ людехъ жить;
И батогомъ меня не выгонить;
А гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ!“
Говоритъ сѣро Горе-горинское;
„Какъ бы мнѣ молодцу появитися?“
Ино зло то Горе излукавилось,
Во снѣ мòлодцу привидѣлось:
„Откажи ты, мòлодецъ, невѣстѣ своей любимой;
Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
Еще быть тебѣ отъ тое жены удавлену,
Изъ злата и серебра быть убитому!
Ты пойди, мòлодецъ, на царевъ кабакъ:
Не жали ты, пропивай свои животы,

А скинь ты платье гостиное,
Надежи ты на себя гуньку кабацкую;
Кабакомъ-то Горе избудется,
Да то злое Злочастіе останется,
За нагимъ-то Горе не погонится,
Да никто къ нагому не привяжется;
А нагому-босому шумѣть—разбой!"
Тому сну мо̀лодецъ не повѣровалъ.
Ино зло то Горе излукавилось...
Молодцу по-прежнему
Еще вновь Злочастіе привязалося:
„Али тебѣ, мо̀лодецъ, невѣдома
Нагота и босота безмѣрная,
Легота, безпроторица великая?
На себя что купить то проторится,
А ты, удалъ мо̀лодецъ, и такъ живешь!
Да не бьютъ, не мучатъ нагихъ-босыхъ,
И изъ раю нагихъ-босыхъ не выгонятъ,
А съ того свѣту сюды не вытепутъ;
Да никто къ нему не првяжется;
А нагому-босому шумѣть—разбой!"
Тому сну молодецъ онъ повѣровалъ:
Сошелъ онъ пропивать свои животы,
А скинулъ онъ платье гостиное,
Надѣвалъ онъ гуньку кабацкую,
Покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое.
Стало мо̀лодцу срамно появитися
Своимъ милымъ другомъ.
Пошелъ мо̀лодецъ на чужу страну, дальну, незнаему.
На дорогѣ пришла ему быстра рѣка.
За рѣкою перевозчики,
А просятъ у него перевознаго,
Ино дать молодцу нечего:
Не везутъ молодца безденежно.
Сѣдитъ молодецъ день до вечера,
Миновался день недо̀бѣднемъ,
Не ѣдалъ мо́лодецъ ни полу-куса хлѣба.
Вставалъ мо̀лодецъ на скоры ноги,
Стоя, мо̀лодецъ закручинился,
А самъ говоритъ таково слово:
„Ахти мнѣ, Залочастіе горинское!
До бѣды меня, мо̀лодца, домыкало,
Уморило меня, мо̀лодца, смертью голодною.
Уже три дни мнѣ были нерадошны,
Не ѣдалъ я, молодецъ, ни полу-куса хлѣба!
Ино кинусь я. мо̀лодецъ, въ быстру рѣку:
Полощи мое тѣло, быстра̀ рѣка!
Ино ѣжьте, рыбы, мое тѣло бѣлое!
Ино лучше мнѣ житія сего позорнаго:
Уйду ли я у Горя злочастнаго".
И въ тотъ часъ у быстры рѣки,
Скочи Горе изъ-за камени,
Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано,
Богатырскимъ голосомъ воскликало:
„Стой ты, мо̀лодецъ, меня, Горя, не уйдешь никуды!
Не мечися въ быстру̀ рѣку,
Да не буди въ горе кручиноватъ;
А въ горѣ жить—не кручинну быть!
А кручинну въ горѣ погинути!
Вспамятуй, молодецъ, житіе свое первое:
И какъ тебѣ отецъ говорилъ,
И какъ тебѣ мати наказывала.
О чемъ тогда ты ихъ не послушалъ?
Не захотѣлъ ты имъ покоритися,
Постыдился имъ поклонитися,
А хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть!
А кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
Того выучу я, Горе злочастное!
Не къ любому онъ учнетъ упадывать,
И учнеть онъ недругу покорятися!"
Говоритъ Злочастіе таково слово:
„Покорися мнѣ, Горю нечистому,
Поклонися мнѣ, Горю, до сыры земли!
А нѣтъ меня, Горя, мудряя на семъ свѣтѣ;
И ты будешь перевезенъ за быструю рѣку,
Напоятъ тя, накормятъ люди добрые".
А что видитъ молодецъ бѣду неминучую,
Покорился Горю нечистому,
Поклонился Горю до сыры земли!
Пошелъ, поскочилъ добрый мо̀лодецъ,
По круту по красну по бережку,
По желтому песочику;
Идетъ веселъ, некручиноватъ;
Утѣшилъ онъ Горе-Злочастіе;
А самъ, идучи, думу думаетъ:
Когда у меня нѣтъ ничего,

И тужить мнѣ не о чемъ!
Да еще мо̀лодецъ не кручиноватъ,
Запѣлъ онъ хорошую напѣвочку,
Отъ великаго крѣпкаго разума:
„Безпечальна мати меня породила
Гребешкомъ кудерцы расчесывала,
Драгими порты меня одѣяла
И отшедъ подъ ручку посмотрила:
„Хорошо ли мое чадо въ драгихъ портахъ?
А въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣтъ!“
Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
Ино я самъ знаю и вѣдаю,
Что не класти скарлату безъ мастера,
Не утѣшити дитяти безъ матери,
Не бывать бражнику богату,
Не бывать костарю въ славѣ доброй;
Завѣченъ я у своихъ родителей,
Что мнѣ быти бѣлешеньку,
А что родился головѐнькою“.—
Услышали перевозчики молодецкую напѣвочку,
Перевезли мо̀лодца за быстру рѣку,
А не взяли у него перевознаго,
Напоили, накормили люди добрые,
Сняли съ него гуньку кабацкую,
Дали ему порты крестьянскіе!
Говорятъ мо̀лодцу люди добрые:
„А что еси ты, добрый мо̀лодецъ,
Ты поди на свою сторону,
Къ любимымъ честнымъ своимъ родителямъ,
Къ отцу своему и къ матери любимой,
Простися ты съ своими родители,
Съ отцомъ и матерію,
Возьми отъ нихъ благословеніе родительское!“

И оттуда пошелъ молодецъ на свою сторону.

Какъ будетъ молодецъ на чистомъ полѣ,
А что злое Горе напередъ зашло,
На чистомъ полѣ молодца встрѣтило,
Учало надъ мо̀лодцемъ граяти,
Что злая ворона надъ соколомъ;
Говоритъ Горе таково слово:
„Ты стой, не ушелъ, добрый мо̀лодецъ!
Не на часъ я къ тебѣ, Горе злочастное, привязалося;
Хошь до смерти съ тобою помучуся!
Не одно я, Горе,—еще сродники,
А вся родня наша добрая;
Всѣ мы гладкіе, умильные;
А кто въ семью къ намъ примѣшается,—
Ино тотъ между нами замучится!
Такова у насъ участь и лучшая.
Хотя кинься во птицы воздушныя,
Хотя въ синее море ты пойдешь рыбою,—
А я съ тобою пойду подъ руку подъ правую“.
Полетѣлъ мо̀лодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А Горе за нимъ съ борзыми выжлецы;
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,
А Горе пришло съ косою вострою,
Да еще Злочастіе надъ молодцемъ насмѣялося:
Быть тебѣ, травонька, посѣченой,
Лежать тебѣ, травонька, посѣченой,
И буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной.
Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
А Горе за нимъ съ частыми неводами,
Еще Горе злочастное насмѣялося:
Быть тебѣ, рыбонькѣ, у бережку уловленой,
Быть тебѣ да и съѣденой,
Умереть будетъ напрасною смертію!
Мо̀лодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
А Горе подъ руку подъ правую;
Научаетъ мо̀лодца богато жить—
Убити и ограбити,
Чтобы мо̀лодца за то повѣсили,
Или съ камнемъ въ воду посадили.
Вспамятуетъ мо̀лодецъ спасенный путь,
И оттолѣ мо̀лодецъ въ монастырь пошелъ постригатися,
А Горе у святыхъ воротъ оставается,
Къ мо̀лодцу впредь не привяжется!
А сему житію конецъ мы вѣдаемъ:
Избави, Господи, вѣчныя муки,
А дай намъ, Господи, свѣтлый рай!

Во вѣки вѣковъ аминь.

Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 218—221.

[Ѳома Грудцынъ, купецъ, съ женой и сыномъ уѣхалъ изъ Великаго Устюга въ Казань и сталъ тамъ торговать. Пріучилъ онъ къ торговому дѣлу и сына своего Савву].

По нѣкоемъ же времяни восхотѣ той Ѳома отплыти на куплю въ шахову область, и обычные струги съ товаромъ къ плаванію устроившу, сыну же своему устроилъ сосуды съ обычнымъ товаромъ, повелѣваетъ плыти къ Солѣ камской; и тамо купеческому дѣлу со всякимъ опасениемъ прилежати повелѣваше. I абие обычное цѣлование подаде женѣ и сыну своему, пути касается. Малыя же дни помедливъ, і сынъ его на устроенныхъ судѣхъ, по повелѣнию отца своего, къ Соли камской плавание творити начинаетъ. Достигшу же ему усольскаго града Орла, абие пристаетъ ко брегу и, по повелѣнию отца своего, у нѣкоего нарочита человѣка въ гостинницѣ обитати приставаетъ. Гостинникъ же той и жена его, помня любовь и милость отца его, немало прилежание всякое благодѣяние творяху ему, и яко о сынѣ своемъ всяко попечение имѣяху о немъ; онъ же пребысть въ гостинницѣ оной немало время. Въ томъ же градѣ Орлѣ бысть нѣкто мѣщанинъ града того, имянемъ и прослытиемъ Баженъ вторый, уже бо престарѣлся въ лѣтехъ, и знаемъ бяше во многихъ градѣхъ благонравнаго ради жития его, понеже и въ богатствѣ зѣло, и по премногу знаемъ и друженъ бѣ Саввину отцу Ѳомѣ Грудцыну. Увѣдавъ же Баженъ вторыи, яко изъ Казани Ѳомы Грудцына сынъ его во градѣ ихъ обрѣтается, и помысливъ въ себѣ: „отецъ его со мною многую любовь и дружбу имѣяше, азъ же презрѣхъ его, и въ домъ мой не пригласихъ его, да обитаетъ у мене и питается со мною отъ трапезы моея“. И сия помысливъ и усмотри нѣкогда того Савву, путемъ грядуща, и, призвавъ его, начатъ молити: „Друже Савво! или невѣси, яко отецъ твой со мною многую любовь имать, ты же почто презрѣлъ еси мене и не присталъ еси въ дому моемъ обитати? Нынѣ убо не преслушай мене: приди и обитай въ дому моемъ, да питаемся отъ общия трапезы моея: азъ убо за любовь отца твоего вселюбезно, яко сына, приемлю тя!“ Савва же, слышавъ таковая отъ мужа глаголы, велми радъ бысть, яко отъ таковаго славнаго мужа приятъ хощетъ быти, и ниско поклонение творитъ предъ нимъ. Немедленно отъ гостинника оного отходитъ въ домъ мужа того Бажена втораго, и живяще во всякомъ благоденствіи, радуяся. [По наущенію дьявола Савву полюбила жена Бажена. Савва сталъ бороться съ преступнымъ чувствомъ. Жена Бажена разсердилась на него за это и опоила его волшебнымъ зеліемъ]. И се начатъ, яко нѣки огнь горѣти въ сердцѣ его, о женѣ оной помышляя и глаголя въ сердцѣ своемъ, яко: „многоразличныхъ питей пияхъ въ дому отца моего, и никогда же такого пития не испихъ,

якоже нынѣ!“ Егда же испихъ питие оно, и начатъ сердцемъ тужити и скорбѣти по женѣ оной. Она же, яко львица, кротко поглядаше на него, и немало привѣтство являше къ нему; и начатъ мужу своему на юношу оного клеветати, и нелѣпая словеса глаголати, и повелѣваше изгнати изъ дому своего. Богобоязливыи же оныи мужъ, еще жалѣя по юношѣ, обачеже уловленъ бываетъ женскою лестию, повелѣваетъ юношѣ ізытти изъ дому своего. Онъ же отходитъ, тужа и сѣтуя о лукавой женѣ онои. И начатъ отъ великаго туженія красота лица его увядати и плоть его истончевати; видѣвъ же гостинникъ юношу, сѣтующа и скорбяща зѣло, неудоумѣвающи, что ему бысть.

Нѣкогда же той Савва изыде единъ за градъ, на поле отъ великаго унынія и скорби прогулятися; идяше же путемъ единъ пополудни, я никого за собою, ниже передъ собою видяше, ино ничто же помышляше, но токмо сѣтуя и скорбя о разлученіи своемъ отъ жены оныя. [И онъ сказалъ вслухъ, что за любовь ея готовъ отдать свою душу]. І такову мысль помысливъ, аки бы ума ізъступивъ, ідяше единъ; и мало пошедъ, слышитъ за собою гласъ, зовущъ его на імя; онъ же, обращся, зритъ юношу, борзо текуща, въ нарочитомъ одѣяниі, помавающа рукою ему, пождати себя повелѣваше; онъ же, стоя, ожидаше юношу оного къ себѣ.

Пришедъ же къ Саввѣ юноша той, пачеже рещи, супостатъ діаволъ, іже непрестанно рыщетъ, іща погубити души человѣческия. Пришедъ же къ Саввѣ і по обычаю поклоншеся между собою; рече же пришедыі отрокъ къ Саввѣ глаголя: „Брате Савво, что убо, яко чюждь, бѣгаеши отъ мене? Азъ убо давно ожидаю къ себѣ, да како бы пришелъ еси ко мнѣ и сродственную любовь имѣлъ еси со мною; азъ бо вѣмъ тя давно, яко отъ рода Грудцыныхъ Усовыхъ изъ града Казани, а о мнѣ, аще хощеши увѣдати, и азъ того же рода отъ града Великаго Устюга; здѣ давно пребываю ради конские покупки, ибо по плотскому рождению братия мы съ тобою, и нынѣ убо буди братъ і другъ и не отлучаися отъ мене; азъ убо всяко споможение во всемъ радъ чинити тебѣ“. Савва же, слышавъ отъ мнимаго брата оного, паче же рещи отъ бѣса, таковые глаголы, велми возрадовася, яко въ таковой далной незнаемои странѣ сродника себѣ обрѣте; и любезно цѣловастася, поидоша оба вкупѣ по пустыни оной пошедше. Рече же бѣсъ къ Саввѣ: „Брате Савво! какую скорбь имаши въ себѣ, яко велми изчезе юношеская красота твоя?“ Онъ же, всяко лукавная, сказоваше ему, нѣкую быти великую скорбь въ себѣ; бѣсъ же осклабився, рече ему: „Что убо скрываеши отъ мене, азъ бо вѣмъ скорбь твою; но что ми даси, азъ помогу скорби твоей!“ Савва же рече: „Аще убо вѣдаеши истинную скорбь мою, юже имамъ въ себѣ, то пойму вѣру тебѣ, яко можеши помощи мнѣ!“ Бѣсъ же рече: „Ты бо, скорбя, сокрушаешися сердцемъ своимъ по женѣ Бажена втораго, зане отлученъ еси отъ любве ея“. [Савва обѣщалъ дать собесѣднику денегъ подъ условіемъ, чтобы жена Бажена его полюбила]. Бѣсъ же рече: „Что убо искушаеши мя, азъ бо вѣмъ, яко отецъ твои многа богатства иматъ, ты же

не вѣси ли, яко отецъ мои седмерицею богатѣе отца твоего. И что ми будетъ въ товарѣхъ твоихъ? Но даждь ми на ся рукописание мало нѣкое, и я исполню желание твое". Юноша же радъ бысть, помышляя въ себѣ, яко „богатство отца моего цѣло будетъ, азъ же дамъ ему писание, что ми велитъ написати"; а не вѣды, въ какову пагубу хощетъ впасти, еще жъ и писати совершенно ниже что умѣя. Оле безумия юноши оного! Какъ уловленъ бысть женскою лестию, и тоя ради въ какову погибель снисходитъ! Егда же изрече бѣсъ словеса сия, онъ же рече съ радостию обѣщаяся дати писание. Мнимыи же братъ, пачеже рещи бѣсъ, вскорѣ веземъ изъ очпага чернила и хартию, даетъ юноши, и повелѣваетъ ему немедленно написати. Тои же юноша Савва, еще несовершенно умѣяше писати, и елико бѣсъ сказоваше ему, тои же и писаше, не слагая, и таковымъ писаниемъ отреклся Христа, истиннаго Бога, и предадеся въ служение діаволу. Написавъ же такое богоотметное писание, отдаетъ диаволу, мнимому своему брату, и тако поидоша оба во градъ Орелъ. [По наущенію дьявола жена Бажена простила Савву и вернула ему свою любовь]. По нѣкоемъ же времени поемлетъ бѣсъ Савву, и поидоша оба за градъ Орелъ. И на поле изшедшимъ имъ изъ града, глаголетъ бѣсъ Саввѣ: „Вѣси ли, кто есмь азъ? Ты убо совершениа мниши мя быти отъ рода Грудцыныхъ, но нѣсть тако: нынѣ убо за любовь твою повѣмъ ти всю истинну. Ты же не убойся, ниже устыдися звати мя братомъ себѣ, азъ убо совершенно улюбихъ тя въ братство себѣ; но аще хощешь увѣдать о мнѣ, азъ убо сынъ царевъ; поидемъ протчее, да покажу ти славу и могутство отца моего!" И сия глагола, приведе его въ пусто мѣсто, на нѣкии холмъ, и показа ему въ нѣкоей раздолѣ градъ велми славенъ; стѣны и помосты и покровы отъ злата чиста блистаяся. И рече ему бѣсъ: „Сей есть градъ творение отца моего, поидемъ убо и поклонимся купно отцу моему; а еже ми далъ еси писание, ныне веземъ, самъ вручи его отцу моему, и великою честию будеши почтенъ отъ него". И сия изглагола, бѣсъ отдаетъ Саввѣ богоотметное писание. Оле безумия отрока! вѣдый бо, яко никоторое царство прилежитъ въ близости къ московскому государству, но все обладаемо царемъ московскимъ. Аще бы тогда вообразилъ на себѣ образъ креста честнаго, вся бы сия мечты диавольския, яко сѣнь, погибли бы. Но на предлежащее возвратимся. Внегда же приидоша къ привидѣнному оному граду и приближився имъ ко вратомъ града, срѣтаютъ ихъ юноши темнообразни, въ ризахъ и поясы украшены златымі, и тщаниемъ покланяющееся, честь воздающе сыну цереву, паче же рещи, бѣсу, такожде и Саввѣ поклоняющеся. Вшедшимъ же имъ во дворъ царевъ, паки срѣтаютъ инии юноши, ризами блистающеся паче первыхъ, такожде покланяющеся имъ. Егдаже внидоша въ полаты царевы, абие друзии юноши срѣтаютъ ихъ, съ честию и діаволомъ превозходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Саввѣ. Вшедшимъ же въ полату гласъ бысть Саввѣ: „Брате Савво! пожди мя здѣсь мало; азъ убо, шедъ, возвѣщу о тебѣ отцу моему, и веду тя къ нему; егда

же будешь предъ нимъ, ничто же размышляи или убоися, подаждь ему писание". И сия рекъ, поиде во внутренную полату, оставль Савву единаго; и помедливъ тамо мало, приходитъ къ Саввѣ, вводитъ его предъ лице князя тмы.

Той же, сѣдя на престолѣ высоцѣ, каменниемъ драгимъ и златомъ преукрашенъ, на немъ же той славою великою и одѣяніемъ блистаяся, окрестъ же престола его зритъ Савва множество юношъ крылатыхъ, лица же ихъ овыхъ сини, иныхъ же, яко смола черны. Пришедъ же Савва предъ царя оного, палъ на землю, поклонися; вопросише его царь, глаголя: „откуду пришелъ еси сѣмо, и что есть дѣло твое?" Безумный же онъ юноша подноситъ ему богоотметное писание свое, глаголя, яко: „пріидохъ, великиі царю, послужити тебѣ!" Древнии же змии сатана, приемъ писание и прочетъ его, къ темнообразнымъ своимъ воиномъ рече: „аще поиму отрока сего, невѣмъ, крѣпокъ ли будетъ мнѣ, или ни". Призвавъ же сына своего, а саввина брата, глагола ему: „иди протчеѣ, обѣдуй съ братомъ своимъ". Итако поклоншеся царю, оба изыдоша въ переднюю палату, начевше обѣдати. Неизреченныя и благовонныя яди приношаху имъ, такожде и питие, яко дивитися Саввѣ, глаголя, яко: „никогда же въ дому отца моего таковыхъ ядей вкушахъ, или пития испихъ!"

По ядении же поемлетъ бѣсъ Савву, и поидоша паки съ двора царева, изыдоша изъ града. Вопрошаетъ же Савва брата своего бѣса, глаголя, „что убо, брате, яко видѣхъ у отца твоего, окрестъ престола его, много юношъ крылатыхъ стоящихъ? Бѣсъ же, улыбаяся, рече ему: „или невѣси, яко мнози человѣцы служатъ отцу моему,—инии персы и инии мнози, ты же не дивися сему, и не сумнѣваися братомъ звати мя себѣ; азъ бо да буду тебѣ меншии братъ; токмо, елико реку ти, во всемъ буди послушенъ мнѣ, азъ же всякого добродѣйства радъ чинить тебѣ!" Савва же обѣщася послушенъ быти ему. Итако увѣришася, приидоша во градъ Орелъ. Въ то же время пріиде въ Казань изъ Персиды со многими прибытками отецъ саввинъ Ѳома Грудцынъ, и, яко же лѣпо, обычное цѣлование подавъ женѣ своей, и вопрошаетъ о сынѣ своемъ: „живъ ли есть?" Она же повѣдаетъ ему, яко: „отъ многихъ слышу о немъ: по отшествии твоемъ въ Персиду онъ отиде къ Соли камской, и оттуда во градъ Орелъ, тамо и донынѣ живетъ житие неудобное, все богатство наше, якоже глаголютъ, изнури въ пиянствѣ и блудѣ, азъ же много писахъ къ нему о семъ, дабы оттуду возвратился въ домъ нашъ; онъ же ни единаго отвѣта подаде ми, но и донынѣ тамо пребываетъ; живъ ли, или нѣтъ, о томъ не вѣмы!" Ѳома же, слышавъ таковыя глаголы отъ жены своея, зѣло смутися умомъ своимъ; и вскорѣ сѣлъ, написавъ епистолию къ Саввѣ съ молениемъ, дабы безъ всякаго замедления оттуду ѣхалъ во градъ Казань: „да вижу, рече: чадо, красоту твоего лица!" Савва же, таковое писание приемъ, и прочетъ, нивочто же вмѣнивъ, ниже помысли ѣхать ко отцу своему. Видѣвъ же Ѳома, яко ничто же успѣваетъ писание его, абие повелѣваетъ готовити подобные струги съ товаромъ, къ

пути касается ко граду Орлу, яко да самъ, сыскавъ, пойметъ сына своего въ домъ свой. Бѣсъ же, егда увѣде, яко отецъ савинъ путешествуетъ ко граду Орлу, хотя поять Савву въ Казань, абие глаголетъ Саввѣ бѣсъ: „доколѣ здѣ во единомъ маломъ градѣ жити будемъ? идемъ убо во иные грады, и погуляемъ, и паки возвратимся“. Савва же нимало о томъ отречеся, но глагола ему: „добре убо, брате, глаголеши, идемъ, подожди мало; азъ убо возьму отъ богатства моего нѣколико пѣнязей на путь!“ Бѣсъ же возбраняетъ ему о семъ, глаголя: „или не видѣлъ еси, Савво, у отца моего? невѣсили, яко вездѣ села его есть? да идѣже придемъ, тамо и денегъ у насъ будетъ, елико потребно!“ Итало поидоша отъ града Орла, никѣмъ же вѣдомы, ниже Баженъ, тои вторыи, ни жена его, увѣдавши о отшествіи савинѣ. Бѣсъ же и Савва во едину нощь отъ града Орла обявишася на рѣкѣ Волгѣ во градѣ, имянуемомъ Козмодемянскомъ, разстояниемъ имѣюща 840 верстъ. И глаголетъ бѣсъ Савѣ: „аще кто тя знаемы узритъ и вопроситъ: „откуду пришелъ еси?“ — ты же рцы: „отъ града Орла, въ третию недѣлю приидохомъ доздѣ“. Савва же, елико заповѣда ему бѣсъ, тако и сказываше.

[Здѣсь одинъ старецъ предупреждалъ Савву, что у него опасный товарищъ, но Савва не внялъ его увѣщаніямъ. Затѣмъ они отправились въ г. Шую].

Бѣсъ же и Савва живяше во градѣ Шуйскомъ. Во время же то благочестивый государь царь и великии князь Михаило Ѳеодоровичь всея Россіи, возжела послать воинство свое противу короля польского подъ градъ Смоленскъ. И по его царскому указу по всей Россіи набираху солдатъ новобраныхъ тамошнихъ; во градѣ Шуискомъ ради солдатскаго набору присланъ съ Москвы столникъ Тимоѳей Воронцовъ, дивную школу артикулу учаше. Бѣсъ же и Савва, приходяще, смотряху учения ихъ. Рече же бѣсъ къ Савѣ: „хощеши ли, да послужимъ царю, да напишемся и мы съ тобою въ солдаты?“ Савва же рече: „добрѣ, брате, глаголеши, послужимъ!“ Итако написавшеся въ солдаты, и начевше купно на учение ходити. Бѣсъ же въ воинскомъ обучении такову мудрость дарова ему, яко и старыхъ воиновъ и начальниковъ во учении превосходитъ; самъ же бѣсъ, яко слуга Саввѣ, хождаше за нимъ и оружие ношаше. Егда же изъ Шуйского новонабранныхъ солдатовъ приведоша къ Москвѣ, и отдавше ихъ въ научение нѣкоему нѣмецкому полковнику; тотъ же полковникъ, егда прииде видѣти оныхъ солдатъ на учении, и се видитъ юношу млада, во учении же въ воинскомъ зѣло благочинна, и изрядна поступающа и нимало порока во всемъ артикулѣ имѣюща, и многихъ старыхъ воиновъ и начальниковъ во учении превосходяща, и велми удивися остроумию его; призвавъ же его къ себѣ, и вопрошаетъ рода его. Онъ же сказуетъ ему истинну. Полковникъ же, возлюбивъ Савву вельми и назвавъ его сыномъ себѣ, даде же ему съ главы своей шляпу, съ драгоцѣннымъ бисеромъ устроену сущу. И абие вручаетъ ему три роты новонабранныхъ солдатъ, да вмѣсто его устрояетъ и учитъ той Савва. Бѣсъ же

той припаде къ Саввѣ, и рече ему: „брате мой Савво! егда ти недостатокъ будетъ, въ чемъ ратныхъ людей жаловать, повѣждь ми убо, принесу ти, елико потребно денегъ, дабы въ командѣ твоей роптания не было“. Итако у того Саввы всѣ солдаты во всякои тишинѣ и такое пребывание въ протчихъ же ротахъ молва и мятежъ непрестанны, яко отъ гладу и наготы, непожалованы, помираху; у Саввы же во всякой тишинѣ и благоустроении пребываху солдаты.

Во единъ же отъ дни прииде бѣсъ къ Савѣ и рече ему: „Савво брате! поидемъ прежде полковъ въ Смоленскъ и видимъ, что творятъ полки, и како градъ укрѣпляютъ, и бранныя сосуды устрояютъ“. И во едину нощь съ Москвы въ Смоленскъ градъ ставше и пребывше у нихъ три дни, никимъ же видимы. Они же все видѣвше и созирающе, како поляки градъ укрѣпляютъ и на приступныхъ мѣстѣхъ всякия гарнаты поставляху. Въ четвертыи же день бѣсъ обяви себѣ и Савву въ Смоленскомъ полякомъ. Егда же поляки узрѣвше ихъ, возмятошася, начаша гнати по нихъ, хотяще уловити ихъ; бѣсъ же и Савва, скоро избѣгше изъ града, прибѣгоша къ рѣкѣ Днѣпру,—и абие разступися имъ вода; и преидоша рѣку оную по суху. Поляки же много стрѣляюще по нихъ и никако же вредиша ихъ. Удивляющеся глаголюще, яко: „бѣсове суть во образѣ человѣческомъ пріидоша и бывше во градѣ нашемъ!“ Савва же и бѣсъ паки пріидоша къ Москвѣ и сташа паки у того жъ сотника Якова Шилова. Егда же по указу царскому поидоша полки съ Москвы подъ Смоленскъ, тогда и тои Савва съ братомъ своимъ въ полкахъ прідоша. Надъ всѣмъ же полкомъ боляринъ Θедоръ Івановичъ Шенинъ *). На пути же бѣсъ къ Саввѣ рече: „брате Савво! егда будемъ подъ Смоленскимъ, тогда изъ поляковъ изъ града выѣдетъ единъ исполинъ на поединокъ, и станетъ звати противника себѣ; ты же не убоися ничего, и иди противъ его, азъ бо вѣмъ, и глаголю ти, яко ты поразиши его; на другии же день паки изъ поляковъ выѣдетъ другии исполинъ;— ты же изыди паки противу того; вѣмъ бо, яко и того побѣдиши; въ третии же день выѣдетъ изъ Смоленска третии поединщикъ ты же ничто же боязя, и противу того выѣди, но и того побѣдиши, самъ же уязвленъ будеши отъ него. Азъ же язву твою вскорѣ уврачую“. Итако увѣщавъ его прідоша подъ градъ Смоленскъ и сташа въ подобнѣ мѣстѣ; по глаголу же бѣсовскому, высланъ бысть изъ града нѣкии воинъ, страшенъ зѣло, на конѣ скакаше, искаше себѣ изъ московскихъ полковъ противника, но никтоже смѣяше изыйти противу его. Савва же, обявляя себѣ въ полкахъ, глаголя: „аще бы мнѣ былъ воинскии конь, и азъ бы изшелъ на брань противу сего неприятеля царска“. Друзи же его, слышавше, возвѣстиша о немъ болярину. Боляринъ же повелѣ Савву привести предъ себя и повелѣ ему дати коня нарочита и оружие, мнѣвъ, яко вскорѣ погибнути имать юноша отъ тако-

---

*) Въ другихъ спискахъ: Шеинъ.

вого страшнаго исполина. Савва же, по глаголу брата своего бѣса, ничто же размышляя или убояся, выѣзжаетъ противу оного полского богатыря, и скоро сразивъ ево, и приводитъ съ конемъ въ полки московския, и отъ всѣхъ похваляемъ. Бѣсъ же, ѣздя по немъ, служаше ему и оружие за нимъ нося. Во вторыи же день паки изъ Смоленска выѣзжаетъ страшныи исполинъ; противу же его выѣзжаетъ тои же Савва. И того вскорѣ поразивъ. Вси же удивишася храбрости его; бояринъ же, разгнѣвався на Савву, но скрываше злобу въ сердцы своемъ. Въ третии же день еще выѣзжаетъ изъ града Смоленска нѣкии славны воинъ паче первыхъ, такожде ища и позывая себѣ противника. Савва же, аще и убояся ѣхать противу такова страшнаго воина, обаче, по словеси бѣсовскому, немедленно выѣзжаетъ; и противу того на конѣ полякъ. Той, яростно напустивъ, уязви Савву копиемъ въ лѣвое стегно. Савва же, исправся, нападаетъ на поляка оного, и убиваетъ его, и съ конемъ въ полки привлече, немалъ же зазоръ смоляномъ наведе, все же россійское воинство во удивление приведе. Потомъ же начаша изъ града войско выходить, и войско съ войскомъ, сошедшеся, свалнымъ боемъ битися; а идѣ же Савва съ братомъ своимъ съ которого крыла воеваше, тамо поляки у нихъ невозвратно бѣжаху, тылъ показующе; безчисленно же побивающе, самихъ же ни одного вредили бяху. Слышавъ же бояринъ о храбрости юноши оного, и уже немогии скрыти таинаго гнѣва въ сердцѣ своемъ, абие призываетъ Савву къ шатру и глаголетъ ему: „повѣждь ми, юноше, котораго еси роду, и чиі еси сынъ?“ Онъ же повѣдаетъ ему истинну, яко изъ Казани: „Ѳомы Грудцына Усова сынъ“. Бояринъ же, начатъ всякими нелѣпыми словесы поносити его и глаголати: „кая ти нужда въ таковыи смертные случаи призва? азъ убо знаю отца и сродниковъ твоихъ,—безчисленно бо богатство имутъ; ты же отъ какова гонения или скудости, оставя родителей своихъ, сѣмо пришелъ еси? паче глаголю ти: немного здѣ медли, но иди въ домъ родителей твоихъ, и пребываи тамо во благоденствии; ащели преслушаеши меня, и услышу о тебѣ, яко здѣ имаши пребывати, то безъ всякаго милосердия здѣ имаши погибнути; главу твою повелю скоро отъяти отъ тебя!“ Сия же бояринъ къ юношѣ изрекъ съ яростию, отиде отъ него. Юноша же со многою печалию отходитъ отъ него. Отшедшимъ же имъ отъ шатра рече бѣсъ къ Саввѣ: „что убо печалуешися о семъ? аще не угодна служба наша, то поидемъ мы протчеѣ къ Москвѣ, и тамо да пребываемъ“.

Итако вскорѣ отидоша изъ Смоленска къ Москвѣ, и приставше въ домъ обитати того же сотника. Бѣсъ же днемъ пребываше съ Савою, къ нощи же отхождаше отъ него во свои адския жилища, идѣ же искони обычаи окаяннымъ пребывати. Немалу же времяни минувшу, абие разболѣвся Савва, и бѣ болѣзнь его тяжка зѣло, яко быти ему близъ смерти; [по совѣту хозяйки] повелѣваетъ призвати къ себѣ иерея. Іерей же, нимало замедливъ, притече къ болящему: бѣ бо иерей той лѣты совершенъ сый, мужъ и искусенъ, и богобоязливъ; пришедъ же, нача молитвы покаянныя глаголати, якоже

обычно. И егда же всѣмъ людемъ изъ храмины изшедшимъ, иерей же начатъ болнаго исповѣдывати, и се внезапу зритъ болны во храмину оную вшедшимъ толпу великую бѣсовъ. Мнимыи же его братъ, паче же рещи бѣсъ, прииде съ ними же, уже не въ человѣческомъ образѣ, но въ существенномъ своемъ звѣронравномъ. И ставъ созади бѣсовския оныя тмы велми на Савву яряся и зубы скрежеща, показуя ему богоотметное оное писание, еже даде ему Савва у града Орла. И глагола бѣсъ къ болящему: „зриши ли, клятвопреступниче, что есть сие? не ты ли писалъ еси сие, или мниши, яко покаяниемъ симъ избудеши отъ насъ? Ни, убо; не мни того; азъ убо всею силою моею подвигнуся на тя!“ Сия бо и инная неподобныя бѣсомъ глаголющимъ, болныи же зряше очевидно ихъ, и ово ужасашеся, ово же надѣяся на силу Божию, и до конца все исповѣда подробну іерею оному, іерей же той, аще мужъ и святъ, но обаче убояся страха оного, зане людей никого же во храминѣ кромѣ болнаго видѣ, гласъ же великъ слыша отъ бѣсовския оныя силы и съ нуждею великою исповѣда болнаго, отиде въ домъ свой, никому же сия повѣдавъ. По исповѣдании же оной бѣсъ нападе на Савву и начатъ немилостивно мучити его, ово о стѣну ударяти, ово же о помостъ, содра его пометая, ово храплениемъ и съ пѣною давляше, и всякими различными муками мучаше его. Боголюбивый же той мужъ и съ благонравною своею женою, видяще на юношѣ таковое отъ диавола незапное нападение, велми мучаше, жалѣюще по юношѣ и стѣняху сердцемъ своимъ, но никакоже помощи ему могуще. Бѣсъ же день отъ дней на болнаго лютѣ нападая, мучаше его; и всѣмъ предстоящимъ ту отъ мучения его бысть ужасно. [О болѣзни Саввы и о бѣсовскихъ истязаніяхъ его было доложено царю]. Царь же, яко слышавъ о юношѣ таковое, милосердие свое изливаетъ надъ нимъ, глаголя предстоящимъ предъ нимъ слугамъ, да егда бываетъ измѣнение повсядневное карауловъ, повелѣваетъ посылати въ домъ сотника оного, идѣ же болныі той юноша лежитъ, по два караульщика, да надзираютъ, рече: „блюдите юношу оного, да некако отъ оного бѣсовскаго мучения обезумѣвъ, во огонь или въ воду ввержется“. Самъ же благочестивыи царь посылаше къ болящему юношѣ повсядневную пищу, и елико здравъ болныи явится, повелѣваетъ возвѣстити себѣ. И се тако бывшу, немало въ таковомъ бѣсовскомъ томлении бысть же.

Бысть же іюля въ первый день юноша оный необычно отъ бѣса умученъ бысть; абіе заспавъ мало, и во снѣ, яко бъ на явѣ, начатъ глаголати, изливая слезы изъ омженныхъ очесъ своихъ, сице рече: „о, всемилостивая госпоже, царице, помилуй: не солгу, но исполню, елико обѣщаюся ти!“ Домашніи же иснабдѣвающе воини, таковые глаголы отъ болнаго слышаще, удивишася, глаголюще, яко нѣкое видѣніе видѣ.

Егда же болны отъ сна возбнувъ,—приступи къ нему сотникъ, и рече: „повѣждь ми, господине Савво, что таковыя глаголы со слезами во снѣ, и кому реклъ еси?“ Онъ же паки начатъ омывати лице свое слезами, глаголя:

„видѣхъ, рече, ко одру моему пришедшу жену свѣтолѣпну, и неизреченную свѣтлостию сияющу, носяше ризу багряну; съ нею же и два мужа нѣкия сѣдинами украшены, единъ убо во одеждѣ архіереистѣи, другии же апостолское одѣяние имуще. И не мню инѣхъ, токмо жену, мню, быти пречистую Богородицу, мужа же: единаго—наперстника Господня Іоанна Богослова, втораго же — неусыпающаго града нашего Москвы, преславнаго во иерарсѣхъ архиерея Божия Петра митрополита, ихъ же подобия и знаю образъ; и рече свѣтолѣпная оная жена: „что ти есть, Савво? и чесо ради скорбиши тако?“ Азъ же рѣхъ ей: „скорблю, владычице, яко прогнѣвавъ сына твоего и бога моего, и тебѣ, заступницу рода христианскому, и за сие бѣсъ лютѣ мучитъ мя!“ Она же рече ему: „что убо мниши, како ти избыти сея; и како ти выручити рукописание свое изъ ада?“ Азъ же рѣхъ ей: „не могу, ащи помощию сына твоего, и твоею всесилною милостию!“ Она же рече ему: „азъ убо умолю сына своего и бога твоего, единъ глаголъ моги исполнити, азъ же тя избавлю отъ бѣды сея, хощеши ли быти монахъ?“ Азъ же ей глаголы молебныя со слезами глаголахъ ей во снѣ, яже и вы слышасте! Она же паки рече: „слыши, Савво, егда приспѣетъ праздникъ явления моего образа, яже въ Казани, ты же приди во храмъ мой, яже на площади у ветошнаго ряду; и азъ предъ всѣмъ народомъ чюдо явлю на тебѣ!“ И сия рече, невидима бысть. Сия слышавъ сотникъ и приставленные воины отъ Саввы глаголы, велми почудишася. И нача сотникъ и жена его помышляти, како бы о семъ вѣдать и возвѣстити самому царю; умысли посродницу свою послати, дабы она возвѣстила о семъ вѣдать предъ царевы палаты сигклитомъ, о нихъ же бо внушено будетъ самому царю. Пріиде же сродница оная въ домъ сотниковъ; они же повѣдаша ей видѣние болящаго юноши; она же слышавъ, и абие отходитъ немедленно до царевы палаты и возвѣщаетъ ближнимъ сигклитомъ; они же немедленно внушаютъ царю о бывшемъ видѣнии саввиномъ.

Егда же слышавъ царь, велми почюдися. И начаша ожидати праздника оного. И егда же приспѣ время іюля 8 числа, бысть празникъ пресвятыя Богородицы Казанския; абие повелѣваетъ царь болящаго оного Савву нести до церкви; бысть же въ тои день хождение крестное изъ соборныя апостолския церкви пресвятыя Богородицы. Въ томъ же году былъ и самъ царь. И егда же начаша божественную литоргию, принесенну же бывшу болящему оному Саввѣ и положену внѣ церкви на коврѣ. Егда же бо начаша пѣти херувимскую пѣснь, и се внезапну бысть гласъ, яко бы громъ велии возгремѣ: „Савво, возстани, что бо медлиши? и пріиди въ церковь! мню, здравъ будеши! къ тому не согрѣшай!“ И абие спаде отверху церкви боготметное оное писание Саввіно все заглажено, что никогда же писано предъ всѣмъ народомъ. Царь же, видѣвъ сие чюдо, велми подивися; болныи же тои Савва, скочивъ съ ковра, якобы никогда болѣвъ, и притече скоро въ церковь, паде предъ образомъ пресвятыя Богородицы, нача со слезами глаголати:

„О, преблагословенная мати Господня! Христианская Заступница и Молебница о душахъ нашихъ къ Сыну своему и Богу! избави отъ пропасти адския; азъ вскорѣ исполню обѣщание свое!“

Сие же слышавъ, великии Государь Царь и великии князь Михаило Ѳеодоровичъ всея Россіи повелѣ призвати къ себѣ оного Савву.

И вопросивъ ево о бывшемъ видѣнии; онъ же повѣда ему все поряду и показавъ писание свое. Царь же подивися зѣло милосердию Божию и несказанному чюдеси. Егда же отпѣша божественную литургию, поиде Савва въ домъ сотника Іакова Шилова. Сотникъ же той и жена его, видѣвъ надъ нимъ милосердие божие, благодаривъ бога и пречистую его Богоматерь.

Потомъ же Савва, раздавъ все имѣние свое, елико имѣяше, убогимъ, самъ же иде въ монастырь чюда архистратига Михаила, идѣ же лежатъ мощи святителя Божия Алексия Митрополита, еже зоветца Чюдовъ. И восприятъ иноческии чинъ и нача тутъ жити въ постѣ и молитвахъ, безпрестанно моляся Господеви о согрѣшеніи своемъ: въ монастырѣ же ономъ поживъ лѣта доволна, ко Господу отиде, идѣ же святии пребываютъ. Буди же Вседержителю Богу слава и держава во вѣки вѣковъ аминь!

Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 222—225.

Въ 1680 году въ Новгородскомъ уѣздѣ имѣлся дворянинъ Фролъ Скобѣевъ; въ томъ же Новгородскомъ уѣздѣ имѣлись вотчины столника Нардина Нащекина; и въ тѣхъ вотчинахъ имѣлась дочь его Аннушка и жила въ нихъ; и провѣдавъ Фролъ Скобѣевъ о той столничьей дочери и взявъ себѣ намѣреніе, чтобъ вызымѣть любленіе съ тою Аннушкою. И во время увеселительныхъ вечеровъ, которые бываютъ въ веселость дѣвичеству, называемые Святки, и та дочь столника Нардина Нащекина, называемая Аннушка, приказывала мамкѣ своей, чтобъ она ѣхала ко всѣмъ дворянамъ, которые въ близости ихъ вотчинъ имѣютъ жительства, и у которыхъ дворянъ имѣются дочери дѣвицы, чтобъ ихъ просить къ Аннушкѣ на вечеринку для веселости. И та мамка поѣхала и просила всѣхъ дворянскихъ дочерей къ госпожѣ своей Аннушкѣ, и, по тому ея прошенію, обѣщалися всѣ быть; и та мамка вѣдаетъ, что у Фрола Скобѣева есть сестра дѣвица, и поѣхала мамка въ домъ Фрола Скобѣева и проситъ сестру его въ домъ госпожи своей Аннушки на вечеринку, и та сестра его объявила мамкѣ: „пожалуй, подожди маленько, я схожу къ брату своему доложу: ежели онъ прикажетъ, то я вамъ съ тѣмъ объявляю!“ И какъ пришла сестра ко Фролу Скобѣеву и объявила ему, что „пріѣхала мамка отъ столничьей дочери Аннушки и проситъ меня, чтобы я пріѣхала къ ней въ домъ на вечеринку“. И Фролъ

Скобѣевъ сказалъ сестрѣ своей: „поди, скажи той мамкѣ, что ты будешь не одна, но будешь нѣкотораго дворянина съ дочерью дѣвицею“. И та сестра его о томъ весьма думаетъ, что братъ ея повелѣлъ сказать; однакожъ не смѣла преслушать воли брата своего и сказала, что она будетъ къ госпожѣ ея сей вечеръ съ нѣкоторою дворянскою дочерью. И та мамка поѣхала въ домъ госпожи своей Аннушки. И Фролъ Скобѣевъ сталъ говорить сестрѣ своей: „ну, сестра, пора тебѣ убираться ѣхать въ гости!“ И та его сестра стала убираться дѣвическимъ уборомъ, и Фролъ Скобѣевъ сказалъ: „принеси, сестра, и мнѣ дѣвичій уборъ! уберусь и я и поѣдемъ вмѣстѣ съ тобою къ Аннушкѣ, къ столничьей дочери!“ И сестра его велми о томъ сокрушалась, понеже, ежели признаютъ его, то—„конечно будетъ въ великой бѣдѣ братъ мой, а столникъ тотъ Нащекинъ въ великой милости при царѣ!“ Однакожъ, не преслуша воли брата своего, принесла ему дѣвичій уборъ, и Фролъ Скобѣевъ, убрався въ дѣвичье платье, и поѣхали съ сестрою своею къ столничьей дочери Аннушкѣ. И какъ пріѣхали, уже много собралось дворянскихъ дочерей у той Аннушки, и Фролъ Скобѣевъ тутъ же, въ дѣвичьемъ платьѣ, и никто его не можетъ познать.

И стали всѣ дѣвицы веселиться разными играми и веселились долгое время, и Фролъ Скобѣевъ съ ними же веселится, и никто его познать не можетъ. И мамка не можетъ признать, что онъ Фролъ Скобѣевъ. И Фролъ Скобѣевъ, вынявъ денегъ 5 р., и подарилъ тою мамку. Мамка же съ великимъ принужденіемъ взяла тѣ деньги; и Фролъ Скобѣевъ видитъ, что мамка его признать не можетъ, и палъ на колѣни ей и обявилъ ей, что онъ дворянинъ Фролъ Скобѣевъ и пріѣхалъ въ дѣвичьемъ уборѣ для Аннушки, чтобъ съ нею имѣть обязательную любовь; [Подкупленная мамка помогла Фролу объясниться съ Аннушкой. Она его полюбила]. Потомъ пишетъ отецъ изъ Москвы Аннушкѣ столникъ Нардинъ Нащекинъ, чтобъ она ѣхала немедленно въ Москву для того, что сватаются къ ней женихи хорошіе, столничьи дѣти. И Аннушка, хотя съ великою неволею, не хотя преслушать воли отца своего, поѣхала къ Москвѣ. Потомъ провѣдавъ Фролъ Скобѣевъ, что Аннушка уѣхала въ Москву, и сталъ въ великомъ сумнѣніи,—не знаетъ, что дѣлать, для того, что дворянинъ небогатой и имѣетъ пропитаніе, что всегда ходитъ въ Москвѣ за дѣлами повѣреннымъ. И взялъ себѣ намѣреніе, чтобъ имѣющияся у него пустоши заложить и ѣхать въ Москву, какъ бы Аннушку достать себѣ въ жену, что и учинилъ. И сталъ Фролъ Скобѣевъ отправляться въ Москву, а сестра его объ томъ весьма соболѣзнуетъ, что, конечно, будетъ въ какоі притчинѣ. И Фролъ Скобѣевъ сталъ прощаться и сказалъ:—„ну, матушка сестрица, пожалуй не тужи ни объ чемъ: хотя и животъ мой утрачю, по тѣхъ мѣстъ и жизнь моя кончается, а отъ Аннушки не отстану,—или буду полковникъ, или покойникъ, а ежели что сдѣлается по намѣренію моему, то и тебя не оставлю; а буде сдѣлается несчастіе, то прошу не позабыть меня поминовеніемъ!“ И простясь, поѣхалъ въ Москву.

И Аннушка проситъ мамки своей, чтобъ она, какъ можно, пошла къ Фролу Скобѣеву, чтобъ онъ, какъ можно гдѣ, выпросилъ карету и съ возниками и пріѣхалъ самъ къ ней и сказалъ бы, будто отъ сестры столника Нардина Нащекина изъ монастыря пріѣхалъ по Аннушку. И та мамка пошла ко Фролу Скобѣеву и сказала ему приказъ госпожи своей. [Когда Скобѣевъ пріѣхалъ въ Москву, онъ встрѣтился съ Аннушкой въ церкви. Сестра Ордина-Нащокина, монахиня, просила брата прислать къ ней гостить Аннушку и обѣщала прислать за нею лошадей].

И какъ услышалъ Фролъ Скобѣевъ, не знаетъ, что и дѣлать и какъ кого обмануть, для того что его изъ знатныхъ дворянъ всѣ знаютъ, что онъ дворянинъ небогатой,—только великая ябеда и ходатайствовать за приказными дѣлами. И пришло въ память Фролу Скобѣеву, что весьма ему добръ столникъ Ловчиковъ; и пошелъ къ тому столнику; и какъ пришелъ Фролъ Скобѣевъ къ Ловчикову, и Ловчиковъ имѣлъ съ нимъ разговоръ многъ; и потомъ Фролъ Скобѣевъ сталъ просить Ловчикова, чтобъ пожаловалъ ему карету и съ возниками ѣхать для смотрѣнія невѣсты. И Ловчиковъ далъ ему по его прозбѣ карету и кучера; и Фролъ Скобѣевъ поѣхалъ и пріѣхалъ къ себѣ на квартиру, и того кучера споилъ весьма пьяна, и самъ убрался въ лакейское платье и сѣлъ на козлы и поѣхалъ къ столнику Нардину Нащекину по Аннушку. И усмотрѣла мамка Аннушкина, что пріѣхалъ Фролъ Скобѣевъ, сказала Аннушкѣ подъ видомъ другимъ: того дому служителей, якобы прислала тетка по нее изъ монастыря. И та Аннушка убралась и сѣла въ карету и поѣхала на квартиру Фрола Скобѣева. И тотъ кучеръ Ловчиковъ пробудился; и усмотрѣлъ Фролъ, что кучеръ не въ такомъ сильномъ пьянствѣ, и напоилъ его весьма допьяна и положилъ его въ карету, а самъ сѣлъ въ козлы и поѣхалъ къ Ловчикову на дворъ; и пріѣхалъ ко двору, и отворилъ ворота, и пустилъ возниковъ на дворъ и съ каретою, а самъ пошелъ на свою квартиру. И вышли на дворъ люди Ловчикова и видятъ, что стоятъ возники и съ каретою, а кучеръ лежитъ въ каретѣ жестоко пьянъ, спитъ, а кто ихъ привезъ на дворъ, никто не вѣдаетъ. И Ловчиковъ велѣлъ карету и возниковъ убрать и сказалъ:—„еще то хорошо, что и всего не уходилъ! На Фролѣ Скобеевѣ взять нечего!“ И наутріе сталъ Ловчиковъ кучера спрашивать, гдѣ онъ былъ со Фроломъ Скобеевымъ, и кучеръ сказалъ, что „только помню, какъ былъ на квартирѣ, а куды онъ ѣздилъ и что дѣлалъ, того не знаю!“

Потомъ столникъ Нардинъ Нащекинъ пріѣхалъ изъ гостей и спросилъ дочери своей Аннушки; и та мамка сказала, что „по приказу вашему отпущена къ сестрицѣ вашей въ монастырь, для того, что она прислала карету и возниковъ!“ И Нардинъ Нащекинъ сказалъ: „изрядно!“

И столникъ Нардинъ Нащекинъ долгое время не былъ у сестры своей и думаетъ, что дочь Аннушка у сестры его въ монастырѣ. А Фролъ Скобѣевъ на Аннушкѣ уже и женился. Потомъ столникъ Нардинъ Нащекинъ

поѣхалъ къ сестрѣ своей въ монастырь и сидѣлъ немалое время, а дочери своей не видитъ, и вопросилъ сестры своей: „сестра, что я не вижу Аннушки?“ И сестра ему отвѣтствовала: „полно, братецъ, издѣваться! чтожъ мнѣ дѣлать, коли я безсчастная моимъ прошеніемъ къ тебѣ: просила я у тебя прислать ко мнѣ! знатно, что ты не вѣришь мнѣ въ томъ, а мнѣ время такова нѣту, чтобъ прислать по нее!“ И столникъ Нардинъ Нащекинъ сказалъ: „какъ государыня сестрица? что ты изволишь говорить? я не могу разсудить, для того что она отпущена къ тебѣ съ мѣсяцъ, а ты присылала по нее карету и возниковъ, а я въ то время былъ въ гостяхъ и съ женою моею и по приказу нашему отпущена къ тебѣ!“ И сестра сказала: „никакъ, братецъ, я кареты и возниковъ не посылала никогда, и Аннушка ко мнѣ не бывала!“ И столникъ Нардинъ Нащекинъ весьма сожалѣлъ о дочери своей и горько плакалъ, что безвѣстно пропала дочь его, и, пріѣхавъ въ домъ свой, и обявилъ женѣ своей, что Аннушка пропала и сказалъ, что у сестры въ монастырѣ нѣтъ, и сталъ мамки спрашивать: „кто пріѣзжалъ и куды она поѣхала?“ Мамка та сказала, что пріѣхалъ съ возниками кучеръ и сказалъ: „изъ дѣвичья монастыря, отъ сестры вашей, пріѣхалъ по Аннушку, и по приказу вашему и поѣхала Аннушка!“ И о томъ весьма соболѣзновали и горько плакали, а наутріе поѣхалъ столникъ къ государю и объявилъ, что у него безвѣстно пропала дочь его. И велѣлъ государь учинить публикацію о той столничьей дочери: ежели кто содержитъ ее тайно, чтобъ обявили, а ежели кто не обявитъ и сыщется, то послѣ смертію казненъ будетъ.

И Фролъ Скобѣевъ, слышавъ такую публикацію, не вѣдаетъ, что дѣлать; и умысливъ Фролъ Скобѣевъ,—пришелъ къ Ловчикову столнику, для того, что тотъ Ловчиковъ весьма къ нему обходился добръ и милостивъ. И Фролъ Скобѣевъ, пришедши къ Ловчикову, и имѣли много разговоровъ и столникъ Ловчиковъ спрашивалъ Фрола Скобѣева: „что, господинъ Скобѣевъ, женился ли и богату ли взялъ?“ И Скобѣевъ ему на то отвѣтствовалъ: „нынѣ еще богатства не вижу, что вдаль время покажетъ!“—„Ну, господинъ Скобѣевъ, живи уже постоянно, а за ябедами не ходи, перестань, а живи ты въ вотчинѣ своей—лутче, здоровѣе!“—Потомъ Фролъ Скобѣевъ сталъ просить того столника, чтобъ онъ предстательствовалъ объ немъ, и Ловчиковъ ему сказалъ: „коли сносно, то буду предстатель, а ежели что несносно, то не гнѣвайся!“ И Фролъ ему объявилъ, что „столника Нардина Нащекина дочь Аннушка у меня, а нынѣ я на ней женился!“ И столникъ Ловчиковъ сказалъ: „какъ дѣлалъ ты, такъ самъ и отвѣтствуй!“ И Фролъ Скобѣевъ сказалъ: „ежели ты предстательствовать не будешь обо мнѣ, и тебѣ будетъ не безъ слова! мнѣ уже пришло показать на тебя, для того что ты возниковъ и корету давалъ, а ежели бъ ты не далъ,—и мнѣ бъ того не учинить!“ И Ловчиковъ сталъ въ великомъ сомнѣніи и сказалъ ему: „настоящей ты плутъ, что ты надо мною сдѣлалъ!“ Добро, какъ могу, буду предстательство-

вать!“ И сказалъ ему, чтобъ завтрешнеі день пришелъ въ Успенскоі соборъ, и столникъ Нардинъ Нащекинъ будетъ завтра у обѣдни,—„и послѣ обѣдни будемъ стоять всѣ мы въ собрани на Ивановскоі площаді, и въ то время приди и паді предъ нимъ и обяви о дочери ево, а я уже, какъ могу, буду предстательствовать!“

И пришелъ Фролъ Скобѣевъ въ Успенскоі соборъ къ обѣднѣ и столникъ Нардинъ Нащекинъ и Ловчиковъ и другие столники всѣ у обѣдни! и по отшестви тогда всѣ обычаі имѣлі быть въ собрани на Ивановскоі площаді противъ Ивана Великаго и имѣли промежъ собою разговоры, кому что надобно. А столникъ Нардинъ Нащекинъ больше соболѣзнуетъ о дочери своеі, также и Ловчиковъ съ нимъ разсуждаетъ о дочери его къ склонению милости. И на тѣ ихъ разговоры пошелъ Фролъ Скобѣевъ и отдалъ всѣмъ столникамъ поклонъ, какъ есть обычай, и всѣ столники Фрола Скобѣева знаютъ. И кромѣ всѣхъ палъ предъ столникомъ, Нардиномъ Нащекинымъ и просилъ прощения: „милостивы государь и царевъ столникъ! вперві отпусти вину мою, яко раба своего, котороі дерзновенно учинилъ предъ вами!“ И столникъ Нардинъ Нащекинъ имѣлся лѣтамі весма древенъ и зрѣниемъ отъ древности уже помраченъ, однакожъ, могъ человѣка усмотрѣть. Имѣли въ то время обычаі тѣ старые люди носить въ рукахъ трости натуральныя съ клюшками—и поднимаетъ тою клюшкою Фрола Скобеѣва: „кто ты таковъ? скажи мнѣ о себѣ! и что твоя нужда до насъ?“ И Фролъ Скобѣевъ только говоритъ: „отпусти вину мою!“ И столникъ Ловчиковъ подошелъ къ Нардину Нащекину и сказалъ: „лежитъ предъ вами, проситъ отпущения вины своей дворянинъ Фролъ Скобѣевъ!“ И столникъ, Нардинъ Нащекинъ воскричалъ: „встань, плутъ, знаю тебя давно плута и бездѣльника! знатно, что наябедничалъ себѣ! что, скажи, плутъ, — буде сносно, стану помогать, а что несносно, какъ хощешь! я тебѣ, плуту, давно говорилъ: „живи постоянно!“ Встань, скажи, что твоя вина?“ И Фролъ Скобѣевъ всталъ отъ ногъ его и обявилъ ему, что дочь его Аннушка у него, и онъ на неі женился; и какъ столникъ, Нардинъ Нащекинъ услышалъ отъ него о дочери своей, и сжалился слезами, и сталъ въ безпамятствѣ; и мало опамятовался, и сталъ говорить: „что ты, плутъ, сдѣлалъ? вѣдаешь ли ты о себѣ, кто таковъ? нѣсть тебѣ отпущения вины твоей! тебѣ ли, плуту, владѣть дочерью моею? поиду къ государю и стану на тебя просить о твоей плутовской ко мнѣ ябедѣ!“ И вторично пришедъ къ нему столникъ Ловчиковъ, и нача его разговаривать, чтобъ вскорѣ не учинилъ докладу къ государю: „изволишь съѣздить домой и обявить о семъ случаѣ сожительницѣ своеі, и по совѣту общему, какъ къ лутчему—уже быть! Такъ того не возвратить, а онъ, Скобѣевъ, отъ гнѣву вашего скрыться никуды не можетъ!“ И столникъ, Нардинъ Нащекинъ, послушалъ совѣту Ловчикова, не пошелъ къ Государю, сѣлъ въ корету и поѣхалъ домоі, а Фролъ Скобѣевъ пошелъ на квартиру свою и сказалъ Аннушкѣ: „ну,

Аннушка, что будетъ мнѣ съ тобою, не вѣдаю—обявилъ о тебѣ отцу твоему!“

И столникъ Нардинъ Нащекинъ приѣхалъ въ домъ свої, идетъ въ покои, жестоко плачетъ и кричитъ:—„Жена, что ты вѣдаешь? я нашелъ Аннушку!“ И жена его спрашиваетъ:—„Гдѣ она, батюшко?“—„Охъ, мой другъ, воръ, и плутъ, и ябедникъ, Фролъ Скобѣевъ, женился на ней!“ И жена его услышала тѣ отъ него рѣчи и не вѣдаетъ, что говорит(ь), соболѣзнуя о дочери своеі. И сталі оба горко плакать и въ сердцахъ своихъ бранить дочь свою, и не вѣдаютъ, что чинить надъ нею. Потомъ пришли въ память, сожалѣя о дочери своеі, и сталі разсуждать съ женою:—„Надобно послать человѣка и сыскать, гдѣ онъ, плутъ, живетъ, провѣдать о дочери своеі, жива ли она“. И призвалі къ себѣ человѣка своего и сказалі ему:—„Поѣзжаі и сыщи квартиру Фрола Скобѣева и провѣдай про Аннушку, жива лі она, и имѣетъ ли пропитание какое“.

И пошелъ человѣкъ ихъ по Москвѣ искать квартиру Фрола Скобѣева, и по многомъ хождени, нашелъ и пришелъ ко двору. І усмотрѣлъ Фролъ Скобѣевъ, что отъ тестя идетъ человѣкъ, и велѣлъ женѣ своей лечь на постелю и притворить себя, яко бы болна. И Аннушка учинила по волі мужа своего. І присланноі человѣкъ вошелъ въ покой и отдалъ, какъ по обычаю, поклонъ. И Фролъ Скобѣевъ спросилъ:—„Что ты за человѣкъ? і какую нужду до меня имѣешь?“ И человѣкъ отвѣщалъ, что онъ присланъ отъ столника Нащекина провѣдать про дочь ево, здравствуетъ ли она. И Фролъ Скобѣевъ говоритъ:—„Видишь ты, мой другъ, каково ея здоровье! Таковъ ти родителской гнѣвъ,—оии ее заочно бранятъ и кленутъ, оттого она при смерти лежитъ! Донеси ихъ милости, хотя бъ они, при жизни ее, заочно благословилі“. И человѣкъ тотъ отдалъ имъ поклонъ и пошелъ.

И пришелъ къ господину своему и донесъ, что „нашелъ квартиру Фрола Скобѣева, токмо Аннушка очень больна и проситъ отъ васъ заочно хотя словесного благословения!“ И пребезмѣрно родители о дочери своей соболѣзнуютъ, токмо разсуждали:—„Что съ воромъ и плутомъ дѣлать?“, но болѣе сожалѣли о дочери своей. Мать ея стала говорить:—„Ну, мой другъ, уже быть такъ, что владѣть плуту дочерью нашею! Уже такъ Богъ велѣлъ,—надобно послать къ нимъ образъ и благословить ихъ, хотя заочно; а когда сердца наши утолятся, то можемъ видѣтся съ ними і сами!“ Сняли со стѣны образъ, который былъ обложенъ золотомъ и драгимъ камениемъ, такъ какъ прикладу всего на 500 р., і послали съ тѣмъ же человѣкомъ, приказалі, чтобъ они тому образу молились,—„а плуту і вору Фролкѣ скажи, чтобъ онъ его не промоталъ.

И человѣкъ ихъ, принявъ оноі образъ, и пошелъ на квартиру Фрола Скобѣева. И усмотрилъ Фролъ Скобѣевъ, что пришелъ тотъ же человѣкъ, сказалъ женѣ своеі:—„Встань, Аннушка“. І сѣли оба вмѣстѣ и человѣкъ тотъ вошелъ въ покой ихъ и отдалъ образъ Фролу Скобѣеву и сказалъ, что

„родители ваши, богомъ данные, прислалі къ вамъ благословение!“ И Фролъ Скобѣевъ, приложась къ тому образу и съ Аннушкою, и поставилі, гдѣ надлежитъ; и сказалъ Фролъ человѣку тому:— „Таково ти родителское благословение,—и заочно ихъ не оставили—и Богъ далъ Аннушкѣ здоровье: нынѣ, слава Богу, здорова! благодари ихъ милость, что не оставилі заблудшую дочь свою!“ И человѣкъ пришелъ къ господину своему и объявилъ объ отданіи образа и о здрави Аннушкинѣ и о благодарени ихъ, і пошелъ въ показанное свое мѣсто. И столникъ Нардинъ Нащекинъ, поѣхавъ къ государю и объявилъ, что „дочь свою нашелъ у новгородского дворянина Фрола Скобѣева, которої уже на ней и женился, и прошу вашей государевой милости, чтобъ въ томъ ему, Скобѣеву, вину отпустить“—и объявилъ ему все подробно, на что велики государь ему сказалъ, что: „въ томъ твоя воля, какъ желаешь! і совѣтую тебѣ, что уже того не возвратить, а онъ твоимъ награждениемъ, а моею милостию противъ протчихъ своей братьи оставленъ не будетъ,—и въ томъ на старости возымѣешъ утѣху!“ Столникъ же Нардинъ Нащекинъ, поклоняся государю, и поиде въ домъ свої и стали разсуждать и сожалѣть о дочери своеї; и сталъ говорить женѣ своей:—„какъ, другъ мої, быть? конечно, плутъ заморитъ Аннушку! чѣмъ ему, вору, кормить ее? и самъ, какъ собака, голоденъ! надобно, другъ мой, послать какого запасу, хотя на 6-ти лошадяхъ“; а жена его сказала:—„Конечно, надобно, другъ, послать!“ І послали тотъ запасъ и при томъ реэстръ. И какъ пришелъ оной запасъ, и Фролъ Скобѣевъ, не смотря по реэстру, приказалъ положить въ показанныя мѣста и приказалъ тѣмъ люцямъ за ихъ родителския милости благодарить. Уже Фролъ Скобѣевъ сталъ жить роскочно и ѣздить вездѣ по знатнымъ персонамъ, и весма Скобееву удивлялися, что онъ сдѣлалъ такую притчину и такъ смѣло. Уже чрезъ долгое время [родители] обратились сердцемъ и соболѣзновали душею о дочери своей, такожъ и о Фролѣ Скобѣевѣ, и послалі человѣка къ нимъ и приказалі просить ихъ кушать къ себѣ. И какъ пришелъ человѣкъ і проситъ:—„Приказалъ батюшко васъ кушать сеи день!“ И Фролъ Скобѣевъ сказалъ:—„Донеси государю нашему батюшку, что будемъ не умедля до ихъ здоровья!“

И Фролъ Скобѣевъ убрался съ женою своею Аннушкою и поѣхалъ въ домъ тестя своего и приѣхалъ въ домъ ихъ и пошелъ въ покои съ женою своею; и Аннушка пала предъ ногамі родителей своихъ. Усмотрѣлъ Нардинъ Нащекинъ, какъ дочь свою и съ женою своею приносимую вину свою,— сталі ее бранить и наказывать своимъ гнѣвомъ родителскимъ, и смотря на нея весма плачютъ, что она такъ учинила безъ воли родителеі своихъ, проклиная жизнь ея словамі своимі; и по многомъ глаголани ихъ и гнѣву, отпустили вину ея и приказалъ Нардинъ Нащекинъ садиться за столъ съ собою, а Фролу Скобѣеву сказалъ:—„А ты, плутъ, што стоишь? садись тутъ же! тебѣ ли бы, плуту, владѣть дочерью моею!“ И Фролъ сказалъ ему:—„Государь-ба-

тюшко, уже тому такъ Богъ судилъ!"—И сѣли всѣ кушать, и столникъ Нардинъ Нащекинъ приказалъ людемъ своимъ, чтобъ никого въ домъ посторонних не пускалі,—сказывалі бы, что „время такого нѣтъ столнику, для того что съ зятемъ своимъ, воромъ и плутомъ Фролкою Скобѣевымъ, кушаетъ!" И по окончани стола сталъ столникъ говорить зятю своему:—„Ну, плутъ, чѣмъ ты станешъ жить?" И Фролъ Скобѣевъ сказалъ:—„Милостивы государь-батюшко! изволишь ты самъ быть извѣстенъ, чѣмъ мнѣ жить,—болѣе не могу пропитания найти, какъ за приказными дѣлами ходить!" И столникъ рече:—„Перестань, плутъ, ходить за ябедоі,—имѣется вотчина моя въ синбирскомъ уѣздѣ, которая состоитъ въ 300-хъ дворахъ, да въ новгородскомъ уѣздѣ въ 200-хъ дворахъ,—справь, плутъ, за собою и живи постоянно!" И Фролъ Скобѣевъ отдалъ поклонъ и съ женою своею, и приносили благодарение родителемъ своимъ, и, сидѣвъ немного, поѣхалъ Фролъ Скобѣевъ на квартиру свою и съ женою своею. Тесть же его столникъ Нардинъ Нащекинъ приказалъ Скобѣева возвратить и сталъ говорить: —„Ну, плутъ, есть ли у тебя денги? чѣмъ ты деревни справишь?" И Фролъ рече:—„Извѣстно вамъ, Государь-батюшко, какия у меня денги!" И столникъ приказалъ дать дворецкому своему денегъ 500 р. И простясь, Фролъ Скобѣевъ поѣхалъ на квартиру свою и съ женою своею Аннушкою.

И по многомъ времени справилъ Фролъ деревни за собою и сталъ жить очень роскочно, и ѣздилъ къ тестю своему безпрестанно и всегда приниманъ былъ съ честию, а за ябедами ходить уже бросилъ. И понѣкоемъ времени поживе столникъ Нардинъ Нащекинъ въ глубокоі своей старости, въ вѣчную жизнь пересилился, и по смерти своей, учинилъ Фрола Скобѣева наслѣдникомъ во всемъ своемъ движимомъ и недвижимомъ имѣнии. Потомъ недолгое время поживъ теща его переставилась,—и тако Фролъ Скобѣевъ, живя въ великоі славѣ и богатствѣ, наслѣдниковъ по себѣ оставя и умре.

Отрывокъ романа въ стихахъ.

Дѣйствіе романа происходитъ въ Москвѣ. Дѣвица полюбила сосѣда-парня. Отецъ узналъ объ этой любви.

. . . отецъ мой любовь повѣдалъ,
въ церкви съ сосѣдомъ побранился,
мною укорился.
Пришедъ въ домъ, отецъ мнѣ объявляетъ,
мать мою сокрушаетъ;
отецъ мой собакъ съ цѣпей спущаетъ,
любезнаго отъ меня отлучаетъ,
но псы любезнаго не отлучали,
любовь нашу сердечную не разлучали,
отъ отца пропадали.

Я *).

Яростно съ того времени сталъ отецъ ко мнѣ приступати;
любезнаго вскорѣ нельзя увѣдомляти.
Къ любезному тайно письмо посылала,

*) Каждая глава обозначена буквой алфавита; съ этой буквы начинается и первое слово этой главы.

съ печалію увѣдомляла.
Къ любезному посланный отъ меня письмо принимаетъ,
на лавку полагаетъ,
на лавкѣ письмо забываетъ,
любезнаго словесно увѣдомляетъ.
Я себя въ той день снаряжала,
въ гости уѣзжала.
Отецъ домой приходитъ,
тайное письмо находитъ;
сталъ его читати,
матери моей объявляти;
трость примаетъ,
мать убиваетъ.
Мати того письма не знаетъ,
клятвою себя заклинаетъ,
тростью отецъ мать мою убиваетъ,
руку переломляетъ.
Я млада того не знаю,
въ гостяхъ себя увеселяю;
домой я приходила,
мати моя мнѣ младой объявила,
отцомъ устрашеваетъ,
побои мнѣ объявляетъ.
Отецъ домой прихождаетъ,
за косу меня младу о полъ ударяетъ,
о письмѣ меня воспрашеваетъ,
отъ страха отвѣта отъ меня не получаетъ.
Въ память приходила,
отцу объявляла,
что письма того не знаю:
„вѣстно тебѣ, отче,
что грамотѣ научена
и писать не умѣю,
а писать не обучена!“
Клятвою отцу клянулась,
письма того отвернулась.
Отецъ мать мою убиваетъ,
о письмѣ томъ воспрашеваетъ.
Мати моя клянется,
обо мнѣ печется,—
такъ о себѣ не сожалѣетъ,
какъ обо мнѣ младой радѣетъ.
Клятвою меня младу заклинала,
супружества между нами желала,
благословеніе подавала.
Любезный матери моей полюбился
и ласкою ей показался;
. . . .

Многіе непотребные поступки (отецъ) учинялъ,
насъ до конца искоренялъ:
гладомъ насъ морилъ,
деньги окаянный копилъ,
работницы въ домъ не нанималъ,
убытковъ себя избавлялъ.
Любезный сіи поступки за отцомъ зналъ,
зубами скрежеталъ;
того ради отецъ любезнаго отбѣгалъ
и меня младу за него не отдавалъ.

Е.

Еще къ любезному посылала,
вѣсточкою увѣдомляла,
печаль свою объявляла,
опасатися повелѣвала,
письмо посылала,
въ знакъ любви власы полагала:
„Аще хощеши, любезный, мя посѣтити,
прошу чрезъ едину улицу тебѣ не ходити,—
врази тя ожидаютъ,
убити тебя желаютъ.
Когда мой платокъ въ окнѣ увидишь,
тогда ко мнѣ да придешь!“

Я.

Яблочки щипала,
къ любезному посылала;
сама прежде накусала,
знакъ любви отдавала,
гостинцы посылала,
къ себѣ любезнаго своего ожидала.
Посѣтити мой любезный обѣщеваетъ,
сердце мое возвеселяетъ.
Отецъ мой свахъ призываетъ,
меня дѣвицу съ любезнымъ разлучаетъ.
Окаянная сваха жениха привести обѣщеваетъ.
Къ жениху выходила,
аки на пса смотрѣла.

Жениху я млада полюбилась,
едва не сокрушилась.
Отцу женихъ полюбился,
и умъ его распустился.
На словѣ полагаютъ,
сердце мое надрываютъ.
Любезный того не знаетъ;
сердце его провѣщеваетъ.
За столъ съ женихомъ меня сажаютъ,
на дворъ выхождаютъ.
Тайно стали шептати,
чтобъ мнѣ не дать того знати;
въ горницу сталъ входити,
намъ говорити,
чтобъ мы изъ-за стола вставали,
Богу поклонъ отдавали.
Стали меня младу заручати,
потомъ за столъ сажати.
Отецъ меня вызываетъ:
смерть мнѣ младой объявляетъ,
аще жениха буду хулити,—
„то сей часъ смертію имамъ тя погубити!“
Любезный не знаетъ,
вѣсточки ожидаетъ;
отецъ мой поспѣшаетъ,
свадьбу понуждаетъ.
Дѣвишникъ приходитъ,
женихъ со отцомъ моимъ въ домъ входитъ;
стала жениху подносити,—
боюсь, какъ бы подноса не уронити.
За столъ меня младу сажаютъ,
женихъ ручку мою принимаетъ...
Невольное мое младое дѣло сталось,
отца опасалась.
Стали изъ-за стола вставати,
Богу поклонъ отдавати;
руку мою принимали,
жениху отдавали;
немилый ручку принимаетъ,
крѣпко сжимаетъ.
Дѣвишникъ приходитъ,
отецъ меня въ городъ выводитъ.
Со отцомъ и съ свахою чепцы покупали,
не по моей волѣ поступали:
что̀ мнѣ потребно,
то имъ негодно.
Отецъ отъ меня отставляетъ,
со свахою покидаетъ;
крашенымъ рядомъ пошла,
любезнаго нашла,
напредъ сваху отпустила,
съ любезнымъ говорила,
любезному объявила,—
едва печалью себя не сокрушила.
Любезный слезами себя обливаетъ,
власы на себѣ терзаетъ,
совѣта у меня прошаетъ,
съ горестныхъ словъ на себѣ волосы терзаетъ,
у меня младой совѣту прошаетъ,
горестныя слова причитаетъ.
Горестно разставались,
слезами обливались.
На Бога надежду уповать повелѣваю,
отъ сукрушенія обо мнѣ унимаю:
„такъ намъ Богъ повелѣлъ быти,
что супружества за грѣхи наши насъ не допустилъ!“
Едва домой пришла;
отцу радостну себя объявила,
тайно въ чуланъ выходила,
слезами обливала
и горестныя сіи слова причитала:
„красота моя, красота и молодость!
кому ты досталась?
вопрошали тя, съ тѣмъ ли я желала?
тебя веселить, по-истинѣ реку,
ниже въ помышленіи моемъ,
аще-бы не злѣйши мой родитель:
по нуждѣ меня съ любезнымъ разлучалъ,
аки бѣлую голубицу разлучаетъ кокошъ отъ голубя!
Что̀ мой родитель между нами учинилъ,
по-истинѣ души наши вѣчно погубилъ!
Что̀ есть спасеніе родителямъ симъ, что совокупляютъ
въ супружество за богатыхъ да неправныхъ—вѣчно души наши погубляютъ!
Напиткомъ у зятей хотятъ себя увеселяти,

корыстей всякихъ отъ богатыхъ зятьевъ хотятъ получити,
желаютъ старости своей красоту и честь получить.
Что̀ добре сотворится? платьемъ дочь себя увеселяетъ,
а мыслями вѣчно погибаетъ,
а отца и матерь вѣчно проклинаетъ,
хотя въ домъ себѣ пущаетъ,
тако радостно не принимаетъ,—
отчего многія впадаютъ въ блудъ и тѣмъ по-истинѣ родители души свои погубляютъ,
велій грѣхъ себѣ сотворяютъ,
не за нравнаго выдаваютъ.
Лучше скудно жити,
а съ мужемъ въ любви жити,
нежели за богатымъ да ненравнымъ:
въ любви могутъ нажити,
а безъ совѣта и послѣднее прожити...

У.

Узникамъ милостыню подавала
и о здравіи любезнаго упрашевала;
о любезномъ не упросила,
сердце свое сокрушила;
хотя поневолѣ отъ любезнаго отлучна,
сердце мое отъ него неотлучно!
Не то дорого, что̀ красное золото—
то дорого, что̀ чистое серебро!
Любезному сметанку—
немилому творогъ!
Съ любезнымъ часокъ лучше
немилаго года!
По-неволѣ вѣнчалась,
сердцемъ надрывалась.
Къ вѣнчанью везли,—
изъ очей моихъ слезы текли.
Въ церковь вводя, къ попову благословенію приводятъ..
Попъ спрашиваетъ:
„волею ли и не усилованіемъ?“
Но кого вопрашеваетъ?
уста мои отъ горести кровь запекаетъ.
Страха отъ отца неволею сказать боюся,
да не въ горшую бѣду ввалюся..
Попу отвѣщеваю,
въ волю его себя отдаваю.
Любезный при томъ вѣнчаніи стоитъ,
къ оговоренію мои письма въ рукахъ держитъ,
слезами себя обливаетъ,
власы на себѣ терзаетъ,
письма моей руки друзьямъ объявляетъ,
совѣта прошаетъ,
желаетъ меня отъ вѣнца отлучити,
себѣ совокупити.
Друзья его унимали,
отцово мнѣ смертное сокрушеніе объявляли.

О.

Охъ, горестно, горестно спознаться
съ любезнымъ, да разстаться!
А тошнѣе того на семъ свѣтѣ,
кто по радости останется!
Въ жалости тошно разстаться
голубёнку съ голубушкой!
Тошнѣе того голубушкѣ по голубчикѣ!..
..Отъ вѣнчанья изъ церкви меня младу въ домъ ведутъ,
изъ очей моихъ слезы текутъ;
о тайной совѣсти сумнѣвалась,
жалостію о любезномъ сокрушалась;
мужу боюся появиться,
како бы тайною совѣстью не обличиться.
Отъ вѣнца приводятъ,
въ хоромы вводятъ,
за столъ сажаютъ,
русу косу расплетаютъ.

Я.

Яблоки любезный ко мнѣ присылаетъ,
любовь мою не забываетъ;
вѣдаетъ любезный, что по-неволѣ съ нимъ разсталась
и отъ любви моей сердцемъ по немъ истосковалась.
Ленточки къ любезному посылала.
къ сердцу своему прижимала,
любезно ихъ цѣловала,
поклонъ ему отдавала.
Ленточки мой любезный принимаетъ.

на сердце своемъ полагаетъ;
когда мой любезный опочиваетъ,
тогда мои ленточки на сердцѣ своемъ
полагаетъ.

И.

Иже кто хощетъ спастися,
тотъ сего да хранится:
аще сего сохранишься,
то и царствія небеснаго не лишишься:
Богъ не хочетъ смертной грѣшнику
пропасти
и во адово дно впасти:
не приде Господь призвати праведныхъ,
но насъ грѣшныхъ покаяніемъ!
Виждь, коли напасти дьяволъ содѣваетъ,
сѣтію своею родъ христіянскій уловляетъ!

Исторія объ азовскомъ осадномъ сидѣніи донскихъ казаковъ.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. I, вып. 2, стр. 243.

Лѣта 7150-го октября въ 24 день пріѣхали къ Москвѣ къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Россіи самодержцу, съ Дону изъ Азова-города Донскіе казаки: атаманъ Наумъ Васильевъ да ясаулъ Ѳедоръ Ивановъ, а съ ними казаковъ пріѣхало 24 человѣка, которые сидѣли въ Азовѣ-городѣ отъ Турокъ въ осадѣ, и своему осадному сидѣнію привезли роспись и тое роспись подали на Москвѣ въ Посольскомъ Приказѣ печатнику и думному дьяку Ѳедору Ѳедоровичу Лихачеву, а въ росписи ихъ пишетъ.

[Въ началѣ разсказывается о посольствѣ султана въ Азовъ, о его требованіяхъ].

Іюля въ 24 день, въ первомъ часу дня, пришли къ намъ паши его подъ городъ. И Крымскій царь наступилъ на насъ со всѣми великими Турецкими силами. Всѣ наши поля чистыя орды Ногайскими изнасѣяны: гдѣ у насъ была степь чистая, тутъ стало у насъ однимъ часомъ, людьми ихъ многими, что великіе лѣса темные. Отъ силы ихъ многія и отъ рысканія ихъ конскаго земля у насъ подъ Азовомъ потряслася и погнулася; изъ рѣки у насъ, изъ Дону, вода на берегъ выступила отъ такихъ великихъ тягостей, и изъ мѣстъ своихъ вода на луги пошла. И почали они Турки по полямъ у насъ шатры свои Турецкіе ставити, и полатки многія, и наметы великіе, и дворы большіе, полотняные: что горы страшныя забѣлѣлися. И почали у нихъ въ полкахъ ихъ быти трубли великія въ трубы большія, и игры многія, и писки отъ нихъ въ полкахъ пошли великіе, и несказанными голосами страшными, ихъ бусурманскими. И послѣ того въ полкахъ ихъ почала быти стрѣльба пушечная и мушкетная великая: какъ есть — стала гроза великая надъ нами, страшная, будто громъ великъ и молнія страшная отъ облака бываетъ съ небеси. Отъ стрѣльбы ихъ сталъ огонь и дымъ до неба; и всѣ наши градныя крѣпости потряслися отъ стрѣльбы ихъ той; и солнце померкло въ днѣ томъ и въ кровь превратилось: какъ есть—наступила тьма темная.

И страшно добрѣ намъ стало отъ стрѣльбы ихъ въ тѣ поры; трепетно и дивно ихъ несказанный, и страшный, и дивный приходъ бусурманскій намъ было видѣти... Близостію самою они почали ставитися за полверсты малыя отъ Азова-города. Ихъ яныченскія головы строемъ идутъ къ намъ подъ городъ, великими полки. Головы ихъ и сотники, отдѣлялся отъ нихъ, предъ ними идутъ пѣши же. Знамена у нихъ у всѣхъ яныченей великія, черныя: яко тучи страшныя, покрываютъ людей. Набаты у нихъ гремятъ многіе, и въ трубы трубятъ, и въ барабаны бьютъ, въ велики и несказанны. Ужасно слышати сердцу всякому ихъ бусурманская трубля: яко звѣри воютъ страшны надъ главами нашими, розными голосами. Ни въ какихъ странахъ ратныхъ такихъ людей не видали мы, и не слыхано про такую рать отъ вѣку; подобно тому, какъ царь Греческій приходилъ подъ Троянское государство многими государствы и тысячи. 12 ихъ головъ яныченскихъ пришли къ намъ самою близостію къ городу, и осадили насъ они пришедши, и... стали кругъ Азова-города въ восмь рядовъ, отъ рѣки Дону до моря, захватя рука за руку, и патожки они свои потыкали, и мушкеты свои насъ прицѣлили...

Того же дня на вечеръ, какъ пришли Турки къ намъ подъ городъ, и прислали къ намъ паши ихъ Турецкіе толмачей своихъ бусурманскихъ, и Персидскихъ, и Еллинскихъ, а съ ними, толмачами, прислали говорити голову яныченскаго отъ строю своего пѣхотнаго. Почалъ намъ говорити голова ихъ яныченскій слово царя своего Турскаго, и отъ 4 пашей его, рѣчію гладкою:

„О люди Божіи, Царя Небеснаго! Никимъ вы въ пустыняхъ водимы или посылаемы, яко орлы паряще, безъ страха по воздуху летаете; аки львы свирѣпые, въ пустыняхъ рыкаете. Казачество Донское, вольное, свирѣпое! Сосѣди наши ближніе, непостоянные нравы, лукавые, пустынные жители! Убійцы и разбойники непощадные! Не сыти ваши очи, не полны ваши чрева. Какъ отъ вѣка не наполните своего чрева гладнаго? Кому приносите такія обиды великія и страшныя грубости? Наступили есте вы на такую великую десницу, высокую,—на государя царя Турскаго! Не впрямь вы еще на Руси богатыри Свято-русскіе нарицается. Гдѣ, воры, теперво можети утечи отъ руки его страшныя? Птицею ли вамъ изъ Азова летѣти? Осажены вы теперво накрѣпко. Прогнѣвали вы Мурата, султана-царя Турскаго, величество его: первое, вы у него убили на Дону честна мужа греческаго закона, Турскаго посла Ѳому Кантакузина, принявъ его съ честію въ городки свои, а съ нимъ побили вы всѣхъ Арменъ и Гречанъ, для ихъ сребра и злата. А тотъ посолъ Ѳома посланъ былъ отъ Царяграда ко царю вашему для великихъ царственныхъ дѣлъ. Да вы же у царя взяли любимую цареву вотчину, Азовъ-городъ, и рыбный дворъ. Напали вы на него, аки волки гладные, не пощадили вы въ немъ никакого мужескаго возраста, ни стара, ни мала, дондеже и владѣтелей посѣкли всѣхъ до единаго. Положили вы па себя зло лютое, имя звѣриное; и теперво сидите въ немъ. Раздѣлили вы государя Турскаго тѣмъ

Азовомъ-городомъ со всею его ордою Крымскою и Ногайскою, воровствомъ своимъ. Та у него орда Крымская—оборона его великая на всѣ стороны, страшная. Второе, разлучили его съ корабельнымъ пристанищемъ; затворили вы все море синее, не дадите проходу по морю ни кораблямъ, ни каторгамъ царевымъ ни въ которые поморскіе городы. Сгрубя вы такую грубость, чего вы конца въ немъ дожидаетесь? Крѣпкія, жестокія казачьи сердца ваши! Очистите вотчину царя Турскаго, Азовъ-городъ, въ ночь сію не мѣшкая. Что есть у васъ въ немъ сребра и злата, понесите безъ страха изъ Азова вонъ съ собою въ городки свои казачьи къ своимъ товарищамъ. Не тронемъ васъ ничѣмъ. А естьли изъ Азова сея нощи вонъ не выдете, не можете завтра живы быти. Кто васъ, злодѣевъ, можетъ укрыти, или васъ заступити отъ руки его сильныя и отъ великихъ, такихъ страшныхъ, непобѣдимыхъ его силъ, царя восточнаго, Турскаго? Кто постоитъ ему? Нѣсть ему никого равна или подобна ему величествомъ и силами его на свѣтѣ. Едино лише повиненъ Богу небесному. Единъ лише онъ вѣренъ и стражъ Гроба Божія, по волѣ же Божіи. Избра его Богъ на свѣтѣ едина отъ всѣхъ царей. Промышляйте себѣ въ нощь сію животомъ своимъ; не умрите отъ руки царя Турскаго смертію лютою, своею волею. Онъ, великій государь, восточный Турскій царь, не убійца николи вашему брату, вору казаку-разбойнику. Ему бы то царю честь достойная, что побѣдити гдѣ царя великаго и равна своей чести; а ваша ему не дорога кровь разбойничья. А естьли вы уже будетъ пересидите въ Азовѣ нощь сію, черезъ царскую милость, и рѣчь, и заповѣдь,—пріемъ завтра градъ Азовъ и васъ въ немъ, воровъ-разбойниковъ, яко птицу взявъ въ руки свои, и отдадимъ васъ, воровъ, на муки лютыя и грозныя, раздробимъ всю плоть вашу разбойничью на дробныя крошки, хотя бы васъ, воровъ, въ Азовѣ-городѣ сидѣло 40,000; ино силы съ пашами подъ васъ прислано больше волосовъ на главахъ вашихъ. Видите вы и сами, глупые воры, очима своима силу его великую неизсчетну, какъ они покрыли всю стѣну вашу казачью великую. Не могутъ, чаю, и съ высоты, съ города очи ваши видѣти другаго краю силъ нашихъ. Не перелетитъ черезъ силу Турецкую никакова птица паряща, устрашится людей, отъ многа множества силъ нашихъ, все валится съ высоты на землю... Отъ царства вашего Московскаго никакой вамъ помощи не будетъ ни отъ царя, ни отъ человѣкъ Русскихъ, ни выручки. На что вы таковы надежны, глупые воры? Запасу вамъ хлѣбнаго не пришлютъ. А естьли вы, люди Божіи, и служити хочете, казачество свирѣпое, вольное, государю нашему царю Обрагиму салтану и его величеству; принесите ему, царю, вольныя свои головы разбойничьи въ повиновеніе, на службу вѣчную. Отпуститъ государь нашъ Турецкій царь и паши его всѣ ваши казачьи грубости прежнія, и нынѣшнее взятіе Азовское; пожалуетъ васъ, казаковъ, онъ, государь нашъ Турскій царь, честью великою, обогатитъ васъ, казаковъ, онъ, государь Турецкій царь, многимъ и несчетнымъ богатствомъ, учинитъ вамъ, казакомъ, у себя въ Царѣградѣ

покой великій во вѣки, положитъ на васъ на всѣхъ, казаковъ, платье свое златоглавое, печати подастъ вамъ богатырскія, золоты съ царевымъ клеймомъ своимъ. Всяка душа Турецкая и возрастъ всякъ вамъ, казакомъ, въ государствѣ его въ Царѣградѣ будетъ кланяться, и васъ всѣхъ, казаковъ, называти: „Дону славнаго рыцари знатные, казаки избранные“...

Отвѣтъ нашъ казачій изъ Азова-города Турецкимъ и розныхъ языковъ и вѣръ толмачемъ и головѣ яныченскому:

„О прегордые и лютые варвары! Видимъ мы всѣхъ васъ и до сѣхъ мѣстъ про васъ вѣдаемъ, силы и пыхи царя Турскаго всѣ знаемъ мы, и вѣдаемся съ вами, Турками, почасту на морѣ и за моремъ, и на сухомъ пути. Знакомы ужь вы намъ. Ждали мы васъ, гостей, къ себѣ подъ Азовъ-городъ дни многіе. Гдѣ полно вашъ Обрагимъ, Турскій царь, умъ свой дѣлъ? Позоръ его конечный будетъ. Или у него, царя, не стало злата и сребра, что онъ прислалъ подъ насъ, казаковъ, для кровавыхъ казачьихъ зипуновъ нашихъ 4 паши свои? А съ ними, сказываете, что подъ насъ прислано рати Турецкія одной его по описи 300,000: то мы и сами впрямь видимъ и вѣдаемъ, что есть столько силы его подъ нами, съ 300,000 люду боеваго, окромѣ мужика чернаго и охотника. Тѣхъ впрямь людей много, что травы въ полѣ или песку на морѣ... И то вамъ, Туркомъ, самимъ давно вѣдомо, что съ насъ по сю пору никто нашихъ зипуновъ даромъ не имывалъ съ плечъ нашихъ. Хотя онъ у насъ, Турецкій царь, Азовъ и взятьемъ возьметъ такими своими великими Турецкими силами и наемными людьми Нѣмецкими, а не своимъ царевымъ промысломъ и дородствомъ, и разумомъ; не большая ему то честь и похвала будетъ его, царя Турскаго, имени, что возьметъ насъ, казаковъ, въ Азовѣ-городѣ: не избудетъ онъ тѣмъ на вѣки и не изведетъ казачьяго имени и прозвища, и не запустѣетъ Донъ головами нашими. На взысканіе смерти нашей съ Дону удалые молодцы къ вамъ тотчасъ будутъ подъ Азовомъ. Не утечи будетъ пашамъ вашимъ отъ нихъ и за моремъ. А естьли только насъ избавитъ Богъ отъ руки вашей сильныя, отсидимся отъ васъ въ осадѣ въ Азовѣ-городѣ, отъ великихъ такихъ силъ его, отъ 300,000 человѣкъ, людьми своими малыми,—всего насъ, казаковъ, въ Азовѣ сидитъ 5,000:—срамно то будетъ царю вашему Турскому, и вѣчный стыдъ и позоръ отъ его братьи, отъ всѣхъ царей и королей Нѣмецкихъ. Назвалъ онъ высоко себя, будто онъ выше всѣхъ земскихъ царей: а мы—люди Божіи; надежа у насъ вся на Бога и Матерь Божію Богородицу, и на иныхъ угодниковъ, и на всю братію и товарищей своихъ, которые у насъ по Дону и въ городкахъ живутъ. А холопи мы природные государя царя христіянскаго царства Московскаго, а прозвище наше вѣчно—казачество вольное и Донское безстрашное. Станемъ мы съ нимъ царемъ Турскимъ биться, что съ худымъ свинымъ наймитомъ. Мы собе казачество вольное исповѣдаемъ и живота своего не разсуждаемъ, ни страшимся того, что

ваши силы великія. Гдѣ бываютъ рати великія, тутъ ложатся и трупы многіе... Наши казачьи руки малыя—срамота и стыдъ, и укоризна ему вѣчная будетъ, царю вашему Турскому, и пашамъ, и всему войску. Гдѣ его рать топерво великая въ поляхъ у насъ, ревутъ и славятся, а завтра въ томъ мѣстѣ у васъ будутъ вмѣсто игоръ вашихъ горести лютыя и плачи многіе: лягутъ отъ рукъ нашихъ трупы многіе. И давно у насъ въ поляхъ нашихъ летаючи клекчутъ орлы сизые, и играютъ вȯроны черные подлѣ Дону тихаго; всегда воютъ звѣри дивіи, волцы сѣрые, по горамъ у насъ брешутъ лисицы бурыя, а все-то скликаючи, вашего бусурманскаго трупа ожидаючи. Прежде сего накормили мы ихъ головами вашими, какъ Азовъ взяли; а топерво вамъ опять отъ насъ хочется того же, чтобъ плоти вашея мы тѣхъ звѣрей накормили: и то вамъ будетъ по прежнему. А Азовъ-городъ взяли мы у царя вашего Турскаго не разбойничествомъ и не татинымъ промысломъ, взяли мы Азовъ-городъ впрямь дородствомъ своимъ и разумомъ, для опыту, каковы его люди Турскіе въ городѣхъ сидятъ. А мы сѣли въ Азовѣ людьми малыми, роздѣляся съ товарищи нарокомъ надвое, для опыту же: посмотримъ мы Турецкихъ умовъ и промысловъ. А все-то мы примѣняемся къ Ерусалиму и Царюграду. Хочется намъ такожъ взяти Царьградъ: то государство было крѣпостное христіянское.

„Да вы же насъ пужаете, бусурмане поганые, что съ Руси не будетъ къ намъ ни запасу хлѣбнаго, ни выручки, а сказываете намъ, будто къ вамъ изъ Государства Московскаго про насъ о томъ писано. И мы про то сами и безъ васъ, собакъ, вѣдаемъ, какіе мы на Руси въ государствѣ Московскомъ люди дорогіе, и чему мы тамо надобны. Очередь мы свою собою сами вѣдаемъ. А государство Московское многолюдно, велико и пространно; сіяетъ свѣтло посреди, паче всѣхъ иныхъ государствъ и ордъ бусурманскихъ, Персидскихъ и Еллинскихъ, аки въ небѣ солнце. А насъ на Руси не почитаютъ и за пса смердящаго. А бѣгаемъ мы изъ того государства Московскаго, изъ работы вѣчныя, изъ холопства невольнаго, отъ бояръ и отъ дворянъ государевыхъ; да здѣ прибѣгли и вселились въ пустынѣ непроходнѣй: взираемъ на Христа Бога небеснаго. Кому объ насъ тамъ потужити? Ради тамъ всѣ концу нашему. А запасы къ намъ хлѣбные и выручки съ Руси николи не бывали. Кормитъ насъ, молодцовъ, и поитъ тихій Донъ Ивановичъ на полѣ водою свѣжею, и рыбами живыми, и звѣрьми дивіими. Питаемся мы, аки птицы небесныя: ни сѣемъ, ни оремъ, ни въ житницы сбираемъ. Такъ питаемся подлѣ море Черное. А злато и сребро емлемъ у васъ за моремъ: то вамъ самимъ вѣдомо. А жены себѣ красныя и любимыя водимъ и выбираемъ отъ васъ же, изъ Царяграда...

„А се мы взяли Азовъ-городъ своею волею, а не государскимъ повелѣніемъ,—для казачьихъ зипуновъ своихъ и для лютыхъ и высокихъ пыхъ вашихъ, поганыхъ и скаредныхъ. И за то на насъ, холопей своихъ, государь нашъ зѣло кручиноватъ: отъ него великаго государя казни ждемъ

смертныя за взятье Азовское. А государь нашъ великій и праведный и пресвѣтлый царь и великій князь Михайло Өедоровичъ, всея Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и ордъ государь и обладатель: много у него великаго государя на вѣчномъ холопствѣ такихъ бусурманскихъ царей служатъ ему великому государю, какъ и вашъ Обрагимъ, Турской царь. Полно онъ государь нашъ великій, пресвѣтлый и праведный царь чинитъ по преданію святыхъ отцевъ; не желаетъ пролитія кровей вашихъ бусурманскихъ. Довольно онъ великій государь богатъ данными своими царскими оброками, и безъ вашего бусурманскаго скареднаго богатства собачья...

„Да вы же насъ зовете словомъ царя Турскаго, чтобъ намъ служить царю Турскому, а сулите намъ отъ него царя Турскаго честь великую и богатство многое. А мы люди Божіи, а холопи государя царя Московскаго, а се нарицаемся по крещенію православные христіяне. Какъ служити можемъ ему царю Турскому, невѣрному, оставя пресвѣтлый здѣшній свѣтъ и будущій? Въ тьму итти не хощемъ. Будемъ впрямь ему царю Турскому надобны, и мы отсидимся отъ васъ въ Азовѣ-городѣ, побываемъ мы у него царя за моремъ, подъ его Царемъ-градомъ: посмотримъ мы его Царяграда, строеніе кровей своихъ. Тамъ съ нимъ царемъ Турскимъ переговоримъ рѣчь всякую, лише бы ему царю наша казачья рѣчь полюбилася. Станемъ мы служить ему царю пищальми казачьими да своими сабельки вострыми...

„Промышляйте вы тѣмъ, для чего пріѣхали отъ царя Турскаго. Мы у васъ Азовъ-городъ взяли головами своими молодецкими, людьми немногими; а вы его у насъ изъ казачьихъ рукъ нашихъ доступайте головами своими Турецкими, многими своими силами. Кому-то у насъ на бояхъ поможетъ Богъ? Потерять вамъ подъ Азовомъ-городомъ Турецкихъ головъ своихъ многія тысящи, а не видать вамъ будетъ изъ рукъ нашихъ казачьихъ и до вѣка. Развѣ отыметъ у насъ, холопей своихъ, великій государь царь и великій князь Михайло Өедоровичъ, всея Россія самодержецъ, да васъ имъ, собакъ, пожалуетъ: то уже вашъ будетъ. На то его государская воля“.

Какъ отъ Азова-города голова и толмачи поѣхали въ свои Турецкіе таборы къ пашамъ своимъ, и сказали нашъ отвѣтъ, и въ ихъ полкахъ у нихъ въ тѣ поры замѣшались: почали въ трубы трубить, въ великія, собранныя, и послѣ той трубли собранной почали бить въ гарматы, въ великія же, и въ набаты, въ роги, и въ цымбалы. Почали играть добрѣ жалостно, а все знатно, что готовятся къ приступу. У всей пѣхоты ихъ, яныченской, солдатской, потихоньку бьютъ, разбираючись въ полкахъ своихъ; и строились ночь всю до свѣта. Какъ на дворѣ уже часъ дня, почали выступать изъ становъ своихъ. Знамена у нихъ зацвѣли и съ прапоры на полѣ, какъ есть—стали цвѣты многіе. Отъ трубъ великихъ и набатовъ неизреченный визгъ; дивенъ и страшенъ приходъ ихъ подъ Азовъ-городъ: ни какъ того уже нельзя страшнѣе быть. Перво подъ городъ къ намъ пришли къ приступу нѣмецкіе 2 полковника съ солдатами, пришелъ строй весь пѣхотный

яныченскій, 150,000, потому и орда вся пѣхотою къ городу къ приступу пришла. Крикнули столь смѣло и жестоко приходъ ихъ 1-й; приклонили они знаменами своими весь нашъ Азовъ-городъ. Почали башни и стѣны топорами рубить, а на стѣну многіе пришли, хотѣли насъ взять того часу 1-го своими силами. Въ тѣ поры уже у насъ пошла своя стрѣльба по нихъ осадная изъ города, а до сѣхъ мѣстъ мы имъ молчали. Въ огнѣ и въ дыму не мочно у насъ другъ друга видѣть: на обѣ стороны лише дымъ да огонь стоялъ отъ стрѣлбы ихъ огненной; дымъ топился до неба, какъ есть—страшная гроза небесная, когда бываетъ громъ съ молніею. Которые у насъ подкопы были отведены за городмъ для рати ихъ приступу, и тѣ наши подкопы отъ множества ихъ неизреченныхъ силъ не устояли, всѣ обвалились... И наши уста кровью запеклись, не пиваючи и не ѣдаючи...

А было отъ турокъ всѣхъ приступовъ къ намъ подъ городъ 24 приступа всѣми ихъ людьми, окромѣ большаго приступа перваго. Такого смѣлаго и жестокаго приступу не бывало къ намъ. Ножами мы съ ними рѣзались въ томъ приступѣ. Почали уже они къ намъ метати въ ямы наши ядра огенныя, чиненыя, и всякія нѣмецкія приступныя мудрости. Тѣмъ намъ они чинили пуще приступовъ тѣсноты великія. Побивали многихъ насъ. Послѣ тѣхъ ядеръ огненныхъ, вымышляя они надъ нами умомъ своимъ, оставя они всѣ уже мудрости, почали насъ осиловать и доступать прямымъ боемъ, своими силами: почали они къ намъ приступъ присылать на всякій день, людей своихъ яныченъ по 10,000 человѣкъ. Приступаютъ къ намъ цѣлый день до ночи. Ночь придетъ,—на перемѣну имъ придетъ другая 10,000 человѣкъ: тѣ ужъ къ намъ приступаютъ ночь всю до свѣта. Ни на одинъ часъ не дадутъ покою намъ: они бьются съ перемѣною день и нощь, чтобъ тою истомою осиловать насъ. Отъ такого ихъ злаго ухищренія и промыслу, отъ бѣсовскаго, и отъ тяжелыхъ ранъ своихъ, и отъ всякихъ осадныхъ лютыхъ нуждъ, и отъ духу смраднаго, и отъ человѣческаго трупія, отягчали мы всѣ многими болѣзньми лютыми, осадными. А сѣли въ малѣ дружинѣ своей: ужъ только стало перемѣниться некѣмъ; ни на единый часъ отдохнуть намъ не дадутъ.

И въ тѣ поры отчаявши мы животъ свой въ Азовѣ-городѣ, въ выручкѣ своей безнадежны стали отъ человѣкъ. Только себѣ чаемъ помощи отъ вышняго Бога. Прибѣжимъ, бѣдные, къ своему помощнику, Предотечеву образу предъ нимъ-свѣтомъ росплачемся слезами своими горькими: „Государь-свѣтъ, помощникъ нашъ, Предотеча Христовъ, Іоаннъ! По твоему, свѣтову, изволенію разорили мы гнѣздо зміево, взяли Азовъ-градъ, побили мы въ немъ всѣхъ христіанскихъ мучителей и идолослужителей. И твой-свѣтовъ домъ, Никола Чудотворецъ, очистили, и украсили ваши чудотворные образы отъ своихъ грѣшныхъ, недостойныхъ рукъ. Безъ пѣнія у насъ по сѣ поры передъ вашими образы не бывало. Али мы васъ, свѣтовъ, чѣмъ прогнѣвали, что опять хощете итти въ руки бусурманскія? На васъ мы, свѣтовъ, на-

дѣялись, въ осадѣ сидѣли, оставя всѣхъ своихъ товарищевъ. А топерво отъ Турокъ видимъ впрямь смерть свою: поморили насъ безсоніемъ; 14 дней и 14 нощей съ ними безпрестани мучимся. Уже наши ноги подъ нами подогнулися, и руки наши оборонныя уже не служатъ намъ, и отъ истомы уста наши замертвѣли, и глаза у насъ порохомъ выжгло отъ безпрестанной стрѣльбы; языкъ уже нашъ во устахъ нашихъ на бусурманъ закричать не воротится. Такое наше безсиліе: не можемъ въ рукахъ своихъ никакого оружія держати: почитаемъ себя уже за мертвый трупъ. Часа уже съ 2 не будетъ въ осадѣ сидѣнья нашего. Топерво мы, бѣдные, розставаемся съ вашими чудотворными иконами и со всѣми христіяны православными. Не бывать ужъ намъ на святой Руси: смерть наша грѣшная въ пустыняхъ, за ваши иконы чудотворныя, за вѣру христіянскую, за имя государское".

Почали уже мы, атаманы и казаки, и удалые молодцы, и все великое Донское и Запорожское свирѣпое войско прощатися:

„Прости насъ, государь нашъ, православный царь Михайло Ѳедоровичъ, всея Россіи самодержецъ, холопей своихъ грѣшныхъ! Вели наши помянути души грѣшныя. Простите, государи, вси патріархи вселенскіе! Простите, государи, вси преосвященіи митрополиты! Простите, государи, вси архіепископы и епископы! Простите, государи, архимандриты и игумены! Простите, государи, протопопы и вси священницы, и діаконы, и вси собори освященніи! Простите, государи, вси мниси и затворники! Простите насъ, вси святіи отцы! Простите, государи, вси христіане православные! поминайте наши души грѣшныя своихъ ради родителей! Простите насъ, лѣса темные и дубравы зеленыя! Простите насъ, поля чистыя и тихія заводи! Простите насъ, море синее и рѣки быстрыя! Прости насъ, государь нашъ, тихій Донъ Ивановичъ! Уже намъ по тебѣ и атаману нашему съ грознымъ войскомъ не ѣздить, дикаго звѣря въ чистомъ полѣ не стрѣливать, въ тихомъ Дону Ивановичѣ рыбы не лавливать!"

А для того мы имѣли постъ и чистоту душевную. И Турки насъ спрашивали почасту: „Кто-де у васъ изъ Азова выѣзжаютъ два юноши младыхъ, и сѣкутъ нашихъ Турокъ на полѣ?" И мы имъ сказали: „То-де наши воеводы Азовскіе". А на первомъ приступѣ многіе у насъ искусные люди видѣли ясно, что отъ образа Ивана Предотечи, отъ суха древа, течаху многи слезы, аки струя: то мы вѣдаемъ, что стоитъ надъ нами милость Божія.

А послѣ своего прощанія, взяли мы иконы чудотворныя, Предотечину да Николину, да пошли съ ними противу бусурмановъ на вылазку; и милостію Божіею и молитвою Пречистыя Богородицы, и заступленіемъ силъ, и помощію ихъ угодниковъ Предотечи Іоанна и Николы Чудотворца на вылазкѣ явно бусурмановъ побили. И видя то люди турецкіе, что стоитъ надъ нами милость Божія, что ни въ чемъ осилить не умѣютъ насъ, и съ тѣхъ мѣстъ не почали уже присылать къ приступу къ намъ людей своихъ, янычень... А мы отъ тѣхъ мѣстъ отъ бѣдъ своихъ, и отъ смерт-

ныхъ ранъ, и отъ истомы ихъ отдохнули въ тѣ дни, и замертво повалялись...

И они, турки, какъ увидали, что въ похвальбѣ имъ Богъ не пособилъ взять взятьемъ Азовъ-городъ, и они покиня свои таборы, побѣжали къ своимъ кораблямъ и каторгамъ, видя они свою погибель и страхъ великій отъ нашея руки малыя. И мы, бѣдные, на свои руки оборонныя и ноги подломныя не надѣяся, только чая себѣ отъ Бога милости и отъ Пречистыя помощи, и заступленія Предотечева, крикнули мы, бѣдные, на ихъ турецкіе таборы; а по таборамъ только огни горятъ. Отъ нашего страха великаго побѣжали они къ Черному морю, чтобъ имъ уйти отъ насъ за Черное море. И мы, бѣдные, надѣяся на Бога вышняго, пошли за ними въ походъ: ажно садятся они на свои бусы и каторги, а которые стоятъ на сухомъ пути, и они, не видя другъ друга, почали метаться, и больше того потопились въ Черномъ морѣ...

А мы, бѣдные остальцы,—всего насъ осталось полчетверты тысячи, и тѣ всѣ переранены,—и взяли мы икону Іоанна Предотечи и Николы Чудотворца, а мѣсто Азовское оставили, а сами пошли на свой тихій Донъ, и тамъ сотворили обитель Іоанна Предотечи, атамана поставили игуменомъ и въ монастырѣ учали жити и Богу молиться.

Отъ нашея руки малыя и отъ казачества вольнаго имъ бусурманамъ срамота стала вѣчная отъ всѣхъ земель, отъ царей и отъ королей, а нашему православному государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу, всея Россіи самодержцу, слава вѣчная во всѣ орды бусурманскія, персидскія и еллинскія, а нашему атаману Науму Васильеву и всему грозному войску Донскому слава вѣчная.

Григорія Котошихина, о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

О царскомъ воспитаніи. А на воспитаніе царевича или царевны выбираютъ всякихъ чиновъ изъ женъ—жену добрую, и чистую, и мелкомъ сладостну, и здорову, и живетъ та жена у царицы въ Верху на воспитаніе годъ; а какъ годъ отойдетъ, и ежели та жена дворянска рода, мужа ея пожалуетъ царь на воеводство въ городъ, или вотчину дастъ,—а подьяческая, или инаго служиваго чину, прибавятъ чести и дадутъ жалованья немало,—а посадскаго человѣка, и такимъ по тому жъ дано будетъ жалованье немалое, а тягла и податей на царя съ мужа ея не емлютъ, по ихъ животъ. Да у того жъ царевича или у царевны бываетъ приставлена для досмотру мамка, боярыня честная, вдова старая, да нянька и иныя прислужницы. А какъ царевичъ будетъ лѣтъ пяти, и къ нему приставятъ для береженія и наученія боярина, честью великаго, тиха и разумна, а къ нему придадутъ товарища окольничаго или думнаго человѣка; также изъ боярскихъ дѣтей

выбираютъ въ слуги и въ стольники такихъ же младыхъ, что и царевичъ. А какъ приспѣетъ время учити того царевича грамотѣ, и въ учители выбираютъ учительныхъ людей, тихихъ и не бражниковъ; а писать учить выбираютъ изъ Посольскихъ подьячихъ; а инымъ языкомъ, латинскому, греческому, нѣмецкому, и никоторымъ, кромѣ русскаго, наученія въ Россійскомъ государствѣ не бываетъ. И бываютъ царевичамъ и царевнамъ всякому свои хоромы и люди, кому ихъ оберегати, особые. А до 15 лѣтъ и больше царевича, окромѣ тѣхъ людей, которые къ нему уставлены, и окромѣ бояръ и ближнихъ людей, видѣти никто не можетъ (таковый бо есть обычай), а по 15 лѣтѣхъ укажутъ его всѣмъ людемъ, какъ ходитъ со отцемъ своимъ въ церковь и на потѣхи; а какъ увѣдаютъ люди, что ужъ его объявили, и изо многихъ городовъ люди на дивовище ѣздятъ смотрити его нарочно.

Царевичи же во младыхъ лѣтѣхъ, и царевны, большія и меньшія, внегда случится имъ идти къ церкви, и тогда около ихъ во всѣ стороны несутъ суконныя полы, что люди зрѣти ихъ не могутъ, также какъ и въ церкви стоятъ, люди видѣти ихъ не могутъ же, кромѣ церковниковъ, а бываютъ въ церкви завѣшены тафтою; и въ то время въ церкви, кромѣ бояръ и ближнихъ людей, мало иные люди бываютъ. А какъ ѣздятъ молитися по монастыремъ, и тогда каптаны и колымаги ихъ бываютъ закрыты тафтами жъ. А учинены бываютъ царицѣ и царевнамъ, для зимнія ѣзды, каптаны на саняхъ избушками, обиты бархатомъ или сукномъ краснымъ, по обѣ стороны двери съ затворами слюдяными и съ завѣсами тафтяными; а для лѣтнія ѣзды колымаги сдѣланы на рыдванную стать, покрыты сукномъ же; входятъ въ нихъ по лѣстницамъ, а сдѣланы бываютъ на колесахъ просто, какъ и простая телѣга, а не такъ, какъ бываютъ кареты висячія на ремняхъ; и тѣ колымаги и каптаны бываютъ о двухъ оглобляхъ, а дышелъ не бываетъ, и лошадей въ нихъ запрягаютъ по одной, а потомъ прибавливаютъ и иныя лошади въ припряжь.

О царевнахъ. Сестры жъ царскія, или и дщери, царевны, имѣяй свои особые же покои разные, и живуще яко пустынницы, мало зряху людей и ихъ люди; но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху... А государства своего за князей и за бояръ замужъ выдавати ихъ не повелось, потому что князи и бояре ихъ есть холопи и въ челобитьѣ своемъ пишутся холопми, и то поставлено въ вѣчной позоръ, ежели за раба выдати госпожа; а иныхъ государствъ за королевичей и за князей давати не повелось, для того что не одной вѣры, и вѣры своей отмѣнити не учинятъ, ставятъ своей вѣрѣ въ поруганіе, да и для того, что иныхъ государствъ языка и политики не знаютъ, и отъ того бъ имъ было въ стыдъ.

О боярской думѣ. И какъ царю лучится сидѣти съ тѣми бояры и думными людьми въ думѣ о иноземскихъ и о своихъ государственныхъ дѣлѣхъ, и въ то время бояре и окольничіе и думные дворяне садятся по чиномъ, отъ царя поодаль, на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породою

ниже, а не тѣмъ, кто выше и прежъ въ чину, окольничіе подъ боярами противъ тогожъ, подъ окольничими думные дворяне по томужъ по породѣ своей, а не по службѣ, а думные дьяки стоятъ, а инымъ временемъ царь велитъ имъ сидѣть; и о чемъ лучится мыслити, мыслятъ съ царемъ, яко обычай и индѣ въ государствахъ. А лучится царю мысль свою о чемъ объявити, и онъ имъ объявя приказываетъ, чтобъ они, бояре и думные люди, помысля, къ этому дѣлу дали способъ; и кто изъ тѣхъ бояръ побольши и разумнѣе, или кто и изъ меньшихъ, и они мысль свою къ способу объявливаютъ; а иные бояре, брады своя уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные, однако сыщется и окромѣ ихъ кому быти на отвѣты разумному изъ большихъ и изъ меньшихъ статей бояръ.

О пріѣздѣ боярскомъ къ царю. Бояре и окольничіе и думные и ближніе люди пріѣзжаютъ къ царю челомъ ударить съ утра рано, на всякій день; и пріѣхавъ, въ церквѣ или въ полатѣ, увидѣвъ царя, кланяются передъ нимъ въ землю; а котораго дни они бояре въ пріѣздѣ своемъ запоздаютъ, или по нихъ посылаетъ, а они будутъ къ нему не вскорѣ, или что малое учинятъ не по его мысли, и онъ на нихъ гнѣвается словами, или велитъ изъ полаты выслать вонъ, или посылаетъ въ тюрьму—и они за свои вины по томужъ кланяются въ землю, многажды, доколѣ проститъ; а какъ они и на пріѣздѣ кланяются, а онъ въ то время стоитъ или сидитъ въ шапкѣ, и противъ ихъ боярского поклоненія шапки съ себя не снимаетъ никогда. А когда лучится ему сидѣти въ покояхъ своихъ и слушаетъ дѣлъ, или слова разговорныя говоритъ, и бояре стоятъ передъ нимъ всѣ,—а пристанутъ стоя, и они выходятъ отдыхать сидѣть на дворъ; такъ же и послѣ обѣда пріѣзжаютъ къ нему въ вечерни, по вся дни. А пріѣзжаючи они бояре къ царскому двору на лошадяхъ верхами, или въ каретахъ и въ саняхъ, и съ лошадей слазятъ, или изъ коретъ и изъ саней выходятъ, не доѣзжая двора и не близко крыльца; а къ самому крыльцу, или на дворъ его царскій, не ѣздятъ никогда, и лошадей ихъ боярскихъ черезъ дворъ не пускаютъ, а обводятъ кругомъ двора (а ѣздятъ бояря въ коретахъ старые, которые на лошадяхъ сидѣть не могутъ).

О мѣстничествѣ. Да у бояръ же, и у думныхъ и у ближнихъ людей, и у иныхъ чиновъ, у стольниковъ, у дворянъ, у дьяковъ и у стряпчихъ и у жильцовъ, обычай таковъ: кого съ кѣмъ царь похочетъ послати въ товарищахъ, въ посольство и въ иныя во всякія посылки, и тѣ люди, кому съ кѣмъ велятъ быти, свѣдавъ о томъ напередъ, а имъ быти съ ними зачѣмъ будетъ не мочно, учинятся нарочнымъ дѣломъ больны, чтобъ тою приметною болѣзнью тоя службы избыть... И иные такіе люди съ сердца прикинувся въ болѣзнь умираютъ многіе, не хотя роду своего передъ другимъ родомъ обезчестить.

Такъ же какъ у царя бываетъ столъ на властей и на бояръ, и власти у царя садятся за столомъ по правой сторонѣ, въ другомъ столѣ, а бояре по лѣвой сторонѣ въ своемъ особомъ столѣ. И какъ тѣ бояре учнутъ садиться за столъ, по чину своему, бояринъ подъ бояриномъ, окольничій подъ окольничимъ и подъ боярами, думный человѣкъ подъ думнымъ человѣкомъ и подъ окольничими и подъ боярами, а иные изъ нихъ, вѣдая съ кѣмъ въ породѣ своей ровность, подъ тѣми людьми садитися за столомъ не учнутъ, поѣдутъ по домомъ, или у царя того дни отпрашиваются куда къ кому въ гости; и такихъ царь отпущаетъ. А будетъ царь увѣдаетъ, что они у него учнутъ проситися въ гости на обманство, не хотя подъ которымъ человѣкомъ сидѣть, или не прошався у царя поѣдетъ къ себѣ домовь: и такимъ велитъ быть и за столомъ сидѣть, подъ кѣмъ доведется. И они садитися не учнутъ, а учнутъ бити челомъ, что ему ниже того боярина или окольничаго или думнаго человѣка сидѣти не мочно, потому что онъ родомъ съ ними ровенъ, или и честнѣе, и на службѣ и за столомъ прежъ того родъ ихъ съ тѣмъ родомъ, подъ которымъ велятъ сидѣть, не бывывалъ: и такого царь велитъ посадити сильно; и онъ посадити себя не дастъ, и того боярина безчеститъ и лаетъ. А какъ его посадятъ сильно, и онъ подъ нимъ не сидитъ же и выбивается изъ-за стола вонъ, и его не пущаютъ и разговариваютъ, чтобъ онъ царя не приводилъ на гнѣвъ и былъ послушенъ; и онъ кричитъ: „хотя де царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть“ и спустится подъ столъ; и царь укажетъ его вывесть вонъ и послать въ тюрьму или до указу къ себѣ на очи пущати не велитъ. А послѣ того, за то ослушаніе, отнимается у нихъ честь, боярство, или окольничество и думное дворянство, и потомъ тѣ люди старыя своея службы дослуживаются вновь.

Объ отъѣздѣ въ иныя земли. Благоразумный читателю! чтучи сего писанія не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи и вольность благую, начали бъ свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домомъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили. И о поѣздкѣ московскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые посылаются по указу царскому и для торговли съ проѣзжими, ни для какихъ дѣлъ ѣхати никому не поволено. А хотя торговые люди ѣздятъ для торговли въ иныя государства, и по нихъ по знатныхъ нарочитыхъ людехъ собираютъ поручныя записи за крѣпкими поруками, что имъ съ товарами своими и съ животами въ иныхъ государствахъ не остатися, а возвратитися назадъ совсѣмъ. А который бы человѣкъ, князь или бояринъ, или кто нибудь, самъ или сына или брата своего, послалъ для какого нибудь дѣла въ иное государство безъ вѣдомости, не бивъ челомъ государю, — и такому бъ человѣку за такое дѣло поставлено было въ измѣну, и вотчины и помѣстья и животы взяты бъ были

на царя; и ежели бъ кто самъ поѣхалъ, а послѣ его остались сродственники,—и ихъ бы пытали, но вѣдали ль они мысли сродственника своего.

О боярскихъ женахъ. Бояръ и окольничихъ, и думныхъ, и ближнихъ людей жены, вдовы и мужни жены, и дочери, вдовы жъ, и дѣвицы, когда лучится по нихъ для чего нибудь послати царицѣ, или царевнамъ, или онѣ и сами для чего нибудь къ царицѣ и къ царевнамъ ѣхати похотятъ, и онѣ ѣздятъ зимою въ каптанахъ, а лѣтомъ въ колымагахъ. А пріѣзжаючи къ царицыну двору, изъ колымагъ и изъ каптанъ выходятъ у воротъ, а на дворъ не взъѣзжаютъ, и приходя къ царицынымъ или царевнинымъ покоямъ, посылаютъ боярынь сказати о своемъ пріѣздѣ царицѣ или царевнамъ: и будетъ царицѣ или царевнамъ время, и онѣ имъ велятъ быть къ себѣ, а будетъ не время, и имъ отказываютъ; и онѣ боярскія и ближнихъ людей жены, или и дочери, не бывъ у нихъ, поѣдутъ къ себѣ. А когда онѣ бываютъ у царицы и у царевенъ, и онѣ пришедъ царицѣ и царевнамъ кланяются въ землю, и царица или царевны спрашиваютъ ихъ о здоровьѣ и о чемъ онѣ пріѣдутъ бить челомъ; и подаютъ челобитныя, и царицы и царевны, или и царевичи, челобитья ихъ выслушиваютъ и челобитныя принимаютъ, и по ихъ челобитью бьютъ челомъ царица или царевны, или царевичи, царю—и царь тѣ дѣла, о которыхъ будетъ челобитье, по ихъ прошенію, дѣлаетъ, хотя бъ который князь или бояринъ, или иныхъ большихъ и меньшихъ чиновъ человѣкъ, въ какой бѣдѣ ни былъ, или бъ о чемъ ни билъ челомъ, или бъ кто и къ смерти былъ приговоренъ, и, по ихъ прошенію, можетъ царь все доброе учинити и чинитъ; и такихъ дѣлъ множество бываетъ, что царица, и царевичи, и царевны многихъ людей отъ напрасныхъ и не отъ напрасныхъ бѣдъ и смертей свобождаютъ, а иныхъ въ честь возвышаютъ и въ богатство приводятъ.

О пирахъ боярскихъ. А въ которые дни бываютъ праздники Господскіе, или иные нарочитые именинные, и родильные, и крестильные дни: и тѣ дни другъ съ другомъ пиршествуютъ почасту.

Ѣствы жъ обычай готовить, попросту, безъ приправъ, безъ ягодъ и сахару, и безъ перцу, и имбирю, и иныхъ способовъ, малосольны и безуксусны. А какъ начнутъ ѣсти, и въ то время ѣствы ставятъ на столъ по одному блюду, а иныя ѣствы приносятъ съ поварни и держатъ въ рукахъ люди ихъ, и въ которой ѣствѣ мало уксусу, и соли, и перцу, и въ тѣ ѣствы прибавливаютъ на столѣ; а бываетъ всякихъ ѣствъ по 50 и по 100.

Обычай же таковый есть: предъ обѣдомъ велятъ выходити къ гостямъ челомъ ударить женамъ своимъ. И какъ тѣ ихъ жены къ гостемъ придутъ, и станутъ въ полатѣ, или въ избѣ, гдѣ гостемъ обѣдать, въ большомъ мѣстѣ, а гости станутъ у дверей, и кланяются жены ихъ гостемъ малымъ обычаемъ, а гости женамъ ихъ кланяются всѣ въ землю; и потомъ господинъ дому бьетъ челомъ гостемъ и кланяется въ землю жъ, чтобъ гости жену его изволили цѣловать, и напередъ, по прошенію гостей, цѣлуетъ свою

жену господинъ, потомъ гости одинъ по единому кланяются женамъ ихъ въ землю жъ, и пришедъ цѣлуютъ, и поцѣловавъ отшедъ по тому жъ кланяются въ землю, а та, кого цѣлуютъ, кланяется гостемъ малымъ обычаемъ; а потомъ того господина жена учнетъ подносити гостемъ по чаркѣ вина двойнаго, или тройнаго, съ зельи, величиною та чарка бываетъ въ четвертую долю квартаря, или малымъ больше; и тотъ господинъ учнетъ бити челомъ гостемъ и кланяется въ землю жъ, сколько тѣхъ гостей ни будетъ, всякому по поклону, чтобъ они изволили у жены его пити вино; и по прошенію тѣхъ гостей, господинъ прикажетъ пити напередъ вино женѣ своей, потомъ пьетъ самъ, и подносятъ гостемъ, и гости предъ питьемъ вина и выпивъ, отдавъ чарку назадъ, кланяются въ землю жъ; а кто вина не пьетъ, и ему вмѣсто вина романеи, или ренскаго, или инаго питья по кубку; и по томъ питіи, того господина жена, поклоняся гостемъ, пойдетъ въ свои покои, къ гостемъ же, къ боярынямъ, тѣхъ гостей къ женамъ. А жена того господина, и тѣхъ гостей жены, съ мужскимъ поломъ, кромѣ свадебъ, не обѣдаютъ никогда, развѣ которые гости бываютъ кому самые сродственные, а чужихъ людей не бываетъ, и тогда обѣдаютъ вмѣстѣ. Такимъ же обычаемъ, и въ обѣдъ, за всякою ѣствою господинъ и гости пьютъ вина по чаркѣ, и романею, и ренское, и пива поддѣльныя и простыя, и меды розные. И въ обѣдъ же, какъ приносятъ на столъ ѣствы, круглые пироги, и передъ тѣми пирогами выходятъ того господина сыновни жены, или дочери замужнія, или кого сродственныхъ людей жены, и тѣ гости, ставъ и вышедъ изъ-за стола къ дверямъ, тѣмъ женамъ кланяются, и мужья тѣхъ женъ по тому же кланяются и бьютъ челомъ, чтобъ гости женъ ихъ цѣловали и вино у нихъ пили; и гости, цѣловавъ тѣхъ женъ, и пивъ вино, садятся за столъ, а тѣ жены пойдутъ по прежнему, гдѣ сперва были. А дочерей они своихъ, дѣвицъ, къ гостемъ не выводятъ и не указываютъ никому, а живутъ тѣ дочери въ особыхъ дальнихъ покояхъ. А какъ столъ отойдетъ, и по обѣдѣ господинъ и гости по тому жъ веселятся и пьютъ другъ про друга за здоровья, разъѣдутся по домомъ. Такимъ же обычаемъ и боярыни обѣдаютъ и пьютъ межъ себя, по достоинству, въ своихъ особыхъ покояхъ; а мужскаго полу, кромѣ женъ и дѣвицъ, у нихъ не бываетъ никого.

О свадьбахъ. А лучится которому боярину и ближнему человѣку женити сына своего, или самому, или брата и племянника женити, или дочь, или сестру и племянницу выдать замужъ: и они межъ себя, кто свѣдавъ у кого невѣсту, посылаютъ къ отцу тоя невѣсты, или къ матери, или къ брату, говорити друзей своихъ, мужескъ полъ или женскій, что тотъ человѣкъ прислалъ къ нему, велѣлъ говорити и спросити, ежели они похотятъ дочь свою или иного кого выдать замужъ за него за самого, или за иного кого, что будетъ за тою дѣвицею приданаго, платьемъ, и деньгами, и вотчинами, и дворовыми людьми. И тотъ человѣкъ, будетъ хочетъ дочь свою, или иного кого, выдать замужъ, на тѣ рѣчи скажетъ отвѣтъ, что онъ

дѣвицу свою выдать замужъ радъ, только подумаетъ о томъ съ женою своею и съ родичами, а подумавъ учинитъ имъ отповѣдь, котораго дня мочно; а будетъ дать за него не хочетъ, вѣдая его, что онъ пьяница, или шаленой, и иной какой дурной обычай за нимъ вѣдаетъ, и тѣмъ людемъ откажетъ, что ему дати за такого человѣка не мочно, или чѣмъ нибудь отговорится и откажетъ.

А будетъ умыслитъ за него выдать, и жена и сродичи приговорятъ: и онъ, изготовя роспись, сколько за тою дѣвицею дастъ приданаго, денегъ, и серебряныя и иныя посуды, и платья, и вотчинъ, и дворовыхъ людей, пошлетъ къ тѣмъ людямъ, которые къ нему отъ жениха приходили, а тѣ люди отдадутъ жениху; а дочери, или кому ни буди, о томъ не скажутъ, и не вѣдаетъ до замужества своего. И будетъ тому жениху по тому приданому та невѣста полюбится, посылаетъ къ невѣстину отцу и къ матери говорить, черезъ ихъ же людей, чтобъ они ему тое невѣсту показали; а какъ тѣ посланные люди придутъ и говорить о томъ учнутъ, и отецъ или мать тоя невѣсты скажутъ, что они дочь свою показать ради, только не ему самому жениху, а отцу или матери, или сестрѣ, или сродственной женѣ, кому онъ женихъ самъ вѣритъ. И по тѣмъ ихъ словамъ посылаетъ женихъ смотрити мать свою или сестру, на который день приговорятъ: и тоя невѣсты отецъ и мать къ тому дни готовятся, и невѣсту нарядятъ въ доброе платье, и созовутъ гостей, сродственныхъ людей, и посадятъ тое невѣсту за столъ; а какъ та смотрильщица прiѣдетъ, и ей честь воздавъ, посадятъ за столъ подлѣ тоя невѣсты;—и сидячи за столомъ, за обѣдомъ, та смотрильщица съ тою невѣстою переговариваетъ о всякихъ дѣлахъ, извѣдываючи ея разуму и рѣчи, и высматриваетъ въ лицо, и въ очи, и въ примѣты, чтобъ сказать, прiѣхавъ къ жениху, какова она есть; и бывъ малое или многое время, поѣдетъ къ жениху. И будетъ той смотрильщицѣ та невѣста не полюбится, и она скажетъ жениху, чтобъ онъ къ ней больше того не сватался, присмотритъ ее, что она глупа, или на лицо дурна, или на очи не добра, или хрома, или безъязычна,—и тотъ женихъ отъ тоя невѣсты отстанетъ прочь, и больше того свататься не учнетъ; а будетъ та невѣста полюбилась, и скажетъ тому жениху, что добра и разумна, и рѣчью и всѣмъ исполнена, и тотъ женихъ посылаетъ къ невѣстину отцу и къ матери тѣхъ же первыхъ людей, что онъ тое невѣсту излюбилъ, и хочетъ съ нимъ учинить сговоръ и записи написать, что ему на ней жениться на поставленный срокъ, а они бъ по тому жъ тое невѣсту за него выдали на тотъ же срокъ. И тоя невѣсты отецъ и мать приказываютъ съ тѣми присланными людьми къ жениху, чтобъ онъ прiѣхалъ къ нимъ для сговору съ небольшими людьми, кому онъ въ такомъ дѣлѣ вѣритъ, того дни до обѣда или по обѣдѣ; и скажетъ имъ день, когда къ нему быть, и къ тому дни готовиться. И женихъ, дождався того дни, нарядясь съ отцомъ своимъ, или сродичами, или съ друзьями, кого любитъ, поѣдетъ къ невѣстину отцу или матери; а прiѣхавъ, и невѣ-

стинъ отецъ и сродственные встрѣчаютъ ихъ и честь воздадутъ, какъ годится, и идутъ въ хоромы и садятся по чину; а посидѣвъ учнетъ говорить отъ жениха отецъ, или иной сродственникъ, что они пріѣхали къ нимъ для добраго дѣла, по его приказу; и господинъ дому своего отвѣщаетъ, что онъ радъ ихъ пріѣзду и хочетъ съ ними дѣлать сговорное дѣло. И они межъ себя, съ обѣ стороны, учнутъ уговариваться о всякихъ свадебныхъ статьяхъ и положатъ свадьбѣ срокъ, какъ кому мочно къ тому времени изготовиться, за недѣлю, и за мѣсяцъ, и за полгода, и за годъ, и больше; и учнутъ межъ себя писати въ записѣхъ своихъ имена, и третьихъ, и невѣстино, а напишутъ, что ему по сговору тое невѣсту взять на прямой установленный срокъ, безъ премѣненія, а тому человѣку невѣсту за него выдать на тотъ же срокъ, безъ премѣненія; и положатъ въ томъ письмѣ межъ собою зарядъ: будетъ тотъ человѣкъ на тотъ установленный срокъ тоя дѣвицы не возьметъ, или тотъ человѣкъ своей дѣвицы на срокъ не выдастъ, взяти на виноватомъ 1000, или 5000, или 10,000 рублевъ денегъ, сколько кто напишетъ въ записи. И сидѣвъ у него въ гостяхъ, ѣдчи и пивъ, поѣдутъ къ себѣ, а невѣсты ему не покажутъ, и невѣста его жениха не видаетъ; а выходитъ въ то время ширинкою дарити жениха отъ невѣсты мать, или замужняя сестра, или чья сродственная жена.

И послѣ того сговору женихъ провѣдаетъ про тое невѣсту, или кто со стороны, хотя тое невѣсту взять за себя или за сына, нарочно тому жениху разобьетъ, что она глуха, или нѣма, или увѣчна, и что нибудь худое за нею провѣдаетъ, или скажутъ, и тотъ человѣкъ тоя невѣсты за себя не возьметъ:—и тоя невѣсты отецъ и мать бьютъ челомъ о томъ патріарху, что онъ по сговору своему и по заряду тоя невѣсты на срокъ не взялъ, и взяти не хочетъ, и тѣмъ ее обезчестилъ; или тоя невѣсты отецъ и мать, провѣдавъ про того жениха, что онъ пьяница, или зерньщикъ, или уродливъ, или что нибудь свѣдавъ худое, за него не выдастъ и выдать не хочетъ, и тотъ женихъ бьетъ челомъ о томъ патріарху. И патріархъ велитъ про то сыскать, и по сыску по заряднымъ записямъ на виноватомъ возьмутъ зарядъ, что будетъ въ записи написано, и отдадутъ правому жениху, или невѣстѣ; а послѣ того вольно ему жениться на комъ хочетъ, или невѣсту вольно выдать, за кого хочетъ же.

Также и межъ торговыхъ людей и крестьянъ свадебные сговоры и чинъ бываетъ противъ того жъ обычая, во всемъ; но только въ поступкахъ ихъ и въ платьѣ съ дворянскимъ чиномъ рознится, сколько кого станетъ.

А будетъ у котораго отца, или матери, есть двѣ или три дочери дѣвицы, и первая дочь увѣчна очьми, или рукою, или ногою, или глуха и нѣма, а другія сестры ростомъ и красотою, и рѣчью исполнены и во всемъ здоровы; и будетъ кто учнетъ свататься у того человѣка на дочери его, и посылаетъ смотрити мать свою или сестру, и кому вѣритъ, и тѣ люди вмѣсто тоя своея увѣчныя дочери, назвавъ именемъ тоя дочери, за которую

не вѣдаючи учнуть свататься, показываютъ другую или третью дочерь, и та присланная, смотря дѣвицы тоя, излюбитъ и скажетъ жениху, что она добра и жениться на ней мочно; и какъ женихъ по тѣмъ словамъ полюбитъ, и о свадьбѣ у нихъ съ отцемъ и съ матерью учинится сговоръ, что ему на той именемъ дѣвицѣ жениться на срокъ, а тому человѣку тое свою дѣвицу за него выдать на тотъ же уставленный срокъ, и напишутъ въ письмѣ своемъ заряды великіе, что платить виноватому не мочно; а какъ будетъ свадьба, и въ то время за того жениха по сговору выдаютъ они замужъ увѣчную или худую свою дочерь, которыя имя въ записяхъ своихъ пишутъ, а не тое, которую сперва смотрильщицѣ показывали, и тотъ человѣкъ, женяся на ней, того дни въ лицо ея не усмотритъ, что она слѣпа, или крива или что иное худое, или въ словахъ не услышитъ, что она нѣма или глуха, потому что въ тое свадьбу бываетъ закрыта и не говоритъ ничего, также ежели хрома и руками увѣчна, и того потому жъ не узнаетъ, потому что въ то время ее водятъ свахи подъ руки... А какъ отвѣнчався ее увидитъ, что не добрѣ добра, вѣкъ съ нею жить, а всегда плакать и мучиться, и потомъ умыслитъ надъ нею учинить, чтобъ она постриглась; а будетъ по доброй его волѣ не учинитъ, не пострижется, и онъ ее бьетъ и мучитъ всячески, до тѣхъ мѣстъ, что она похочетъ постричься сама.

А котораго человѣка обманутъ, выдадутъ, за него дѣвицу, не тое, которую показывали смотрильщицѣ, бьетъ челомъ о томъ патріарху и властемъ: и по его челобитью возьмутъ у нихъ зарядныя записи и допрашиваютъ сосѣдей и дворовыхъ людей, по душамъ, что впрямь ли выдана та, которая въ записи стоитъ именемъ? И будетъ та, и по тому такъ и быти противъ записей, и что скажутъ люди,—а тому не вѣрить, которую смотрилъ, для того: не провѣдавъ подлинно, не женися. А будетъ сосѣди и сторонніе, и дворовые люди скажутъ, что выдалъ дочь свою не тое, которая въ записи написана, и такихъ мужа и жену разведутъ, да сверхъ того, кто не правдою выдалъ, возьмутъ пеню большую и убытки жениховы, да его жъ за такое воровство бьютъ кнутомъ, или еще временемъ бываетъ больше того, каково полюбится царю.

Также у котораго отца одна дочь дѣвица, а увѣчна будетъ чѣмъ ни буди худымъ, и вмѣсто ея на обманство показываютъ нарочно служащую дѣвку или вдову, назвавъ именемъ инымъ и нарядя въ платье въ иное. А будетъ которая дѣвица ростомъ невелика, и подъ нея подставляютъ стулы, потому что видится добродна, а на чемъ стоитъ того не видѣть.

А которыя дѣвицы бываютъ увѣчны, и стары, и замужъ ихъ взяти за себя никто не хочетъ: и такихъ дѣвицъ отцы и матери постригаютъ въ монастырехъ, безъ замужества.

А который человѣкъ женихъ похочетъ смотрити невѣсты самъ, и по его прошенію отецъ или мать, вѣдая дочь свою, что ее предъ людьми показати не въ стыдъ, укажутъ тому жениху; и тотъ женихъ, смотря тоя

невѣсты, а послѣ того ему не полюбится, и тое невѣсту начнетъ хулить и поносить худыми и позорными словами, и другихъ жениховъ учнетъ отъ нея отбивать прочь; и тоя невѣсты отецъ, или мать, или кто нибудь, провѣдавъ о томъ, учнетъ о томъ бить челомъ патріарху или властемъ, что тотъ человѣкъ невѣсты ихъ смотрилъ самъ, а послѣ ее хулитъ и безчеститъ, и другимъ людемъ разбиваетъ, чтобъ о томъ они указъ чинили: и по сыску патріархъ и власти, кто смотря хулилъ и безчестилъ тое невѣсту, велятъ женити его на ней сильно; а будетъ онъ женится до того челобитья на иной, той невѣстѣ возьмутъ безчестье по указу.

Благоразумный читателю! Не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ; а такого у нихъ обычая не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ, смотрити и уговариватися временемъ съ невѣстою самому.

О женскомъ полѣ. Московскаго государства женскій полъ грамотѣ неученыя, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты и на отговоры не смышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди никто ихъ и они людей видѣти не могутъ—и потому мочно дознаться, отъ чего бъ имъ быти гораздо разумнымъ и смѣлымъ; также какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потомужъ люди видаютъ мало.

О слугахъ боярскихъ. Да бояре жъ, и думные, и ближніе люди, въ домѣхъ своихъ держатъ людей, мужскаго полу и женскаго, человѣкъ по 100 и по 200, и по 300, и по 500, и по 1000, сколько кому мочно, смотря по своей чести и по животамъ; и даютъ тѣмъ людемъ жалованье, погодное, женатымъ рубли по 2 и по 3, и по 5, и по 10, смотря по человѣку и по службѣ ихъ, да имъ же платье какое прилучится, хлѣбъ и всякій харчь, помѣсячно; а живутъ они своими покоями, на томъ же боярскомъ дворѣ. Да ихъ же женатыхъ добрыхъ людей посылаютъ бояре погодно въ вотчины свои, въ села и въ деревни, по приказомъ, по перемѣнамъ, и укажутъ имъ съ крестьянъ своихъ имати жалованье и всякіе поборы, чѣмъ бы имъ было поживиться. А холостымъ людемъ, большихъ статей, даютъ жалованье денежное не по большому, а меньшой статьи жалованья не дается, да имъ же дается всякое платье, и шапки, и рубашки, и сапоги; и живутъ тѣ холостые люди, большихъ статей, въ нижнихъ дальнихъ покояхъ, а меньшой статьи живутъ въ верхнихъ покояхъ, и пьютъ и ѣдятъ съ боярской поварни; да имъ же въ праздничные дни всѣмъ дается по двѣ чарки вина. А женскій полъ, вдовы живутъ въ своихъ мужнихъ домѣхъ, и дается имъ годовое жалованье и мѣсячный кормъ; а иныя вдовы и дѣвицы живутъ у женъ ихъ боярскихъ и у дочерей въ покояхъ, и даютъ имъ платье, и ѣдятъ и пьютъ съ боярской же поварни. А какъ тѣ дѣвицы будутъ въ ве-

ликомъ возрастѣ, и тѣхъ дѣвицъ и вдовъ выдаютъ они бояре замужъ, съ надѣлкомъ, за своихъ дворовыхъ людей, кого кто излюбитъ, или временемъ бываетъ, выдаютъ чрезъ неволю; а свадьбы играютъ въ ихъ боярскихъ хоромѣхъ, какъ чинъ повелся всякого чину людемъ женитися; и ѣства и питье, и платье нарядное, бываетъ все боярское; а на сторону въ иные дворы дѣвицъ и вдовъ замужъ не выдаютъ, для того что тѣ люди у нихъ, мужской и женскій полъ, вѣчные и кабальные. Да въ домѣхъ ихъ боярскихъ учинены приказы, для всякихъ домовыхъ дѣлъ, и приходовъ, и расходовъ, и для сыску, и расправы межъ дворовыхъ людей и крестьянъ.

О жизни меньшихъ чиновъ. А въ домѣхъ они своихъ живутъ противъ того, кто какой чести и чиномъ, безъ великаго устроенія. И самымъ меньшимъ чинамъ домовъ своихъ построить добрыхъ не мочно, потому что разумѣютъ о нихъ: богатство многое имѣютъ; и ежели построится домомъ какой приказной человѣкъ, оболгутъ царю и многія кривды учинятъ, что будто онъ былъ посульникъ и злоиматель и царскія казны не берегъ, или казну воровски кралъ, и отъ того злого слова тому человѣку и не во время будетъ болѣзнь и печаль; или ненавидя его пошлютъ на иную царскую службу, которого ему дѣла исправити не мочно, и наказъ ему напишутъ, что онъ изъ него выразумѣть не умѣетъ, и тою службою прослужится, и ему бываетъ наказаніе, и домъ, и животы и вотчины возьмутъ на царя и продадутъ, кто хочетъ купити. А ежели торговый человѣкъ и крестьянинъ построится добрымъ самымъ обычаемъ, и на него положатъ на всякой годъ податей больше. И отъ того Московскаго государства люди домами своими живутъ негораздо устроенными, и городы и слободы безъ устроенія жъ.

Изъ сочиненій протопопа Аввакума.

Біографическій очеркъ, составленный проф. В. А. Мякотинымъ (изд. Павленкова), хорошо знакомитъ съ жизнью Аввакума.

Изъ „Житія“.

Аввакумъ-священникъ въ селѣ Лопатицахъ на Волгѣ. Пріидоша въ село мое плясовые медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ,—одного ушибъ и паки ожилъ, а другого отпустилъ въ поле. И за сіе меня Василей Петровичь Шереметевъ, пловучи Волгою въ Казань на воеводство, взялъ на судно и браня много велѣлъ благословить сына своего Матвѣя, бритобрадца. Азъ же не благославилъ, но отъ писанія его порицалъ, видя блудоносный образъ. Бояринъ же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить въ Волгу и, много

томя, протолкали, а опослѣ учинились добры до меня; у царя на сѣняхъ прощались, а брату моему меньшому боярыня Васильева и дочь духовная была. Такъ то Богъ строитъ своя люди!

Переходъ въ городъ Юрьевецъ. По малѣ паки иніи изгнаша мя отъ мѣста того вдругорядь. Азъ же сволокся къ Москвѣ и Божіею волею государь меня велѣлъ въ протопопы поставить въ Юрьевцѣ Повольскомъ. И тутъ пожилъ не много, только 8 недѣль. Діаволъ научилъ поповъ, и мужиковъ и бабъ: пришли къ патріархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и вытаща меня изъ приказа собраніемъ (человѣкъ съ тысячу и полторы ихъ было), среди улицы били батожьемъ и топтали, а бабы были съ рычагами; грѣхъ ради моихъ замертво убили и бросили подъ избной уголъ. Воевода съ пушкарями прибѣжалъ и, ухватя меня, на лошади умчали въ мой дворишко; а пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору приступаютъ и по граду молва велика, наипаче же попы и бабы вопятъ: „убить вора, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ“.—Азъ же отдохя въ 3-й день ночью, покиня жену и дѣти, по Волгѣ самъ третій ушелъ къ Москвѣ. На Кострому прибѣжалъ, ано и тутъ протопопа же Даніила изгнали. Охъ, горе! нигдѣ отъ діавола житья нѣтъ! Прибрелъ къ Москвѣ; духовнику Стефану показался; и онъ на меня учинился печаленъ: на что де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ другое горе. Царь пришелъ къ духовнику благословитися ночью, меня увидѣлъ тутъ;—опять кручина: На что де городъ покинулъ? А жена, и дѣти и домочадцы человѣкъ съ двадцать въ Юрьевцѣ остались—невѣдомо живы, невѣдомо прибиты,—тутъ паки горе!

Въ Москвѣ; борьба съ Никономъ, начало преслѣдованій. Таже меня взяли отъ всенощнаго, Борисъ Нелединскій со стрѣльцами; человѣкъ со мною съ шестьдесятъ взяли; ихъ въ тюрьму отвели, а меня на патріарховѣ дворѣ на чѣпь посадили ночью. Егда же разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря. И тутъ на чѣпи кинули въ темную палатку,—ушла въ землю, и сидѣлъ три дня, не ѣлъ, не пилъ,—во тьмѣ сидя, кланялся на цѣпи, не знаю на востокъ, не знаю на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. Бысть же я въ третій день пріалченъ, сирѣчь ѣсть захотѣлъ, и послѣ вечерни ста предо мною, не вѣмъ ангелъ, не вѣмъ человѣкъ,—и по се время не знаю,—токмо въ потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ чѣпію къ лавкѣ привелъ, и посадилъ, и ложку въ руки далъ, хлѣбца немножко, и штецъ далъ похлебать,—зѣло превкусны хороши, и реклъ мнѣ: „полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію“. Да и не стало его. Двери не отворялись, а его не стало. Дивно только человѣкъ, а что же ангелъ, ино не чему дивиться: вездѣ ему не загорожено. На утро архимандритъ съ братіею пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню да лаю. Сняли большую чѣпь да

малую наложили, отдали чернцу подъ началъ: велѣли волочить въ церковь. У церкви за волосы дерутъ, и подъ бока толкаютъ, и за чѣпь торгаютъ, и въ глаза плюютъ. Богъ ихъ проститъ въ сей вѣкъ и въ будущій! не ихъ то дѣло, но сатаны лукаваго. Сидѣлъ тутъ я 4 недѣли.

Въ Сибири (первая ссылка). Таже сѣлъ опять въ корабль свой, еже показанъ ми,—что выше сего рекохъ,—поѣхалъ на Лену. А какъ пріѣхалъ въ Енисейской, другой указъ пришелъ: велѣно въ Дауры везти,—двадцать тысячь и больше будетъ отъ Москвы. И отдали меня Аѳанасью Пашкову въ полкъ. Людей съ нимъ было 600 человѣкъ; и, грѣхъ ради моихъ, суровъ человѣкъ: безпрестанно людей жжетъ, и мучитъ, и бьетъ. И я его много уговаривалъ, да и самъ въ руки попалъ; а съ Москвы отъ Никона приказано было мучить меня. Егда поѣхали изъ Енисейска, какъ будемъ въ большой Тунгускѣ рѣкѣ, въ воду загрузило бурею дощеникъ мой: совсѣмъ налился среди рѣки полонъ воды и парусъ изорвало, одни палубы надъ водою, а то все въ воду ушло. Жена моя на палубы изъ воды ребятъ кое какъ вытаскала, простоволоса ходя, а я, на небо глядя, кричу: „Господи, спаси! Господи, помози!“

На другомъ, Долгомъ порогѣ сталъ (Пашковъ) меня изъ дощеника выбивать: „для-де тебя дощеникъ худо идетъ; еретикъ-де ты; поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи“. О, горе стало! Горы высоки, дебри непроходимыя, утесъ каменной, яко стѣна стоитъ, и поглядѣть, заломя голову! Въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зміи великіе; въ нихъ же витаютъ гуси и утицы—періе красное, вороны черные и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы, и соколы, и кречеты и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди и иныя дикія, многое множество, птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри многіе дикіе: козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе—во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ со звѣрьми и птицами витати, и азъ ему малое писаньице написалъ, сице начало: „Человѣче! убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и призирающаго въ бездны, Егоже трепещутъ небесныя силы и вся тварь со человѣки, единъ ты презираешь и неудобство показуешь“ и прочая, тамъ многонько писано. И послалъ къ нему. А се бѣгутъ человѣкъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощеникъ и помчали къ нему, версты три отъ него стоялъ. Я казакамъ каши наварилъ да кормлю ихъ; а они бѣдные и ѣдятъ, и дрожатъ, а иные плачутъ, глядя на меня: жалѣютъ по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ съ шпагою стоитъ и дрожитъ; началъ мнѣ говорить: „попъ ли или распопъ?“ *) И азъ отвѣщалъ: „Азъ есмь Аввакумъ протопопъ; говори: что тебѣ дѣло до меня?“ Онъ же рыкнулъ, яко дикій звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, таже по другой и паки въ голову и сбилъ меня съ ногъ и, чеканъ ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ

*) Аввакуму въ это время было запрещено служить.

трижды и, разболокши, по той же спинѣ 72 удара кнутомъ. И я говорю: „Господи Iсусе Христе, Сыне Божiй, помогай мнѣ“. Да тоже безпрестанно говорю; такъ горько ему, что не говорю: „пощади“. Ко всякому удару молитву говорилъ, да середи побой вскричалъ я къ нему: „полно бить то!“ Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: „за что ты меня бьешь: знаешь ли?“ И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ; и отпустили: я задрожалъ да и упалъ, и онъ велѣлъ меня въ казенный дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шелъ; всю нощь подъ капелью лежалъ...

Возвращенiе изъ ссылки. Таже съ Нерчи рѣки паки назадъ возвратились къ Русѣ. Пять недѣль по льду голому ѣхали на нартахъ. Мнѣ подъ робятъ и подъ рухлядишко далъ двѣ клячки, а самъ и протопопица брели пѣшiе убивающеся о ледъ. Страна варварская, иноземцы не мирные; отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадьми итти не поспѣемъ; голодные и темные люди. Протопопица бѣдная бредетъ, бредетъ да и повалится: скользко гораздо; въ иную пору бредучи повалилась, а иной темной же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился; оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: „матушко государыня! прости!“ А протопопица: „что ты, батько, меня задавилъ?“ Я пришолъ. На меня бѣдная пеняетъ, говоря: „долго ли муки сея, протопопъ, будетъ?“ И я говорю: „Марковна, до самыя смерти!“ Она, вздохня, отвѣщала: „Добро, Петровичь; ино еще побредемъ“.

Курочка у насъ черненька была: по два яичка на день приносила робяти на пищу Божiимъ повелѣнiемъ, нуждѣ нашей помогая: Богъ такъ строилъ. На нартѣ везучи, въ то время удавили по грѣхомъ. И нынѣча жаль мнѣ курочки той, какъ на разумъ придетъ. Ни курочка, ни то чудо было: во весь годъ по два яичка давала, сто рублевъ при ней плюново дѣло! жалѣю! И та курочка, одушевленное Божiе творенiе, насъ кормила, а сама съ нами кашку сосновую изъ котла тутъ же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала, и намъ противъ того два яичка на день давала. Слава Богу, вся сотворившему благая! И не просто она намъ и досталася. У боярыни куры всѣ переслѣпли и мереть стали; такъ она, собравши въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала: чтобъ-де батько пожаловалъ, помолился о курахъ. И я подумалъ: кормилица то есть наша, дѣтки у нея, надобны ей куры. Молебенъ пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ, корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть и водою покропилъ, да къ ней все отослалъ. Курки Божiимъ мановенiемъ изцѣлѣли и исправилися по вѣрѣ ея. Отъ того то племени и наша курочка была. Да полно того говорить: у Христа не сегодня такъ повелось. Еще Козма и Дамiанъ человѣкомъ и скотомъ благодѣйствовали и цѣлили о Христѣ. Богу вся надобна: и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго Владыки, еще и человѣка ради.

Десять лѣтъ онъ *) меня мучилъ—или я его, не знаю; Богъ разберетъ въ день вѣка. Перемѣна ему пришла, а мнѣ грамота: велѣно ѣхать на Русь. Онъ поѣхалъ, а меня не взялъ, умышлялъ въ умѣ своемъ: „хотя де онъ одинъ и поѣдетъ, и его де убьютъ иноземцы“. Онъ въ дощеникахъ сооружіемъ и людьми уплылъ, а слышалъ я, ѣдучи, отъ иноземцевъ дрожали и боялись. А я мѣсяцъ спустя послѣ сего, набравъ старыхъ и больныхъ и раненыхъ, кои тамъ не годны, человѣкъ съ десятокъ, да я съ женой и дѣтьми, 17 насъ человѣкъ въ лодку сѣдше, уповая на Христа и крестъ поставя на носу, поѣхали, аможе Богъ наставитъ, ничего не бояся. Книгу Кормчую далъ прикащику, и онъ мнѣ мужика кормщика далъ. Да друга моего Василія выкупилъ, который тамъ при Пашковѣ на людей ябедничалъ и крови проливалъ, и моея головы искалъ: въ иную пору, бивши меня, на колъ было посадилъ, да еще Богъ сохранилъ. А послѣ Пашкова хотѣли его казаки до смертя убить, и я выпросилъ у нихъ Христа ради, а прикащику выкупъ далъ, на Русь его вывезъ отъ смерти къ животу; пускай его бѣднаго! либо покается о грѣсѣхъ своихъ. Да и другаго такого же увезъ замотая; сего не хотѣли мнѣ выдать, и онъ ушелъ въ лѣсъ отъ смерти и, дождався меня на пути, плачучи кинулся мнѣ въ карбасъ. Ано за нимъ погоня, дѣть стало негдѣ. Я-су, простите, своровалъ: яко Раавъ блудница во Іерихонѣ Іисуса Навина людей, спряталъ его, положа на дно въ суднѣ и постелю накинулъ и велѣлъ протопопицѣ и дочери лечь на него. Вездѣ искали, а жены моей съ мѣста не тропули, лишь говорятъ: „матушка! опочивайте; итакъ ты, государыня, горя натерпѣлась.“ А я, простите, Бога ради,—лгалъ въ тѣ поры и сказывалъ: нѣту его у меня!“—не хотя его на смерть выдать. Поискавъ, пошли ни съ чѣмъ, и я его на Русь вывезъ. Старецъ да и рабъ Христовъ! Простите же меня, что я лгалъ тогда. Каково вамъ кажется, не велико ли мое согрѣшеніе?

В ъ М о с к в ѣ. М и л о с т ь ц а р я. Таже въ Москвѣ пріѣхалъ и, яко ангела Божія пріяша мя, Государь и бояра; всѣ мнѣ рады. Къ Ѳедору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня и учали говорить съ нимъ много: три дня и три нощи домой меня не отпускалъ и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: „здорово ли де, протопопъ, живешь? еще-де видѣться Богъ велѣлъ“. И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: „Живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! а впредь, что повелитъ Богъ“. Онъ же, миленькой, вздохнулъ да и пошелъ, куда надобѣ ему. И иное кое что было, да что много говорить—прошло уже то! Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ и, въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: „благослови-де меня и помолися о

---

*) Пашковъ.

мнѣ!“ И шапку въ иную пору мурманку снимаючи съ головы, уронилъ ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ. Таже и вси бояра послѣ его челомъ да челомъ: „Протопопъ, благослови и молися о насъ“. Какъ су мнѣ царя того и бояръ тѣхъ не жалѣть? Жаль о су! видишь, каковы были добры: давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ; и въ духовники звали, чтобъ я съ ними соединился въ вѣрѣ. Азъ же вся сія яко уметы вмѣнихъ, да Христа пріобрящу и смерть поминая, яко вся сія мимоидетъ.

Возобновленіе борьбы. Ссылка на Мезень. Видятъ они, что я не соединяюсь съ ними; приказалъ государь уговаривать мене Родіону Стрѣшневу, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его; царь, то есть, отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене. Чаялъ, либо помаленьку исправится. А се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть на Печатномъ дворѣ книги править; и я радъ сильно: мнѣ то надобно лучше и духовничества... Такъ то съ полгода жилъ. Да вижу, яко церковное ничто же успѣваетъ, но паче молва бываетъ,—паки заворчалъ, написалъ царю многонько таки, чтобъ онъ старое благочестіе взыскалъ и мати нашу общую, святую церковь, отъ ереси оборонилъ и на престолъ бы патріаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика... Съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиноватъ сталъ: не любо стало, какъ опять сталъ я говорить; любо имъ, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось. А власти яко козлы пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже раби Христовы многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвше истину, не стали къ прелестной службѣ ихъ ходить. И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: „власти-де на тебя жалуются, церкви де ты запустошилъ; поѣдь-де въ ссылку опять“, сказывалъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Да и повезли на Мезень: надавали было кое чего во имя Христово люди добрые много, да и все осталося тутъ; токмо съ женою и съ дѣтьми и съ домочадцы повезли. По городамъ паки людей Божьихъ училъ и ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, обличалъ. И привезли на Мезень.

Возвращеніе въ Москву. Лишеніе сана и судъ надъ Аввакумомъ. Полтора года державъ, паки одного къ Москвѣ взяли да два сына со мною, Иванъ да Прокопій, съѣхали же, а протопопица и прочія на Мезени остались всѣ. А привезши къ Москвѣ, отвезли подъ началъ въ Пафнутьевъ монастырь; и туда присылка была, тоже да тоже говорятъ: „долго ли тебѣ мучить насъ? Соединись съ нами, Аввакумушко!“ Я отрицался, что отъ бѣсовъ, а они лѣзутъ въ глаза; сказку имъ тутъ съ бранью большою написалъ и послалъ...

Также, державъ 10 недѣль въ Пафнутьевѣ на чѣпи, взяли меня паки въ Москву и въ крестовой стяжашася власти со мною: ввели меня въ соборный храмъ и стригли по переносѣ меня и діакона Ѳедора, потомъ и проклинали, а я ихъ проклиналъ сопротивъ: зѣло было мятежно въ обѣдню ту. И подержавъ на патріарховѣ дворѣ, повезли насъ ночью на Угрѣшу къ

Николѣ въ монастырь. И бороду враги Божьи отрѣзали у меня. Чему быть! волки то есть, не жалѣютъ овецъ; оборвали, что собаки, одинъ хохолъ оставили, что у поляка, на лбу. Везли не дорогою въ монастырь, болотами да грязью, чтобъ люди не вѣдали: сами видятъ, что дуруютъ, а остать отъ дурна не хотятъ; омрачилъ діаволъ; что на нихъ и пенять...

Держали меня у Николы въ студеной палаткѣ 17 недѣль. Тутъ мнѣ Божіе присѣщеніе было; чти въ царевѣ посланіи, тамо обрящеши. И царь приходилъ въ монастырь: около темницы моей походилъ и, постонавъ, опять пошелъ отъ монастыря; кажется по тому, и жаль ему меня, да что воля Божья такъ лежитъ. Какъ стригли, въ то время великое нестроеніе въ Верху у нихъ бысть съ царицей съ покойницей: она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня. О томъ много говорить; Богъ ихъ проститъ!..

По семъ свезли меня паки въ монастырь Пафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную палатку, скованна держали годъ безъ мала...

Какъ привезли меня изъ монастыря Пафнутьева къ Москвѣ и поставили на подворье и, волоча многажды въ Чудовъ, поставили передъ вселенскихъ патріарховъ; и наши всѣ тутъ же, что лисы, сидѣли. Отъ писанія съ патріархами говорилъ много, Богъ отверзъ грѣшныя мои уста и: посрамилъ ихъ Христосъ. Послѣднее слово ко мнѣ рекли „что де ты упрямъ; вся де наша Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, всѣ де трема персты крестятся; одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣма персты; такъ не подобаетъ“. И я имъ о Христѣ отвѣщалъ сице: „Вселенстіи учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно, и Ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ; и у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Магмета, немощни есте стали. И впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ Божіей благодатію самодержство, до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и церковь немятежна. Никонъ волкъ съ діаволомъ предали трема персты креститься; а первые наши пастыри, яко же сами пятію персты крестились, тако же и благословляли по преданію святыхъ отецъ нашихъ Мелетія Антіохійскаго, Ѳеодорита блаженнаго, епископа Кипрскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и московскій помѣстный бывый соборъ при царѣ Иванѣ, также слагая персты креститися и благословляти повелѣваетъ, яко же прежніи святіи отцы, Мелетій и прочіи, научиша. Тогда при царѣ Иванѣ быша на соборѣ знаменосцы Гурій и Варсанофій, казанскіе чудотворцы, и Филиппъ, соловецкій игуменъ, отъ святыхъ русскихъ“.—И патріарси задумалися; а наши, что волченки, вскоча, завыли, и плевать стали на отцевъ своихъ, говоря: „глупы де были и не смыслени наши русскіе святые; неученые де люди были: чему имъ вѣрить? они де грамотѣ не умѣли!“ О Боже святый! како претерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденія? Мнѣ бѣдному горько, а дѣлать

нечего стало; побранилъ ихъ, сколько могъ, и послѣднее слово рекъ: „Чистъ есмь азъ и прахъ прилѣпшій отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному; лучше единъ, творяй волю Божію, нежели тьмы беззаконныхъ“. Такъ на меня и пуще закричали: „возьми, возьми, его: всѣхъ насъ обезчестилъ“; да толкать и бить меня стали. И патріархи сами на меня бросились, человѣкъ съ 40 ихъ, чаю, было,—велико антихристово войско собралося. Ухватилъ меня Иванъ Уваровъ, да потащилъ; и я закричалъ: „Постойте, не бейте!“ Такъ они всѣ отскочили и я толмачу архимандриту говорить сталъ: „Говори патріархомъ: Апостолъ Павелъ пишетъ: таковъ намъ подобаше архіерей преподобенъ, незлобивъ и проч., а вы, убивше человѣка, какъ литоргисать станете?“ Такъ они сѣли. А я отшелъ ко дверямъ да на бокъ повалился: „посидите вы, а я полежу“,—говорю имъ. Такъ они смѣются: „дуракъ-де протопопъ, и патріарховъ не почитаетъ!“ И я говорю: „мы уроди Христа ради; вы славни, мы же безчестни; вы сильны, мы же немощны“. Потомъ паки пришли ко мнѣ власти и про аллилуіа стали говорить со мною, и мнѣ Христосъ подалъ, посрамилъ я въ нихъ римскую (ересь) Діонисіемъ Ареопагитомъ, какъ выше сего въ началѣ речено. И Еѵфимей, чудовской келарь, молвилъ: „Правъ де ты, нечего-де намъ больше того говорить съ тобою“; да и повели меня на чѣпь. Потомъ полуголову царь прислалъ со стрѣльцами и повезли меня на Воробьевы горы...

Изъ посланій Аввакума.

О церковныхъ новшествахъ. По попущенію Божію умножилось въ русской землѣ иконнаго письма неподобнаго. Изографы пишутъ, а власти соблаговоляютъ имъ, и всѣ грядутъ въ пропасть погибели, другъ за друга уцѣпившеся... Пишутъ Спасовъ образъ Эммануила—лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявые, руки и мышцы толстыя, тако же и у ногъ бедра толстыя, и весь яко Нѣмчинъ учиненъ, лишь сабли при бедрѣ не написано. А все то Никонъ-врагъ умыслилъ будто живыхъ писати. А устрояетъ все по фряжскому, сирѣчь по нѣмецкому, яко же фрязи пишутъ... Не покланяйся ты, рабе Божій, неподобнымъ образамъ, писаннымъ по нѣмецкому преданію, яко же трое отроци въ Вавилонѣ тельцу златому на полѣ Деирѣ. Толсто тоже телище было вылито и велико, что нынѣшнія иконы. Старые добрые изографы писали не такъ подобіе святыхъ: лицо, и руки, и всѣ чувства отончали, измождали отъ поста, и труда и всякія скорби. А вы нынѣ подобіе ихъ измѣнили, пишете таковыхъ же, каковы сами.

Русскіе возлюбили обычаи и поступки римскаго костела, а свои истинные возненавидѣли и держащихся православія токмо жги да пали! Охъ, охъ, бѣдная Русь! чего тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ обычаевъ?

О свѣтской мудрости и западной наукѣ. Я не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имѣю... Не ищи глаголъ высокословныхъ, но смиренномудрія. А кто гордостью движется, Платонски на судѣ поучается говорить, таковый всяко изнеможетъ и отвержется. Гордоусцевъ тѣхъ не любитъ Господь. Молись передъ Владыкою, да будетъ проклято всякое еретическое мудрованіе. Не затекайте во многомъ мудрованіи, отъ гордости той, что черви капустные, пропадете.

Древле дьяволъ сказалъ: „поставлю престолъ свой на небеси и буду подобенъ Вышнему“; такъ и альманашники глаголютъ: „мы разумѣемъ небесная и земная и кто намъ подобенъ“... Христіане достизаютъ не мудрости внѣшнія поразумѣвати и луннаго теченія, но на самое небо восходятъ смиреніемъ и тѣла ихъ нетлѣнны пребываютъ на земли. Видишь, гордоусецъ-альманашникъ, гдѣ твои Пиѳагоръ и Платонъ: всѣхъ ихъ, яко свиней, черви съѣли. Мои же святые смиренія ради отъ Бога прославлены... Свиньи и коровы больше васъ знаютъ: передъ погодой визжатъ да ревутъ, да подъ повѣти бѣгутъ, и послѣ того дождь бываетъ. А вы, разумныя свиньи, лице неба и земли измѣряете, а времени своего не искушаете, како умереть. Горе да и только съ вами, сь толстыми быками!

О необходимости крѣпко стоять за вѣру и быть готовымъ пострадать. Любо мнѣ, что вы охаете: „охъ, охъ! Какъ спастися? Искушеніе пріиде!“—Чаю-су, охъ. Да ладно, такъ меньше спите; убужайте другъ друга. А я себѣ играю, въ землѣ сидя.. Я уже нынѣча не плачу самъ: вамъ велю плакать о всѣхъ и о мнѣ. А надъ всѣмъ мудрость змѣину имѣй, а цѣлость голубину. Разумѣешь, чего для Господь на змію-ту указываетъ и на голубя? А то: змію-ту какъ бьетъ, кто, такъ она все тѣло предаетъ біемо быти, главу же свою соблюдаетъ, елико возможно: свернется въ клубокъ, а голову ту въ землю хоронитъ. Я ихъ бивалъ смолода ума. Какъ главы не разобьешь, такъ и опять оживетъ, а голову то какъ разобьешь, такъ она и цѣла, а мертва. Такъ и христіанинъ, безъ головы умретъ смертью вѣчной, сирѣчь безъ вѣры Христовы непорочной; хотя онъ и цѣлъ, не разоренъ и не убитъ, да безъ вѣры мертвъ. А аще разграбленъ и уязвенъ, да глава непорочна, еже есть православная вѣра въ души его—живъ есть таковый животомъ вѣчнымъ. Еще же и незлобіе во время гоненія подобаетъ имѣти голубино. Понеже голубь, птенцовъ своихъ лишаемъ, не гнѣвается и отъ владыки своего не отлетаетъ, паки гнѣздо строитъ и иныхъ дѣтей заводитъ. Я ихъ смолода держалъ—поповичъ я, голубятникъ былъ. Какъ нехороши дѣтенки-тѣ, и лишаешь отъ родителей, а они, бѣдные, свитаются и другихъ станутъ заводить. Тако и христіанину безгнѣвно подобаетъ жити,—аще и жену и дѣтей отымутъ, не гнѣватися, а о имѣньи и слова не говорю. Пускай дьяволъ емлетъ: онъ владыка вѣку сему, Христосъ заплатилъ въ будущій вѣкъ. А жену-ту и дѣтей Христосъ сохранитъ же въ нечестивыхъ рукахъ. У меня Марковна сидитъ себѣ въ землѣ

съ дѣтьми, будто въ клѣткѣ, Божіей благодатью снабдѣваема. А я пою Богу моему, дондеже есмь...

Душе моя, душе моя! возстани, что спиши? Виждь, мотылюбная, кто при тебѣ: боярыня Ѳеодосія Прокопьевна Морозова, и сестра ея Евдокія Прокопьевна княгиня Урусова, и Даниловыхъ дворянская жена Марья Герасимовна съ прочими. Мучатся въ Боровскѣ, въ землю живы закопаны по многихъ мукахъ и домовъ разореніи, алчутъ и гладуютъ. Жены суть, немощнѣйшая чадь, а со звѣремъ по человѣку борются. Чудо, да только подивиться чуду сему! Какъ такъ! 50 тысячъ крестьянъ имѣла, да домоваго заводу тысячъ больше двухсотъ было—дѣти мнѣ духовныя и знаю про нихъ—сына не пощадѣла единороднаго, къ сему и другая также дѣтей. А нынѣ вмѣсто позлащенныхъ одровъ въ землѣ закопаны сидятъ, за старое православіе мучатся. А ты, душе, много ли имѣешь при нихъ? Развѣ мѣшокъ, да горшокъ, а третье—лапти на ногахъ. Безумная, нутко опрянися и исповѣждь Сына Божія явственнѣ! Полно укрыватися! Иного времени долго ждать. Само царство небесное валится въ ротъ; а ты откладываешь, говоря: дѣти малы, жена молода, разориться не хочется! А того не видишь, какую честь-ту бросили боярыни-тѣ! Да еще жены суть. А ты мужикъ, да безумнѣе бабъ, не имѣешь цѣла ума. Ну, дѣтей-то переженишь, жену-ту утѣшишь, а затѣмъ что? Не гробъ ли? И та же смерть, да не та, понеже не Христа ради, но общій всемірный конецъ. Блаженни умирающіе о Господѣ!..

А хотя и бить станутъ или жечь: ино и слава Господу Богу о семъ. На се бо изыдохомъ изъ чрева матери своея. А во огнѣ то здѣсь небольшое время потерпѣть—аки окомъ мгнуть, такъ душа и выступитъ. Боишься пещи той? Дерзай, плюнь на нее, не бойся! До пещи страхъ-отъ; а егда въ нее вошелъ, тогда и забылъ вся. Егда же загорится, а ты и видишь Христа и ангельскія силы съ нимъ; емлютъ душу тѣ отъ тѣлесъ, да и приносятъ ко Христу, а Онъ, надежа, и благословляетъ и силу ей подаетъ божественную, не уже ктому бываетъ тяжка, но яко восперенна, туды жъ со ангелы летаетъ, равно яко птичка попархиваетъ, рада—изъ темницы той вылетѣла. Темница горитъ въ пещи, а душа яко бисеръ, и яко злато чисто взимается со ангелы выспрь во славу Богу и Отцу. А темницу никоніане бердышами сѣкутъ въ огнѣ, да уже не слышитъ ничего: персть бо есть, яко камень горитъ, или земля...

Всякъ вѣрный не развѣшивай ушей и не задумывайся, гряди съ дерзновеніемъ въ огнь и съ радостью Христа ради постражди. Много никоніане людей перегубили, думая службу приносити Богу. Мнѣ сіе гораздо любо: освятилась русская земля кровью мученическою. Не лѣнитесь, бѣдные, подвизайтесь гораздо. Русачки бѣдные рады, что мучителя дождались: полками дерзаютъ въ огнь за Христа. Я бы умеръ, да и паки бы умеръ по Христѣ Бозѣ нашемъ. Сладокъ вѣдь Исусъ-то! Помнишь ли трехъ отроковъ въ пещи огненной? Навуходоносоръ глядитъ, анъ Сынъ Божій четвертый съ ними

гуляетъ. Не бось, не покинетъ и васъ Сынъ Божій. Дерзайте всенадежнымъ упованіемъ; таки размахавъ, да и въ пламя. На вотъ, дьяволъ, еже мое тѣло, до души моей тебѣ дѣла нѣтъ!

Стихи Симеона Полоцкаго.

Начальникъ.

Человѣче началный, нужда тебѣ знати,
Яко о подначалныхъ требѣ отвѣтъ дати.
Не рцы: „Довольно ми есть промыслъ сотворити,
Еже бы душѣ моей въ спасеніи быти“.
Не глаголи: „Что къ инымъ мнѣ! Азъ себе знаю,
О моей токмо душѣ печаль полагаю“.
Да не мыслиши того: „Бѣдства суть велика
Спасеніе строити ина человѣка“.
Да не речеши: „Нѣсмъ азъ книгамъ наученны
И блага вѣщанія словомъ украшенны;
Мало ми есть искуство, не хощу держати
Еже согрѣшающихъ въ крѣпости держати“.
Не глаголи сицевыхъ, но токмо молися
И подначалныя ти правити потщися.
Богъ лишеніе твое имать исполнити
И во нуждѣ спасеннѣй тебѣ пособити.
Койждо началникъ имать власть, еже учити;
Идѣже словомъ скуденъ, образъ лѣть явити.
Образъ же паче слова силенъ ползу дати;
Твори благо не могій словомъ поучати.
Обаче и малая слова суть велика
Тѣхъ, яже устрояетъ въ началство Владыка.
Долженъ убо епископъ церковь управляти,
Якоже пастырь стадо благовождствовати.
И человѣкъ убогій домъ да устрояетъ;
Родитель чадомъ своимъ благъ путь да являетъ;
Богатый, иже имать рабы многіе зѣло,
Путемъ я божественнымъ да наставитъ цѣло.
Мужъ долженъ жену свою въ правости держати,
Да бы законъ Господень огнѣй соблюдати.
Судіи подобаетъ судимыхъ хранити,
Да бы взаемъ обиды онымъ не творити.
Царь, всеродный властитель, тогда соблюдаетъ,
Злоба да истребится, благость да сіяетъ.
Во всѣхъ же милость чинѣхъ буди сохраненна,
И казнь, яже достоитъ, не буди забвенна.
Ни единъ отъ правитиль себе да прелщаетъ,
Не множеніемъ себе да не извиняетъ
По елику можеши, по толику тщися,
Ползовати Божія люди не сумнися,
Аще многа знаеши, возглаголи многа,
За то мзда не малая будетъ ти отъ Бога.
Мало знаеши, — и то тщися глаголати,
Богъ ти мзду достойную имать за то дати.
Аще едина въ тебѣ доброта сіяетъ,
И та да не есть праздна, ползу да рождаетъ.

Аще многи имаше, многи назидати
Тщися, да бы ти многу мзду отъ Бога взяти.
Иначе, яко скрывый талантъ осудится,
Кто плода сотворити въ ближнихъ не потщится.

Въ заемъ даяніе.

Домадъ рече: кто другу сребро взаимъ даетъ,
Друга и сребро свое купно погубляетъ;
А негли того ради яко гнѣвъ ся родитъ,
Егда сребро си взяти давый къ нему ходитъ;
Паче же множицею зла вражда бываетъ.
И во нашихъ временѣхъ сіе ся случаетъ.

Звѣзда.

Звѣзды во человѣцѣхъ воли не вреждаютъ,
Токмо страстми плоти нѣчто преклоняютъ.
Тѣмъ же на звѣзды вины нѣсть лѣтъ возлагати,
Егда кто зло нѣкое обыче дѣяти.

Воздержаніе.

Воздержаніе, аще безмѣрно, храниши,
Множицею души ти вредъ велій твориши:
Плоти бо изнемогшей умъ не добръ бываетъ,—
Разсужденіе въ мѣру вся да устрояетъ.

Адамъ и Евва не воздержна быста—
Весь міръ единымъ яблокомъ вредиста.

Богатство.

Еллиномъ богатствъ богъ бѣ нареченный Плутонъ;
Азъ его именую: во истину плутъ онъ,—
Плутаетъ бо излиха и зѣло вплетаетъ
Въ сѣти діавольскія, яже уловляетъ, и т. д.

Розга.

Плевелы отъ пшеницы жезлъ твердъ отбиваетъ,—
Розга буйство изъ сердецъ дѣтскихъ прогоняетъ.

Комедія Симеона Полоцкаго притчи о блудномъ сынѣ.

Прологъ.

Благородніи, благочестивіи,
Государіе премилостивіи!
Не тако слово въ памяти держится,
Яко же аще что дѣломъ явится.
Христову притчю дѣйствомъ проявити
Здѣ умыслихомъ и чиномъ вершити.
О блудномъ сынѣ вся рѣчь будетъ наша,
Аки вещь живу, узритъ милость ваша.
Всю на шесть частей притчю раздѣлихомъ,

По всяцей оныхъ нѣчто примѣсихомъ
Утѣхи ради, ибо все стужаетъ,
Еще едино безъ премѣнъ бываетъ.
Извольте убо милость си явити,
Очеса и слухъ къ дѣйству приклонити:
Тако бо сладость будетъ обрѣтенна,
Не токмо сердцамъ, но душамъ спасенна.
Велiю пользу можетъ притча дати,
Токмо извольте прилѣжно внимати.

Первое дѣйствiе комедiи, послѣ пролога, открывается монологомъ отца, который, въ присутствiи многихъ слугъ, даетъ наставленiе своимъ двумъ сыновьямъ и дѣлитъ между ними свое имѣнiе. Старикъ произноситъ хвалу Господу и тѣмъ, кто на Него уповаетъ:

Самъ искусихъ се во всяцей потребѣ,
Егда уповахъ на живуща въ небѣ:
Онъ мою юность добрѣ есть управилъ,
На животъ честный въ мiрѣ мя наставилъ;
Онъ ми науку далъ и разумъ благiй;
Даде богатства Господь мой предрагiй.

Эти-то богатства старикъ и передаетъ своимъ дѣтямъ, завѣщая притомъ хранить христiанскiя добродѣтели и миръ другъ съ другомъ. На слова его старшiй сынъ отвѣчаетъ выраженiями горячей любви и благодарности и, между прочимъ, говоритъ, что желаетъ быть безотлучно при отцѣ:

Старшiй сынъ (глаголетъ къ отцу).

Отче мой драгiй! отче любезнѣйшiй!
Азъ есмь по вся дни рабъ то смиреннѣйшiй;
Не смерти скоро азъ желаю тебѣ,
Но лѣтъ премногихъ, яко самому себѣ.
Честнiи руцѣ твои лобызаю,
Честь воздаяти должну обѣщаю.
Устъ твоихъ слово въ сердци моемъ выну
Сохраню, яко подобаетъ сыну.
На твое лице хощу выну зрѣти,
Всю мою радость о тебѣ имѣти.
Во ничто злато и сребро вмѣняю,
Паче сокровищъ тебе почитаю.
Съ тобою самымъ изволяю жити,
Неже всѣмъ златомъ обогащенъ быти.
Ты моя радость, ты ми совѣтъ благiй,
Ты моя слава, отче мой предрагiй!
Вижду азъ свѣтло, како насъ любиши,
Егда твоихъ благъ общники твориши.
Нѣсмъ азъ достоинъ твоя благодати,
За твой трудъ и намъ Богъ то волитъ дати.
Благодарствiе убо возсылаю
Богу, а твои руцѣ лобызаю
Любо прiемля благословенiе,

Обѣщая ти повиновеніе,
Желаю выну азъ съ тобою быти,
Въ обоемъ щасти съ отцемъ моимъ жити.
Всякія труды готовъ подъимати,
Отчія воли прилѣжно слушати.
Весь азъ твой рабъ есмь, радъ вину служити;
Въ послушаніи животъ мой кончити.

Младшій сынъ также высказываетъ свою благодарность родителю, но выражаетъ желаніе воспользоваться своею долею въ наслѣдствѣ иначе, чѣмъ братъ:

Сынъ юнѣйшій (къ отцу).

Радости наша, сыновъ твоихъ славо,
Между пречестныхъ честнѣйшая главо,
Отче любезный, намъ данный отъ Бога!
Живи въ радости здравъ на лѣта многа!
Благодарствіе тебѣ возсылаемъ
За милость, юже днесь отъ тебе знаемъ.
Мудрость словесъ ти любезно пріяхомъ,
Въ скрижалѣхъ сердецъ нашихъ написахомъ.
Еже велиши, того мы желаемъ;
А Богъ поможетъ, тако уповаемъ.
Поучаеши насъ благо пожити
И славу рода нашего множити,—
Вседушно того азъ, сынъ твой, желаю,
Попеченіе о томъ полагаю!
Братъ мой любезный избра въ дому жити,
Славу въ предѣлѣхъ малыхъ заключити.
Богъ ему въ помощь при твоей старости
Изжити лѣта красныя юности!
Вящшая мой умъ въ пользу промышляетъ,
Славу ти въ миръ весь простерти желаетъ.
Идѣже востокъ и гдѣ западъ солнца,
Славенъ явлюся во вся міра конца.
Отъ мене дому разширится слава,
И радость приметъ отчая ти глава.
Точію изволь милость си явити,
Уму моему помощь сотворити.
Вся намъ даеши, нѣсть требѣ толико,
Часть мнѣ достойну отдаждь, мой владыко,
Ею же имамъ много пристяжати,
Всякая страна имать насъ познати.
Свѣщи подъ спудомъ не лѣпо стояти,
Съ солнцемъ азъ хощу тещи и сіяти.
Заключеніе видитъ ми ся быти,—
Въ отчинной странѣ юность погубити.
Богъ волю далъ есть: се птицы летаютъ,
Звѣріе въ лѣсахъ вольно пребываютъ.
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати,

Разумну сущу, весь міръ посѣщати.
Твоя-то слава и мнѣ слава будетъ,
До конца міра всякъ насъ не забудетъ.
И егда дастъ Богъ вездѣ посѣтити,
Воскорѣ имамъ въ домъ ся возвратити:
Къ славѣ и чести тогда радость тебѣ
Будетъ на земли и ангеломъ въ небѣ.
Не медли, отче! Часть ми изволь дати,
Благословенство свое изліяти:
Путь бо мой близъ есть, мысль моя готова,
Токмо отъ тебе жду отческа слова.
Араждь ми десницу твою цѣловати,
Абіе хощу путь мой начинати.

———

Отецъ возражаетъ, было, сыну, что онъ не имѣетъ житейской опытности и долженъ сперва пріобрѣсти ее, а потомъ уже пускаться въ странствованія. Но сынъ настаиваетъ:

Что стяжу въ дому? Чему изучуся?
Лучше въ странствіи умомъ сбогачуся.
Юньшихъ отъ мене отци посылаютъ
Въ чюждыя страны, потомъ ся не каютъ...

Убѣжденный такими доводами, отецъ соглашается наконецъ отпустить сына, надѣливъ его всѣмъ, что назначилъ на его долю. Этимъ кончается первое дѣйствіе.

Во второй части младшій, то-есть Блудный, сынъ уже на волѣ. Въ монологѣ своемъ онъ выражаетъ радость, что освободился отъ строгаго родительскаго надзора.

ЧАСТЬ II.

Изыдетъ Блудный сынъ съ немноги слугами и глаголетъ:

Хвалю имя Господне, свѣтло прославляю,
Яко свободна себе нынѣ созерцаю.
Бѣхъ у отца моего, яко рабъ плѣненный,
Во предѣлѣхъ домовыхъ, якъ въ турмѣ замкненный.
Ничто бяше свободно по воли творити:
Ждахъ обѣда, вечери, хотяй ясти, пити;
Не свободно играти, въ гости не пущано,
А на красная лица зрѣти запрещано.
Во всякомъ дѣлѣ указъ, безъ того ничто же.
Ахъ! колика неволя, о мой святый Боже!
Отецъ, яко мучитель, сына си томляше,
Ничего же творити по воли даяше.
Нынѣ—слава Богови!—отъ узъ освободихся,
Егда въ чужую страну едва отмолихся.
Яко птенецъ изъ клѣтки на свѣтъ изпущенный,
Желаю погуляти, тѣмъ быти блаженный.
Богатство имамъ много и довольно хлѣба,
Нѣсть кому его ясти, слугъ больши потреба.
Аще ся кто обрящетъ охотникъ служити,
Имамъ сладцѣ питати и цѣнно платити.

Слуга Блуднаго.

Милостивый государю! азъ хощу искати
Таковыхъ, иже тебѣ будутъ работати.

Блудный.

Другъ ми будеши, не рабъ, егда со слугами
Многими немедленно станеши предъ нами.
Возьми на путь сто рублевъ, за труды другое;
Егда возвратишися, дамъ ти еще втрое.

Слуга.

Азъ иду; ты, государь, изволь ожидати,
Имамъ ти со слугами абіе предстати.

Слуга за завѣсу, а Блудный сядетъ на стольцѣ и какъ слугамъ глаголетъ:

Не добро богатому мало слугъ имѣти:
Съ кимъ имамъ ясти, пити? Кто намъ будетъ пѣти?
Прискорбно ми есть безъ слугъ. Вина чашу дайте,
Сами по десяти чашъ полныхъ испивайте.

Онъ будетъ пити, и слуги, наполнивши, держатъ въ рукахъ, и единъ отъ нихъ глаголетъ:

Тѣ чаши испиваемъ мы за тебе свѣта.
Буди, государь нашъ, здравъ на многа лѣта!

Здѣ пивше, запоютъ: „на многа лѣта!“ Въ то время пріидетъ слуга, искавый новыхъ слугъ, съ многими слугами и речетъ:

Радуйся, государю! Свѣтло веселися:
Се рабъ твой со многими слуги возвратися.

Блудный.

Добрѣ, о благій рабе! Прими себѣ за то,
Яко же обѣщахъ ти, сребро или злато.
Но повѣждь ми, что сіи искусни творити.
Азъ готовъ комуждо сто рублевъ платити.

Слуга, искавый слугъ, глаголетъ:

За мзды возданіе ручку ти цѣлую,
О сихъ людяхъ искусныхъ вѣрно извѣствую,
Яко вси суть потребни въ пути, въ людѣхъ, въ дому:
Пити, ясти, шутити обычай всякому.

Блудный.

Ха! ха! ха! ха! Ха! ха! ха! То добріи люди!
Слышь! Даждь имъ по сту рублевъ; дай же, не забуди.

Слуга новый глаголетъ:

Преблагій государю! за то ся кланяемъ,
А во услугахъ нашихъ вѣрность обѣщаемъ.

Блудный.

Добрѣ, слузи вѣрніи! Ну жъ возвеселимся:
Общая днесь намъ радость, виномъ прохладимся.
Сядите, слузи мои! Вина наливайте,
А за наше здравіе до дна испивайте.
Кто изъ васъ въ зерни умѣетъ, той сяди со мною,
Прочіи въ карти, въ тавлѣи играйте съ собою;
Аще кто проиграется, та на мнѣ утрата;
А кто добре выйграетъ, за трудъ гривна злата.

Слуга зернщикъ.

Азъ бывахъ искусенъ зернію играти,
Съ тобою, государь, не хощу дерзати.

Блудный.

Сяди, брате, со мною; дерзай, якъ у брата;
Аще обыграеши, сто рублевъ заплата.
А вы, прочіи друзи, весело играйте,
Мои богатства веемше, смѣло пройгравайте.

И тако сядутъ играти, будутъ похищати добро Блуднаго и проигравати.

Блудный речетъ къ зернщику:

Добрѣ играеши, се сто рублевъ тебѣ;
Но щастія ради напіймыся себѣ.
(И напіются).

Зернщикъ.

Еще ли, государь, изволишь играти?

Блудный.

Подвеселилъ есмь себе, лучше пойду спати.

Зернщикъ (къ прочіимъ играющимъ).

Возстаните, братіе, добрѣ послужите,
Государя своего на постель ведите.

Единъ отъ игравшихъ речетъ:

Встанимъ, друзи, и пойдемъ: время почивати,
Уже благодѣтель нашъ изволилъ престати.

И такъ Блудный сынъ пойдетъ, слоняяся, а за нимъ вси.
(Пѣвцы поютъ и буди intermedium).

Въ третьей части Блудный продолжаетъ расточать свое имѣніе: онъ является на сцену похмеленъ, и предъ нимъ поютъ „сладкоигратели". Расточитель велитъ дать имъ денегъ, но оказывается, что вся казна его уже растрачена. Блудный отдаетъ потѣшникамъ свою верхнюю одежду, надѣясь, что добрые друзья не откажутъ ссудить ему денегъ въ займы. Между тѣмъ, слуги, видя, что ихъ господинъ пришелъ въ скудость, начинаютъ требовать отъ него жалованья, отказываются далѣе служить ему и, наконецъ, рѣшаются присвоить себѣ послѣдніе остатки его имущества. Одинъ изъ слугъ съ насмѣшкой говоритъ, что они творятъ ему милость, оставляя его, безумна, въ живыхъ. Съ этими словами всѣ удаляются, и юноша въ отчаяніи заливается слезами.

Въ четвертой части Блудный, томимый голодомъ, продаетъ свою послѣднюю одежду, надѣваетъ рубище и нанимается къ нѣкоему господину пасти свиней; но голодъ заставляетъ его ѣсть пищу, приготовленную для животныхъ.

Господинъ идетъ за завѣсу, а Прикащикъ глаголетъ:

Ходи къ свинаремъ, паси купно съ ними,
Сія сапожки изъ ногъ твоихъ сними.
Премѣни кафтанъ, въ худшій облецыся,
Свиней погубити опасно блюдися.

Здѣ инъ свинопасъ изыдетъ, гоня прасята, къ нему же глаголетъ

Прикащикъ:

Слыши ты, мальче! Се товарищъ тебѣ,
Свиней сгубити блюдитеся себѣ;
Азъ имамъ вскорѣ къ вамъ ся возвратити
И по заслугамъ обѣма платити.

Пастухъ (къ Блудному).

Ну, друже милый! корито съ рожцами
Принеси сѣмо, поставъ предъ свиньями.

А Блудный принесетъ и речетъ:

И азъ есми гладенъ, а нѣсть ми что ясти,
Рожци ми будутъ за всякія сласти.

Тогда ястъ, а пастухъ свинія присадитъ до корита; онъ же разгнѣвася, ударитъ свинія, да разбѣгутся.

Пастухъ.

Что дѣлаеши? Свини отгоняешь?
Всуе отъ рожцевъ оны отбиваешь?
Се побѣгоша, аще погубиши,
Язвами хребта бѣднѣ заплатиши.

Ту приходитъ Прикащикъ.

Мальци! что у васъ добраго ся дѣетъ?
Трудъ вашъ о стадѣ еда добрѣ спѣетъ?

Пастухъ.

Государю мой! винни предъ тобою,
Врагъ се, а не другъ у свиній со мною:
Самъ рожци ялъ есть, и свини разгнаше,
Азъ не вѣмъ, стадо гдѣ поутекаше.

Прикащикъ.

Возьмите врага, плетьми разсѣчите,
А потомъ свиней прилѣжно ищите.

Поведутъ за завѣсу Блуднаго, и біютъ плетьми, онъ кричитъ: „Государь! пощади“;

а Прикащикъ глаголетъ:

Бій врага добрѣ, да вѣсть свое дѣло,
Да пасетъ бодро, хранитъ стадо цѣло.

И крикнетъ: „полно бити, часъ пустити“. Ту приведутъ Блуднаго убита, къ нему же речетъ Прикащикъ:

Ищи свиней, враже! Блюдись погубити
Ибо до смерти велю тя убити.

Въ пятой части дѣйствіе переносится опять въ домъ родителя; старикъ печалится, что не имѣетъ вѣстей о сынѣ; вдругъ ему возвѣщаютъ, что сынъ возвратился; обнищавшій сынъ бросается къ ногамъ отца, отецъ прощаетъ его и велитъ нарядить пиръ по случаю его прибытія; это, однако, кажется обиднымъ старшему брату, и онъ высказываетъ отцу упрекъ, но, убѣжденный послѣднимъ, смиряется и уступаетъ.

Наконецъ, въ шестой части, состоящей изъ одного монолога, покаявшійся расточитель благодарить Бога за благополучный исходъ его бѣдствій и разсуждаетъ о своей судьбѣ и своемъ исправленіи:

Азъ же отселѣ хощу пребывати
Въ послушаніи, себе подчиняти;
Познахъ бо нынѣ, юность дурность быти,
Аще кто хощетъ безъ науки жити.

Такимъ образомъ, въ основаніе піесы положена мысль о разумномъ подчиненіи дѣтей родителямъ и о снисходительномъ, любовномъ обращеніи родителей съ дѣтьми. Эпилогъ комедіи прямо и опредѣленно выражаетъ эту идею:

Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младый разумъ свой не уповати;
Старимъ, да юныхъ добрѣ наставляютъ,
Ничто на волю младыхъ не спущаютъ,
Найпаче образъ милость явися,
Въ немъ же божая милость вообразися,
Да и вы Богу въ ней подражаете,
Покаявшимся удобь прощаете!

Словарь *).

А.

абіе, тотчасъ.
або, ли, или.
абы, если бы, когда бы, чтобы.
агня, ягненокъ.
адамантовый, крѣпкій, какъ адамантъ.
ажбы, чтобы, даже (*аже бы*).
аже, что, если, даже.
ажно, такъ что.
ажъ, даже.
азъ, язъ, я.
аиеръ, воздухъ.
аны, **аки**, какъ, какъ бы.
али, или.
амо, куда.
анафора, возношеніе.
ано, **анъ**, а, напротивъ.
аркуда, медвѣдь.
аче, **аще**, если, ли, что не.

Б.

багряница, порфира, пурпуровое одѣяніе владѣтельныхъ особъ.
бармы, царскія наплечія.
бебръ, бобръ.
безгодный, безвременный, неприличный.
безлѣпица, нелѣпость, что-нибудь неподходящее.
безлѣпотный, неприличный, нелѣпый.
безпокойный, иногда въ смыслѣ „дѣятельный“
безпрестани, безпрестанно.
безпроторица, бѣдность.
безугодный, безполезный.
бервно, бревно.
берчатый, рѣдкій и узорчатый (о ткани).
бесерменинъ, бусурманинъ, магометанинъ.
беть, поперечная скрѣпа барокъ.
билие, **быліе**, трава.
било, **бильце**, доска, въ которую бьютъ для показанія времени или для призыва къ церковной службѣ.
бирючъ, глашатай, герольдъ.
бисеръ, жемчугъ.
благодать, у Иларіона „новозавѣтная благодать“ значитъ „Новый Завѣтъ“.
блазнитель, дѣлающій соблазнъ.
близокъ, родственникъ.
близу, **близъ**, близь.
блудный, иногда „глупый“.
блудить, заблуждаться.
блюсти, хранить.
бо, ибо.
богобойный, богобоязливый.
богомужьное подобіе, богочеловѣчное.
богоназнаменаный, Богомъ означенный.
богопустный, Богомъ посланный.
бодомый, уязвляемый.
божница, церковь.
бологo, благо.
болоніе, **болонь**, долина по рѣкѣ, около города съ пастбищемъ.
болъ, прош. вр.; **бодомъ**, прич. наст. вр. стр. зал. отъ **бости**, бодать.
борзый, **брѣзый**, **борзо**, скорый, скоро.
боровой, лѣсной.
боронити, оборонять, возбранять.
борть, дупло въ лѣсу, гдѣ дикія пчелы завели улей.
бортьничати, заниматься собираніемъ лѣсного меда.
бости, бодать.
бражникъ, пьяница.
бразды, въ переносномъ значеніи—мысли.
браный, сдѣланный изъ „бранцовъ“, ранней конопли. Другое объясненіе: **брати**, работать **брань**, т.-е. рѣдкую ткань,—отсюда сдѣланное изъ нея—**браное**.

---

*) Въ словарѣ приводятся не всѣ значенія словъ, а только подходящія къ смыслу тѣхъ словъ, которыя попадаются въ текстѣ отрывковъ, помѣщенныхъ въ этой хрестоматіи.

братаничъ, брата сынъ, племянникъ.
братина, сосудъ для питья.
братися, бороться.
брашно, пища.
бреженіе, стараніе, береженіе (откуда *небреженіе*).
брещи, беречь.
буеръ, парусный баркасъ.
буесть, ярость, молодечество.
буй, ярый, неистовый.
булатный, стальной.
бурнастый, совсѣмъ рыжій, о лисицахъ.
буяти, возвышаться.
бълванъ, **блъванъ**, болванъ, истуканъ.
бъчела, пчела.
бѣда, болѣзнь.
бѣдьно, опасно, тяжело, печально.
бѣла, бѣлка.
бѣшенина, сумасшедшій.

В.

в-, см. **въ-**.
вапъ, краска; **вапити**, красить, **вапьница**, доска для растиранія красокъ.
варити,**-яти**, упредить, предварить.
варка, загороженное мѣсто для скота.
варъ, жара, **варно**, жарко.
вборзѣ, **въборзѣ**, скоро, вскорѣ.
велій, великій.
вереженый, поврежденный.
верещати, визжать, кричать.
верста, **вьрста**, мѣра (о пространствѣ и времени).
верстать, ровнять.
вертоградъ, садъ.
весь, деревня, село.
ветчаный, ветхій.
вжадати,**-ся**, почувствовать жажду.
взбранити, запретить, возбранить,
вз,-см. **възъ-**.
видокъ, свидѣтель.
видьць, видящій, свидѣтель.
видѣнье, лицо.
вина, причина.
висосъ, одѣяніе.
витати, жить, обитать (*об-витать*).
вкориться, покориться.
влатъ, волотъ-великанъ.
внегда, когда.
внутрьуду, внутри.
внѣуду, снаружи.
водлѣ, возлѣ.
вожделѣти, пожелать.
возводъ, востокъ.
возграять, закаркать.
воздати, провозгласить.
возъ, повозка.
вои, воины, войско.
володыи, володѣющій.
волуй, боловій, бычачій.
вонь, **вънь**, въ него.
воня, запахъ, благоуханіе.
воображеніе, изображеніе.
воровѣй, скорѣе.
воръ, плутъ, мошенникъ.
вотъ чинъ, **въ тъ** (тотъ) **чинъ**, въ то время.
впадать, вмѣшиваться.
вредный, поврежденный.
вретище, одежда изъ грубой ткани; мѣшокъ изъ дерюги.
врътпъ, вертепъ, жилище.
врьхъ, черепъ, маковка.
въвадиться, повадиться.
въдлѣ, въ длину.
възъ-, воз-. за, на.
възаконеный, узаконенный ветхимъ завѣтомъ.
възбънути, разбудить.
възграженіе, гражденіе, построеніе.
въздолѣ, вдоль.
възняти, поднять.
възорати, вспахать.
възострити, возбудить.
въполы, **вполы**, въ половину.
въпрекы, въ ширину.
въскрай, около.
въсперенъ, поднятъ вверхъ.
въскую, зачѣмъ, для чего.
въспяти, поднять, распялить, напр. паруса.
въспять, назадъ.
въстронити, поднимать, будить.
въстрокотати, затрещать, закричать (о сорокѣ).
вьрста, (см. верста).
вьсямо, со всѣхъ сторонъ.
выжлокъ, **выжлецъ**, гончая собака.
выну, всегда.
выньзити, извлечь.
вытепутъ, выгонятъ.
выторгнути, исторгнуть.
выходъ, дань.
вьсь, весь, всякій.
вьсямо, со всѣхъ сторонъ.
вѣгласъ, умный, образованный.
вѣно, приданое, плата за невѣсту отъ жениха.
вѣжда, знающій, вѣжливый.
вѣждество, **вѣжество**, образованность.
вѣжлецъ, выжлецъ, гончая.
вѣтреница, парусъ.
вѣче, народное совѣщаніе, мѣсто для этого совѣщанія.
вѣчный, вѣчевой, принадлежащій къ вѣчу.
вѣчье, вѣчевой уставъ.

Г.

гармата, **армата**, пушка.
гинути, **гынути**, гибнуть.
гіерофантъ, жрецъ, гадатель.
глумитися, издѣваться.
глумотворецъ, смѣхотворецъ.

глухоморье, вм. лукоморье.
гнуситися, отвращаться, имѣть отвращеніе.
гнѣзо, родъ, племя.
гобьзити, дѣлать плодороднымъ.
говѣя, ожидая, желая.
гоготати, кричать (о гусяхъ).
година, часъ.
годитися, случиться, придти во-время.
годъ година, иногда вообще время, часъ.
голка, шумъ.
головенка, головня, обуглившееся полѣно.
головни, иногда вм. пожаръ.
голосливый, крикливый.
голца, бѣднякъ.
гоньзнути, избавиться, избѣжать, лишиться.
горазный, способный, подходящій.
горшій, худшій.
горкій, высшій, верхній.
горѣ, вверхъ.
горѣлка, водка.
гостибище, гощеніе, пріѣздъ въ гости.
гостинникъ, купецъ.
гоститва, угощеніе, пиръ.
гость, крупный купецъ; **гостиный**, купеческій.
гостьба, торговля въ чужихъ городахъ.
градъ, ограда, стѣна.
граяти, каркать.
грезнъ, гроздь.
гривна, ожерелье, цѣпь, которую носили на шеѣ; мѣра вѣса; серебряная монета, **гривенка**, мѣра вѣса.
гридница, покой, въ которомъ гридни держали стражу.
гридня, комната въ княжескихъ палатахъ.
гридь, тѣлохранители.
груздити, грузить.
грѣшитися, не попасть, промахнуться.
гряду, иду.
грязивый, грязный.
гудецъ, музыкантъ.
гудьба, музыка.
гужъ, гужикъ, толстая веревка, въ хомутѣ петля, въ которую утверждается оглобля.
гулючка, названіе игры.
гунка, худое платье.
гуня, рваная одежда, рубище.
гуторить, говорить.

Д.

даніе, даванье.
денница, утренняя заря, утренняя звѣзда.
дерзновеніе, смѣлость.
дерюга, толстая и грубая ткань.
десятскій, приставъ, которому поручены были въ смотрѣніе десять человѣкъ или дворовъ.
дивій, дикій.
дивъ, чудо, дивовище.
диспоратъ, обморокъ.
длань, ладонь.
добелъ, дебелъ, толстый.
доблій, хорошій, доблестный.
довлѣетъ, довлѣть, довольно, полно.
довлѣти, достаточествовать.
дожидать, ожидать.
доити, кормить грудью.
долгомѣрный, далеко стрѣляющій или достигающій (объ оружіи).
долить, клонить книзу.
доловь, внизъ.
долонь, см. **длань**.
домнити, достигать (?).
домовище, гробъ.
домовь, домой.
дóндеже, доньдеже, доколѣ, покамѣстъ.
донелѣже, то-же, что дондеже.
допровадити, довести.
доспѣти, придти, достигнуть, сдѣлать.
дострѣлъ, пространство, на которое летитъ стрѣла.
досужій, ловкій.
драгантъ, конь.
драбантъ, тѣлохранитель.
дробный, мелкій.
дробъ, дробь.
друговя, друзья.
дряхлый, слабый.
дукатъ, золотая монета.
дуксъ, (dux) вождь.
дума, государственный совѣтъ.
думный, принадлежащій къ думѣ.
дупльнъ, имѣющій дупло, похожій на дупло.
дьньсь, днесь.
дьякъ, письмоводитель, писецъ.
дымъ, вм. жилье, (очагъ).
дѣло, пушка.
дѣльма, дѣля, для.
дѣти боярскія, землевладѣльцы, имѣющіе отъ правительства въ пожизненномъ владѣніи участки земли и обязанные отправлять службу.
дѣтьскый, отрокъ, служившій при особѣ князя.

Е.

егда, когда.
еда, ли, если; развѣ; **еда како**, да не не—ли.
едемскій, райскій.
единакъ, одинаковый.
единочадый, единородный.
единою, однажды.
единою лѣта, однажды въ годъ.
еже, что, если, когда.
ей, истинно, вѣрно, да.
еликъ, елико, сколько.
ельмà, елмà, когда уже.
емъ—прич. отъ „яти“,—взятъ.
епистолія, посланіе.

естьли, если.
етеръ, другой, нѣкоторый.
ечерина, вражда.

Ж.

жадати, чувствовать жажду.
жадьнъ, лишенный, желающій чего-либо.
жажа, жажда.
жажати, жаждать.
жалобный человѣкъ, явившійся съ жалобой.
жалость, любовь, желаніе, соболѣзнованіе.
жалощѣ (мн. ч. женск. р.), жалость.
женитва, женитьба.
жену, гоню.
жерело, жерло, устье.
жестокій, твердый, крѣпкій, жесткій.
животьное озеро, озеро жизни.
животъ, жизнь, имѣніе, домашній скотъ.
жирный, богатый.
жирушка, богатство.
жиръ, обиліе, богатство.
жрѣти, приносить жертву.
жупелъ, сѣра.
жюръ, кюръ, киръ, господинъ.

З.

забрало, заборило, заборъ (отъ *забрати*) на городской стѣнѣ.
заводь, заливъ.
завѣчать, завѣщать, давать наставленіе, предсказывать.
завѣченъ, обреченъ.
загануть, загадать.
за годъ, черезъ годъ.
задаться, закабалиться, самостоятельно отдаться въ рабство.
задернѣть, покрыться дерномъ, травой.
загонъ земли, полоса земли.
задѣватися, попадать въ сѣти.
задѣти, возложить на кого что, заставить.
зазьрѣти, зазирати, порицать, упрекать.
займище, мѣсто, занятое подъ расчистку для пашни или угодьевъ (*за-има-ть*).
заимовать, заимую, заимуй, занимать, брать.
законъ, у Иларіона, „ветхозавѣтный законъ“ употребляется въ смыслѣ „Ветхій Завѣтъ“.
закоснѣнныя прародительствія—владѣнія, испоконъ вѣка наслѣдственныя.
залѣсти, найти, добыть.
замарьный пискъ, дудка, звукъ, издаваемый дудкою.
заметня, смута.
замуравѣть, заростии муравою, или травою.
зане, ибо, потому-что.
занеже, ибо, потому-что.
зань, за него.
занять, завлечь, задѣть.
запона, застежка.
запретити, претить, грозить.
запрещеніе, заклятіе.
зараніе, разсвѣтъ, раннее утро.
зароченіе, зарокъ, заклятіе.
застава, фортъ, маленькое укрѣпленіе.
заточникъ, ссыльный, заключенный.
заточный, ссыльный, ссылочный, удаленный; *мѣсто заточное*, или **заточье**.— ссыльное, отдаленное, пустынное.
затулить, скрыть.
зачинъ, основаніе, закладка.
зая, (отъ заяти), занялъ.
звѣрина, звѣриное мясо (*-ина*).
здравити, быть здорову.
зегзица, кукушка.
земленый, земскій.
земь, земля.
зернь, игра въ кости.
зерньщикъ, игрокъ въ кости.
зима, холодъ.
зинути, разинуть (ср. *зіяти*).
златникъ, золотникъ, золотая монета.
златница, золотая монета.
знаменовати, въ иконописи—дѣлать контуры, наброски рисунка, а самый мастеръ, этимъ занимающійся—**знаменьщикъ**.
зобати, ѣсть, клевать; **зобь**, овесъ.
зогзица, то-же что **зегзица**.
золотной, вытканный, вышитый изъ золота, сдѣланный изъ пряденаго золота.
зракъ, видъ.
зробити, сдѣлать.
зрѣмо яко, сколько можно обозрѣть.
зычный, громкій, звучный (отъ *зыкъ*).
зѣло, очень.
зѣльный, сильный.
зяблый, замерзшій.

И.

и, я, е, онъ, она, оно.
икать, гикать, кричать.
играя, шутя.
иде, идѣ, идеже, идѣже, гдѣ.
иже, яже, еже, который, -ая, -ое.
избава, избавленіе.
извычай, обычай.
излиха, излишне, излишне много.
измѣна на ней, обмѣнъ за нее.
износити, произносить.
израстіе, растеніе.
изронити душю, умереть.
изрудитися, покраснѣть отъ крови.
изрядный, отличный.
изумѣти, выучиться, знать.
иликторъ, янтарь.
имати, брать.
ико, то, такъ и такъ.
иногда, иной разъ, нѣкогда, прежде.
инорьчьнѣ, иносказательно.
инуда, инудѣ, инуды, въ иное мѣсто, въ иномъ мѣстѣ.

ирье, теплый климатъ, куда зимой улетаютъ птицы.
искони, изначала, вначалѣ.
искусити, испытать.
исповѣданіе, повѣствованіе.
исповѣдати, повѣдать, разсказать.
исплънь, **исполнь**, полный, наполненный.
исплъченіе, войско.
исподка, нижняя рубаха.
исполать, на многія лѣта (εἰς πολλὰ ἔτη).
исполу, на половину.
испрати, вымыть.
истобъка, **истьба**, изба.
истовый, настоящій, собственный (*истый*, *истина*).
истовое, собственно, по настоящему.
истончевати, истощаться.
истягнути, вытянуть.
истязатися, состязаться, спорить, допрашивать другъ друга.
ити, идти.
ишемъ, медъ мятный.
ищезати (отъ жажды), изнемогать.

К.

каганъ, князь.
казати, сказывать, наказывать, наставлять.
казити, искажать, портить.
калантарь, кольчуга безъ рукавовъ.
каленый, закаленный на огнѣ: **калена стрѣла**.
калига, башмакъ.
калика, **калѣка**, странствующій по святымъ мѣстамъ, пѣвецъ духовныхъ стиховъ, нищій.
калугеръ, священникъ.
калъ, пометъ.
кальный, отъ слова **калъ**, пометъ.
каменетъ, камень тъ, тотъ.
камка, шелковая ткань съ разводами.
камыкъ, камень.
капище, капь (изображеніе), статуя.
катапетазма, **-сма**, завѣса, отдѣлявшая въ еврейскомъ храмѣ Святая Святыхъ; алтарная завѣса.
каторга, галера, корабль.
квасъ (**усніянъ**), кислота для смягченія мѣха, кожи.
керста, **корста**, гробъ, ящикъ.
кирка, съ нѣм. яз. церковь.
киръ елейсонъ, Господи помилуй.
клада, колода, см. **колода**.
клекътати, кричать (объ орлахъ).
клекътъ, орлиный крикъ
клепати, звонить, бить въ било.
клещити, жать, колоть, мучить.
клинья, часть кафтана.
клопотаніе, шумъ, гамъ, скрежетъ.
клуша, галка.
клѣть, комната, холодная изба, гдѣ хранится имущество, деревянный срубъ для церкви.
ключимый, полезный.
клюшка, крючокъ.
кляпца, снарядъ для ловли птицъ.
кметь, **къметь**, удалецъ, витязь.
книгы, здѣсь: св. писаніе.
князетъ, князь тъ, тотъ.
кнѣсъ, князекъ, перекладина на кровлѣ.
кобь, гаданіе, волшебство.
кождо, **къждо**, каждый.
кожухъ, верхняя одежда изъ мѣха.
коли, когда, если.
коло, колесо, **кола**, колеса, телѣга, созвѣздіе Оріонъ.
колода, толстый обрубокъ бревна.
колпица, птица изъ породы цапель.
колымага, лѣтній экипажъ, въ родѣ кареты, съ двумя оглоблями вмѣсто дышла.
колько, сколько.
колькраты, сколько разъ.
кольми паче, сколь болѣе.
комара, **камара**, **коморка**, сводъ, комната.
комонь, конь.
комъканіе, **комканье**, причастіе.
конаться, бросать жребій для установленія очереди.
конфузія, стыдъ.
копейный, имѣющій видъ копья.
копитися, собираться.
корабельщикъ, плаватель, мореплаватель.
корачь (отсюда *о-корокъ*), на корачкахъ.
кормилецъ, дядька.
кормити, **коръмити**, управлять.
корста, см. **керста**.
корчемство, незаконная, тайная продажа вина.
корчма, питейный домъ; напитокъ, запрещенный въ продажу.
корысть, **користь**, выгода, добыча.
косица, високъ, волосы на вискѣ.
коска, кость.
костырь, **костарь**, игрокъ въ кости.
косявчатый, **косящатый**, сдѣланный изъ деревянныхъ косяковъ.
котора, распря, раздоръ.
кощей, плѣнникъ, рабъ.
крабица, коробочка.
краса, (въ нар. пѣснѣ) лента.
красный, красивый, хорошій, парадный.
крековастъ, **крековатъ**, см. **кряковистый**.
кресити, **крѣсити**, высѣкать огонь, воскрешать.
крестовая, комната, гдѣ иконы.
крестовые, кумъ и кума, которые крестятъ младенца.
крестьное рало, въ переносномъ значеніи крестъ.
крестьци, **хрестьци**, крещатая рѣзьба, узорчатая рѣшетка.
крестьянинъ, христіанинъ.
кривда, неправда.
кривой, неправый.
кромѣ, въ сторону, внѣ, безъ.
кросно, холстъ.

крутить, окрутить, укручивать, одѣвать.
кручиноватый, сердитый, печальный.
крычати, кричать, скрипѣть (о телѣгахъ).
кротъцѣ, кротко.
кститься, креститься.
кудеса, волхованіе, чары (отъ слова **кудо**).
кудесникъ, чародѣй.
кузнецъ, иногда: ювелиръ.
кужлявый, кудрявый.
куна, лоскутъ шкуры куньей, замѣнявшей деньги, куны; деньги вообще.
купавый, хорошій.
купля, торговля.
курева́, пыль столбомъ.
куръ, пѣтухъ.
кутъ, уголъ.
куча, шалашъ изъ вѣтвей.
куща, сѣнь, шатеръ, шалашъ.
куякъ, родъ латъ, состоявшихъ изъ металлическихъ пластинокъ, или дощечекъ, набранныхъ на сукнѣ, или бархатѣ.
кхитити, похитить, вырвать.
къде, кде, гдѣ.
кънждо, каждый.
кыкати, кричать (о лебедяхъ и кукушкахъ).

Л.

ладо, мужъ; **лада,** общ. рода, мужъ и жена.
лакомство, жадность.
лакъть, локоть, мѣра около 14 вершковъ.
лапушка, ласкательное имя.
ласкосердіе, ласкосердство, нѣга, сластолюбіе.
легота, легкость.
лезье, лезвіе.
лестническій, обманчивый.
летаргъ, усыпленіе.
ликъ, хоръ.
ликъствовати, плясать, веселиться.
литургисати, совершать литургію.
лише, лишь, только.
лобъ, черепъ.
ловище, мѣсто, гдѣ ловятъ звѣрей, рыбу *(-ище)*.
ловчій, охотникъ, охотничій.
ложница, спальня.
лозіе, прутья, лознякъ.
лозовый, сплетенный изъ лозъ или прутьевъ и хлыстовъ ветловыхъ или таловыхъ.
лубянъ (отъ *лубъ*, *луб-окъ*), лубочный.
луда, верхняя одежда, плащъ.
лука, кривизна, изгибъ (лука сѣдельная), коварство.
лукавый, искривленный, съ извилинами.
лукоморье, морской заливъ, огибаемый кривизною берега.
лутовянъ, лутовый, лычный, лыковый, отъ *лутъ*, лыко, мочало; *лутье*, молодой липнякъ, годный для съемки лыкъ.
луча́, лучъ, зоря.
лучиться, случиться.
лъжа, ложь.
лъжица, ложка.
лысто, голень.
лычница, лапоть.
льзѣ, льзя.
льстити подъ кѣмъ, подводить подъ кого ковы.
лѣнощѣ (мн. ч. женск. р.), лѣность.
лѣпота, красота.
лѣпый, лѣпо, прекрасный, прекрасно, хорошо; **лѣпльши, лѣпши,** лучшая.
лѣсти, идти.
лѣть, льзя, **не лѣть,** нельзя.
ляцкій, польскій.
любо, либо.

М.

магистръ, мастеръ.
малы, мало, нѣсколько.
манька, мамка.
матера вдова, вдова въ лѣтахъ, почтенная.
матерѣть, становиться матерымъ, мужать.
махотка, горшокъ.
ме́душа, погребъ для храненія варенаго меда и другихъ напитковъ.
межи, межю, между.
межситка, остатокъ отъ просѣяннаго въ сито.
меритъ, съ фр., заслуга.
мескъ, см. **мъскъ.**
метаніе, поклонъ.
метухія, подворье монастырское.
мизикый, мизинный, меньшой.
милъ ся дѣяти, умиляться, умолять.
мирьскы, по-свѣтски, по-мірскому, въ отличіе отъ церковнаго.
многашьды, часто.
многоуходный, требующій ухода.
мнѣти ему, ему показалось.
мовь, баня, омовеніе.
мовьница, баня.
могыла, курганъ.
моклокъ, кость.
мостъ, помостъ, полъ.
мочно, мощно, можно.
мрѣжа, рыболовная сѣть.
мрѣть, неясно видѣться.
муравленый, покрытый *муравою*, или глазурью.
муравчатый, испещренный крапинами по цвѣтному грунту.
муринъ, эѳіопъ, арапъ.
муре, муро, благоуханный составъ на деревянномъ маслѣ.
муроморяный, мраморный.
мусія, мозаика.
мутьный, смутный, тревожный.
мъножицею, много разъ.
мъскъ, мескъ, мулъ.
мыто, пошлина вообще, въ частности, за проѣздъ черезъ заставы съ товаромъ.
мыть, линяніе.
мьзда, награда, плата.

мьній, мьне, меньшій, меньше.
мѣнити, думать, мнѣть, помнить.
мѣсто, мѣскій городъ, городской (отсюда *мѣщанинъ*).
мѣсячина, опредѣленное содержаніе пищею, выдаваемое помѣсячно.
мягко слово, пословица.
мѣхъ, мѣшокъ.
мѣшать карты, играть въ карты.

Н.

набатъ, барабанъ, литавра.
набдѣти, хранить, снабжать, надѣлять.
навій, мертвый.
надобѣ, надобно.
наймитъ, наемникъ.
наказаніе, наставленіе.
наказати, научить, наставить.
наказъ, приказъ, уставъ.
належати, настаивать, надлежать, принадлежать.
налученъ, влагалище для лука.
налѣсти, найти.
намештемъ, наметанъ, набросанъ.
намръзнутися, простудиться.
намѣнити, наименовать, упомянуть.
наносить, клеветать.
напрасный, внезапный, нечаянный.
нарокомъ, нарочно.
нарохтиться, хотѣть.
нарочитый, особенный, знаменитый, важный.
нарушать, нарѣзать.
нарядъ, порядокъ, дѣло, артиллерія.
насадъ, плоскодонное судно.
на санѣхъ сѣдя, „приближаясь къ гробу“, или „на зимнемъ пути“.
насельникъ, природный житель страны.
наслѣдъкъ, наслѣдіе, остатокъ.
насмисатися, насмѣхаться.
наузы, древнее волхвованіе.
наустити, наущать.
наухатися, нанюхаться.
находникъ, пришлецъ.
нахвальщикъ, кто хвалится, нахалъ.
начастѣ, часто.
наясно, наяснѣ, подъ открытое небо, подъ открытымъ небомъ.
наяти, нанять.
не бологомь, не къ благу.
невѣгласъ, невѣголосъ, невѣжда, необразованный.
некрѣпость, слабость.
нѣгли, можетъ быть, авось либо, неужели.
неготовая дорога, непроложенная.
недѣля, воскресенье.
неже, нежели.
неимовитый, неимущій.
неисповѣдимый, невыразимый.
неистовый, сумасшедшій.
некласти скарлату, не сдѣлать сукна.
неключимый, негодный, безполезный.
некрѣпость, слабость.
неложьный, правдивый.
не лѣпо ли будетъ, не будетъ ли прилично.
нелѣпый, некрасивый.
немужество, трусость, слабость.
немшоный, непроконопаченный мхомъ.
неплоды, женщина, не родящая дѣтей.
непраздьнъ, недосуженъ, занятъ.
непроносный, необидный.
непщевати, думать, предполагать.
несъдушьнъ, неодушевленный.
нетопырь, летучая мышь.
неточный, непохожій.
никнути, поникать.
ницати, распускаться, прозябать (о растеніяхъ).
ногата, монета; въ кунѣ ихъ считалось четыре.
нбли, даже.
нольно, нольны, даже.
норовъ, нравъ.
нудьми, силою, насильно.
нужный, трудный, тяжелый, печальный.
нюкнути, крикнуть.
нъ, но.
нѣ, частица, означающая неопредѣленность, около.
нѣговати, нѣжить, лелѣять.
нѣчто, только что.

О.

обавити, заговаривать, ворожить.
обавникъ, чародѣй.
обаполы, обаполъ, съ обѣихъ сторонъ, по обѣ стороны.
обаче, однако, впрочемъ.
обачить, усмотрѣть.
обертываться, превращаться.
обжа, оглобля у сохи; участокъ пахатной земли.
обивъ, обвивъ.
облази, облаченье.
область, власть (об-власть).
облый, круглый.
оболоко, облако.
обонполъ, объ онъ полъ, по ту сторону.
оброкъ, жалованье, подать, сборъ съ имуществъ.
обряды, уборы женскіе.
обухати, окружать ароматами.
обѣдъ, обѣденная пора.
обѣситься, обвѣситься.
обѣстити, обвѣстить.
обѣщальный, давшій обѣтъ.
обыдень, одинъ день.
овамо, туда, тамъ.
ово, то—то, или—либо.
овогда, иногда.
овъ, иной, одинъ—другой.
огнутися, повернуть.
оградъ, садъ.

огребатися, удаляться, уклоняться.
одаляти, одолѣвать.
одва, едва.
одесную, направо.
оже, ежели, когда; что, потому что.
ожуренная чарка, данная съ бранью.
оздати, окружить стѣной.
оканьный, окаянный.
окатиться, поскользнуться.
оначьный, округленный.
околенка, окольница, оконная рама.
окрутный, съ польск., жестокій.
оле, о!
оли, даже.
оловьце, оловянная трубочка.
омѣхъ, **смѣшикъ**, рало, лезвее у сохи.
онамо, туда.
онъдѣ, въ иномъ мѣстѣ, тамъ.
опасъ, опасеніе.
опахало, одѣяло.
оплатъкъ, см. **опрѣснокъ**.
оплотъ, ограда, заборъ, защита.
оподичнити, явно уличить въ преступленіи.
опочинути, опочить, лечь спать.
оправливати, давать судъ и расправу, судить.
опрятати, убирать, одѣвать и умывать; отсюда *опрятный*.
опять, назадъ.
орда, рать, народъ, племя.
орудіе, **орудье**, дѣло.
осе, вотъ.
оскорбленый, непріятный.
ослуха, непослушаніе.
особина, **особица**, относящееся къ кому въ особенности, принадлежность.
особѣ, особо.
осочити, отыскать.
остати, остаться.
остоя, осада.
острѣщися, постричься.
осужденикъ, преступникъ, ссыльный.
отаи, тайно.
отврѣсти, отверзать, отворять.
отдоити, отнять отъ груди.
отключити, отпереть, отворить.
отлучати, отдѣлять.
отмѣтны, внѣ себя.
отнудь, **отнюдь**, совсѣмъ.
отнюдуже, откуда.
отопочекъ, уменьш. отъ **отопокъ**, изношенная обувь.
отрепъ, отрепье.
отрокъ, служитель, рабъ; юноша, служащій при дворѣ княжескомъ.
отрокотъ, отрокъ тъ (тотъ).
отруянъ, оторванъ.
отрѣяти, **отрѣвати**, отталкивать.
отстуженъ, охлажденъ.
отчина, отечество, отчество, наслѣдственное имѣніе.
отъ-, см. **от-**.
отътати, отрѣзать.
отъ ужасти, отъ страха.
отьній, отцовъ, отеческій.
отьчьствіе, родъ, происхожденіе, отчество.
оуакинѳъ, см. уакинеъ.
охопити, охватить, обнять.
охритатися, досадовать.
оцетъ, **оцьтъ**, уксусъ.

П.

пабѣдье, время около первой ѣды, бывающей до обѣда.
паволока, ткань шелковая, накидка, ная; покровъ.
паволочитый, сдѣланный изъ паволоки (ткани).
паки, **пакы**, опять, еще.
палица, дубина.
паполома, покрывало.
паляница, хлѣбная лепешка.
паперси, верхняя часть брони, надѣваемая на грудь.
пардужь, прилаг. отъ **пардусъ**.
пардусъ, леопардъ, барсъ.
паръ, потъ.
паствити, пасти (стадо).
пастися, пасть, упасть.
пастухъ людьмъ, царь.
паче, болѣе, лучше.
пелынъ, полынь.
первое, впервые.
переводъ, **преводъ**, оригиналъ для копированія, списыванія, еще: метафора.
переный, оперенный.
перевѣсище, мѣсто, гдѣ были сѣти для ловли птицъ.
перевѣсье, сѣти.
перечесъ, чесотка.
персть, прахъ, пыль.
перегибъ, часть одежды.
переметный, перебрасываемый на обѣ стороны сѣдла (сумочка).
переный, съ перилами.
перея, отъ переяти, перенимать.
перуще путь, попирая путь.
печера, пещера.
пискъ, дудка, флейта; игра на этихъ инструментахъ.
писки гласити, играть на инструментахъ.
пищаль, дудка, свирѣль; огнестрѣльное оружіе въ родѣ ружья.
плакати, мыть, полоскать.
платъ, кусокъ матеріи.
плащаница, полотно, покрывало, верхняя одежда.
плещеваніе, шумъ, крикъ, гамъ.
плещи, плечи.
плищь, шумъ, крикъ, гамъ.
плотный, имѣющій плоть, тѣло.
плошитися, перепугаться.
побѣдный, несчастный.

по верховьнић воѣ, за воинами, находившимися на верховьяхъ рѣки.
поврѣщи, повергать.
повѣтренный, заразительный.
повѣтеръ, попутный вѣтеръ.
поганый, поганый, язычникъ (paganus).
погинути, погибнуть.
погонялка, кнутъ.
погостъ, округа, или нѣсколько деревень, принадлежащихъ къ одной волости.
погребъ, яма, темница.
погрызнутися, погрузитися.
погрѣшити, не попасть, промахнуться.
подобный, достойный, удобный.
подолокъ, долинка.
подонь, подънь, подъ него.
подрумiе, конское ристалище.
подружiе, супругъ, супруга.
подъкладъ, потникъ подъ сѣдломъ.
подъпасти, напасть врасплохъ.
подѣлiе, помазанiе.
по его животѣ, по его смерти.
пожрѣти, принести въ жертву, заклать.
позадѣти, задѣть, прикоснуться.
покаянный, посаженный въ темницу на покаянiе, на исправленiе.
поклепъ, ложный доносъ.
поклисарь, церковный посолъ, легатъ.
покормъ, кормъ, продовольствiе.
покоръ, покорность.
полаты, 1) домъ, комнаты; 2) верхнiя открытыя галлереи внутри церкви.
полкъ, пълкъ, плъкъ, войско, толпа, битва.
полно, довольно.
полокати, (*плакати*), мыть, полоскать.
полонь, полынь.
полощь, полощи (пов. накл. отъ „полоскать").
полстяный, прилаг. отъ **полсть**, покрывало, сваляное изъ шерсти, или сшитое изъ шкуръ.
полтретьяста, 250.
полъ, половина.
польга, польза.
помилованiе, милостыня.
поминокъ, даръ, подарокъ въ знакъ памяти.
поне, по крайней мѣрѣ, потому что.
понеже, потому что.
понявица, рубаха, покрывало.
пооблачитися, покрыться облаками.
пооскуду, мало, скудно.
поохритатися, подосадовать.
поперешникъ, спорщикъ, противникъ.
попрiяти, благопрiятствовать.
породьнъ, райскiй, отъ **порода**, рай, paradisus.
порозданый, праздный, пустой, незанятой.
пороси, прахъ, пыль.
порохъ, прахъ.
порты, одежда.
порядня, порядокъ, хозяйство.
порядный (спорядный), порядочный, исправный.
посадникъ, въ вѣчевыхъ городахъ — предсѣдатель на народныхъ вѣчахъ; въ княжескихъ,—намѣстникъ князя.
поскепани, изсѣчены.
поскепати, изсѣчь, расщепать.
пословица, рѣчь.
послухъ, свидѣтель.
послушляный, послушный.
послушьство, свидѣтельство.
послушьствовати, свидѣтельствовать.
посторонь, по сторону, обокъ, возлѣ.
посулъ, взятка, незаконный поборъ.
посягнуться, броситься руками впередъ.
потворы, потворство, ворожба, чародѣйство, колдовство.
потка, птица.
потокъ, поточенiе, заточенiе, ссылка.
потребиться, исчезнуть.
потребляти, истреблять.
потручатися, поломаться, притупиться.
потъснутися, поспѣшить, постараться.
потягнути, потянуть, напрячь силы, устремиться.
потяти, убить.
пустити, пущати, побудить, поощрить, подстрекнуть.
почертати, провести черту, борозду.
почестный, почетный, славный.
починокъ, пашня или селенiе на вновь расчищенномъ лѣсномъ мѣстѣ, выселокъ.
починути, почить.
почитати, чтенiе.
почитанiе, чтенiе.
почитати, читать.
пошевни, сани.
похабъ, юродивый, неприличный.
прати, мыть, откуда *прач-ка*.
пращуръ, предокъ.
пре-, см. **прѣ-**.
преводъ, переводъ, списокъ, копiя съ рукописи или съ рисунка; метафора.
прегуданiе, гудѣнiе.
прегудьникъ, гудецъ, игрокъ на гусляхъ.
преди, впереди, напередъ.
предътеча, предотеча, предшественникъ.
преже, прежде.
преки, поперекъ, вопреки.
прелестникъ, обманщикъ.
прелестный, обманчивый, льстивый.
преполовляти, достигать средины или половины.
пререкати, противорѣчить.
пререковати, противорѣчить.
преславье, обида, поношенiе.
пресловутый, знаменитый.
претити, запрещать, угрожать.
претъргнути, разорвать, надорвать.
прещенiе, угроза, укоризна.
привѣчати, привѣтствовать.
пригодити, дать случай или возможность, допустить, сподобить.
пригодитися, случиться, выдаться.

приключай, случай.
прилучатися, случаться, прикасаться.
приспѣхи, предметы хозяйства.
пристроя бранная, приспособленіе военное.
присѣтити, посѣтить.
присъпа, насыпь, набросанная земля.
присный, всегдашній, истинный.
пристужати, стыдить.
притчина, зд. бѣда.
причаститися, сдѣлаться участникомъ.
прихоженый, изношенный.
пришатнуться, приблизиться качаясь.
пріяти, имѣть пріязнь, быть пріятелемъ, дружить.
пробости, проткнуть.
прокъ, остатокъ.
проносъ, обида.
пророзитися, увлекаться.
пресугъ, смыслъ.
прошупать, прозѣвать.
протекція, покровительство.
прѣводъ, метафора.
прѣдръжати, держать.
пря, споръ, тяжба, распря.
прямо гробу, передъ гробомъ.
прямо, передъ, насупротивъ.
пустити, послать.
пуща, густой лѣсъ, чаща.
пълкъ, см. **полкъ**.
пыха, гордость, чванство, откуда *пыш-ный*.
пѣнязь, монета.
пѣстунъ, воспитатель, дядька.

Р.

работа, рабство.
работьный, рабскій.
рабичищь, сынъ раба или рабы.
рагозина, рогожа.
раждизатися, сердиться.
раз-, см. **роз-**.
развѣ, **развѣе**, **развіе**, кромѣ.
радѣя, ради.
раздолъ, просторъ.
раздраждити, раздражить, дразнить.
размыслъ, размышленіе.
разноличный, **розноличный**, различный.
разорати, распахать.
разрывчатый, упругій (о лукѣ).
разсудокъ, разсужденіе.
рака, гробница, ящикъ.
рало, плугъ.
раменье, мѣсто, гдѣ растетъ большой лѣсъ.
рамо, плечо.
рамяно, очень, сильно.
раскысѣтися, разложиться.
распашистый, распаханный.
распрѣтися, поспорить.
растлѣнъ, (зд.) испорченый ошибками.
растѣть, расти.
расутися, разсоваться *(сути, сую)*, разсыпаться.

ратай, пахарь.
рачити, желать.
ременчатъ стулъ, покрытый ремнями или кожею; стулъ складной на ремняхъ.
ретитися, спорить, ревновать, стараться.
ретливый, ретивый.
рече, молъ, де,
рещи или **речи**, **реку**, **рѣхъ**, **рекохъ**, говорить.
ржавчина, порча, какъ результатъ разложенія, окислѣнія.
рикнути, заревѣть, закричать.
рискій, (польск. **rys**, черта), прямой.
ристати, рыскать, бѣгать или ѣздить.
робичищь, см. **рабичищь**.
робъ, рабъ.
ровь, ровное мѣсто.
рогатый, ключій.
рогозина, рогожа.
родинъ, родственникъ.
рожьць, стручокъ.
розрядити, разсудить.
ронити, ронять.
ропать, кумирница, мечеть.
ростъ, процентъ (*рѣзъ*—на куны деньги, *наставъ*—на медъ, *насыпъ*—на зерно).
рота, божба, клятва; **ходити ротѣ**, приносить клятву.
рубити церкви, строить изъ дерева церкви.
рубъ, рубище.
рубежъ, граница.
руда, кровь.
рудожолтый, красножелтый.
ручница, **ручничный**, ружье, ружейный, польск.
рушити, разрѣзывать (напр. жареную лебедь).
рьци, словно, ты сказалъ бы.
рѣзана, **рѣзань**, мелкая монета.
рѣзоимецъ, ростовщикъ.
рѣзъ, ростъ, процентъ.
рѣнь, отмель, коса.
рѣснота, истина.
рытиръ, рыцарь, наѣздникъ.
рядити, устроять, судить.
рядовый, колеистый (Даль).
рядъ сътворити, урядить, распорядиться.

С.

салосъ, по греч.: юродивый.
салтанъ, султанъ.
самоцвѣтный, имѣющій не только свой цвѣтъ, но и свой свѣтъ, *самосвѣтный*.
сбойство, разбой.
свадити, смущать, ссорить.
свара, ссора.
сварити, бранить, ссориться.
свиряти, играть на свирѣли.
свободь, свободный, свободно.
свойскы, по-своему.
свьтѣти, свѣтить.
сдѣ, см. **сьде**.
се, вотъ.

селикій, селико, столькій, столько.
семья, жена.
середа, средина.
синклитъ, совѣтъ.
синочь, въ сію ночь.
синклитъ, собраніе совѣтъ, сенатъ.
сиполица, трубка.
сиромахъ, бѣдный, нищій.
сице, такъ.
скарлатъ, особый сортъ сукна иностраннаго.
скарлатъ класти, дѣлать скарлатъ.
скати, сучить
скатный жемчугъ, круглый, ровный, окатистый.
скважьня, скважина.
скора, шкура.
скотъ, деньги, скотъ.
скрянуться, сдвинуться, тронуться.
скудожайный, скуднѣйшій.
скърбъ, изнеможеніе.
скуѳія, Скиѳія.
слина, слюна.
слово, разсказъ.
слугатай, слуга.
слути, слову, слыть.
слѣзъ, просвирнякъ (растеніе).
смердъ, человѣкъ низкаго званія, принадлежащій къ черни.
сморчъ, смерчь.
смѣльство, храбрость.
смѣчать, дѣлать смѣту.
снабдити, сохранять, сберегать,
снемъ, съньмъ, собраніе, сонмъ, сеймъ.
снѣдь, ѣда.
снѣсти, съѣсть.
собина, собственность, имущество.
совлещися, раздѣться.
сокровеный, тайный.
солодушка, папоршникъ.
солъ, см. **сълъ**.
сомнящеся, сомнѣваясь.
сопѣль, свирѣль, флейта.
сосудъ, посудина, орудіе, судно.
сохатый звѣрь, лось
сочити, искать, отыскивать.
спона, препона, препятствіе.
спрятати, убирать, одѣвать.
ставиться, помѣщаться.
станичникъ, разбойникъ.
становище, мѣсто стана; мѣсто, гдѣ можно пристать; хуторъ гавань.
стафидь, стафиды, сушеный виноградъ, изюмъ.
стежка, тропа.
стогна, улица.
столъ, престолъ.
стольникъ, намѣстникъ.
стольный, престольный.
страньнъ, странникъ.
страсть, страданіе.
страшливый, пугливый.
стренучій, жгучій, колючій.
стругъ, большая лодка.
стружіе, древко копья.
стрый, дядя по отцу.
стрѣха, крыша, кровля.
стрѣшникъ, попавшійся на встрѣчу, противникъ.
студенецъ, ключъ, колодецъ изъ ключевой воды.
студъ, стыдъ.
стужаніе, докука.
стужати, докучать, стѣснять.
стыдѣніе, стыдливость, стыдъ.
стѣнь, тѣнь, привидѣніе.
стягнути, укрѣпить.
стягъ, знамя, хоругвь.
стяжати, снискивать, пріобрѣтать, содержать.
сугнати, догнать.
сугубый, сугубо, вдвое большій, вдвое.
судина, посудина, сосудъ.
суду, сюда.
судъ, сосудъ, посудина; см. **съсудъ**.
судьно, сосудъ.
сужено мѣсто, мѣсто смерти.
суймомъ, толпой въ рукопашную.
сулица, небольшое копье.
сумежья, межа, предѣлъ.
супругъ, пара.
сустугъ, пряжка.
сходня, помостъ для схода съ судовъ на берегъ.
съгнататися, толпиться.
съдушьнъ, одушевленный.
сълебьный, приличный посламъ.
сълъ, посолъ.
сълъгати обѣта, нарушить обѣтъ.
съмрена, названіе рыбы.
сънабъдѣватися, сънабъдѣтися, убираться, скрываться.
съньмъ, см. **снемъ**.
съподсбити, удостоить.
съступъ, оступъ, сходъ, схватка.
съсудъ, сосудъ, орудіе; **см. судъ**.
съсути, ссыпать, насыпать.
сътижды, сто разъ.
сътъ, сотъ (медовый).
сътяжати, см. **стяжати**,
сь, си, се, сей, сія, сіе.
сьде, сдѣ, здѣсь.
сыть, насыщеніе; **волчья сыть**.
сѣмо, сюда.
сѣни, передняя часть палатъ.
сѣнь, тѣнь, навѣсъ, балдахинъ.
сяковый, таковый.
ся ялъ, ялся, отъ **ятися**, браться, взяться.

Т.

та, и, да.
таборъ, воинскій станъ, лагерь.
таже, тажде, потомъ.
тай, тайно.

тать, воръ.
татьство, воровство.
тафья, шапочка, ермолка.
таче, также.
творити, 1) дѣлать, 2) растворять, разводить.
творитися, притворяться, дѣлать видъ.
темьянъ, ѳиміамъ.
теперво, **топерво**, теперь.
теремъ, **теремецъ**, башня, навѣсъ, балдахинъ.
терликъ, длинная женская одежда.
терминъ, срокъ.
тети, тепу, бить (вм. *теп-ти*).
теченіе, шествіе, продолженіе времени.
тещи, **течи**, **теку**, идти.
ти, и, да.
тивунъ, **тіунъ**, судья низшей инстанціи, приказчикъ въ селѣ.
тляхъ, (**на**), на полу.
товаръ, 1) **таборъ**, укрѣпленный станъ, военный обозъ; 2) товаръ.
толи, тогда, потомъ.
толкачъ, пестикъ.
толочити, вытаптывать растущій хлѣбъ или траву.
толстина, толстая и грубая ткань.
тольми, столько.
торокъ, одинъ изъ двухъ ремней сзади сѣдла, которыми привязываютъ то, что̀ везетъ съ собою всадникъ: **торока**, **въ торокахъ**; **торокъ**, **торочекъ**, полоса матеріи для обшивки или *оторочки*.
точію, **тъчію**, только.
точный, похожій, *точь-въ-точь*.
тощій, **тщій**, **тъщій**, пустой, порожній, тщетный, безполезный.
трактаментъ, угощеніе.
трапеза, **тряпеза**, столъ, столъ съ яствами, церковный престолъ.
тре-, **трь-**, частица, поставляемая слитно съ прилагательными для означенія превосходной степени.
треба, **трѣба**, жертва, приношеніе, отправленіе обряда.
требити, очищать уравнивать.
треснути, загремѣть, зазвучать.
тресся, ругань.
Троянъ (Изъ Сл. о П. Иг.), имя одного изъ славянскихъ божествъ, или римскаго императора.
тризна, **трызна**, языческое поминовеніе по усопшемъ, въ древности соединенное съ воинскими играми.
трожжи, трижды.
трескотати, трещатъ, кричать (о сорокахъ).
тростіе, тростникъ.
трудный, печальный.
трудъ, болѣзнь, горе, печаль.
трусъ, трясеніе, землетрясеніе.
трясца, **трясàвица**, лихорадка.
ту, тутъ, тамъ.
тугà, тоска, печаль, скорбь.
тулъ, колчанъ для стрѣлъ, съ закрышкою.
туне, даромъ, напрасно, безъ причины.
туръ, дикій волъ; **буй туръ**, слич. *буйволъ*.
тутънути, издавать звуки или гулъ, стучать, гремѣть.
тутънъ, стукъ, гулъ, громъ.
тщаливый, тщательный.
тщатися, **тъщатися**, усердно стараться.
тщета, суета, безполезность.
тщиться, стараться.
тъ, **та**, **то**, тотъ, та, то.
тыкевь, тыква.
тьмутороканьскый бълванъ, статуя тмутороканская, вмѣсто: „Тмуторокань“.
тѣмь, **тѣмъ**, потому.
тѣснота, угнетеніе, преслѣдованіе.
тяга, вѣсъ, тяжесть.
тягло, участокъ земли для обработыванья, оброкъ, окладъ, подать.

У.

у, съ частицею **не**: **не у**, еще не, нѣтъ еще.
уакинфъ (оуакинфъ), гіацинтъ (названіе драгоцѣннаго камня).
убо, и такъ, посему.
убойникъ, убійца.
уганути, угадать, отгадать.
удоліе, **удолъ**, долина, низкое мѣсто между горами.
уду, **удуже**, гдѣ.
удъ, членъ тѣла.
уже, **ужище**, веревка.
ужика, родственникъ.
ужина, ужинъ.
узоречить, озорничать, проказить, обманывать.
узорочье, **узрачіе**, драгоцѣнныя вещи и ткани съ литыми или рѣзными, съ шитыми или ткаными *узорами*.
узчина, узкая ткань.
укладъ, условіе, договоръ; уставъ, порядокъ.
укоризна, безчестіе.
украина, окраина, область на краю государства, порубежье.
укрухъ, ломоть, отрѣзокъ хлѣба.
улыснутися, улыбнуться.
умудити, умедлить.
унеинъ, просящій.
уній, **уньши**, **уне**, лучшій -ая, -ее, лучше.
уноровить, понравиться.
уноша, юноша; **уный**, юный.
уньць, теленокъ, молодой быкъ или олень.
упавый, **купавый**, красивый.
упадывать, припадать.
упатки вилавыя, хитрые подходы.
урокъ, оброкъ, подать, окладъ.
уручитися, поручиться.
усерязь, серьга.
ускіе, сыромятныя кожи.
усніянъ, прилаг, отъ **усніе**; см. **квасъ**.
усобица, междоусобіе.
утиральникъ, полотенце.

утлый, дырявый.
утрьний, внутренній.
утрьпѣти, окоченѣть, ослабѣть.
утрьуду, изнутри.
утьченъ отъ **утъкнути**.
учати, начать.
учредити, угощать.
учути, учуять.
учьрмьнъ, красноватый.
ушное, уха, рыбный супъ.
ущекотати, воспѣть *щекотомъ* соловьинымъ; см. **щекотъ**.
уѣдіе, ѣда, поѣданіе.

Ф.

фабула, басня.
фартуница, фортуна.
фарь, **фарижь**, конь.
фата, женское покрывало.

Х.

харалугъ, булатъ, сталь.
харалужьный, стальной.
харатия, хартія, дѣловая бумага.
хвостатися, хлестать себя.
хитеръ, чародѣй.
хитроплетство, хитросплетеніе.
хля, жидкость, потъ, слизь.
хлѣбница, лукошко для хлѣба.
холма, холмъ.
холопъ, несвободный человѣкъ, рабъ.
хоронить, зд., зарывать кладъ.
хороняка, трусъ, кто *хоронится*, прячется.
хоругы, **хоруговь**, знамя, скипетръ.
храмъ, палаты вообще.
хранци, ругань.
хрестьцъ, перекрестокъ.
хрущатый, плотный, толстый.
хы-, см. **-хи-**.

Ц.

цата, монета.
цвитати, цвѣсти.
цвѣлити, огорчать, приводить въ слезы, мучить, дразнить.
ци, **цы**, союзъ вопросит., см. **чи**.
цыганить, насмѣхаться.
цымбалы, древній музыкальный инструментъ на подобіе нынѣшнихъ тарелокъ.
цыцарскій, цесарскій, казенный.
цѣлити, исцѣлять.
цѣловати, привѣтствовать, здороваться (отъ *цѣлъ*, здоровъ).
цѣльба, исцѣленіе.
цѣсарь, **цьсарь**, царь.

Ч.

чага, плѣнница.
чадь, дѣти, челядь.
чайца, чайка.
чарома, рюмка.
чары, **чарки**, особая обувь обоихъ половъ (въ родѣ башмаковъ).
часъ, время вообще.
чати, чаять.
чванъ, **чванецъ**, кувшинъ.
челпань, неначатый каравай хлѣба.
челька, **чолка**, у лошади волоса, вдоль лба лежащіе, **чолка**, бунчукъ.
челядь, домочадцы.
чепь, цѣпь.
червенъ, см. **чръвьнъ**.
червчатый, багряный.
чердакъ, шатеръ, каюта на суднѣ или кораблѣ; верхній этажъ, вышка.
черевій, **чрѣвій**, башмакъ, сандалія.
черепанъ, черепокъ, а также и гончаръ.
чермнозорный, имѣющій красный цвѣтъ.
чернизина, черное пятно.
чи, **чили**, союзъ вопросительный, ли; см. **ци**.
чинжалище, кинжалъ, въ ножнахъ котораго еще охотничій ножъ.
чисти, **чести**, читать.
чинъ, время, порядокъ.
чиры, башмаки.
чохъ, чиханіе.
чпагъ, **чьпагъ**, карманъ, сумка.
чресла, поясница.
чръвьнъ **чръвленъ**, **черленъ**, багряный.
чужбининъ, чужой.
чути, чуять.
чьрноризьць, **черноризецъ** монахъ.
чьрнядь, особая порода черныхъ утокъ.

Ш.

шаленый, шальной.
шалыга, плеть съ обвязанною пулею на концѣ, кистень.
шалыжище, ручка шалыги.
шелепуга, то же, что **шалыга**.
шеломъ, шлемъ.
шеломя, холмъ, гора.
шибнути кѣмъ, ударить кого.
ширинка, отрѣзокъ ткани, полотенце, платъ, носовой платокъ, шейный платокъ, фата.
шоломя, то же, что **шеломя**.
шуй, **шуйца**, лѣвый, лѣвая рука.

Щ.

щекотъ, щебетанье, пѣніе птицъ, преимущественно соловья.
щепливый, щегольской.

щитомъ взять, за щитомъ взять, взять приступомъ.
щитъ ставить, обороняться.

Ю.

юньць, см. **уньць**.
ючрмьный, красноватый.

Я.

явѣ, явно.
ягода, щека.
ядренистый, крупный, большой.
ядро, нѣдро.
языкъ, народъ.
яко, якъ, какъ.
якый, яковъ, какой, каковъ.
ямо, см. **амо**.
япончица; японча, родъ плаща.
ярлыкъ; ерлыкъ, ханская грамота; вообще письмо, или записка.
яруга, оврагъ, поросшій лѣсомъ; буеракъ.
яръ, ярый, ярый, буйный, **яръ туръ**, то же что **буй-туръ; ярый воскъ**, самый бѣлый и чистый.
ясуалъ, есаулъ, сотенный въ казачьихъ полкахъ.
яти, емлю, имати, брать.

Примѣчанія къ „Житію Өеодосія“.

40 стран. 2 стр. *поприщь*—мѣра длины; **5—6 стр.** *прозвутеръ*—пресвитеръ, священникъ; **6 стр.** *серьдьчьныма очима прозьря*—двойств. число: „внутреннимъ зрѣніемъ увидѣлъ“—„провидѣлъ“; **11 стр.** *пастуха*—„пастыря“; **13 стр.** *о, утаенія*—о тайна; **14 стр.** *вьися*—ошибка, надо: въсия—возсіяла“; **31 стр.** *унымъ*—„юнымъ“; *нъ*—но; **32 стр.** *нудящема*—„принуждавшими“—двойств. число; **41 стран. 1 стр.** *сътяжа*—„пріобрѣлъ“; **8 стр.** *укоризну себе твориши*—„создаешь о себѣ дурную славу“, срамишься. **15 стр.** *жадаше*—„жаждалъ“, желалъ; **22 стр.** *въслѣдъ себе*—вмѣстѣ съ собой. **27 стр.** *таи*—„тайно“; **30 стр.** *ищрева*—„изъ чрева“; *пастуха быти* — „быть пастыремъ“; **32 стр.** *въздрастеть*—„возрастетъ“;—*вълчьць* — дикая трава. **42 стран. 2 стр.** *желѣза*—„желѣзные оковы“; **15 стр.** *пърси*—„грудь“. **20 стр.** *острѣщися* — „встрѣтиться“; **25 стр.** *льстию*—„хитростью“; **30 стр.** *обави*—„объявила“; **39 стр.** *рачить*—„хочетъ; **43 стран. 13 стр.** *охопивъшися*—„обнявъ“; *емь*—прич. отъ „яти“—брать; *одъва*—„едва“; **20 стр.** *остризися*—постриглась; **28 стр.** *велимая*—приказанное; **36 стр.** *усъпе*—умерла; **38 стр.** *орудия*—„дѣла“; **39 стр.** *умудивъшю*—отъ глагола: „умудити“—умедлить; **41 стр.** *возяи*—возница; **44 стран. 1 стр.** *пороздьнъ*—„праздный“; **2 стр.** *трудьнъ*—„утомленъ“; *сътворивѣ*—сотворимъ—повел. накл. **13 стр.** *дошьдъшю*—управл. род. пад. безъ предлога; **14 стр.** *до земля*—„до земли“; **16 стр.** *емы*—„взявъ“ (прич. отъ „яти“); **20 стр.** *смятение въ трьхъ кънязьхъ*—„ссора между тремя князьями“; **21 стр.** *братии сущемъ*—„которые были братьями“; **24 стр.** *онѣма*—двойств. число—„когда они“; **25 стр.** *бѣдяша* — „убѣждая“; *причетатися* — треб. мѣстн. пад. безъ предлога; **29 стр.** *вельзавелину*—вмѣсто „іезавелину“; *испълнь*—наполненный; **40 стр.** *епистолия*—вин. п. мн. ч.; **45 стран. 6 стр.** *удари тою*—„бросилъ епистолію о землю“. **24 стр.** *братьѣ*—род. п.; **26 стр.** *остася его*—„пересталъ его трогать“; **35 стр.** *поклоньшемася*—„когда они оба поклонились“; **36 стр.** *оче*—отче; *дързняхъ*—„дерзнулъ“; **46 страк. 14 стр.** *на ономь свѣтѣ*—„на томъ свѣтѣ“.

Примѣчанія къ „Лѣтописи Нестора“.

87 стран. 1 стр. *Понетьское море*—Понтъ Евксинскій; **2 стр.** *словеть*—подразумѣвается—„зовется“; **6 стр.** *горѣ*—вверхъ по Днѣпру. **11 стр.** *словѣни*—древн. форма вм. *славяне*. **88 стран. 2 стр.** *того ся добьють*—„до того себя бьютъ“; *лѣ живи*—еле живы; **5 стр.** *ти*—тѣ; **7 стр.** *полемъ*—вѣрнѣе „полямъ“—полянамъ; **8 стр.** *до сеѣ братьѣ*—т. е. до Кія съ братьями; **11 стр.** *увозъ Боричевъ*—кіевское урочище; **15 стр.** *бяху ловяще*—охотились; **19 стр.** *аще бо бы*—„ибо если бы былъ“; **20 стр.** *ходилъ*—треб. дат. п. безъ предл.; **21 стр.** *се*—„вотъ“; **24 стр.** *сьруби градокъ*—„построилъ маленькую деревянную ограду, крѣпость; **32 стр.** *зять*—„женихъ“; **89 стран. 5 стр.** *на нь*—на него; **7 стр.** *не дѣя*—„не касаясь“; **8 стр.** *николи же всяду* — „никогда не сяду“; **12 стр.** *ть*—„ти“ частица (сравн. современное: „вотъ *тѣ* и разъ!“); **20 стр.** *рекоша дружина*—сказуемое во множ. числѣ, подлеж. въ ед. ч.—„сказала дружина“; **21 стр.** *свѣнелжи*—им. прил. отъ Свенельдъ; **24 стр.** *возьма*—„взялъ“; **25 стр.** *домови*—домой; **26 стр.** *съ маломь*—подразум. „числомъ“; **28 стр.** *аще ся въвадить*—„если повадится“; **32 стр.** *Искоръстень* — иначе Коросте (нынѣ Искоросте); **34 стр.** *съ дѣтьскомь*—им. прилаг.—„съ малолѣтнимъ“; **35 стр.** *тъ же* — онъ же; **39 стр.** *Бѣ бо текущи*—„текла“; **90 стран. 1 стр.** *вьздолѣ горы*—„вдоль горы“, по горѣ; *на Подольи* — низкая мѣстность г. Кіева; **4 стр.** *перевѣсище*—мѣсто, гдѣ находился „перевѣсъ“, сѣти для ловли птицъ; *дворъ Деместиковъ*—домъ уставщика церковнаго пѣнія; **9 стр.**

Деревьска земля—т. е. народъ древлянскій; **11 стр.** *распасли*—„управляли“, устраивали; **22 стр.** *княгыни*—древн. оконч. имен. ж. р. на „и“; **23 стр.** *въ перегъбњхъ*—„въ роскошномъ, парадномъ одѣяніи“; *въ сустугахъ*—грудныя металлическія украшенія; **25 стр.** *ны*—намъ; **31 стр.** *мовь*—мытье; **32 стр.** *пережьгоша истобъку*—натопили печку (истобъка—отсюда истьба, совр. „изба“); **33 стр.** *о нихъ*—собственно: „вокругъ нихъ“; *ю*—ее; **39 стр.** *съсути могылу*—корень суп— (сып—) приставка „съ“—„насыпать“, **42 стр.** *ихъ*—вмѣсто: „ее“, „которую“; **91 стран. 2 стр.** *кромњ*—„прочь“; **4 стр.** *на прокъ*—„на прочихъ“, на остальныхъ; **5 стр.** *Володимеръ*—русская форма; церк. слав. Владиміръ; **6 стр.** *старьцњ градьскыњ*—вин. пад. мн. ч.; **11 стр.** *другый свњтъ*—„другая (загробная) жизнь“; **12 стр.** *дњетъ*—„говорятъ“, „дескать“, „молъ“; **16 стр.** *когождо ихъ*—„каждаго изъ нихъ“; **17 стр.** *како служитъ*—подразумѣв. „кто“; **29 стр.** *крилось*—вм. *клиросъ*; **39 стр.** *ропать* — церковь иновѣрческая, особ. магометанская, языческая; **29 стран. 2 стр.** *не съвњмы*—не знаемъ; **8 стр.** *аще бы*—вм. „аще былъ бы“; **11 стр.** *посемь*—„послѣ того“ (т. е. послѣ крещенія; *поемъ*—прич. дѣйств. зал. прош. вр.—отъ глаг. „пояти“ — взявъ; **14 стр.** *крадуще присъпу*—„на томъ мѣстѣ, куда граждане сносили изъ-подъ стѣнъ землю“; **15 стр.** *ида*—„пойдя“, *капищи мњдянњ*—двойств. ч.: „двѣ статуи“ или колонны (капь—изображеніе; теперь „капище“ обознач. только мѣсто, гдѣ стоятъ идолы); **17 стр.** *я*—ихъ; *за вњно*—„въ видѣ вѣна“; **19 стр.** *коневи къ хвосту*—къ хвосту коня; **18 стр.** *тети*—бить; **22 стр.** по Ручаю—по Ручью (нынѣ: Почайна); *плакахуся его*—оплакивали его; **24 стр.** *пристанеть вы*—„къ вамъ“; **27 стр.** *прослу*—прош. врем. ед. ч. 3 л. отъ прослути,—„прослыла“; *рњнь*—песчаная полоса „перуняна рѣнь“ — урочище на Днѣпрѣ; **35 стр.** *млады держаще*—„держа дѣтей“; *съвершеніи*—взрослые; *бродяху*—„ходили вбродъ“; **93 стран. 8 стр.** *рубити церкъви*—строить деревянныя церкви; **12 стр.** *нарочитоњ*—род. п.; **26 стр.** *земленњмь уставњ* — земскомъ уставѣ, народномъ; **30 стр.** *губивњ*—вы губите; **31 стр.** *сънидивњ ся боротъ*—двойств. число—„давай“ мы оба сойдемся „бороться“; **37 стр.** *съзижю*—созижду; **40 стр.** *Богородица*—род. п.; **94 стран. 5 стр.** *расширяти*—расширять(ся); **7 стр.** *њ*—ихъ; **12 стр.** *сь*—сей; **17 стр.** *въ годы обычьныя*—*въ обычное время*; **18 стр.** *урокъ*—назначенное.

Примѣчанія къ „Слову о полку Игоревѣ“.

75 стран. 1 стр. *не лњпо ли*—„не будетъ ли хорошо“ *бяшетъ*—„было бы“ (оконч. *тъ*—придаетъ значеніе условнаго наклоненія); *начати*—подразумѣвается „пѣснь“; *словесы*—„слово“ обозначало въ старину также: „разсказъ“; *трудьныхъ повњстіи*—„печальныхъ повѣстей“; **3 стр.** *вњщій*, т. е. не только мудрый, краснорѣчивый, но чародѣй, прорицатель, провидецъ; **4 стр.** *растекашеться мыслію*—отличался широкимъ размахомъ мысли (Ср. обычный и нынѣ запѣвъ, въ которомъ выражена эта ширина поэтической мысли: „высота ли, высота поднебесная, глубота, глубота океанъ-море, широко раздолье по всей землѣ, глубоки омуты Днѣпровскіе“); **5 стр.** *помњняшеть-бо*—т. е. Боянъ помнилъ; *рече*—вводное слово „молъ“, „де“; **6 стр.** *пьрвыхъ*—т. е. прежнихъ, первоначальныхъ; *усобицњ*—вин. пад. мн. ч.; **7 стр.** *которыя*—до которой; *та*—т. е. та лебедь первая и пѣла, т. е. та струна звучала первой, до которой касался Баянъ; **10 стр.** *они же*—т. е. струны; **12 стр.** *стараго Владимира*—вѣроятно того, котораго воспѣваютъ въ былинахъ, т. е. св. Владимира; **11 стр.** *стягну*—„стянулъ“, „связалъ умъ силою“, т. е. укрѣпилъ; *серьдца*—род. п. вмѣсто вин. п.; **16 стр.** *тьмою*—затменіемъ солнечнымъ (Лавр. сп. 167—см. также „Истор. Христоматію“ стр. 98); **19 стр.** *комони*—вин. п. множ. ч.; **76 стран. 1 стр.** *конець*—„въ концѣ“; **2 стр.** *испити шеломомь* —фигурное выраженіе: „увидѣть завѣтную рѣку“, „добраться до желанной рѣки“; **3 стр.** *абы ущекоталъ*—„воспѣлъ бы“, *пълкы*—войска и вообще походы, войны, битвы; **4 стр.** *славію*—зват. п., „о, соловей!“; *аба полы*—обѣ половины; *рища*—дѣеприч.—отъ глагола „рыстать“,—„носиться“; *тропу Трояню*—(ниже: *вњци Трояни, земля Трояня*—по указаніямъ древнихъ памятниковъ, „Троянъ“—имя какого-то славянскаго божества; по свидѣтельству другого памятника съ именемъ Трояна у славянъ связывалось смутное представленіе о римскомъ императорѣ Троянѣ; имя Трояна въ народной поэзіи сохранилось до сихъ поръ въ Болгаріи; сохранилось оно и въ географическихъ названіяхъ: „Трояновъ валъ“ есть въ Кіевской губ.; есть такіе же „Трояновы валы“ по Дунаю); **6 стр.** *галицы стады*—„галки стадами“; **7 стр.** *чили*—или; *Велесовъ внуче*—внукъ, т. е. потомокъ Велеса (Волоса), бога скотья, а потому вообще бога богатства и изобилія; **8 стр.** *въ Новњградњ*—въ Новгородѣ Сѣверскомъ, Черниг. губ.; **9 стр.** *Путивль*—го-

родъ Курск. губ.—удѣлъ Владимира Игоревича; **10 стр.** *буй-туръ*—„ярый волъ“; **12 стр.** *Куряне*—жители Курской области; **13 стр.** *конецъ копія*—„съ конца копья“; **15 стр.** *ищючи чти*—„ища чести“, „въ пойскахъ почета“, похвалы; **17 стр.** *стремень*—стар. форма вм. *стремя*; **18 стр.** *тьмою*—„мракомъ затменія“; *птичь*—имя собирательное, „птицы“; **19 стр.** *дивъ*—миѳическое чудовище (ср. въ сказкахъ: „диво-дивное, чудо-чудное“—дивовище); также старинное названіе птицы „удода“; *послушати земли*—„обратить слухъ къ землѣ“; **20 стр.** *незнаемь*—„невѣдомой“; *Поморію, Посулію*—мѣстности 1) по морю, 2) по р. Сулѣ; *Сурожю*—теперь городъ Судакъ въ Крыму; *Корсуню*—теперь городъ Херсонесъ; **21 стр.** *тьмутороканьскый бълванъ*—„болванъ“ значило на древнерусск. яз. „истуканъ“, статуя; *Тъмутороканъ*—городъ на берегу Керченскаго пролива; по преданію здѣсь была большая статуя; „тьмутороканскій болванъ“—синекдоха: употреблено вмѣсто „Тьмуторокань; **22 стр.** *полунощи*—мѣстн. пад. (на вопросъ: когда?); *рьци*—„ты сказалъ бы“, „словно“; **24 стр.** *чърленыя*—„червленые“, красные; **25 стр.** *за шеломенемъ*—„за холмомъ“,—за предѣлами русской земли; **27 стр.** *убуди*—вм. убудися—пробудился; **29 стр.** *потопъташа*—подразум. „русскіе воины“; *расушася*—отъ глаг. *расутися*—разсовать, разсыпаться; **34 стр.** *храброму Святъславличю*—т. е. Игорю; **39 стр.** *туча*—им. п. мн. ч.; *4 солньца*—т. е. четырехъ князей: Игоря, его брата Всеволода Трубчевскаго, сына Владимира Путивльскаго и племянника Святослава Рыльскаго; **42 стр.** *на Каялъ*—теперь р. Кагальникъ; **77 стран. 1 стр.** *Стрибожи внуци* — Стрибогъ—богъ вѣтра; **3 стр.** *стязи глаголють*—„знамена шумятъ по вѣтру“; **4 стр.** *отступиша*—опечатка: надо *оступиша*—т. е. „обступили“; *дъти бъсови*—ругательное слово—совр. „чортовы дѣти“—половцы; **6 стр.** *гремлеши* — „гремишь“; **8 стр.** *поскепани* — пощепани—„изсѣчены“; **9 стр.** *оварстіи*—аварскіе; **10 стр.** *въци Трояни*—„незапамятныя времена“; (о Троянѣ см. выше, примѣч. 76 стран. 4 стр.); *пълцы Ольговы*—походы, войны Олега Святославича (Гориславича); **12 стр.** *звонъ* — отъ кованія крамолы; **13 стр.** *Ярославль сынъ Всеволодъ*—Всеволодъ Ярославовичъ: **14 стр.** *уши закладаше*—Владимиръ Мономахъ оставался глухъ къ этому кованію крамолы, т. е. не принималъ въ ней никакого участія; **15 стр.** *храбра и млада*—т. е. Бориса Вячеславовича; *Гориславовичъ*—въ насмѣшку передѣланное прозвище Олега Святославича; своими происками много *горя*—принесъ родинѣ, „прославился горемъ“; **16 стр.** *жизнь Дажьбожа внука*—Дажьбогъ—богъ солнца; люди—дѣти, внуки солнца; *жизнь Дажьбожа внука*—„жизнь человѣческая“; **18 стр.** *кыкахуть*—отъ *кыкати*—издавать *кыкъ*, крикъ (о лебедяхъ преимущественно); *граяхуть* — отъ граяти, „каркать“; **19 стр.** *уъдіе*—на ѣду, на поле, покрытое трупами; *ты рати*—во времена тѣхъ битвъ, „въ тѣ времена“; **23 стр.** *възидоша*—взошли, выросли (кости убитыхъ); **27 стр.** *кроваваго вина*—битва сравнивается съ пиромъ; кровь—съ виномъ; въ народныхъ пѣсняхъ и теперь сохраняется это сравненіе; **29 стр.** *ничеть* — отъ глаг. *ницати* ничу—„никнуть“; **30 стр.** *пустыни*—им. п. ед. ч. на „и“, „стень“; **31 стр.** *обида*—олицетворена во образѣ дѣвы съ лебедиными крыльями; **33 стр.** *жирный*—обильный, богатый (*жиръ*—богатство); *усобица княземъ*—междуусобія у князей, между князьями; **36 стр.** *соколъ* — подразумѣвается кн. Игорь; **38 стр.** *рькучи*—причастіе: „говоря“; **78 стран. 2 стр.**—*бъла*—бѣлка, серебряная монета, вѣроятно, первоначально равная цѣнности одного мѣха бѣлки; **5 стр.**—*лука моря*—изгибъ морского берега, *излучина*—заливъ (Въ прологѣ къ „Руслану и Людмилѣ“ „лукоморье“): **6 стр.** *падеся*—паде, „палъ“; **8 стр.** *ту*—тутъ, т. е. въ Кіевѣ; **9 стр.** *погрузи жиръ во днъ Каялы*—„утопилъ добычу“, счастье на днѣ Каялы; **10 стр.** *изъ съдла злата... въ съдло кощеево*—изъ княжескаго сѣдла въ сѣдло раба,—„попалъ въ рабство“; **11 стр.** *забрала градомъ*—„городскія стѣны“; **12 стр.** *мутенъ*—мрачный, смутный; *въ Кыевъ на горахъ*—на Кіевскихъ горахъ, т. е. просто „въ Кіевѣ“; *синочь*—„въ эту ночь“; **13 стр.** *тисовъ*—„тисъ“—названіе дерева; **14 стр.** *съ трудомъ*—съ горемъ; *тъщими тулы* — „изъ колчановъ, лишенныхъ стрѣлъ“; *нъгують мя*—отъ глаг. *нъговати*, ласкать; *кнъса*—теперь „князекъ“—перекладина, связывающая на крышѣ стропила; **16 стр.** *възграяху*—закаркали; *два сокола*—(дальше *два солнца*)—два брата, Игорь и Всеволодъ; **21 стр.** *погасота*—опечатка: надо *погасоста*—погасли (двойств. ч.); *молодая мъсяца*—двойств. чсисло:—два, оба,—т. е. два младшихъ князя - Владиміръ и Святославъ; **23 стр.**—*пардуже гнъздо*—вм. „пардуше“—барсова семья, леопардова; **24 стр.** *готьскыя дъвы*—готы жили по берегамъ Чернаго моря; **25 стр.** *время Бусово, месть Шароканю*; Бусъ и Шарокань—половецкіе князья; изъ нихъ Шарокань, разбитый русскими въ 1107 г., отмстилъ вторичнымъ походомъ въ 1111 году; **27 стр.** *сыновьца*—двойств. ч.:—два племянника; **30 стр.** *ваю*—род. пад. двойств. ч. мѣстоимен. 2 л.; ваю—ваши; **33 стр.** *а чи диво*—„диво ли“; *ся помолодити*—„помолодѣть“; *соколъ въ мытехъ*—„когда соколъ линяетъ“ („мыть“—линяніе); **34 стр.**

гнѣзда—семья, родъ, племя; **35 стр.** *Всеволодъ*—Всеволодъ Юрьевичъ Большое Гнѣздо, кн. Суздальскій; **37 стр.** *чага по ногатѣ, а кощей по рѣзанѣ*—плѣнники были бы дешевы („чага"—плѣнница; „кощей—плѣнникъ; „ногата"—мелкая монета; „рѣзаня", „рѣзань"—мелкая монета); **38 стр.** *буй—буй-туръ Рюрикъ* и *Давидъ*,—сыновья Ростислава, внуки Мстислава Великаго; *ваю* — ваши; *дружина рыкають* — глаголъ мн. числа при ед. ч. „дружина"; **79 стр. 1 стр.** *Осмомысле Ярославе*—сынъ Владимира Володаревича, тесть Игоря Святославича, княжилъ въ области отъ Карпатъ до р. Прута; **2 стр.** *горы Угорьскыя*—Карпаты, „Венгерскія горы"; **3 стр.** *затворивъ Дунаю ворота*—„преградивъ плаванье по р. Дунаю"; *бремена*—„тяжести"; **5 стр.** *салтаны*—„салтановъ"; **8 стр.** *Романе* и *Мьстиславе*—Романъ Мстиславовичъ Волынскій и Мстиславъ Романовичъ; *ваю умъ*—вашъ умъ; **10 стр.** *птичю*—дат. п. ед. ч. мужск. р. отъ „птичь" (зависитъ отъ глаг. „одолѣть", который управлялъ дат. пад.); *паперси*—верхъ брони, которая надѣвалась на „перси"; **11 стр.**—*шеломы латиньскыми*—шлемами латинской работы (*сулици ляцкія*—копья польской работы); *тресну земля*—„потряслась земля"; **14 стр.** *утърпѣ*—отъ глаг. утрьпѣти—„затерпнуть", окоченѣть, угаснуть; *не бологомъ*—(болого, благо)—„не къ добру"; **15 стр.** *по Рѣси и по Сулѣ*—названія рѣкъ (притоки р. Днѣпра); **16 стр.** *кресити*—„воскресить"; **19 стр.** *кое*—гдѣ; **24 стр.** *Изяславъ*—княжилъ въ г. Гроднѣ (стар. форма „Городно"); **25 стр.** *притрепа—притрепанъ*—игра словъ: сначала въ смыслѣ „обласкалъ", потомъ въ смыслѣ „побитъ"; **26 стр.** *и рекъ*—кто-то сказалъ, обращаясь къ кн. Изяславу; **29 стр.** *изрони душю*—фигурное выраженіе вмѣсто простого: „умеръ"; **24 стр.** *злато ожерелье*—гривна; **30 стр.** *трубы городеньскыя*—гродненскія трубы; **33 стр.** *жизнь Вьсеславлю*—въ томъ же родѣ выраженіе, что выше: „жизнь Дажьбожа внука"; **35 стр.** *Немизѣ*—рѣка, впад. въ р. Свислочь (Минск. губ.); **36 стр.** *кровави брези*—берега Немиги, политые кровью; **39 стр.** *вълкомъ рыскаше*—бѣгалъ въ видѣ волка (оборотень); *до куръ*—до пѣнія пѣтуховъ; быстрая ѣзда въ старину считалась достоинствомъ (ср. поученіе Влад. Мономаха); **41 стр.** *Софеи*—въ церкви св. Софіи; **42 стр.** *въ друзѣ тѣлѣ*—„въ чужомъ видѣ"; *тому*—т. е. Всеславу. **80 стран. 1 стр.**—„*ни хытру, ни горазду, ни птичю горазду, суда божія не минути*"—поговорка, смыслъ которой:—„никто отъ судьбы не уйдетъ"; *птичю*—дат. пад. ед. ч. муж. р. отъ „птичь"—имя собирательное; **3 стр.** *помянувъши*—т. е. вспомнивъ славу прежнихъ лѣтъ и безславіе Игоря; **4 стр.** *стараго Владимира*—былиннаго Владимира; *не льзя бѣ пригвоздити*—нельзя сосредочить, привязать къ Кіеву—знамена стараго князя Владимира раздѣлились между его потомками; **6 стр.** *Ярославнинъ*—Ефросиньи Ярославны, дочери Ярослава Осмомысла, жены кн. Игоря; *слышитъ*—слышится; **6 стр.** *зегзицею*—кукушкой; „кукушка въ народной поэзіи—символъ тоски; *незнаема*—никѣмъ не видима, одна; *кычетъ*—кукуетъ, тоскливо плачетъ; **7 стр.** *по Дунаеви*—здѣсь Дунай *) употребленъ вмѣсто слова по „рѣкѣ"; **8 стр.** *жестоцѣмъ*—„суровомъ", мужественномъ; **9 стр.** *Путивль*—городъ Курской губ., удѣлъ Владимира; *на забралѣ*—на крѣпостной стѣнѣ; **10 стр.** *хыновъскыя*—ханскія; **11 стр.** *крыльцо*—опечатка,—надо: *крыльцю*—на крыльяхъ; *на моея лады вои*—„на воиновъ моего лады"—моего милаго; **12 стр.** *чему*—для чего, зачѣмъ; **13 стр.** *на бороль*—„на забралѣ"—см. выше, 9 стр.; **14 стр.** *Словутичю*—сынъ Словута; въ малороссійскихъ думахъ Днѣпръ именуется иногда Словутой; *Каменьныя горы*—„пороги днѣпровскіе"; **15 стр.** *насады*—плоскодонныя суда; **16 стр.**—*а быхъ*, а бы—„чтобы", дабы; **19 стр.** *лучю*—вин. пад. ед. ч. отъ слова „луча"—лучъ; **20 стр.** *съпряже, затъче*—„стянуло", заткнуло; *тулы*—колчаны; *туга*—печаль; **21 стр.** *полунощи*—мѣстн. пад. на вопросъ „когда"; *сморчи*—смерчи; **23 стр.** *вечеру*—дат. п.—„къ вечеру"; **24 стр.** *комонь свисну*—„свистомъ позвалъ коня"; **25 стр.** *Овлурѣ*—Лавръ; **26 стр.** *вежи ся подвигоша*—„селенія дрогнули", заволновались; **27 стр.**—*тростію*—„къ тростнику"; **28 стр.** *босымъ вълкомъ*—быть можетъ, ошибка,—„борзымъ волкомъ", т. е. быстрымъ; **24 стр.** *подъ мьглами*—„подъ облаками"; *завтроку и обѣду*—къ завтраку и къ обѣду; *ужинѣ*—къ ужину (здѣсь „ужина"—ужинъ); **31 стр.** *претъргоста*—„надорвали"; **32 стр.** *Донець рече*—рѣка представлена одушевленной; **35 стр.** *зелену древу*—дат. пад. вм. род.; **38 стр.** *не сорокы*—подразумѣвается,—„а половецкіе ханы"; **41 стр.** *соколъ*—т. е. Игорь; **42 стр.**; *соколича*—соколенка, т. е. сына Игоря; *рострѣлевѣ*—„давай разстрѣляемъ"; **81 стр. 1 стр.** *вѣ*—вѣдь; *опутаевѣ*—„давай опутаемъ"; **3 стр.** *намо*— двойств. ч.—„у насъ обоихъ"; *наю*—двойств. ч.—„наши"; *дѣвицѣ*—род. п. **5 стр.** *кромѣ плечю*—„безъ плечъ" (плечю—род. пад. двойств. ч.); **7 стр.** *дѣвицы поютъ*—т. е. возславляютъ Игоря пѣснями; **8 стр.** *Боричеву* — перевозъ на р. Днѣпрѣ; **9 стр.** *Пирогощей* — названіе церкви въ честь Богородицы (построена въ 1133 г. Мстиславомъ).

---

*) „Дунай" въ народной поэзіи часто обозначаетъ вообще „рѣку".

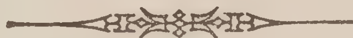
Примѣчанія къ „Хожденію игумена Даніила“ (стр. 59).

59 стран. 7 сн. *хужьшій*—сравн. степень отъ слова *худъ*; *смѣренъ*—„смиренъ“(древняя форма съ *ѣ* вм. *и*); **стр. 59. 2 сн.** *и вься*—т. е. „всѣ мѣста“; **60 стран. 6 стр.** *погрѣшить*—съ род. пад.; **30 стр.** *вдале*—„дале“, далѣе; **36 стр.** *пупъ земной*—„центръ земли“; въ средніе вѣка и у насъ, и на западѣ вѣрили, что Іерусалимъ—середина земли; мнѣніе это основывалось на словахъ псалмовъ (73, 12); *церкы*—древняя форма вм. „церковь“; **37 стр.** *вьсямо*—„со всѣхъ сторонъ“; *вдлѣ и вьпрекы*—въ длину и въ ширину; **41 стр.** *мусія*—„мозаика“; *грамота*—надпись на иконѣ; **61 стран. 1 стр.** *Краніево мѣсто*—мѣсто, гдѣ была похоронена голова Адама, **2 стр.** *лиць*—т. е. лицомъ; *яко стружія вьзвыше*—„выше древка копейнаго“; **13 стр.** *каменетъ*—„камень тотъ“; *оздань*—„окруженъ стѣной“; **19 стр.** *муроморяный*—„мраморный“; **27 стр.** *въ Исака мѣсто*—„вмѣсто Исаака“; существовало сказаніе, что распятіе Господне было совершено на мѣстѣ жертвоприношенія Авраама; **41 стр.** *въ Кана*—вм.: „въ Канѣ“; **62 стран. 1 стр.** *отиде*—управл. род. п. безъ предлога; *рождьшая*—род. п. „отъ родшей“; **7 стр.** *нѣсть сыти*—„нельзя досыта напиться“; **9 стр.** *къ рѣцѣ Сновьстѣй*—къ р. Снови (въ Черниг. губ.), притокъ р. Десны; *глубле*—глубже; *лукаво*—извилисто (лука — кривизна); **11 стр.** *четырей*—др. форма вм. „четырехъ“; **20 стр.** *ту ся и ражають*—„тутъ и родятся“; *бѣлы суть*—бѣлаго цвѣта; **63 стран. 4 стр.** *кромѣ вьсѣхъ горъ*—„въ сторонѣ отъ другихъ горъ“; **5 стр.** *подлѣ*—съ вин. п.; **6 стр.** *вышьши*—женск. род. сравн. степ. отъ „высокъ“; **9 стр.** *4-ю*—четырію, т. е. „четырежды“; **13 стр.** *одва*—едва; **33 стр.**—*кандила*—лампады; **39 стр.** *оловьце*—оловяная трубочка; **41 стр.** *во 2 часъ нощи*—по нашему счету въ 8 ч. вечера; **5 стр.** *не гордить*—подразум. *ся*, т. е. „не гордится“; **16 стр.** *обѣстихъся*—вм. обвѣстихся, т. е. „далъ знать о себѣ“; **24 стр.** *фряжское*—католическое (отъ слова „франкъ“), вообще, латинское; **31 стр.** *въ шестый часъ дьне*—т. е. по нашему счету, въ 12-ый часъ дня; **34 стр.** *Антіохія*—род. пад. женск. род. на „я“. **65 стран. 4 стр.** *бе щисла*—т. е.—„безъ числа“; **14 стр.** *прямо гробу*—передъ гробомъ; **34 стр.** *замъченъ*—„замкнутъ“, прич. стр. прош. вр. отъ „замкнути“; **41 стр.** *хрестьца*—вин. п. мн. ч.—„крестцы“, или „перекрестки“; **66 стран. 3 стр.** *кирѣ елейсонъ*—„Господи, помилуй“; **4 стр.** *дьи мимоходящю*—„когда прошелъ день“; **13 стр.** *князетъ*—„князь тотъ“; **14 стр.** *свѣща*—род. п. ед. ч. и вин. п. мн. ч.; **23 стр.** *вѣрьный въ малѣ*—см. Еванг. отъ Матѳ. 25, 21; **39 стр.** *есми*—есмь; **67 сран. 4 стр.** *октенія*—„ектенья“.

Примѣчанія къ „Поученію Владимира Мономаха“ (стр. 67).

67 стран. 25 стр. *на санехъ*—толкуютъ двояко: 1) „приближаясь ко гробу“ (фигурное выраженіе въ родѣ: „одной ногой въ могилѣ“); покойниковъ въ старину отвозили въ церковь на саняхъ и зимой и лѣтомъ.—2) „во время зимняго путешествія“; **26 стр.**—*дьневъ*—народная форма вм. „дней“ (стар. „дній“); **27 стр.** *дѣтій моихъ*—вм. „изъ дѣтей моихъ“; **29 стр.** *душа*—здѣсь род. п. женск. рода; **32 стр.** *сьли*—„послы“; **33 стр.** *выженемъ*—„выгонимъ“ („женȣ“—гоню); **34 стр.** *оже ли*—„ежели“, если; *мы собѣ*—„мы сами по себѣ“; **35 стр.** *не могу вы*—„не могу съ вами“; **36 стр.** *креста переступити*—нарушить клятву, крестное цѣлованіе; *отрядивъ я*—„отправивъ ихъ“; **37 стр.** *то ми ся выня*—„вотъ, что̀ мнѣ вынулось“, т. е. досталось, открылось; **68 стран. 2 стр.** *вы не люба*—„вамъ не люба“; **3 стр.** *ти*—дат. пад. 2 лица ед. ч.; **5 стр.** *оже ны*—„если намъ“; **10 стр.** *вы*—„вамъ“; **11 стр.** *избыти грѣховъ*—„избавиться грѣховъ“; **13 стр.** *одиночество, чернечьство, голодъ*—отшельничество, монашество, постъ; **26 стр.** *пътица*—им. пад. мн. ч.; *изъ ирья*—изъ теплаго климата (малоросс. „вырей“, „ирей“—знач. „земной рай)“; **33 стр.** *имѣющѣ*—им. п. мн. ч. женск. р.; **34 стр.** *ты*—тѣ; **69 стран. 1 стр.** *али вы ся начьнетъ не мочи*—„если вамъ будетъ не въ мочь“; **2 стр.** *побѣжаетъ*—др. русск. форма вм. побѣждаетъ; **4 стр.** *орудья*—„дѣла“, занятія; **10 стр.** *душа*—род. п.; **11 стр.** *нужа*—род. п.,—„нужды“; **12 стр.** *крестъ цѣловати*—„приносить клятву цѣлованіемъ креста“; **14 стр.** *епископы, попы, игумены*—вин. пад. мн. ч.; подразум. „почитайте“; **19 стр.** *въ земли не хороните*—„не прячьте денегъ въ землю“; **24 стр.** *сторожѣ*—вин. п.; **25 стр.** *около вой*—„около воиновъ“; *лязѣте*—„ложитесь“; **26 стр.** *лѣнощами*—„изъ лѣности“; **27 стр.** *лъжѣ*—род. п. отъ „лъжа“, ложь; **30 стр.** *кляти*—„проклинать“; **31 стр.** *унеина*—просителя (унити—просить); **32 стр.** *даромь*—

„подаркомъ"; **34 стр.** *надъ мертвеца*—вин. пад. ед. ч.; **35 стр.** *не миньте*—„не пропускайте"; **36 стр.** *не дайте имъ*—„не позволяйте" имъ, т. е. женамъ; **37 стр.** *аще забываете вьсего*—„чтобы всего не забыть"; **38 стр.** *бе сорома*—„безъ срама"; *его же умњючи „добраго"*—„что хорошаго знаете"; **40 стр.** *5 языкъ*—Всеволодъ зналъ языки: греческій, скандинавскій, половецкій, венгерскій и русскій; **70 стран. 3 стр.** *заутреннюю*—„утреннюю"; **6 стр.** *прокъ*—„остатокъ"; **7 стр.** *оправьдивъ животъ*—„оправдавъ свою жизнь"; **8 стр.** *оправливати*—„судить"; *ловъ*—„охота"; **9 стр.** *вотъ чинь*—„въ тъ (тотъ) чинъ"—въ то время; **10 стр.** *пътицњ*—им. пад. мн. ч.; **11 стр.** *оже*—„какъ"; *13 лњтъ*—съ 13 лѣтъ; *Вятичњ*—вин. п. н. ч.; **14 стр.** *то и пакы*—„а потомъ обратно"; *отиде*—подразумѣвается отецъ; **15 стр.** *посъласта брата*—двойств. число: „оба брата послали"; **16 стр.** *на головњнњ*—„на пожарище"; *поблюдъ*—„соблюлъ"; **17 стр.** *отьчю*—принадлежалъ отцу; *Велицњ дьни*—послѣ Пасхи; **21 стр.** *отъ звњри*—род. п. мн. ч.; **22 стр.** *греблю*—„окопъ"; *острогъ*—„станъ"; **25 стр.** *аче*—если; **26 стр.** *и Щернигова*—изъ Чернигова; *нњ сътижды*—„около ста разъ"; **35 стр.** *скота*—вообще „деньги"; *порты*—„одѣяніе"; **38 стр.** *самы князи*—„самихъ князей"; **40 стр.** *ведъ исњкъ*—„приведя", „изсѣкъ", „изрубилъ"; **41 стр.** *по чередамъ*—„по очереди", въ разное время; **71 стран. 2 стр.** *по рови*—„по степи"; **3 стр.** *болъ*—„бодалъ", отъ „бости"—бодать; **4 стр.** *отътялъ*—„оторвалъ"; *укусилъ*—„выкусилъ"; **8 стр.** *блюда*—блюдя; **10 стр.** *на зимњ*—„на холодѣ"; **11 стр.** *биричњ*—вин. п.



38.

Цѣна 90 коп. въ переплетѣ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
у Д. БАШМАКОВА и К°.
С.-Петербургъ—Итальянская 31.

Книга имѣется въ достаточномъ количествѣ у
Бр. БАШМАКОВЫХЪ.
Москва—Казань.

[illegible] Спб.